

Решением Президиума ВАК Министерства образования и науки РФ журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых рекомендуется публикация основных результатов диссертационных исследований на соискание ученой степени доктора и кандидата наук

## СОДЕРЖАНИЕ

## Научный отдел

## Всеобщая история. британские чтения

- Золотарев А. Ю.** Правовой статус раба в раннесредневековой Англии 3  
**Гладков А. К.** *Nugae curialium*: критика нравов придворных в английской политической мысли XII века 9  
**Кудряков В. В.** Пути формирования и социальные функции *affinity* в XIV–XV веках 14  
**Кирюшкина В. В.** О поле понятия «reason» в эстетической мысли XVIII века (на материале сочинений А. Поупа) 19  
**Нохрин И. М.** Утверждение британской администрации в Квебеке и проблема адаптации традиционной колониальной политики (середина 1760-х гг.) 23  
**Зиновьева Е. А.** Английские диссентеры в дискуссии об американской независимости 27  
**Шиндина О. В.** Честертоновские мотивы в творчестве В. Каверина 31

## Всеобщая история и международные отношения

- Малкин С. Г.** Политэкономика «Хайлендской проблемы» в публичном пространстве Великобритании (1715–1745 гг.) 37  
**Нагодкина С. А.** Фридрих II глазами современников-иностранцев 41  
**Ромашов Ю. В.** Балканы в восприятии русских во второй половине XIX в.: славянское единство и отчуждение 47  
**Юдин Н. В.** Создание образа врага в пропаганде стран Антанты в начале Первой мировой войны (август–декабрь 1914) 50  
**Гусакова М. А.** Европейский парламент: от прямых всеобщих выборов до проекта Договора о Европейском Союзе 1984 года 59  
**Шпаковский В. О.** Современная британская историография о рыцарских доспехах эпохи Генриха VIII 63

Отечественная и региональная история 69

- Кольцов П. М.** Процесс неолитизации на евразийском пространстве 69  
**Кузнецова Е. В.** Торговые связи поселения Береговой 4 (по материалам керамической тары) 74  
**Шереметьев А. Г.** Пентаграмма на джучидских монетах: связь официальной идеологии с бытовой магией 79  
**Ракитин А. С.** Северский поход в период Смоленской войны 1632–1634 годов в документах Российского государственного архива древних актов 83  
**Рабинович Я. Н.** Воевода Саратова Григорий Иванович Феофилачев (1634–1637) 89  
**Руднева Я. Б.** Из истории высшего женского образования в Российской империи во второй половине XIX – начале XX века (по материалам Казанского учебного округа) 99  
**Гуменюк А. А.** Модели социальной деятельности в России в 1917–1920 годах 107

## Критика и библиография

## Представляем книгу

- Китаев В. А.** Российский либерализм в энциклопедическом формате 116  
Хроника 120

## Приложение

РЕДАКЦИОННАЯ  
КОЛЛЕГИЯ

## Главный редактор

Коссович Леонид Юрьевич

## Заместитель главного редактора

Усанов Дмитрий Александрович

## Ответственный секретарь

Клоков Василий Тихонович

## Члены редакционной коллегии

Аврус Анатолий Ильич  
Аксеновская Людмила Николаевна  
Аникин Валерий Михайлович  
Балаш Ольга Сергеевна  
Бучко Ирина Юрьевна  
Вениг Сергей Борисович  
Волкова Елена Николаевна  
Голуб Юрий Григорьевич  
Дильнов Геннадий Васильевич  
Захаров Андрей Михайлович  
Комкова Галина Николаевна  
Лебедева Ирина Владимировна  
Левин Юрий Иванович  
Макаров Владимир Зиновьевич  
Монахов Сергей Юрьевич  
Орлов Михаил Олегович  
Прозоров Валерий Владимирович  
Федотова Ольга Васильевна  
Федорова Антонина Гавриловна  
Черевичко Татьяна Викторовна  
Шатилова Алла Валерьевна  
Шляхтин Геннадий Викторович

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ  
СЕРИИ

## Главный редактор

Данилов Виктор Николаевич

## Заместители главного редактора

Чернова Лариса Николаевна

Герман Аркадий Адольфович

## Ответственный секретарь

Рабинович Яков Николаевич

## Члены редакционной коллегии:

Галямичев Александр Николаевич  
Голуб Юрий Григорьевич  
Креленко Наталия Станиславовна  
Мезин Сергей Алексеевич  
Монахов Сергей Юрьевич  
Черевичко Татьяна Викторовна  
Чолахян Вачаган Альбертович  
Шенин Сергей Юрьевич

## Зарегистрировано

в Министерстве Российской Федерации по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций  
Свидетельство о регистрации СМИ  
ПИ № 77-7185 от 30 января 2001 года



## ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ. БРИТАНСКИЕ ЧТЕНИЯ

УДК 94(410)

### ПРАВОВОЙ СТАТУС РАБА В РАННЕСРЕДНЕВЕКОВОЙ АНГЛИИ

А. Ю. Золотарев

Воронежский государственный технический университет  
E-mail: aurelianus@mail.ru

Статья посвящена слабо разработанной в российской историографии проблеме рабства в раннесредневековой Англии. Рассматривается правовой статус раба, вопрос о его правоспособности. Делается вывод, что в англосаксонском обществе рабы обладали правоспособностью, но умаленной по сравнению со свободными, были ответственны за правонарушения, могли иметь семью и имущество. Это создало предпосылки для исчезновения рабства, слияния рабов и низших слоев свободных в вилланское сословие.

**Ключевые слова:** рабство, история Англии, раннее Средневековье, англосаксы, право, вергельд.

#### The Legal Status of a Slave in the Early Medieval England

A. Yu. Zolotarev

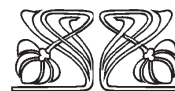
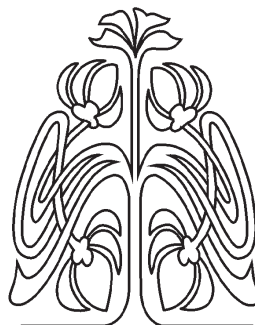
The article is about slavery in the early medieval England, a problem poorly discussed by Russian scholars. Slave's legal status and capacity are under consideration. The author draws a conclusion that slaves in the Anglo-Saxon society possessed a certain degree of the legal capacity though diminished by comparison to that of the freemen. Slaves bore responsibility for their misdeeds, could have a family and own a property. These were prerequisites for disappearance of slavery and merging of the slaves and the lowest strata of the freemen into villainage.

**Key words:** slavery, English history, Early Middle Ages, Anglo-Saxons, law, wergild.

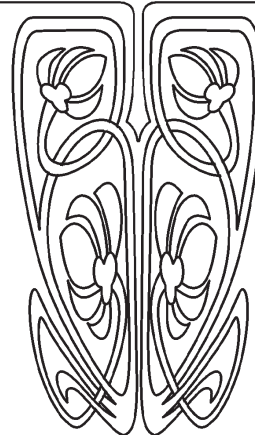
Раннесредневековое рабство за пределами Средиземноморья лишь сравнительно недавно оказалось в центре внимания исследователей<sup>1</sup>. Тем не менее по состоянию на сегодня написано уже такое количество работ по одной только Англии, что простое их перечисление заняло бы слишком много места<sup>2</sup>. В то же самое время в отечественной науке на этот счет вообще нет специальных работ. П. В. Виноградов и М. А. Барг (причем последний довольно подробно) писали о причинах и времени исчезновения рабства в связи с формированием вилланства и манора<sup>3</sup>. А. Я. Гуревич в связи с разработкой проблемы истории крестьянства в англосаксонское время останавливался на экономическом значении рабства<sup>4</sup>. Остальные отечественные исследователи останавливались на этой проблеме довольно кратко, по сути дела, лишь констатируя наличие рабства и не делая обстоятельного юридического, экономического или социального анализа этого института<sup>5</sup>. В данной и последующих за ней статьях автор планирует восполнить этот пробел.

Изучение рабства целесообразно начать с определения того, кто же такой раб<sup>6</sup>. А в связи с универсальностью этого феномена задачу следует поставить более узко – кто такой англосаксонский раб<sup>7</sup>, что подразумевает отыскание характеристик его правового статуса<sup>8</sup>.

Общим местом в определении юридического статуса раба является утверждение об отсутствии у него собственного лица и правоспособности. В раннесредневековом обществе это выражалось в отсутствии у рабов вергельда. Действительно, мы не найдем в англосаксонском законодательстве упоминаний о вергельде раба. Однако тут следует



НАУЧНЫЙ  
ОТДЕЛ





обратить внимание на ряд тонкостей. О том, что в ряде случаев раб мог быть выкуплен по определенному тарифу, говорят клаузулы из указа короля Уитреда (695 г.): «Если раб украдет и будет выкуплен, то за 70 шиллингов, если будет на то воля короля»<sup>9</sup>; и Инэ (конец VII – начало VIII в.): «Данник из уилей 120 шиллингов, его сын 100, раб – 60, а другой – 50»<sup>10</sup>. Эти суммы очень близки к размеру возмещения за лэтов (вольнотпущенников). Так, в наиболее раннем из памятников англосаксонского права «Правда Этельберта» (начало VII в.) сказано, что за убийство лэта, в зависимости от его ранга, полагалось взимать 80, 60 или 40 шиллингов<sup>11</sup>.

Несколько более высокий статус, чем рабы и вольнотпущенники, имели эсны. В указе королей Кента Хлотаря и Эадрика (685–686 гг.) сказано: «Если эсн убил эрла, вергельд которого 300 шиллингов, то хозяин пусть выдаст убийцу и заплатит ценность (manwyrth) еще троих. Если убийца сбежит, то он добавляет стоимость четвертого... Если эсн убил свободного, вергельд которого 100 шиллингов, хозяин пусть выдаст убийцу и заплатит ценность еще одного. Если убийца сбежит, то он [хозяин] должен уплатить стоимость двух человек...»<sup>12</sup>. Таким образом, эсн ценился едва ли не как рядовой керл, но при этом подлежал нокальной выдаче, как раб или бессловесная скотина<sup>13</sup>.

Однако полностью приравнивать древнеанглийского раба к скоту было бы неправильным. С одной стороны, похоже, что в Англии, как и в Древнем Риме, раб отчуждался по тем же правилам, что и скот<sup>14</sup>. Однако при уплате штрафа, во всяком случае во времена Альфреда Великого (871–899 гг.), рабов отдавать было нельзя<sup>15</sup>.

Кроме того, статус раба не всегда подразумевал отсутствие вергельда. Если человек оказывался порабощенным за преступление, то в течение года он сохранял возможность быть выкупленным родственниками, а те в свою очередь – право на его вергельд<sup>16</sup>. Возможно, что на особом положении находились рабы-должники<sup>17</sup>. Общим для тех и других было то, что, оказываясь в рабстве, они не утрачивали социальных связей, оставаясь членами своих родовых и племенных групп. Лишь захваченные в плен или проданные в другую страну, они приобретали абсолютно новый социальный статус, накладывавший на их господина меньше ограничений<sup>18</sup>.

Древнеанглийские законы не отказывали рабам в праве обладать и распоряжаться имуществом. В прологе к «Судебнику Альфреда Великого», который является вводным переводом ряда мест из Ветхого и Нового Завета (например, Второзакония), приводится формула отказа раба от освобождения: «Но если раб скажет: не желаю [уходить] ни от господина моего, ни от жены моей и детей моих, ни от имущества моего (курсив мой. – А. Ю.), не пойду на волю, – то пусть... проколет ему господин его ухо шилом, и

он останется рабом его вечно»<sup>19</sup>. В то же время в библейском тексте (Исх., 21:46) стоит: «Но если раб скажет: люблю господина моего, жену мою и детей моих, не пойду на волю, – то пусть... проколет ему господин его ухо шилом, и он останется рабом его вечно». Нет поводов сомневаться, что это небольшое дополнение отражало социальные реалии Англии IX в. В этом нас убеждает другая клаузула из законов Альфреда, где сказано, что в среду одной из недель каждого из четырех постов рабы могут продавать то, что им дали в качестве милостыни или что они сами приобрели в свободное от работ время<sup>20</sup>. То, что рабы самостоятельно могли торговать и сами, а не их хозяин, несли ответственность за перепродажу краденой вещи, ясно из изданного спустя несколько десятилетий указа короля Этельстана (924–939 гг.)<sup>21</sup>.

Здесь мы переходим к вопросу об ответственности рабов. В этом отношении они находились на нижней ступени социальной иерархии, наряду с эснами и вольнотпущенниками, но не за ее пределами. «Правда Этельберта» за кражу, совершенную рабом, предусматривала двукратное возмещение, в то время как за кражу, совершенную керлом у керла, следовала трехкратное, а керлом у короля – девятикратное<sup>22</sup>. Если следовать логике текста, кража у эрла должна была караться эснократно, а это же преступление, совершенное эснок или вольнотпущенником, – двукратно<sup>23</sup>. В Кенте в конце VII в. за нарушение праздников, постов и языческие жертвоприношения эсны и рабы могли быть оштрафованы господином на 4 или 6 шиллингов. В качестве альтернативного наказания их могли высечь<sup>24</sup>. За наиболее тяжкие преступления, такие как воровство при поимке с поличным и убийство свободного раба, эсна или уиля, преступника надлежало либо казнить, либо выдать пострадавшей стороне, либо господин или родственники преступника могли выкупить его, заплатив вергельд убитого и цену раба (эсна/уиля) как его часть<sup>25</sup>. Впрочем, и свободное за воровство могло ожидать не менее суровое наказание вплоть до казни и обращения в рабство<sup>26</sup>. Спустя два столетия в англосаксонском законодательстве сохранялись жестокие наказания за воровство как для свободных, так и для рабов, но для последних они оставались подчеркнута унижительными. Так, король Этельстан, грозивший смертью за воровство всем – свободным и несвободным, – предписывал, чтобы раба забивали камнями, а рабыню сжигали 80 таких же рабов или рабынь. Потом каждый из них должен был заплатить по 3 пенса хозяину раба в качестве компенсации за потерю имущества<sup>27</sup>. А король Эдмунд (939–946 гг.) приказал вешать предводителей шаек рабов-воров, остальных же участников бить, жечь и отрубать им мизинец<sup>28</sup>. Спустя полвека Этельред II (978–1016 гг.) повелел клеймить раба, в первый раз посредством ордалии уличенного в воровстве<sup>29</sup>. Рабов привлекали к ответственности независимо от желания или нежелания владельца их выдать,





о чем говорит эпизод из «Чудес св. Свитхуна». Раб франкского купца Флодоальда был обвинен в «некоем преступлении» и подвергнут испытанию раскаленным железом, несмотря на то что его владелец предлагал за него выкуп<sup>30</sup>. Таким образом, рабы были ответственны за правонарушения, как и свободные, но подвергались более суровым наказаниям, подчеркивавшим унижительный характер их положения<sup>31</sup>.

Относительно возможности участия рабов в судебных процедурах в ином качестве, нежели обвиняемые, сведений мало. Рабы не могли быть поручителями, что вполне естественно, учитывая их низкий статус<sup>32</sup>. В Кенте в VII в. эсн мог предъявить иск эсну другого господина, но защитой тому все равно был хозяин<sup>33</sup>. Уровень правовой защиты раба зависел от статуса его хозяина и степени база за него. Например, в «Правде Этельберта» устанавливается, что за нарушение сексуальной неприкосновенности «девицы короля» (*cyninges maegdenman*) следует заплатить 50 шиллингов, «рабыни-мукомольщицы» (*grindene theowa*) – 25, рабыни «третьего ранга» (*sio thridd*) – 6. За незаконное сношение с рабыней-виночерпием (*birele*) эрла (благородного) полагался штраф в 12 шиллингов, а если она принадлежала простолюдину (*керлу*) – 6<sup>34</sup>. Штраф этот шел не пострадавшей, но ее господину<sup>35</sup>.

Обязанность господина защищать своих людей и удерживать их от совершения преступлений равным образом распространялась и на свободных, и на рабов. Об этом говорится еще в указе Уитреда<sup>36</sup>. Ко времени же Кнута Великого (1016–1035 гг.)<sup>37</sup> патронат магнатов над их людьми с разным статусом оказался частью всеохватной системы круговой поруки, которой англосаксонские короли охватили все общество с целью поддержать правопорядок и обеспечить повиновение<sup>38</sup>. По моему мнению, это обстоятельство в немалой степени способствовало постепенному стиранию грани между свободными и рабами.

Вопросу о браках между рабами и между свободными и рабами англосаксонское законодательство практически никакого внимания не уделяет. На этот счет в нашем распоряжении есть только фраза из латинского «Пенитенциалия Теодора» и из его перевода на древнеанглийский («*Scriftboc*»). В первом случае текст гласит: «Если раб и рабыня соединены своим общим хозяином в браке, а после раб или рабыня получит свободу, а оставшуюся в рабстве половину выкупить не сможет, вольноотпущенник(ца) вправе вступить в брак со свободной(ым)» (*Si servum et ancillam dominus amborum in matrimonium conjunxerit, postea liberato servo vel ancilla, si non potest redimi qui in servitio est, libero licet ingenuo conjugere*). Во втором случае это звучит так: «Если раб и рабыня с обоюдного согласия вступят в сношения, а после один из них будет освобожден и не сможет выкупить другого, кто бы из них ни был освобожден, может получить свободу для раба» (*Gif theowa and*

*thywen heora begra willes in haemed hie gesamnian. And aefter tham gif heora other freols bith and ne maege thone theowan alysan. Heora swa hwaether swa freoh byth mot tham theowan freols gewinnan*)<sup>39</sup>. Трактовка этой фразы существенно различается у разных исследователей<sup>40</sup>. Возможно, что в данном случае имеется в виду специфическая ситуация, когда человек был захвачен в плен, обращен в рабство, вступил там в брак, а потом был выкуплен, но без супруга(и), вследствие чего фактическое продолжение брака было невозможно. В этом случае разрешалось вступать в брак с новым партнером. В связи с этим следует вспомнить, что в тех же текстах церковного права содержалась норма, узаконивающая новый брак человека, чей супруг (партнер) попал в рабство, лишь по прошествии 5 лет<sup>41</sup>. Судя по законам Этельберта, эсн мог иметь жену, неприкосновенность которой охранялась правом<sup>42</sup>. По-видимому, браки рабов тоже признавались, что, однако, не могло исключать каких-то коллизий по этому вопросу.

Куда больше проблем могли вызывать браки свободных и рабов, но на этот счет сведения источников еще более скудны. Церковь признавала и защищала брак свободного и рабыни, при этом дети наследовали статус матери<sup>43</sup>, однако, как считает Д. Пелтерет, были возможны местные вариации<sup>44</sup>.

Последняя важная характеристика статуса рабов – свобода распоряжения ими со стороны хозяев. Очевидно, что господин был вправе убить своего раба. Церковь (а нормы, касающиеся этой проблемы, мы находим только в памятниках канонического права) осуждала лишь скорую расправу над рабом. В одном из пенитенциалиев сказано, что за убийство слуги без доказательства его виновности полагается двухлетний пост<sup>45</sup>. Если женщина в гневе убивала свою служанку, то должна была поститься семь лет, а если та была в чем-то виновна – три года<sup>46</sup>. Из «Чудес св. Свитхуна» мы знаем, что рабов секли и на них накладывали оковы<sup>47</sup>, сделано также несколько находок – кандалов, в которых рабы вполне могли содержаться<sup>48</sup>. Законы англосаксонских королей запрещали продавать рабов «за море» (Инэ<sup>49</sup>) и язычникам (Этельред, Кнут<sup>50</sup>), однако рабские рынки, ориентированные на заморскую торговлю, существовали, как минимум, до конца XI в. Проникнутый христианским пафосом морального обновления «Кодекс Кнута» (1020–1023 гг.) запрещал сексуальную эксплуатацию рабынь хозяевами<sup>51</sup>, что, опять-таки, не мешало этому явлению процветать и многие десятилетия спустя<sup>52</sup>.

В заключение приведу обширную цитату из 25 главы «Германии» Корнелия Тацита, характеризующую положение рабов в древнегерманском обществе: «Рабов они используют, впрочем, не так, как мы: они не держат их при себе и не распределяют между ними обязанностей: каждый из них самостоятельно распоряжается на своем



участке и у себя в семье. Господин облагает его, как если б он был колоном, установленной мерой зерна, или овец и свиней, или одежды, и только в этом состоят выполняемые рабом повинности. Остальные работы в хозяйстве господина выполняются его женой и детьми. Высечь раба и наказать его наложением оков и принудительной работой – такое случается у них редко; а вот убить его – дело обычное, но расправляются они с ним не ради поддержания дисциплины и не из жестокости, а сгорая, в пылу гнева, как с врагом, с той только разницей, что это сходит им безнаказанно. Вольноотпущенники по своему положению не намного выше рабов; редко, когда они располагают весом в доме патрона, никогда – в общине, если не считать тех народов, которыми праять цари»<sup>53</sup>.

Удивительно, насколько точно эти слова подходят и для характеристики правового статуса раба в англосаксонском обществе. С точки зрения свободного англосакса, раб мог обладать имуществом, которым хотя бы отчасти распоряжался по собственному усмотрению. У него могли быть жена и дети, и разрушение брака и семьи по произволу владельца считалось нежелательным, равно как и беспричинное убийство. По своему статусу рабы мало отличались от других несвободных – эснов и лэтов. Сам факт того, что информация о них скудна и отрывочна, а со временем вообще пропадает со страниц источников, говорит о том, что в глазах англосаксов большой разницы между ними не было. Не будучи членами общинно-племенных коллективов, превратившихся со временем в королевства и их территориальные подразделения, они не обладали вергельдом (в то время как лица, сохранившие эту связь, например порабощенные за преступления или долги, но не проданные за границу, его сохраняли), но имели «ценность» (*wyrth*), что было признаком ущербной, но все же определенной правоспособности<sup>54</sup>. Суждение, вынесенное в отношении римского раба как лишнегого собственного личности<sup>55</sup>, к рабу англосаксонскому явно не подходит.

То, что за рабами признавались какие-то права на жизнь, имущество, семью, то, что рабы несли такую же ответственность за правонарушения, как и свободные, правда, при этом подвергались более тяжелому наказанию, то, что часть свободных и рабы оказались равным образом под признаваемым королевской властью патронатом магнатов, создало юридические предпосылки для слияния рабов с зависимыми категориями свободных, исчезновения рабства как юридического института и замены его вилланским состоянием.

Другие предпосылки этого лежат в экономической, а отчасти даже и в этической плоскости. Каковы они были, а также можно ли назвать англосаксонское рабство патриархальным, автор планирует рассмотреть в следующих работах.

## Примечания

- <sup>1</sup> Краткую библиографию проблемы начнем все же со средиземноморского рабства, ибо соответствующие труды имеют фундаментальное значение: *Bloch M.* Comment et pourquoi finit l'esclavage antique // *Annales ESC*. Vol. 2. 1947. P. 30–44, 161–170; *Verlinden C.* L'esclavage dans l'Europe médiévale : 2 vols. Bruges; Ghent, 1955–1971; *Nehlsen H.* Sklavenrecht zwischen Antike und Mittelalter. Göttingen, 1972; *Bonnassie P.* From slavery to feudalism in South-Western Europe. Cambridge, 1991; *Rotman Y.* Les esclaves et l'esclavage : de la Méditerranée antique à la Méditerranée médiévale. Paris, 2004. Работы о рабстве в более северных регионах: *Karras R. M.* Slavery and society in medieval Scandinavia. New Haven, 1988; *Hammer C. I.* A large-scale slave society in the early Middle Ages : slaves and their families in early medieval Bavaria. Aldershot, 2002; *Rio A.* Freedom and unfreedom in early medieval Francia : the evidence of legal formularies // *Past and present*. Vol. 193. 2006. P. 7–40. Монографии общего характера: *Dockès P.* Medieval slavery and liberation. Chicago, 1982; *Philips W. D.* Slavery from Roman times to the early transatlantic trade. Manchester, 1985.
- <sup>2</sup> Основные или новейшие работы: *Moore J. S.* Domesday slavery // *Anglo-Norman studies*. Vol. XI. Woodbridge, 1988. P. 191–220; *Pelteret D.* Slavery in early medieval England. Woodbridge, 1995; *The work of work : servitude, slavery, and labor in medieval England / ed. by A. J. Frantzen and D. Moffart.* Glasgow, 1996; *Wyatt D.* Slaves and warriors in medieval Britain and Ireland, 800–1200. Leiden, 2009; *Jurasinski S.* The Old English penitentials and the law of slavery // *English law before Magna Carta / ed. by S. Jurasinski, L. Oliver and A. Rabin.* Leiden, 2010. P. 97–118.
- <sup>3</sup> *Виноградов П. Г.* Средневековое поместье в Англии. СПб., 1911. С. 233–235, 322–325; *Барг М. А.* Исследования по истории английского феодализма в XI–XIII вв. М., 1962. С. 228–253.
- <sup>4</sup> См.: *Гуревич А. Я.* Английское крестьянство в X – начале XI в. // *Средние века*. Вып. 9. М., 1957. С. 70–72, 92–97.
- <sup>5</sup> См.: *Петрушевский Д. М.* Очерки по истории английского общества и государства в средние века. М., 2003. С. 32–34; *Соколова М. Н.* Свободная община в процессе закрепощения крестьян в Кенте и Уэссексе в VII–X вв. // *Средние века*. Вып. 6. М., 1955. С. 41–42, 46–48; *Она же.* Поместье в Англии до нормандского завоевания // *Средние века*. Вып. 32. М., 1969. С. 103, 105–106; *Корсунский А. П.* Образование раннефеодального государства в Западной Европе. М., 1963. С. 74–75; *Савело К. Ф.* Раннефеодальная Англия. Л., 1977. С. 14, 20–23. А. Г. Глебов впервые в отечественной литературе рассматривает роль рабства в системе общественно-экономических отношений в целом (см.: *Глебов А. Г.* Англия в раннее средневековье. Воронеж, 1998. С. 132–135, 147, 151–153), но в связи с ограниченным объемом книги анализ этот слишком краток.
- <sup>6</sup> В англоязычной историографии попытки такого универсального подхода предпринимались О. Патерсоном и М. Финли (*Patterson O.* Slavery and social



- death : comparative studies. Cambridge (Mass.), 1982 ; *Finley M.* Ancient slavery and modern ideology : 2nd ed. Princeton, 1998). В отечественной науке есть только работы об античном рабстве (см., например: *Кузицин В. И.* Античное классическое рабство как экономическая система. М., 1990), где оно охарактеризовано со всех возможных сторон, но при этом там сложно найти четкое его определение.
- <sup>7</sup> Обычным древнеанглийским словом для обозначения раба было *theow*, древненорвежским, используемым в области датского права – *thrall*. Значительно реже как диалектные или авторские варианты могли употребляться и другие лексемы (*cniht, thegn, wealh*), имевшие иные, более распространенные значения. Латиноязычные тексты VII–XI вв. обычно говорят о *servi* и *ancillae*, реже о *mancipii* или просто *homines*. Подробный анализ терминологии см.: *Pelteret D.* Op.cit. P. 41–49, 261–330.
- <sup>8</sup> Единственным и непревзойденным описанием юридического статуса несвободных в англосаксонском обществе является статья из словаря Ф. Либерманна, приложенного к его же изданию англосаксонских законов. См.: *Die Gesetze der Angelsachsen / Hg. von F. Liebermann. Bd. 2. H. 2 : Rechts- und Sachglossar. Halle, 1912. S. 689–697.* Работа эта обладает всеми достоинствами и недостатками энциклопедической статьи.
- <sup>9</sup> *Wi.*, 27. Ссылки на древнеанглийские законы даются по изданию Ф. Либераманна (*Die Gesetze der Angelsachsen / Hg. von F. Liebermann. Bd. 1. Halle, 1903*) в соответствии с общепринятыми сокращениями и членением на титулы.
- <sup>10</sup> *Ine*, 23.3. Видимо, тут речь идет об откупе от бичевания (ср.: *Ine*, 3.1). Уили – представители покоренного саксами кельтского населения. В другом месте законов Инэ говорится о выкупе господином жизни своего раба уила (*theowwealh*), убившего свободного англа, за 60 шиллингов (*Ine*, 74).
- <sup>11</sup> См.: *Abt.*, 26. Следует отметить, что нигде, кроме этого текста, лэты более не упоминаются.
- <sup>12</sup> *Hi.*, 1–4.
- <sup>13</sup> Ср.: *Ine*, 74 ; *Af.*, 24. Как и свободный, эсн обладал честью. Связывание считалось ее поруганием и каралось штрафом, правда, значительно меньшим (*Abt.*, 24 ; 88). Соответствующее деяние в отношении раба не зафиксировано как преступное.
- <sup>14</sup> *AGu.*, 4: «И чтобы каждый знал своего поручителя [при покупке] людей или лошадей или быков».
- <sup>15</sup> *Af.*, 18.1: «Если обрученная девушка совершит прелюбодеяние, если она из кэрлов, то поручителю следует возместить 60 шиллингов; и должно быть заплачено вещами и скотом, но человека [в уплату] отдавать не должно». В более древних законах Инэ раб в похожем случае приравнивался к оружию и доспехам (*Ine*, 54.1).
- <sup>16</sup> *Ine*, 24.1.
- <sup>17</sup> В «Судебнике Альфреда» (*Af.*, Pr.12) туманно сказано, что проданная (видимо, за долги) в рабство девушка не должна быть, как другие рабыни или служанки («*Theah hwa gebicge his dohtor on theowenne ne sie he alles swa theowu swa othru mennenn*»), что является измененной цитатой из Второзакония (Исх., 21:7): «Если кто про-
- даст дочь свою в рабыни, то она не может выйти, как выходят рабы».
- <sup>18</sup> Отсюда отмечаемое еще Тацитом желание германцев сбыть рабов-соплеменников (Германия, 24), а также запрещающие продавать рабов за море нормы англосаксонских законов (см. ниже).
- <sup>19</sup> *Af.*, Pr. 11.
- <sup>20</sup> *Af.*, 43: «Всем свободным людям должны быть эти дни, но не рабам и эснам (*esnewyrhtum*): 12 дней на Рождество и тот день, когда Христос одолел дьявола, и годовщина св. Григория, и 7 дней до Пасхи, и 7 дней после нее, день св. Петра и св. Павла, и осенью вся неделя перед св. Марией, и в честь всех святых один день; и четыре среды в четыре поста должны быть даны всем рабам для того, чтобы они могли дать тому, кто им понравится, что-нибудь из того, что им кто-нибудь подаст во имя Бога, либо из того, что они смогут заработать в немногие свободные моменты времени». «Каноны Теодора», латинская версия «Пенитенциалия Теодора», запрещали лишать раба законно приобретенного имущества (см.: *Pelteret D.* Op. cit. P. 104). Любопытно, что «Судебник Альфреда» – последний из текстов юридического характера, где содержится упоминание об эснах. Рискну предположить (развернутую аргументацию предложу в следующей работе), что увеличение числа рабов и доли рабского труда, особенно в сельском хозяйстве, в IX и последующих веках нивелировало разницу между двумя этими социальными группами, поскольку эсны, скорее всего, были именно сельскохозяйственными работниками.
- <sup>21</sup> *II As.*, 24: «[Если] тот, кто покупает имущество со свидетелями, потом вынужден обратиться за поручительством [так как ему вчинен иск], тогда тот, у которого он купил, должен взять его назад, будь он свободный или раб, и чей бы он ни был».
- <sup>22</sup> См.: *Abt.*, 4 ; 9 ; 90.
- <sup>23</sup> См.: *Oliver L.* The beginnings of English law. Toronto, 2002. P. 93–94. Особенность текста следующая: перечисляются кражи, совершенные керлом против вышестоящих и равных, затем происходит логический разворот и говорится уже о преступлениях зависимых, но вот в отношении кого, не понятно. Исходя из контекста (см. *Abt.*, 85–88) более вероятным будет, что в отношении равных им. Кражи у свободных, судя по всему, наказывались бичеванием или смертью (*Wi.*, 27 ; *Ine*, 48). Преступления, объектами которых выступали несвободные, наказывались, как уже говорилось.
- <sup>24</sup> *Wi.*, 9–10 ; 13 ; 15. Буквально сказано так: «...возместит 6 шиллингов или свою кожу (*his hyd*)». В законах Инэ (*Ine*, 3.1) говорится: «Если же раб будет работать без его [господина] ведома, то лишится своей кожи или выкупится от бичевания». Размер выкупа узнаем из другой клаузулы: «Кожа уила 12 шиллингов» (*Ine*, 23.3). В Кенте свободные за эти преступления платили *healsfang* (*Wi.*, 11–12 ; 14), платеж, который составлял пятую часть вергельда (*Oliver L.* Op.cit. P. 171). В Уэссексе несоблюдение субботного дня было чревато обращением в рабство (*Ine*, 3.2.). Пенитенциалии и законодательство начала XI в., составленное архиепископом Вульфстаном Йоркским, продолжали борьбу с нарушением свободными и рабами важнейших христи-





- анских табу, признавая ответственность всех христиан, но ответственность при этом неравную. Например, за несоблюдение поста – штраф для «свободных бедняков» и бичевание для рабов (VII Atr., 2). Подробнее см.: *Pelteret D.* Op. cit. P. 89–105; *Jurasinsky S.* Op. cit.
- <sup>25</sup> Hl., 1–4; Wi., 27; Ine, 24–24.1; 74–74.1.
- <sup>26</sup> Wi., 26–26.1; Ine, 7.1; 12.
- <sup>27</sup> IV As., 6–6.7. В другом указе Этельстана (II As., 19) говорится, что уличенный в краже посредством ордации раб подвергается троекратному бичеванию, если не будет (видимо, господином) уплачена двойная стоимость похищенного.
- <sup>28</sup> III Em., 4.
- <sup>29</sup> I Atr., 2. Свободный в этом случае выплачивал двукратную стоимость похищенного истцу и вергельд своему лорду (I Atr., 1.5). Второй раз и свободный, и раб могли «искупить вину только своей головой (*ne sy thaer nan oter bot buton thaet heafod*)» (I Atr., 1.6; 2.1).
- <sup>30</sup> См.: *Miracula Sancti Swithuni // Acta Sanctorum. Iulii. T. 1. Antwerpen, 1719. P. 335–336.*
- <sup>31</sup> К этому списку следует добавить кастрацию раба за изнасилование рабыни (Af., 25.1).
- <sup>32</sup> Ine, 47. Представляется, что англосаксонское поручительство имело много общего с древнеирландским, а там поручителем мог выступать человек, как минимум, такого же статуса, что и ответчик (см.: *Шкунаев С. В.* *Община и общество у западных кельтов.* М., 1989. С. 57–60).
- <sup>33</sup> Wi., 22–24.
- <sup>34</sup> Abt., 10–11; 14; 16.
- <sup>35</sup> Эксплицитно это выражено в Af., 25: «Если кто-либо изнасилует рабыню керла, он заплатит 5 шиллингов возмещения керлу и 60 шиллингов штрафа».
- <sup>36</sup> Wi., 14: «Если кто-либо в пост дает своим домашним мясо, он должен их выкупить, свободного ли, раба ли, [уплатив] *healsfang*».
- <sup>37</sup> В его кодексе об этом сказано так: «Многие могущественные люди, если смогут и им то будет позволено, пусть будут защищать своих людей так, как им покажется легче, будь то свободный или раб, но мы не разрешаем этим злоупотреблять» (II Cn., 20.1). Кодекс этот написан при активном участии йоркского архиепископа Вульфстана. В принадлежащем его перу трактате «Об обязанностях епископа» эта мысль также нашла свое выражение: «Защита в меру всех возможностей насильственно поработанного лица является обязанностью каждого господина, поскольку и они, и те, кто свободен, равным образом дороги Богу и куплены им за одинаковую цену» (Episc., 13).
- <sup>38</sup> См.: *Золотарев А. Ю.* *Государство и суд в ранне-средневековой Англии: дисс. ... канд. ист. наук.* Воронеж, 2005. С. 114–127. Другим элементом этой системы была всеобщая круговая порука (*frankpledge*), охватывавшая все свободное население страны. Но, как кажется, упомянутый выше указ Этельстана (IV As., 6–6.7) свидетельствует о том, что параллельное явление существовало и для рабов.
- <sup>39</sup> Цит. по: *Jurasinsky S.* Op. cit. P. 113–114.
- <sup>40</sup> Ф. Либерманн приводил его как доказательство легитимности браков между рабами (*Die Gesetze... Bd. 2.* H. 2. S. 692). Д. Пелтерет считал, что эта норма была направлена на сохранение стабильности браков рабов и свидетельствует об улучшении их положения (см.: *Pel-teret D.* Op. cit. P. 103–104). А. Франтцен указывает на то, что автор древнеанглийского перевода явно не был знаком с обозначенной в латинском оригинале практикой и поэтому не понял бессмысленности своего перевода (*Frantzen A.* *Sin and sense: editing and translating Anglo-Saxon handbooks of penance // Making sense: constructing meaning in Early English / ed. by A. Di Paolo Healy and K. Kiernan. Toronto, 2007. P. 67*). С. Джурасински затрудняется прийти к какому-либо определенному выводу, предполагая, что браки рабов регулировались местными обстоятельствами, как это было в Риме в конце Античности и начале Средневековья (*Jurasinsky S.* Op. cit. P. 117).
- <sup>41</sup> См.: *Scriftboc / transl. by A. Frantzen.* URL: [http://www.anglo-saxon.net/penance/TSEOC121\\_92a.html](http://www.anglo-saxon.net/penance/TSEOC121_92a.html) (дата обращения: 30.01.2012). Можно также вспомнить процитированное выше место из пролога к законам Альфреда Великого, заимствованное из Второзакония, об освобождаемом рабе, не желающем оставить свою жену и детей (Af., El.11), но неясно, насколько именно в этой части отражены англосаксонские реалии.
- <sup>42</sup> Abt., 85.
- <sup>43</sup> См.: *Scriftboc.*
- <sup>44</sup> См.: *Pelteret D.* Op. cit. P. 106.
- <sup>45</sup> *Old English Penitential / transl. by A. Frantzen.* URL: [http://www.anglo-saxon.net/penance/TOEP482\\_6a.html](http://www.anglo-saxon.net/penance/TOEP482_6a.html) – [TOEP482\\_6b.html](http://www.anglo-saxon.net/penance/TOEP482_6b.html) (дата обращения: 30.01.2012). В оригинале сказано «aecht» (букв. «имущество»), под этим термином безусловно надо понимать раба. За убийство свободного покаяние продолжалось 3 года (см.: *Old English Penitential.* URL: [http://www.anglo-saxon.net/penance/TOEP482\\_6a.html](http://www.anglo-saxon.net/penance/TOEP482_6a.html) (дата обращения: 30.01.2012)).
- <sup>46</sup> *Old English Penitential.* В оригинале сказано «hire wifman» («ее женщина»). В один ряд с этими нормами пенитенциалиев можно поставить цитаты из Второзакония (Исх. 21:20–21; 26), включенные (на этот раз без изменений) в пролог к «Судебнику Альфреда» (Af., Pr. 17; 20): «Если кто ударит раба своего, или служанку свою палкою, и они умрут под рукою его, то он должен быть наказан. Но если они день или два переживут, то не должно наказывать его, ибо это его серебро... Если кто раба своего ударит в глаз, или служанку свою в глаз, и повредит его, пусть отпустит их на волю за глаз».
- <sup>47</sup> См.: *Miracula Sancti Swithuni.* P. 331–335.
- <sup>48</sup> См.: *Pelteret D.* Op. cit. P. 58–59. Автор справедливо замечает, что обычно англосаксонские рабы работали все же без оков.
- <sup>49</sup> Ine, 11: «Если кто продаст за море своего соотечественника, раба или свободного, даже если тот будет виновен, он должен уплатить свой вергельд». Современные им законы Уитреда (Wi., 26) рассматривают продажу за море (*ofer sae*) как вполне допустимую.
- <sup>50</sup> V Atr., 2; VI Atr., 9; II Cn., 3.
- <sup>51</sup> II Cn., 54: «Если женатый человек совершит прелюбодействие со своей рабыней, он ее лишится и возместит за себя Богу и людям».



- <sup>52</sup> Вопрос о работорговле и об использовании рабов их хозяевами я планирую рассмотреть в одной из следующих статей, посвященных рабству в раннесредневековой Англии.
- <sup>53</sup> *Корнелий Тацит*. Сочинения : в 2 т. / пер. и ред. А. С. Бобовича, Я. М. Боровского, М. Е. Сергеевко. М., 1993. Т. I. С. 364.
- <sup>54</sup> Д. Пелтерет пишет, анализируя высказывания о рабах архиепископа Вульфстана, что для него «раб был не скотиной, но человеческим существом, стоящим на самой нижней ступени социальной лестницы», не ответственным в той же степени за свои деяния,

что взрослый свободный человек (*Pelteret D. Op. cit.* Р. 90–91). Однако этот вывод было бы неверно распространять на юридическую ответственность рабов в целом. То, что они находились под покровительством, еще не делало из них детей. Несовершеннолетних, и в англосаксонском праве тоже, не наказывали строже взрослых, как это происходило с рабами. Как я постараюсь показать в дальнейшем, в представлении англосаксов раб был человеком враждебным, опасным, а потому подлежащим более строгому наказанию.

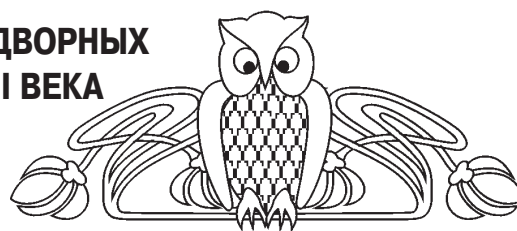
- <sup>55</sup> См.: Кузицин В. И. Указ. соч. С. 89.

УДК 94(410)82/89

## NUGAE CURIALIUM: КРИТИКА НРАВОВ ПРИДВОРНЫХ В АНГЛИЙСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ XII ВЕКА

А. К. Гладков

Институт всеобщей истории РАН, Москва  
E-mail: alextata@yandex.ru



В статье исследуется проблема «забав» (*nugae*) в социальной и политической жизни Англии XII века. Согласно трактату Иоанна Солсберийского «Поликратик, или О забавах света и заветах философов» («*Policraticus sive de nugis curialium et vestigiis philosophorum*», 1159), «забавы» представляют собой наиболее примечательную часть «*vita tyranni*». Не только короли, но и придворные живут без понимания своей исключительной роли в государстве. Неумеренная любовь к охоте, азартным играм, магии, музыке и лицедейству актеров преобразует «разумного человека» в «неуравновешенного зверя». «Забавы» воздействуют на придворных и их государя, которые подменяют идеалы «общей жизни» и «всеобщего блага» «себялюбием» и личными интересами. Иоанн Солсберийский выступает против «эпикурейской» апологии наслаждения, представленной как в коллективной, так и в индивидуальной жизни всех слоев общества, особенно придворных, и отстаивает христианские идеалы умеренности. Мыслитель создает образ короля и его двора в зеркале «развлечений». Исследование такого рода повседневной жизни помогает понять природу и особенности представлений о несправедливой власти (тирании) в Средние века.

**Ключевые слова:** средневековая политическая мысль, Иоанн Солсберийский, придворные, «Поликратик».

### *Nugae Curialium*: Criticism of Dispositions of the Courtiers in Political Thought of Twelfth Century England

A. K. Gladkov

This article deals with the problem of frivolities («*nugae*») in social and political life of England in the twelfth century. According to John of Salisbury's «*Policraticus of the frivolities of courtiers and the footprints of philosophers*» («*Policraticus sive de nugis curialium et vestigiis philosophorum*», 1159) frivolities are the most significant part of «*vita tyranni*». Not only courtiers, but also kings, live without understanding of their great role in the state. Immoderate love of hunting, games of chance, magic, music and theatre transforms «reasonable human» into «unbalanced animal». These frivolities influence on the courtiers and their king, who substitutes ideals of «common life» and «common

safety» for the «love of himself» and self interests. John of Salisbury fights against «epicurean» apology of pleasures in common and individual life of all parts of society, especially in life of courtiers, and defends Christian ideals of moderation. Thinker creates an image of king and his court in the mirror of frivolities. Study of such kind of everyday life helps to understand nature and peculiarities of perceptions of the unjust power (tyranny) in the middle ages.

**Key words:** medieval political thought, John of Salisbury, courtiers, «*Policraticus*».

Крупный английский интеллектуал и дипломат XII в. Иоанн Солсберийский (*Ioannis Saresberiensis, Johannes Saresberiensis 1115/1120–1180*)<sup>1</sup> прославился прежде всего как автор оригинального этико-политического и философско-богословского трактата «Поликратик, или О забавах света и заветах философов» («*Policraticus sive de nugis curialium et vestigiis philosophorum*», 1159)<sup>2</sup>, оказавшего сильное влияние на всю западноевропейскую общественную мысль. Источники, структура и основные идеи данного сочинения уже давно привлекают внимание исследователей. Необходимо признать, что «Поликратик» до сих пор содержит в себе множество вопросов, требующих дальнейшего разрешения и интерпретации. И хотя сам Иоанн Солсберийский не хотел, чтобы его трактат вызвал недовольство двора<sup>3</sup> как английского короля, так и других государей Западной Европы, он, тем не менее, подверг уничтожающей критике гедонистический образ «куртуазного общества». Следуя античной традиции, схоласт считал идеалом индивидуальной и общественной жизни гармоничное соединение созерцательного и практического начал человеческого бытия. К этому вполне достижимому идеалу должны стремиться все те, кто составляет ближайшее окружение государя.





Для создания «психологического портрета» придворных Иоанн Солсберийский воспользовался личным многолетним опытом знакомства с нравами западноевропейской аристократии. Мыслитель заостряет особое внимание читателей на «повседневной жизни» английской знати. При этом его не интересует, что придворные ели, пили, где жили и как обустроивали свой быт. Основное внимание Иоанн уделяет роли «развлечений» в жизни государства. Для схоласта «*nugae*» – это призма, через которую предельно четко видны достоинства и недостатки современного ему общества.

Иоанн, без сомнения, не был ни лицемером, ни ханжой, позволявшим себе радости «мира сего», а за другими отрицавшим право на получение какого-либо удовольствия. Однако тот, кто по воле Господа приближен к государю и активно участвует в жизни страны, не имеет права пренебрегать возложенными на него обязанностями, избегать бремени власти и предаваться удовольствиям. Придворные, изображенные Иоанном в виде «груди» (*latus*), так же как и их государь («голова»), должны жить воздержанно. Вместо этого они с упоением наслаждаются губительными развлечениями. «*Nugae*» в произведениях Иоанна носят подчеркнуто негативный характер. «Забавы» в представлении схоласта – тяжкий грех, повсеместно распространенный<sup>4</sup> в государстве, поглощающий души и влекущий их в бездну ада. Выбранные мыслителем объекты критики наиболее точно отражают особенности внутренней жизни английского, и шире, всего западноевропейского общества.

В Малом «Энтетике»<sup>5</sup> Иоанн прямо пишет о том, что развлечения «правят» не только при королевском дворе, но и в папской резиденции, как рыцари, так и клирики подвержены пагубному воздействию греха. Одним словом, и стар и млад, и свободный, и раб, и богатый, и бедный – все живут удовольствиями<sup>6</sup>. Иоанн отмечает, что чрезмерная склонность к наслаждениям ведет к потере разума. Рассуждения мыслителя выходят за привычные рамки христианской морали и философии, порицавшей всякую чрезмерную тягу к развлечениям. Иоанн переносит проблему «индивидуального» греха в политическую плоскость. Фактически именно он одним из первых в XII в. увидел глубину воздействия «заваб», бытовавших как в куртуазной среде, так и в обиходе самого государя, на существование всей страны. Впрочем, не только Иоанн Солсберийский обрушивался с критикой на быт и нравы курии Генриха II Плантагенета. Известные мыслители и писатели XII в. Петр Блуаский<sup>7</sup>, Уолтер Мэп, Нигель Вирекер и Герберт Бошем осуждали и в сатирической форме изобличали варварские обычаи и привычки, присущие приближенным английского короля<sup>8</sup>. Однако только Иоанн Солсберийский усмотрел в этих «тривиальных» и, казалось бы, безобидных поступках политический вред.

Любопытно, например, что заглавие знаменитого сочинения архидьякона Уолтера Мэпа «О забавах придворных» («*De nugis curialium*») совпадает с первой частью названия трактата Иоанна «*Policraticus sive de nugis curialium et vestigiis philosophorum*». Вполне возможно, Уолтер, располагая копией произведения мыслителя<sup>9</sup>, создавал свою работу под непосредственным влиянием идей Солсберийца. Критические выпады Иоанна в адрес придворных и их образа жизни, рассмотренные исследователями в контексте развития английской полемической литературы XII в., были частично изучены в западноевропейской историографии, однако никогда не привлекали принципиального внимания отечественных медиевистов. Среди штудий, посвященных анализу восприятия Иоанном королевской курии, ее быта, нравов и стиля мышления, следует упомянуть пространный статью М. Уилкса<sup>10</sup>, а также фундаментальную монографию Эгберта Тюрка, в которой изучен комплекс «придворных забав» эпохи Генриха II Плантагенета<sup>11</sup>.

Охота (*uenatio*) – один из самых любимых и одновременно пагубных, по мнению Иоанна, способов «скоротать время». Мыслитель, однако, критикует не сам процесс ловли животного ради пропитания или защиты, а прежде всего «игру», целью которой является убийство несчастной твари. Итак, если для одних охота развлечение, то для других – средство к существованию<sup>12</sup>. На охоте, столь пышно и даже помпезно обставляемой придворными, происходит убийство ни в чем не повинного животного<sup>13</sup>. Ради получения сиюминутного удовольствия аристократы забывают о всеобщем благе. Только в случае если их помыслы направлены на сохранение жизни народа, его безопасность, тогда избиение зверя может быть оправданно. Так, Иоанн упоминает о «победителе» Алкиде, который преследовал «медноногую лань» не ради личного удовольствия, но ради «всеобщего блага»<sup>14</sup>. Мыслитель подчеркивает: охотник, занятый ловлей животных для развлечения, не способен на доблесть храброго воина, поскольку пользуется лишь хитростью и вероломством. Началом падения любого государства, в частности Афин, Иоанн считает легализацию «искусства охоты»<sup>15</sup>, в основе которого лежит принцип беспрепятственного истребления животных<sup>16</sup>. Ведь люди, жестоко убивающие слабую тварь и теряющие при этом «человечность», сами незаметно для себя уподобляются «полуживотным» и «чудовищам»<sup>17</sup>, способным столь же жестоко обращаться с людьми.

Рассматривая жизнь как «дар Бога» (*donum Dei*), Иоанн справедливо задается вопросом, достоин ли его тот, кто только и умеет что убивать животных<sup>18</sup>. Во время охоты в человеке просыпаются низменные начала. Он руководствуется лишь своими инстинктами и забывает о науке и искусстве. Иоанн постулирует знаменитый римский принцип «*otium post negotium*», то есть отдых только после труда, а никак не вместо него<sup>19</sup>.



Моральная деградация индивида, прошедшего путь от «разумного» до «безумного» и «объятого страстями» человека, пугала схоласта, видевшего глубинные последствия такого перерождения. Ведь нельзя забывать, что господство греха в душе человека роднит и жестокого охотника, и тирана. Как в охотнике редко встречается скромность и никогда, – воздержанность<sup>20</sup>, так и нечестивый правитель «страдает» тем же. За крайнюю жестокость Иоанн сравнивает охотников с Кентавром<sup>21</sup>, а за безрассудство и гордыню – с Нимродом, которого он называет «отважным звероловом пред Господом Богом» (Быт. 10, 9)<sup>22</sup>. В основе тирании Иоанн видел получение наслаждения от собственной силы, удовлетворение гордыни и самолюбия при виде несчастья и боли окружающих<sup>23</sup>. Фактически тирания – это разновидность охоты, где место животного «формально» занимает человек. Сопоставляя понятия «тирания» и «охота», мы убеждаемся в том, что Иоанн воспринимал их как родственные. Тиран – «враг государства» (*publicus hostis*), а охотник – «враг природы» (*hostis naturae*). Пожалуй, единственное, что их различает, – это «объект» и масштаб. Впрочем, не только тиран получит по заслугам, но и охотник рано или поздно будет подвергнут Божьему суду. Тот кто жил, как зверь, как зверь и умрет<sup>24</sup>.

Память о событиях недавнего прошлого еще больше укрепляет Иоанна в мысли о том, что знатные люди, боясь навлечь на себя гнев Господа, должны всячески сторониться охоты. В противном случае никто – ни придворный, ни король – не может быть уверен в собственной безнаказанности, так как его непременно настигнет кара Всевышнего. Иоанн, безусловно, знал, как на охоте погиб ненавистный ему король Вильгельм II Рыжий<sup>25</sup>. Данное обстоятельство также должно было отвратить читателей «Поликратика» от охоты. Однако предостережение мыслителя было адресовано в первую очередь Генриху II Плантагенету, который преуспел в этом пагубном занятии<sup>26</sup>.

Любовь к охоте, по мнению Иоанна, не должна отменять христианских заповедей и наносить ущерб религиозному благочестию или, что не менее важно, отвлекать кого-либо от его прямых обязанностей. Если радость от развлечений затуманивает рассудок, то от них необходимо отказаться. Именно умеренность (*modestia*) выступает главным критерием оценки того или иного занятия как простого человека, так и придворного<sup>27</sup>.

Останавливаясь на привычке аристократов занимать себя азартными играми, Иоанн отмечает, что люди не только испытывают судьбу, наживаются на несчастье неудачников или же сами просаживают состояние. Они прежде всего теряют веру в Бога, ведь любой человек, отдающий свою жизнь на откуп случая, не задумывается о том, что все в мире установлено Творцом и сообразуется с Его волей. Азартные игры – один из ярких примеров того, как индивид теряет разум, как превращается из человека

в животное. Склонность придворных к таким развлечениям, повсеместно перерастающая в образ жизни, наносит непоправимый вред всему государству. Впрочем, и в играх, как отмечает Иоанн, есть положительные качества. Прежде всего благодаря игре, основанной на подсчете чисел, но лишенной при этом духа азарта и жадности наживы, развивается способность здраво мыслить<sup>28</sup>. Таким образом, в разумных пределах она может принести человеку пользу.

Музыка (*musica*) как неотъемлемая часть «свободных искусств» («*disciplina siquidem liberalis est*»)<sup>29</sup> воспринимается придворными лишь как развлечение<sup>30</sup>, а не как средство укрепления людей в вере и любви к Господу. Даже в основе человеческого организма лежит принцип гармонии<sup>31</sup>, которую Гуго Сен-Викторский определяет как «согласие многих противоположностей, сведение к единству»<sup>32</sup>. С помощью музыки можно возвысить дух, а можно, как это делают аристократы, еще больше укрепиться в своих грехах.

Иоанн Солсберийский прекрасно знал произведения классической литературы, наряду с сочинениями Вергилия и Овидия часто цитировал Теренция и Плавта; он тонко воспринимал дух античного театра. В то же время его оценка ролей, исполняемых актером (*histrion*), мимом (*mimus*) и фокусником (*praestidigitator*)<sup>33</sup>, согласуется с отрицательными суждениями Отцов Церкви и Цицерона<sup>34</sup> о лицедействе и характерна как для античной, так и для христианской традиции. Мыслитель считает, что актеры покоряют слушателей не глубиной и искренностью чувств, а странными телодвижениями, гримасами и разнузданностью.

Исследователям трудно упрекнуть Иоанна в предвзятости<sup>35</sup> к таким развлечениям, как охота, игра, музыка или театр, поскольку сам мыслитель определил главный критерий оценки любого действия в «предрасположении» (*affectus*)<sup>36</sup>. Только человек, по его мнению, способен предать любому «обезличенному» занятию вполне конкретный образ<sup>37</sup>. Ведь, например, охота сама по себе не является злом, однако как занятие неумеренного и жестокого тирана она становится бичом и для животных, и для людей.

Используемое Иоанном понятие «*affectus*» в латинском языке означает «состояние, расположение, страсть, аффект»<sup>38</sup>. Однако уместно его переводить как «предрасположение», поскольку в данном случае, как нам кажется, Иоанн опирался на построения Ансельма Кентерберийского. Согласно Ансельму, человеческая душа имеет четыре способности: волю (*voluntas*), интеллект (*intellectus*), разум (*ratio*) и предрасположение (*affectus*)<sup>39</sup>. При этом последняя способность свидетельствует о том, что после первородного греха человек не потерял полностью свободы выбора и по глубокому желанию способен достичь даже в земной жизни блага. Наличие «предрасположения», принципиально отличного от «воли»,



дает каждому возможность как духовно, так и физически предпочесть добро злу. «Affectus» – это намерение человека совершить что-либо. Таким образом, обличая «бытовые» пороки придворных, Иоанн указывает на их духовную природу и духовные последствия.

Иоанн различает два вида удовольствия (*voluptas*) – «христианское», в основе которого лежат любовь к Господу и добродетельный образ жизни, и «языческое», предпочитающее не достоинства праведности, а пиршества, танцы и разврат. Апология наслаждения приобретает вполне конкретное значение для общества. Мыслитель предостерегает от «эстетизации» греха, от любовного, часто даже не осознанного упоения пороком и его «пропаганды» в масштабах целого государства. Принципы материальной жизни, ее благ и удовольствий противопоставляются идеалам христианского общежития, духовного единомыслия всех членов «*corpus rei publicae*».

Увлечение придворных «забавами» не оставляет им возможности изучать свободные искусства, постигать глубину мудрости древних. Фактически «корнификации» трактата «Металогик» («*Metalogicon*», 1159) ныне неизвестных «ученых мужей» – современников Иоанна, столь рьяно нападавших на логику Аристотеля, – сопоставляются с «политическими корнифиями» «Поликратика», с теми, кто отвергает знание и довольствуется лишь сиюминутными удовольствиями. В своей критике куртуазного общества Иоанн скорее предупреждал о последствиях несправедливой жизни придворных, чем клеймил их позором; он стремился обратить внимание читателей на моральный облик власти, призывал отказаться от показной добродетели и вступить на путь праведности.

Телесное наслаждение, которое Иоанн образно называет «мачехой добродетели» («*poenitentia ... uirtutis est*»)<sup>40</sup>, не может быть источником блага<sup>41</sup>. Следовательно, только путем самоограничения человек способен достичь высшего состояния единения с Богом. В том случае, если придворные (и все остальные члены общества) будут жить воздержанно, от Всевышнего последуют милость и благодеяния и государство никогда не постигнет наказание в виде тирании. Идеальный придворный в представлении Иоанна Солсберийского – это «блаженный муж» (Цицерон), сочетающий в себе не только умеренность, богатый внутренний мир и спокойствие духа, но и верность своему господину и долгу. В образе придворного, как в зеркале, отражаются черты его государя, и наоборот, в облике праведного правителя или же тирана проявляются внутренние качества его окружения. Именно поэтому в «Поликратике» отчетливо видна неразрывная связь между верховной властью, властью на местах и простым народом, проявляющаяся во взаимной ответственности каждого члена единого «тела государства»<sup>42</sup>.

## Примечания

- <sup>1</sup> *Schaarschmidt C.* Johannes Saresberiensis nach Leben und Studien, Schriften und Philosophie. Leipzig, 1862 ; *Demimuid M.* Jean de Salisbury. P., 1873 ; *Webb C.* John of Salisbury. L., 1932 ; *Liebeschütz H.* Medieval Humanism in Life and Writings of John of Salisbury. L., 1950 ; *Dal Pra M.* Giovanni di Salisbury. Milano, 1951 ; *Nederman C. J.* John of Salisbury. Temple, 2005. На русском языке см.: *Крылова С. Е.* О политических взглядах Иоанна Солсберийского // Проблемы социальной истории и культуры средних веков : межвуз. науч. сб. Л., 1987. С. 29–40. Краткий экскурс, позволяющий представить основные этапы изучения творчества Иоанна Солсберийского, в отечественной историографии можно найти в работе : *Гладков А. К.* Иоанн Солсберийский в России (историографические заметки) // Европа. Международный альманах. Тюмень, 2010. Вып. IX. С. 5–9. Подробнее о периоде обучения схоласта во Франции и времени его дипломатических путешествий по Западной Европе, во многом определивших мировоззрение и политические пристрастия Иоанна Солсберийского, см.: *Гладков А. К.* «Интеллектуальная география» средневековой Франции : парижские школы XII в. глазами современников // Долгое Средневековье. Сборник в честь профессора А. А. Сванидзе / отв. ред. А. К. Гладков, П. Ю. Уваров. М., 2011. С. 325–334, 521–530 ; *Он же.* «Итальянская одиссея» Иоанна Солсберийского // Многоликость целого. Из истории цивилизаций Старого и Нового Света. Сборник в честь Виктора Леонидовича Малькова. М., 2011. С. 494–507.
- <sup>2</sup> *Ioannis Saresberiensis episcopi Carnotensis.* Policratici sive de nugis curialium et vestigiis philosophorum / Recognovit et Prolegomenis, Apparatu Critico, Commentario, Indicibus Instruxit Clemens C. I. Webb / with an introduction by P. McNulty. N. Y., 1979. Vol. I–II (1-е изд. Oxford, 1909) (далее – *Policraticus*, с указанием тома, книги, главы и страницы).
- <sup>3</sup> *The Letters of John of Salisbury* / ed. by W. J. Millor, S. J. and H. E. Butler. Revisited by C.N. L. Brooke. L., 1955. Vol. I. (The Early Letters, 1153–1163). №. 111. P. 182.
- <sup>4</sup> *John of Salisbury's Entheticus Minor* // *John of Salisbury's Entheticus Maior and Minor* / ed. by J. van Laarhoven. Leiden, 1987. Vol. I. P. 238.
- <sup>5</sup> Малый «Энтетик» (*Entheticus Minor*, *Entheticus in Policraticus*) предваряет текст трактата «Поликратик», а Большой «Энтетик» («Энтетик об основоположении философов» («*Entheticus de dogmate philosophorum*»)) является самостоятельным произведением.
- <sup>6</sup> «*Omnia, si nescis, loca sunt plenissima nugis, / quarum tota cohors est inimica tibi: / ecclesia nugae regnant, et principis aula, / in claustro regnant, pontificisque domo; / in nugis clerus, in nugis militis usus, / in nugis iuvenes, totaque turba senum; / rusticus in nugis, in nugis sexus uterque, / servus, et ingenuus, dives, egenus, in his*» (*John of Salisbury's Entheticus Minor*. P. 239).
- <sup>7</sup> Подробнее см.: *Cotts J.* Peter of Blois and the Problem of the «Court» in the Late Twelfth Century // *Anglo-Norman Studies*. 2005. Vol. XXVII. P. 68–84.





- <sup>8</sup> Jaeger C. S. The Origins of Courtliness. Civilizing Trends and the Formation of Courtly Ideals, 939–1210. Philadelphia, 1985. P. 55.
- <sup>9</sup> Introduction // Map W. De nugis curialium / ed. by M. R. James. Oxford, 1983. P. XXXI.
- <sup>10</sup> Wilks M. John of Salisbury and the Tyranny of Nonsense // The World of John of Salisbury / ed. by M. Wilks. Oxford, 1994. P. 263–286 (1 Ed. – 1984).
- <sup>11</sup> Türk E. Nugae curialium. Le Règne d'Henri II Plantagenêt (1145–1189) et l'éthique politique. Genève, 1977. P. 68–94.
- <sup>12</sup> «Nulla uersatur in culpa qui, urgente stimulo necessitatis non reprobati studii exercitio uitam cogitur exhibere» (Policraticus. Vol. I. Lib. I. Cap. 4. P. 33).
- <sup>13</sup> «Si uero clariore praeda, ceruo forte vel apro, uenantium labor effulserit, fit plausus intolerabilis, exsultant uenatores, caput praedae et solennia quaedam spolia triumphantibus praefereuntur; regem Capadocum captum credas...» (Policraticus. Vol. I. Lib. I. Cap. 4. P. 22). Иоанн едва ли считал, что между людьми и животным возможна «справедливость» (см., например, аналогичные суждения Хрисиппа и Посидония, упомянутые Зеноном. Подробнее : Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. VII. 129 / пер. М. Л. Гаспарова. М., 1979. С. 308). Однако, видя в последних «образ Божий» («imago Dei»), Иоанн считал недопустимым убийство зверей сверх меры. См.: Policraticus. Vol. I. Lib. I. Cap. 4. P. 30.
- <sup>14</sup> «Fixerit aripedem ceruam licet, aut Erimanti placarit nemora uictor Alcides, non uoluptati suae, sed publicae prospexit utilitati» (Policraticus. Vol. I. Lib. I. Cap. 4. P. 22). В данном случае Иоанн прямо ссылается на «Энеиду» Вергилия. См.: «Столько стран не прошел ни Алкид в скитаниях долгих, / Хоть и сразил медноногоу лань и стрелами Лерну / Он устрасил и покой возвратил лесам Эримарфа» (Вергилий. Энеида. VI. 801–803 / пер. С. Ошерова // Он же. Собрание сочинений. СПб., 1994. С. 238).
- <sup>15</sup> Иоанн, безусловно, признает, что охота требует большого мастерства, смекалки и искусного владения оружием, однако она лишь в том случае «безвредна», когда является средством к пропитанию, а не смыслом жизни. Возможно, используя понятие «искусство охоты», Иоанн руководствуется классификацией Гуго Сен-Викторского. Согласно трактату «Наставление к обучению» («Didascalicon») философия делится на четыре части: «теорика», «практика», «механика» и «логика». К «механике», наряду с сельским хозяйством, торговлей и др., относится также «охота». Однако, в отличие от Иоанна, Гуго не дал «охоте» моральной оценки, его главной целью было систематизировать знание, соединить разрозненные данные в единую универсальную картину. Подробнее см.: Гладков А. К. «Omnium exspectandum prima est sapientia». Иерархия знания и классификация искусств в «Дидаскаликоне» Гуго Сен-Викторского // Лихудовские чтения : материалы науч. конф. «Третьи Лихудовские чтения» / отв. ред. В. Л. Янин, Б. Л. Фонкич. Великий Новгород, 2011. С. 185–193.
- <sup>16</sup> «Eo denique tempore primum captiuntur Athenae, quo interdictae uenationis edictum censuerunt esse soluendum, et artem utriusque uenationis cum exercitio publice admit-tendam» (Policraticus. Vol. I. Lib. I. Cap. IV. P. 26).
- <sup>17</sup> «Nempe qui his studiis aut desidiis insistunt, semiferi sunt, et abiecta potiore humanitatis parte, ratione morum prodigiis conformantur» (Ibid. P. 26).
- <sup>18</sup> «Quomodo ergo dignus est uita, qui nihil aliud in uita nouit, nisi uanitatis studio saeuire in bestias?» (Ibid. P. 24). Иоанн, ссылаясь на слова пророка Иезекииля (Иез. 32, 29–30), говорит, что те, кто жил забавами, уже давно томятся в аду. См.: Policraticus. Vol. I. Lib. I. Cap. 4. P. 29.
- <sup>19</sup> «Quaeruntur otia post labores...» (Ibid. P. 26). Фактически Иоанн переносит принцип «достойного досуга» после трудов, понимаемого и Цицероном, и Саллюстием прежде всего как отказ от активной политической деятельности, в плоскость повседневной жизни каждого человека. Отдых лишь тогда оправдан и благоприятен, когда сменяет труд, а развлечения следуют после лишения. При этом, однако, и на отдыхе не следует предаваться охоте. Возможно, как предположила Б. Смолли, критикуя распространенную привычку охотиться, Иоанн опирался на Саллюстия. (См.: Smalley B. The Becket Conflict and the Schools. A Study of Intellectuals in Politics. Oxford, 1973. P. 95). В сочинении «О заговоре Катилины» историк прямо называет земледелие и охоту «обязанностями рабов». См.: Гай Саллюстий Крисп. О заговоре Катилины. IV. 1 // Он же. Сочинения / пер. В. О. Горенштейна. М., 1981. С. 6.
- <sup>20</sup> «Raro inuenitur quisquam eorum modestus... et... sobrius numquam» (Policraticus. Vol. I. Lib. I. Cap. 4. P. 26–27).
- <sup>21</sup> Ibid. P. 26–27.
- <sup>22</sup> «Primus ergo ponitur Nembroth robustus uenator contra Dominum. Eum reprobum fuisse non ambigis, quem omnium doctorum turba condempnat. Traditur hic in tantam elationis erupisse uecordiam, ut non uereretur iura temerare naturae, cum consortes conditionis et generis, quos ingenio illa creauerat, hic addiceret seruituti». (Ibid. P. 27).
- <sup>23</sup> Подробнее см.: Гладков А. К. «Убийство тирана не грех, но благодеяние». Представление о неправедной власти в «Поликратике» Иоанна Солсберийского // Средние века. Исследования по истории Средних веков и раннего Нового времени / отв. ред. П. Ю. Уваров. М., 2008. Вып. 69(3). С. 81–96 ; Он же. Интерпретация образа царя Гиркана по трактату «Энтетик об основоположении философов» Иоанна Солсберийского // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории / отв. ред. Л. П. Репина. М., 2008. Вып. 22. С. 54–64.
- <sup>24</sup> «...bestialemque saepe inuenerint exitum uitae qui dum licuit bestialiter uixerant». (Policraticus. Vol. I. Lib. I. Cap. 4. P. 30).
- <sup>25</sup> «Regibus quoque ipsis manus Domini non pepercit, et in malitiam eorum condignam et gloriosam exercuit ultionem» (Ibid. P. 30). О смерти Вильгельма см.: Hollister W. C. Henry I. New Haven ; L., 2001. P. 102–103.
- <sup>26</sup> Warren W. L. Henry II. Berkeley ; Los Angeles, 1991. P. 393.
- <sup>27</sup> Иоанн знал суждения Цицерона о вреде чрезмерного наслаждения и, напротив, о великой пользе «умеренности». См.: Цицерон. Тускуланские беседы. IV / пер. М. Л. Гаспарова // Он же. Избр. соч. / всулит. ст. Г. Кнабе. М., 2000. С. 315.



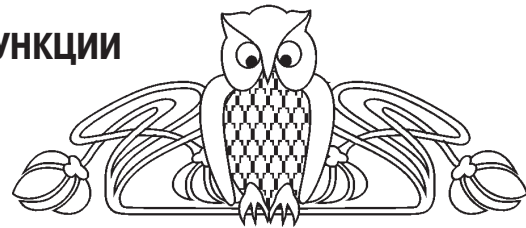
- <sup>28</sup> Polycraticus. Vol. I. Lib. I. Cap. 5. P. 35–36.
- <sup>29</sup> Ibid. Vol. I. Lib. I. Cap. 6. P. 39.
- <sup>30</sup> Ibid.
- <sup>31</sup> Ibid. P. 39–40.
- <sup>32</sup> Цит. по: *Шестаков В. П.* Гармония как эстетическая категория. Учение о гармонии в истории эстетической мысли. М., 1973. С. 77. По классификации Гуго музыка, наряду с арифметикой, геометрией и астрономией, входит в математику, которая, в свою очередь, является частью «теористики».
- <sup>33</sup> Подробнее см.: *Даркевич В. П.* Народная культура средневековья : светская праздничная жизнь в искусстве IX–XVI вв. М., 1988.
- <sup>34</sup> Цицерон пишет : «...и наименьшего одобрения заслуживают ремесла, обслуживающие наслаждения. Бегут ко мне приветливо торговцы тонкой снедью / колбасники, пирожники и рыбак, ..., говорит Теренций; прибавь к ним, если хочешь, людей, изготовляющих благовония, плясунов и всю игру в кости» (*Цицерон. Об обязанностях. I. XLII* / пер. В. О. Горенштейн // Он же. О старости. О дружбе. Об обязанностях / изд. подгот. В. О. Горенштейн, М. Е. Грабарь-Пассек, С. Л. Утченко. М., 1974. С. 96–97).
- <sup>35</sup> Polycraticus. Vol. I. Lib. I. Cap. 4. P. 31.
- <sup>36</sup> Ibid. P. 32.
- <sup>37</sup> Ibid. P. 32–33.
- <sup>38</sup> *Дворецкий И. Х.* Латинско-русский словарь. М., 1976. С. 46 ; Словарь средневековых терминов // Антология средневековой мысли. Теология и философия Европейского Средневековья. СПб., 2002. Т. II. С. 519.
- <sup>39</sup> *Карева В. В.* Гвиберт Ножанский и его сочинение «Monodiae» // Общественная мысль в контексте истории культуры. Сборник в честь Альфреда Энгельбертовича Штекли / отв. ред. О. Ф. Кудрявцев. М., 2004. С. 19.
- <sup>40</sup> Polycraticus. Vol. I. Lib. I. Cap. 4. P. 33.
- <sup>41</sup> Платон, например, называл наслаждение «сильнейшей приманкой зла» и, по большому счету, вообще отрицал за ним возможность привнесения в мир блага. См.: *Платон. Тимей. 69d* / пер. С. С. Аверинцева // Он же. Собр. соч. : в 4 т. М., 1999. Т. III. С. 475 ; *Он же. Филеб. 55a* / пер. Н. В. Самсонова // Там же. С. 63. Это мнение Платона приводит Цицерон в своем сочинении «О старости». См.: *Цицерон. О старости. XIII. 43* / пер. В. О. Горенштейн // Он же. О старости. О дружбе. Об обязанностях. / изд. подготовили В. О. Горенштейн, М. Е. Грабарь-Пассек и С. Л. Утченко. М., 1974. С. 18.
- <sup>42</sup> *Гладков А. К.* Cor Rei Publicae : «Анатомия власти» и политические представления в средневековой Западной Европе // Предания и мифы о происхождении власти эпохи Средневековья и раннего Нового времени. М., 2010. С. 40–45.

УДК 94(410) "1066/1485"

## ПУТИ ФОРМИРОВАНИЯ И СОЦИАЛЬНЫЕ ФУНКЦИИ AFFINITY В XIV–XV ВЕКАХ

В. В. Кудряков

Московский педагогический государственный университет  
E-mail: filadelf@mail.ru



Эволюция феодальных обязательств на рубеже XIII–XIV вв. повлекла отмирание военной службы на основе прежних вассальных связей и их замещение системой контрактных обязательств, содействовавших формированию института *affinity*. Эти сообщества, складывавшиеся вокруг магнатов, не только выполняли военные функции, но и становились центрами социальной, политической и административной жизни. Они защищали интересы своих членов, содействовали установлению между ними экономических и матримониальных связей. Успешные *affinity* брали под свой контроль местную исполнительную и судебную власть, а также выборы в палату общин. Однако их борьба за преобладание являлась важным фактором, дестабилизирующим политическое развитие Англии в XIV–XV вв.

**Ключевые слова:** аффинити, патенты, договоры, держательские связи, войны Роз, Джон Гонт, Уильям Гастингс, Генрих Перси, Ричард Невиль.

### Affinity in the XIV–XV Centuries: Means of Formation and Social Functions

V. V. Kudryakov

Evolution of feudal system on the verge of the thirteenth and fourteenth centuries entailed a decline of military service based on for-

mer tenurial bonds and its substitution by the system of contracted obligations which facilitated development of the institution of *affinity*. These communities forming around magnates executed not only military functions but became the centers of social, political and administrative activity. They defended interests of their members and promoted matrimonial and economic links among them. Prosperous *affinities* gained control over local executive and judicial power as well as elections to the House of Commons. However, their struggle for dominance contributed to a considerable extent to instability of political development in England in the fourteenth and fifteenth centuries.

**Key words:** affinity, patents, indentures, tenurial bonds, the Wars of the Roses, John of Gaunt, William Hastings, Henry Percy, Richard Neville.

Инициатива, вызвавшая к жизни трансформацию прежней военной и социальной системы, принадлежала еще Эдуарду I. В 1277 г. в ходе валлийских войн он впервые заключил ряд договоренностей с крупными баронами, предоставив им выплаты за военную службу. Они в свою очередь должны были составить соглашения с собственными людьми. В 80–90-е гг. эта практика получает широкое распространение, а бесплатная военная



служба на основе вассальных обязательств быстро исчезает. Попытка созвать армию на основе прежних феодальных отношений, имевшая место в 1327 г., сопровождалась серьезными затруднениями и стала последней.

В конце XIII – начале XIV в. договоренности об условиях военной службы и ее оплате часто заключались устно, однако начиная с кампании 1341 г. специальные письменные соглашения между Эдуардом III и его капитанами получают широкое распространение. Они достаточно стереотипны и регламентируют численность и состав войск, предоставляемых королю, сроки и место их службы, размер жалования, затраты на транспорт, компенсацию за утраченное имущество и распределение возможных военных прибылей. Срок действия этих контрактов составлял, как правило, 3–6 месяцев и очень редко превышал 1 год, что коренным образом отличало их от обязательств, которые заключали со своими людьми бароны, ибо эта категория договоров, как правило, предполагала пожизненные обязательства для обеих сторон, подписавших их<sup>1</sup>.

Первое из сохранившихся пожизненных соглашений подобного рода между Эдмундом Мортимером и Питером Мейли датируется 1287 г., а уже десять лет спустя вырабатывается их стандартная модель<sup>2</sup>. По ее условиям нанятый обязывался нести службу как в мирное, так и военное время на тех территориях, где пожелает наниматель. При этом оговаривалось, что он должен явиться на войну экипированным всем необходимым<sup>3</sup>. В зависимости от условий контракта на него возлагалась обязанность либо прибыть в войско самому, либо привести с собой столько людей, сколько будет возможно, однако их оплата и содержание в ходе кампании ложились на нанимателя или короля<sup>4</sup>. Взамен наемник получал долю в «выгодах войны» и компенсацию за утраченное в ходе кампании – лошадей, сбрую и иное снаряжение, принадлежавшее как ему самому, так и его людям<sup>5</sup>. Относительно размера постоянных ежегодных выплат, причитавшихся ему за службу, в договорах существовали значительные расхождения. Сумма и владения, обеспечивавшие ее поступление, могли быть четко прописаны в тексте, а могли и не быть<sup>6</sup>. Впрочем, в иных случаях упоминалось не только это, но и количество людей, в сопровождении которых наемнику надлежало появляться «к столу» своего патрона<sup>7</sup>.

В первой половине XV столетия система пожизненных контрактов переживает глубокий упадок, однако в период войн Роз их количество вновь сильно возрастает<sup>8</sup>. В них указываются закрепленные аннуитетные платежи, причитающиеся нанятым, и конкретные поместья, с которых в строго оговоренные сроки эти платежи должны поступать. Примером подобного рода является соглашение между Ричардом Невилем графом Уориком и сэром Джоном Траффордом. Однако выплаты за участие в боевых действиях

и возмещение понесенных на войне убытков упоминаются лишь вскользь, зато тщательно фиксируется доля (свыше 44%), которую Джон Траффорд должен выплатить графу Уоррику из своей военной добычи<sup>9</sup>. Наряду с этими контрактами заключались также специальные патентные соглашения. Они предполагали ежегодные выплаты с поместья лорда в обмен на пожизненную службу со стороны получателя<sup>10</sup>. Часто патент являлся приложением к договору. Несколько иные контракты со своими людьми заключал Вильям Гастингс лорд Эшби-Зуш. Хотя по их условиям наемникам компенсировались расходы, но лишь в двух есть упоминание о каких-либо других выплатах. Остальные договоры просто фиксируют обещания Гастингса быть своим людям «хорошим и истинным лордом ... в их законных делах так далеко, как требуют закон, справедливость и совесть». Некоторые исследователи полагали, что финансовые вопросы регламентировались в прилагавшихся к соглашениям патентах, но они просто не уцелели. Впрочем, также не сохранилось свидетельств, что в случае Уильяма Гастингса это было именно так. Возможно, привлекательность службы первому лорду Эшби-Зушу заключалась в ином<sup>11</sup>. Понятие «хороший лорд» подразумевало, что магнат принимает на себя обязательство помогать своим людям выдвигаться на административной или военной службе, обеспечивать им юридическую защиту в судах и физическую защиту от врагов<sup>12</sup>.

Оруженосцы, рыцари и даже представители титулованной знати, вступавшие в подобные соглашения с магнатами королевства, становились привилегированной частью их *affinity*. Традиционно это сообщество представляло собой родственников, служащих, держателей и соседей, группирующихся вокруг крупного феодала<sup>13</sup>. В перечень обычных обязанностей знатного наемника входило присутствие при дворе лорда в определенные периоды, участие со всеми своими людьми в его торжественных выездах, посещение вместе с ним политических и судебных собраний, поддержка нанимателя в спорах со всеми, кроме короля, и даже выполнение обязанностей прислуги<sup>14</sup>. При этом нельзя утверждать, что прежние связи сюзеренов со своими держателями полностью утратили значение, поскольку ядро *affinity*, как правило, формировалось крупными феодалами из числа своих наследственных вассалов<sup>15</sup>. Например, дому Ланкастеров служило несколько поколений семей Дипре, Хангенфордов, Беррифордов, Ботилье и Роосов, а дому Йорков – Фитц-Вильямсов и Сэвилей<sup>16</sup>. Однако подобная преданность далеко не всегда была в порядке вещей, ибо связь лорда и его наемников, как правило, поддерживалась благодаря не столько самому контракту, сколько совокупности взаимных выгод, повлекших его заключение<sup>17</sup>. Если обстоятельства изменялись, то и договор зачастую утрачивал свою силу. Здесь в качестве примера можно привести ситуацию с





*affinity* дяди короля Ричарда II герцога Ланкастера Джона Гонта. Сохранились имена 66 рыцарей и оруженосцев, законтрактованных им в период с 1371 по 1374 г., а также список рыцарей и щитоносцев в регистре герцога за 1379–1383 гг. Благодаря сопоставлению этих данных видно, что за достаточно краткий промежуток времени 26 из 66 «контрастников» покинули службу у Джона Гонта: 14 выбыли по причине смерти, судьба еще 9 неизвестна, зато трое точно были живы, но отказались от соблюдения заключенного договора<sup>18</sup>.

Переход в военное сообщество другого лорда не являлся чем-то исключительным, особенно если пребывание в прежнем *affinity* утрачивало прежнюю привлекательность. В силу старческого слабоумия или малолетства магната этот процесс мог стать очень масштабным и подорвать доминирование той или иной семьи, как это произошло с Куртенэ и Бошамами в Уорике и Девоне в середине XIV в.<sup>19</sup> В случае смерти своего главы *affinity* могли стать объектом конкурентной борьбы между крупнейшими баронами, пытавшимися перехватить контроль над теми или иными территориями. Чаше подобное развитие событий приводило к распаду оспариваемого сообщества, как это можно видеть в случаях с *affinity* Ричарда Бошама графа Уорика в 40–50-е гг. XV в. и Ричарда Невиля графа Уорика в 70–80-е гг. того же столетия. Причем за наемников «делателя королей» боролись братья Эдуарда IV, Ричард герцог Глостер и Джордж герцог Кларенс, а после смерти последнего одна часть его людей перешла к Генриху Перси графу Нортумберленду, а другая – к Уильяму Гастингсу лорду Эшби-Зушу<sup>20</sup>.

Неприятной для крупных баронов тенденцией была склонность их наемников одновременно заключать не один пожизненный контракт и «распределять» свою верность между разными сеньорами. Примером такого рода может служить сэр Генрих Грин, ежегодно получавший 50 марок от Джона Гонта и 40 от короля Ричарда II. Впрочем, и он мог позабывать сэру Уильяму Бэготу, который наслаждался выплатами не только от короля и Джона Гонта, но и от герцога Норфолка<sup>21</sup>. Однако, возможно, не всегда службу двум лордам следует рассматривать как проявление нелояльности. М. Хикс полагал, что привлекая на свою службу одного и того же человека, магнаты таким образом приобретали возможность взаимовлияния<sup>22</sup>. Тем не менее после смерти Джона Гонта Ричард II потребовал от держателей его патентов и контрактов, чтобы они служили исключительно суверену. Но добиться этого оказалось непросто даже для столь могущественного государя как Генрих V, и в соглашениях, предлагаемых им своим подданным, содержался пункт, сохранявший за ними ежегодные выплаты лишь до тех пор, пока они не будут наняты кем-либо еще<sup>23</sup>. Ситуация со свитой менее высокопоставленных особ в конечном итоге определялась балансом сил и интересов. Для магната поддержание и укрепление своего

*affinity* было жизненно необходимо, так как это давало возможность защитить собственные земли и взять под контроль местную администрацию путем привлечения влиятельных лиц. С помощью контрактов нанимались люди трех категорий: юристы, имевшие значительную клиентулу и необходимые для ведения тяжб, чиновники и значимые представители джентри для исполнения представительских и военных функций. За них между лордами постоянно велась то скрытая, то явная борьба, и попытки перекупить чужих людей были весьма характерны для XIV–XV вв.<sup>24</sup>

Численность наемников, привлеченных на службу посредством патентов или пожизненных контрактов, никогда не была значительной. Джон Гонт содержал на подобных условиях около 200 человек. Впрочем, от многих из них требовалось появление в его отряде в сопровождении вспомогательных войск и, судя по всему, их совместная численность не очень отличалась от тех полутора тысяч, которые составляли персональный контингент Джона Гонта во французской кампании 1373 г.<sup>25</sup> Это могущественное *affinity* сыграло значительную роль в узурпации трона его сыном Генрихом Болингброком, а впоследствии послужило силой, опираясь на которую основатель династии Ланкастеров сумел сохранить за собой престол<sup>26</sup>. С неменьшим успехом собственное *affinity* использовал другой удачливый узурпатор, Эдуард IV. Члены его свиты не только участвовали в боевых действиях, но и были заняты организацией шпионажа внутри страны, выполнением конфиденциальных дипломатических поручений, а также занимали важные административные посты в разных графствах, укрепляя королевскую власть на локальном уровне<sup>27</sup>. На пожизненном содержании у Томаса графа Ланкастера находилась примерно половина людей, образовывавших ядро *affinity* Джона Гонта. Крупным контингентом законтрактованных наемников в XV в. располагали Хэмфри герцог Бэкингем, Ричард Бошама граф Уорик и Уильям Гастингс лорд Эшби-Зуш, но количество заключенных ими пожизненных *indenture* было еще меньше и колебалось в пределах 60–80<sup>28</sup>. Если в случае с Уильямом Гастингсом сложно утверждать, что 3000 человек, приведенных им к Эдуарду IV в кампании 1471 г., напрямую были связаны с количеством знатных наемников (их к этому времени у лорда Эшби-Зуша было всего 6), то другой могущественный магнат периода войн Роз, Генрих Перси граф Нортумберленд, именно благодаря патентам, аннуитетным платежам и пожизненным контрактам смог выставить в кампаниях 1482 и 1487 гг. настоящие армии, насчитывавшие свыше 5000 воинов. Тем не менее процент держателей пожизненных контрактов в их составе был незначителен<sup>29</sup>. Причину этого следует искать в экономической плоскости. При заключении подобного соглашения поступившему на службу полагались ежегодные фиксированные выплаты с поместий, принадлежавших лорду и,



учитывая прочие, весьма значительные расходы, лежавшие на баронах, они просто могли разориться, заключив чрезмерное количество контрактов. По оценкам К. Б. Мак-Фарлейна, подтвержденным расчетами Пьюго, на содержание свиты при спокойном течении дел тратилось не более 10% от совокупного дохода магната, однако эта цифра могла достигать и 40%, как в случае с Перси в период их драматической борьбы с Невиллями во время войн Роз<sup>30</sup>. Впрочем, Генрих Перси граф Нортумберленд, желая закрепить свое господство на севере, и в конце 80-х гг. XV в. тратил на собственное *affinity* 42,26% всей своей ренты и иных поступлений<sup>31</sup>. Даже лорды, пользующиеся расположением короля, не могли позволить себе лишних расходов на содержание свиты. Это наглядно иллюстрируется на примере Томаса Холанда графа Кента, весьма ценимого Ричардом II. В 1397 г. сэр Уильям Болдуин даже обратился к матери Томаса Холанда с просьбой предложить его кандидатуру в качестве претендента на пожизненный контракт. При этом он отмечал, что знает о непрестом финансовом положении графа Кента, которое не позволит ему в ближайшие два года хоть немного увеличить число своих наемников, и поэтому предлагал себя с дисконтом и в рассрочку, прося на ближайшие пару лет лишь рацион на двоих, разные другие обычные мелочи и 10 марок в следующем году, «чтобы освежить себя»<sup>32</sup>.

Что привлекало джентри на службу магнатов и почему подчас они были готовы на финансовые уступки при заключении контракта? Ответ на этот вопрос лежит сразу в нескольких сферах. С одной стороны, многое зависело от влияния, которое возможный наниматель имел при дворе. Такие люди, как Джон Гонт герцог Ланкастер, фаворит Маргариты Анжуйской Уильям де ла Поль герцог Саффолк или ближайший соратник Эдуарда IV Уильям Гастингс лорд Эшби-Зуш, оказывавшие серьезное влияние на ход государственных дел, не имели недостатка в людях, желавших вступить в их *affinity*. Эти магнаты также могли эффективно содействовать своим людям в борьбе за места в местной администрации. Еще одним, и подчас более значимым побудительным мотивом служило расположение поместий как самого барона, так и его потенциального наемника. Соседство влиятельного аристократа делало окрестных дворян его естественными клиентами. Иногда различные причины совпадали. Относительно уже упомянутого Уильяма де ла Поля К. Б. Мак-Фарлейн резонно отмечал, что в 40-е гг. XV в. для джентри располагать владениями в Восточной Англии и не быть в его *affinity* означало искать для себя проблемы<sup>33</sup>. Причем в данном случае речь совсем не обязательно шла о выгодных для рыцарей и эсквайров патенте или пожизненном контракте. Гораздо чаще в *affinity* того или иного магната попадали на основании договора *maintenance*. Это были «письменные обязательства следовать за

своими могущественными соседями, т. е. оказывать им «поддержку» во время войны и мира», которые нередко подписывались под значительным давлением со стороны могущественного лорда<sup>34</sup>.

Но имелись и другие побудительные причины, коренившиеся в самой природе социальных и правовых механизмов этой эпохи. Прежде чем обратиться к их рассмотрению, необходимо отметить, что английские дворяне в XIV–XV вв. совершенно не могли быть уверены в незыблемости своих имущественных прав. Даже земля, являвшаяся экономической базой их существования, весьма нередко становилась объектом либо прямого насильственного захвата, либо судебных разбирательств, исход которых предопределялся отнюдь не верховенством закона. Еще в XIII в. наблюдался упадок выездных сессий королевского суда, а в XIV столетии «ослабление королевского контроля над юстицией» сопровождалось процессом укрепления локальных органов правосудия<sup>35</sup>. Шерифы и местные судебные чиновники, как правило, были креатурами баронов и по возможности содействовали их целям<sup>36</sup>. Обычно юридические процедуры XIV–XV вв. сопровождались подкупом, угрозами и вооруженной демонстрацией конкурирующих *affinity*. Если, по мнению тяжущихся сторон, суд не смог вынести взвешенного решения, начинался разбой во владения конкурентов, нередко заканчивавшийся настоящими локальными войнами<sup>37</sup>. Ярким образчиком подобных событий может послужить столкновение между лордом Бонвиллем и графом Девонем в 1453 г.<sup>38</sup> В таких условиях состоять в *affinity* зачастую оказывалось жизненно необходимым – пусть это и не давало гарантий безопасности, но позволяло надеяться на что-то более существенное, нежели призывы к королевскому правосудию, и значительно увеличивало шансы отстоять свою собственность в условиях перманентных конфликтов<sup>39</sup>. Рядом исследователей судебные тяжбы даже рассматриваются как средство, с помощью которого магнаты подчиняли себе джентри. Например, Эдуард Стаффорд герцог Бэкингам инициировал 128 тяжб. Короли также судились, и среди «безжалостных сутяг» были Эдуард IV, Ричард III и Генрих VII<sup>40</sup>. *Affinity* содействовало заключению браков и установлению прочных экономических связей между семьями, служившими одному лорду, а значит, защита интересов каждого становилась общим делом. В крайнем случае свита лордов являлись военной защитой для своих членов. Кроме того, ее глава на подконтрольных территориях мог разрешать различные имущественные споры во внесудебном порядке, организуя с помощью своих юристов процедуру рассмотрения дела на основе общего права, но без использования аппарата государственного правосудия. Плюсы этого заключались в отсутствии процессуальной волокиты и коррупции, а также в стремлении магната добиться принятия компромиссного решения, которое по



возможности удовлетворяло бы обе стороны и исключало эскалацию конфликтов<sup>41</sup>.

К числу выгод от пребывания в свите успешного магната также относилась возможность сделать карьеру на местном или государственном уровне. Например, членство в свите Ричарда герцога Глостера позволило Хьюго Гастингсу получить должность шерифа в графстве Йоркшир, а Томасу Меткалфу стать канцлером герцогства Ланкастер<sup>42</sup>. В правление Ричарда II Эдуард Куртенэ смог взять под контроль управление графством Девон. В начале XV в. Ричард Бошам добился аналогичного результата в Уорикшире. Графы Арунделл и Варен, мирно скооперировав свои силы, в начале XIV в. установили господство в Суррее и Сассексе, а Перси и Невилы после ожесточенных столкновений поделили на сферы влияния Йоркшир<sup>43</sup>. Таким образом, свита магната превращалась в центр локальной социальной, политической и административной жизни.

Еще одной сферой интересов баронов стали выборы в парламент, поскольку проводя своих кандидатов в состав представительного органа, они тем самым подтверждали собственное значение внутри графства и обретали возможность воздействия на палату общин. В частности, Джон Гонт имел преобладающее влияние при избрании членов парламента от графства Ланкастер<sup>44</sup>. Однако нередко предвыборные кампании оказывались причиной противостояния между конкурирующими *affinity*. На севере страны борьба шла между ставленниками Перси и Невилей, в Восточной Англии – Моубреев, де ла Полей и Йорков. В ряде графств сохранялось сильное влияние местной военно-политической элиты, не инкорпорированной в состав свиты того или иного лорда. Города, особенно в XIV в., также проявляли значительную самостоятельность в этом вопросе. Поэтому хотя часто результат был заранее предопределен, все же нельзя сказать, что во всех графствах выборы являлись безальтернативными<sup>45</sup>.

Отношение королевской власти к *affinity* сложно назвать последовательным. С одной стороны, государи нуждались в военном потенциале этого института для подавления народных выступлений и для экспедиций за пределы Англии. С другой – свита лордов представляла собой угрозу политической стабильности и безопасности государства, что вызывало неоднократные попытки сдержать ее рост или вовсе поставить вне закона. Так, еще в 1377 г. людям, состоящим на службе у короля, было запрещено использовать своих наемников в разрешении каких-либо споров. В 1390 г. ввиду «горестных жалоб и ропота лордов и общин королевства» Ричард II вновь попытался ограничить разрастание *affinity*. Однако сложившейся практики он изменить не мог. Аналогичные акты королевской власти от 1401, 1406, 1411 и 1429 гг. также не возымели должного действия. Наконец, уже в период войн Роз, в 1461 г., Эдуард IV запретил любому лорду

держатъ свиту за исключением периодов службы у короля. Эта мера, подкреплённая и усиленная статутом 1468 г., также ни к чему не привела<sup>46</sup>. Причём в числе первых её нарушителей оказался один из ближайших сподвижников короля Уильям Гастингс лорд Эшби-Зуш, заключивший в период 1461–1483 гг. не менее 69 контрактов<sup>47</sup>.

Неудачи центральной власти в противостоянии с *affinity* в дотюдоровской Англии вполне закономерны – этот институт являлся уникальным регулятором политических, военных и социально-экономических отношений в среде английского дворянства, так как мог оказывать неоценимую поддержку своим прямым и ассоциированным членам в разрешении любых значимых споров. Если также учесть, что эти сообщества всемерно содействовали удовлетворению интересов джентри и аристократии в судебной и административной сферах, то перед нами предстанут основные причины, обусловившие существование данного института, не только пережившего период Столетней войны, но и в значительной степени сохранившегося в непростых условиях войн Роз. Правящая династия также нуждалась в его административных и военных возможностях. Бароны находили в сохранении *affinity* традиционное выражение своей власти над окрестными землями, а джентри в свою очередь по-прежнему состояли в свите, прекрасно осознавая свою выгоду.

#### Примечания

- 1 См.: McFarlane K. B. 'Bastard feudalism' // 'England in the Fifteenth Century'. Collected Essays. L., 1981. P. 25–26; Контамин Ф. Война в средние века. СПб., 2001. С. 169.
- 2 См.: McFarlane K. B. Op. cit. P. 33.
- 3 См.: John of Gaunt Register, 1379–1383 : in 2 vols. Frome ; L., 1937. Vol. I. P. 17.
- 4 Ibid. P. 18–19.
- 5 См.: English Historical Documents : in 6 vols. / ed. by A. R. Myers. L., 1969. Vol. 4. P. 1115.
- 6 См.: John of Gaunt Register, 1379–1383. Vol. I. P. 20–24.
- 7 См.: Контамин Ф. Указ. соч. С. 170.
- 8 См.: McFarlane K. B. Op. cit. P. 27–28.
- 9 См.: English Historical Documents. Vol. 4. P. 1126.
- 10 См.: McFarlane K. B. Op. cit. P. 29.
- 11 См.: Hicks M. Lord Hastings 'Indentured Retainers?' // Richard III and his Rivals. Magnates and their Motives in the Wars of the Roses. L., 1991. P. 230–232.
- 12 См.: Hicks M. Restraint, Mediation and Private Justice : George, Duke of Clarence as 'Good Lord' // Richard III and his Rivals. Magnates and their Motives in the Wars of the Roses. P. 136 ; Idem. Lord Hastings 'Indentured Retainers?' P. 236.
- 13 См.: Harris G. L. Introduction // 'England in the Fifteenth Century'. Collected Essays. P. XI.
- 14 Ibid. P. XIV ; English Historical Documents. Vol. 4. P. 1115–1126.
- 15 См.: Harris G. L. Op. cit. P. X.





- <sup>16</sup> См.: *McFarlane K. B.* Op. cit. P. 32; *Dockray K.* Richard III and the Yorkshire Gentry c. 1471–1485 // Richard III : Loyalty, Lordship and Law. L., 1986. P. 41.
- <sup>17</sup> См.: *McFarlane K. B.* Parliament and 'Bastard feudalism' // 'England in the Fifteenth Century'. Collected Essays. L., 1981. P. 18.
- <sup>18</sup> См.: *McFarlane K. B.* 'Bastard feudalism'. P. 37.
- <sup>19</sup> См.: *Harris G. L.* Op. cit. P. XVIII.
- <sup>20</sup> См.: *Hicks M.* Bastard feudalism : Society and Politics in Fifteenth-Century England // Richard III and his Rivals. Magnates and their Motives in the Wars of the Roses. P. 22; *Idem.* Lord Hastings 'Indentured Retainers'? P. 233, 369; *Dockray K.* Op. cit. P. 42.
- <sup>21</sup> См.: *McFarlane K. B.* 'Bastard feudalism'. P. 36.
- <sup>22</sup> См.: *Hicks M.* Bastard feudalism : Society and Politics in Fifteenth-Century England. P. 8.
- <sup>23</sup> См.: *McFarlane K. B.* 'Bastard feudalism'. P. 31.
- <sup>24</sup> См.: *Hicks M.* Bastard feudalism : Society and Politics in Fifteenth-Century England. P. 20–21, 37.
- <sup>25</sup> См.: *Harris G. L.* Op. cit. P. XI.
- <sup>26</sup> См.: *Lander J. R.* Government and Community. England 1450–1509. L., 1980. P. 220.
- <sup>27</sup> См.: *Ibid.* P. 49–50; *Бакалдина Е. В.* Департаменты, службы и должности в хаусхолде Эдуарда IV // Королевский двор в Англии XV–XVII веков // Тр. исторического факультета С.-Петербургского гос. ун-та. СПб., 2011. Т. 7. С. 93–100.
- <sup>28</sup> См.: *Harris G. L.* Op. cit. P. XI.
- <sup>29</sup> См.: *Lander J. R.* Op. cit. P. 45; *Hicks M.* Dynastic Change удк 930.85
- and Northern Society : The Fourth Earl of Northumberland, 1470–89 // Richard III and his Rivals. Magnates and their Motives in the Wars of the Roses. P. 389.
- <sup>30</sup> См.: *Harris G. L.* Op. cit. P. XIII.
- <sup>31</sup> См.: *Hicks M.* Dynastic Change and Northern Society : The Fourth Earl of Northumberland, 1470–89. P. 385.
- <sup>32</sup> См.: *McFarlane K. B.* 'Bastard feudalism'. P. 35.
- <sup>33</sup> *Ibid.* P. 31.
- <sup>34</sup> См.: *Штокмар В. В.* История Англии в средние века. СПб., 2001. С. 98–99.
- <sup>35</sup> *Harris G. L.* Op. cit. P. XXI–XXII.
- <sup>36</sup> *Ibid.* P. XV–XVI.
- <sup>37</sup> *Ibid.* P. XIX.
- <sup>38</sup> См.: English Historical Documents. Vol. 4. P. 1125–1126.
- <sup>39</sup> См.: *Hicks M.* Bastard feudalism : Society and Politics in Fifteenth-Century England. P. 13.
- <sup>40</sup> См.: *Britnell R.* The Closing of the Middlr Ages? England, 1471–1529. Oxford, 1997. P. 169–170.
- <sup>41</sup> См.: *Hicks M.* Restraint, Mediation and Private Justice : George, Duke of Clarence as 'Good Lord'. P. 147–148; *Harris G. L.* Op. cit. P. XXI.
- <sup>42</sup> См.: *Dockray K.* Op. cit. P. 43–44.
- <sup>43</sup> См.: *Harris G. L.* Op. cit. P. XV.
- <sup>44</sup> См.: *McFarlane K. B.* Parliament and 'Bastard feudalism'. P. 3.
- <sup>45</sup> См.: *Harris G. L.* Op. cit. P. XVI–XVII.
- <sup>46</sup> См.: English Historical Documents. Vol. 4. P. 1116–1117.
- <sup>47</sup> См.: *Goodman A.* The Wars of the Roses. Military Activity and English Society, 1452–1497. L., 1981. P. 135.

## О ПОЛЕ ПОНЯТИЯ *REASON* В ЭСТЕТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ XVIII ВЕКА (на материале сочинений А. Поупа)

В. В. Кирюшкина

Саратовский государственный технический университет  
E-mail: [cyr72@mail.ru](mailto:cyr72@mail.ru)

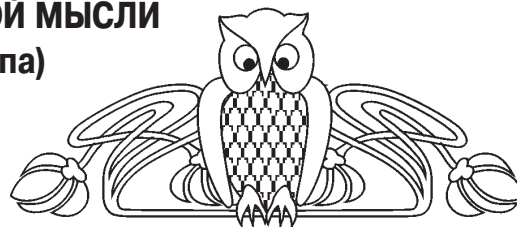
Работа посвящена выявлению основных сигнатур понятия «*reason*» (wit, judgment, understanding, sense etc.), их семантической взаимосвязи в эстетическом дискурсе XVIII века. Материалом для анализа служат критические произведения А. Поупа. Автор отмечает, что в английской лексике первой половины XVIII века слово «*reason*» стягивает вокруг себя подавляющее большинство понятий, обозначающих когнитивную и творческую деятельность человека.

**Ключевые слова:** творчество, классицизм, Просвещение, эстетическая мысль, семантическое поле, сигнатуры, разумность, ум, здравый смысл.

### Semantic Field of Concept «Reason» in XVIII Century Aesthetic Thought (on A. Popes' Works)

V. V. Kiryushkina

This work concerns revealing basic signatures of the concept «*reason*» (wit, judgment, understanding, sense etc.) and their semantic interrelations in aesthetic discourses of XVIII. The analysis is made on



the basis of the works of Pope on art criticism. The author notes that in the English lexicon of the first half of XVIII century «*reason*» united around itself majority of concepts denoting cognitive and creative activity of a person.

**Key words:** creativity, classicism, Enlightenment, aesthetic, semantic field, signatures, reason, wit, good sense.

Артур Шопенгауэр, рассуждая на тему «гений и безумие», приводит многочисленные авторитетные высказывания – от Платона до Гете – о поэтическом безумии. Среди них довольно неожиданно встречается и ссылка на Александра Поупа – английского просветителя, законодателя английского классицизма. Шопенгауэр приписывает Поупу такие строки:

Great wits are sure to madness near alli'd;  
And thin partitions do their bounds divide<sup>1</sup>.

То есть: «Великие умы всегда в тесном союзе с безумием / И тонкие преграды их разделяют»<sup>2</sup>.



Очевидно, что это высказывание – в пользу близости феноменов гениальности и сумасшествия, под которыми подразумевается некая внерациональная природа творчества. Такое утверждение кажется совершенно неожиданным для Поупа, неорганичным для его рационального просветительского сознания. И это недоумение совершенно справедливо, ведь, как известно, Шопенгауэр ошибся, приписав Поупу строки Драйдена из его поэмы «Авессалом и Ахитофель» (I, 163–164)<sup>3</sup>. Но случайна ли эта ошибка? Интересно, что мы находим у Поупа строки, лексически и композиционно похожие на это драйденское двустишие, и в том же «Опыте о человеке», на который ошибочно ссылается Шопенгауэр:

Remembrance and reflection how allied;  
What thin partitions sense from thought divide  
(I, 225–226)<sup>4</sup>.

Сравнение этих строк дает основание для вопроса: а может быть, эти свои строки Поуп намеренно сделал внешне похожими на драйденские, которые, несомненно, хорошо знал? И, возможно, здесь – следы скрытой полемики? При сходстве построения фраз смысл в них заложен совершенно разный. У Поупа речь идет о союзничестве Воспоминания и Размышления и о тонких преградах, отделяющих чувство (*sense*) от мысли (*thought*), которые, однако, при всей своей тонкости оказываются непреодолимыми – «непреходимой границей» (*Yet never pass th' insuperable line!* (I, 228))<sup>5</sup>. А уж заканчивается этот стих и вовсе характерно: все внутренние силы (способности) человека, представленные в градации (*sense, instinct, thought, reflection*), подвывают под господство разума-*reason* (I, 229–232)<sup>6</sup>. Таким образом, свою позицию по этому вопросу А. Поуп заявил весьма определенно и вполне в духе Просвещения.

Этот сюжет заставляет нас задуматься о семантическом поле такого важного для Просвещения понятия как *reason*, а также о трактовках и значении рациональных оснований творчества с точки зрения просветительской эстетики. Поуповские критические сочинения представляют собой интересный материал для подобного анализа, во-первых, в силу особого места, занимаемого этим автором в английской эстетической традиции, где он всегда оставался знаковой фигурой как для последователей его взглядов, так и для оппонентов. Во-вторых, будучи одаренным поэтом, Поуп с большим вниманием относился к слову даже в своих критических работах, в своей прозе, поэтому мы можем быть уверены, что лексический выбор в его текстах, как правило, тщательно продуман.

Итак, *reason* в просветительском мировоззрении – универсальные рациональные принципы, имманентные Природе, рациональная основа Мира, а значит, и человеческой деятельности, в том числе и творческой. Поуп тонко различает *wit* (изошренный ум, остроумие), *learning* (ученость) с одной стороны, и *sense, common sense, good sense* (природный ум, способность воспри-

ятия, здравый смысл) – с другой. Первая пара слов в поуповском словоупотреблении окрашена иронией или откровенным негативом. Вторая группа понятий в глазах просветителя обозначает проявление рациональных принципов в жизни и творчестве человека. Так, осуждая определенную породу критиков, которые судят искусство исключительно по канонам, Поуп замечает, что «ложная ученость искажает здравый смысл» (*by false learning is good sense defac'd*) (25)<sup>7</sup>, а также что такие критики «в поисках высокоумия теряют свой здравый смысл» (*In search of wit these lose their common sense*) (28)<sup>8</sup>.

Понятие *wit* отличает оценочный характер. О *wit* судят люди, к *wit* стремятся, на *wit* претендуют. *Greet wit* – не просто «великий ум», но признанный таковым. То есть *wit* – это внешнее, оцениваемое обществом проявление свойств ума-*mind*. Такое значение слова особенно ярко появляется в тех строках «Опыта о критике», которые касаются пресловутого спора «древних» и «новых». Подобные группы, по мнению Поупа, напоминают религиозные секты, для которых проклят всякий ум (*wit*), который к ним не принадлежит. На самом деле – пишет Поуп, наше отношение должно строиться не на том, является ли ум (*wit*) старым или новым, но только – ложным или истинным (394–407)<sup>9</sup>. *Wit* Шекспира, по мнению Поупа, поднимает его над грубыми реалиями театра его времени (9)<sup>10</sup>, но *wit* – это и остроумие, потакающее низкому вкусу публики (13)<sup>11</sup>.

Все это определяет поуповское двойственное отношение к этому понятию. *Wit* – признанное выдающееся качество ума, достигаемое ученостью, или даже даруемый небесами дар (80)<sup>12</sup>, но беда в том, что часто это признание неверно или достижение его становится для автора самоцелью («*pretending wit*») (53)<sup>13</sup>. Отсюда ироничный оттенок значения этого слова у Поупа и его противопоставление здравому смыслу (*sense*), где *wit* – изощренный ум, результат учености, оторвавшейся от природной почвы.

Характерно отсутствие этого слова в поуповском тексте «Предисловия» к Илиаде, где английский поэт и критик анализирует природу Гения у Гомера. Но в «Предисловии» к собранию сочинений Шекспира Поуп ставит Гомера ниже своего нового кумира: «Гомер творит не сам по себе, непосредственно из природного источника, его искусство прошло через египетские фильтры и каналы и пришло к нему не без некоторого привкуса учения (*learning*) или некоторой моделирующей формы тех, кто были до него. Поэзия Шекспира была самим Вдохновением (*Inspiration*): он являлся не столько имитатором, сколько инструментом Природы; и не верно, что он говорит от нее, это она говорит через него» (3)<sup>14</sup>. И вот ученость, в текстах Поупа тесно связанная с умом-*wit*, в очередной раз противопоставляется непосредственной природности истинного творчества (вдохновение Шекспира). В целом следует заметить, что если в



«Опыте о критике» *wit* – слово достаточно часто встречаемое, хотя и неоднозначное по смыслу, то в предисловиях, которые английский поэт посвящает анализу творчества своих кумиров (Гомера и Шекспира), ум-*wit* почти не упоминается.

*Mind*, в отличие от *wit*, – собственно ум, сознание человека как объективная реальность (вне оценок). Поуп подчеркивает его связь с Природой. Но *human mind* – одно из детищ Природы, что позволяет осознать разномасштабность этих феноменов. Именно ум-*mind* позволяет человеку познавать универсальные рациональные принципы Природы – *reason*:

Most have the seeds of judgment in their mind;  
Nature affords at least a glimm'ring light (20–21)<sup>15</sup>

(Большинство имеют в своем уме семена суждений,

Так проявляется брызжащий свет Природы).

Еще одна сигнатура рационального в поуповской лексике – *understanding* – разум, понимание, рассудок. Это понятие также можно отнести к ряду терминов, с помощью которых Поуп часто подчеркивает ограниченность человеческого знания. Очень характерны для понимания семантического поля *reason* следующие строки из «Опыта о критике»:

Thus in the soul while memory prevails,  
The solid pow'r of understanding fails;  
Where beams of warm imagination play,  
The memory's soft figures melt away (56–59)<sup>16</sup>.

«Так, когда душу память одолевает, / Мощная сила рассудка слабеет; / Где лучи горячего воображения играют, / Слабые образы памяти всегда тают». То есть память одолевает рассудок, но, в свою очередь, побеждается воображением. В этой иерархии свойств человеческой природы (рассудок, память, воображение) *understanding*-рассудок оказывается самым слабым и ограниченным<sup>17</sup>. Эту мысль Поуп закрепляет контекстом. Чуть выше приведенных строк он пишет о Природе, кладущей предел *wit*-уму, а ниже – о науке (*science*), которая – лишь одно из оснований гениальности. Здесь же и его знаменитая строка, где снова «достается» уму-*wit*: «Сколь обширно искусство, столь тесен человеческий ум» («So vast is art, so narrow human wit») (61)<sup>18</sup>. И наконец Поуп подводит читателя к настоящему гимну Природе как единственному безусловному источнику, основанию искусства, причем основанию универсальному, неизменному в веках:

Природе следуй; так сужденья строй,  
Как требует ее извечный строй.  
Она непогрешима и ясна,  
Жизнь, мощь, красу придать всему должна,  
Наш свет, предмет всех помыслов и чувств,  
Исток, мерило и предел искусств.  
Искусство обретает всякий раз  
В Природе матерьял свой без прикрас  
(I, 68–75)<sup>19</sup>.

Наше внимание привлекает еще одно понятие, чаще всего положительно окрашенное

в текстах Поупа, – *judgment*. Это проявление Природы в человеческом сознании – разумность, рассудочность, верное, разумное суждение. В той мере, в которой подчеркивается природность *judgment*, это понятие противопоставляется уму-*wit*. Например:

For wit and judgment often are at strife,

Though meant each other's aid, like man and wife (82–83)<sup>20</sup>.

«Ум и рассудок часто – в споре, хотя им предназначено дополнять друг друга подобно мужу и жене». Как и Природой, *judgment* формируется чтением Гомера (124–126)<sup>21</sup>, ведь «Природа – это сам Гомер» (135)<sup>22</sup>. Но, тем не менее, и на рассудок-*judgment* полностью полагаться нельзя. Он может ошибаться, так как он всего лишь часть *human nature* – человеческой природы, поэтому нужно прислушаться к сердцу, связанному с Природой напрямую, минуя человеческие правила (*rules*), на которые через обучение (*leaning*) опирается наше суждение (*judgment*). Искусство же способно открывать новые красоты Природы, которые, «минуя суждение, достигают сразу сердца» (156–157)<sup>23</sup>. И все же суждение-*judgment* стоит над авторитетом ума-*wit*. Поуп осуждает тех, кто основывается на авторитетном мнении, прецеденте и не пользуется собственным рассудком (*judgment*)<sup>24</sup>. «Природа – лучший проводник рассудка» (Nature is the best guide of judgment), – пишет Поуп в своем наброске к «Опыту о критике», где фиксирует только важнейшие идеи своей будущей поэмы! Поскольку этот маленький текст имеет такое значение для понимания замысла Поупа, стоит отметить и заголовки второй части этих набросков – «Причины, препятствующие верному суждению (*judgment*)», – среди которых несовершенство учения (*leaning*), суждение по частям, а не по целому и чрезмерная зависимость от авторитетов<sup>25</sup>.

Для понимания значения *judgment* в лексическом пространстве Поупа нужно отметить еще одну оппозицию: *judgment* и *fancy* (фантазия), которую выводит Поуп в своем «Предисловии» к Илиаде. Здесь «a cooler Judgment» противопоставляется «warmth of Fancy». «Холодный рассудок может меньше ошибаться и более одобряем определенным сортом критиков (ориентированных на рассудочный и методичный Гений классицизма), но жар фантазии получает самое громкое и всеобщее одобрение и завладевает сердцем читателя...»<sup>26</sup>. Как образец «рассудочного и методичного Гения» Поуп представляет Вергилия, чье творчество неоднократно характеризуется именно через понятие *judgment*. Искусство, создаваемое таким художником, подобно регулярному саду, где природный материал рассудочно обработан и подготовлен для человеческого восприятия, тогда как Гений у Гомера подобен «плодовитому питомнику, который содержит потомство и первую продукцию каждого рода, из которой появляются последующие»<sup>27</sup>. Сопоставляя Гомера и Вергилия, Поуп противопоставляет в качестве их главных





талантов изобретательность (*invention*) одного и рассудочность (*judgment*) другого. Причем оба эти свойства обладают для Поупа относительной ценностью. Они творят истину и красоту лишь тогда, когда соответствуют мере разумного (*reasonable*), но могут проявляться и неразумно чрезмерно (*unreasonable*): «Так же как может великий рассудок отклоняться к холодности. . . , так великая изобретательность может обернуться чрезмерностью и сумасбродством (*wildness*)»<sup>28</sup>.

Необходимо остановиться и на уже упомянутом *sense*, играющем в семантическом поле рационального совершенно особую роль. В лексике Поупа *sense* характеризует объективную истинность, заложенный самой Природой или автором смысл явлений, понятий. В отдельных случаях *sense* – это истинный смысл вещей, восприятие их, адекватное замыслу Природы, и здесь возникает достаточно сложное для понимания тождество рационального и чувственного восприятия, так как верное чувствование и верное понимание в понятии *sense* – одно. Но чаще это понятие употребляется Поупом в рассуждениях об авторстве. Так, анализируя гомеровское творчество, он с особенным восхищением замечает, что Поэт «неизменно подбирает определенное звучание к определенному смыслу. . . Это действительно – одна из наиболее изящных красот в поэзии и достижимая очень немногими». Так виртуозно и тонко владеет языком из греческих поэтов, по мнению Поупа, только Гомер, а среди латинских авторов – Вергилий (31)<sup>29</sup>. Таким образом, *sense* – главное, что должен выразить Поэт. В великой поэзии все подчинено смыслу – так, у Гомера не только звучание слов согласуется со смыслом (*sense*), но и стихотворный размер работает на его выражение<sup>30</sup>. Так же как и в указанных выше случаях, где *sense* как здравый смысл противопоставляется *learning* и *wit*, в рассуждении о достоинствах и недостатках перевода «Одиссеи» Чэпмена Поуп противопоставляет *sense* и *meaning* как объективный «очевидный» и надуманный «тайный» смысл гомеровских строк (32)<sup>31</sup>.

Таким образом, *sense* в семантическом поле рационального является центральным по своему значению понятием, полнее всего наделенным объективной ценностью и выражающим объективную истину, непосредственное, правильное восприятие Природы и ее непогрешимых принципов. Необходимо заметить, что в английской лексике первой половины XVIII в. *reason* стягивает вокруг себя подавляющее большинство понятий, обозначающих когнитивную и творческую деятельность человека.

## Примечания

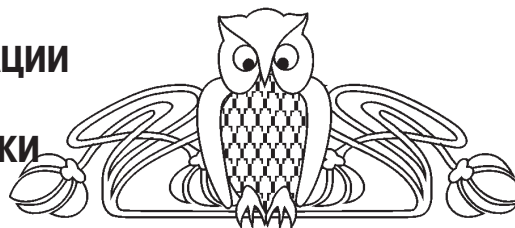
- 1 Schopenhauer A. Die Welt als Wille und Vorstellung : 2 Bde. Leipzig, 1859. B. 1. S. 225.
- 2 В переводе Ю. И. Айхенвальда: Великий дух всегда безумию сродни, / Стеною тонкою разделены они. Шопенгау-

- эра А. О четвероюм корне закона достаточного основания Т. 1. Мир как воля и представление. М., 1993. С. 306.
- 3 Dryden J. Absalom and Achitophel (I 163–164) // Dryden J. Poetry, Prose, and Plays / ed. D. Grant, Reynard Library edition. Hart-Davis, 1952. (См. комментарий В. Ф. Асмуса к русскому изданию 1992 г.). Далее номера строк и страниц даны в тексте в скобках.
- 4 Pope A. An Essay on Man // Pope A. An Essay on Man. 4 vols. Toronto, Fisher Rare Book Library. Facs. edn. Menston : Scolar Press, 1969. URL: <http://rpo.library.utoronto.ca/poem/1637.html> (дата обращения: 13.03.11).
- 5 Ibid.
- 6 Ibid. См. также комментарий Поупа к «An Essay on Man», VII.
- 7 Pope A. Essay on Criticism // Pope A. An Essay on Criticism (L., 1711). Facs. edn.: Scolar Press, 1970. URL: <http://rpo.library.utoronto.ca/poem/1634.html> (дата обращения: 13.03.11).
- 8 Ibid.
- 9 Ibid.
- 10 Pope A. Preface to Shakespeare / ed. by J. Lynch. L., 1728. URL: <http://andromeda.rutgers.edu/~jlynch/Texts/pope-shakespeare.html> (дата обращения: 05.12.11).
- 11 Ibid.
- 12 Pope A. Essay on Criticism.
- 13 Ibid.
- 14 Pope A. Preface to Shakespeare.
- 15 Pope A. Essay on Criticism.
- 16 Ibid.
- 17 Похожая мысль обнаруживается и в «Предисловии» к «Илиаде», где Поуп пишет об особом звучании языка Гомера, его поэзии, заявляя при этом, что, даже ничего не понимая (*understanding*), читатель будет наслаждаться ее звучанием (Pope A. Preface. 15 §100 // The Iliad of Homer, Translated by Mr. Pope. L. : W. Bowyer for Bernard Lintott. Vol. 1. URL: <https://tspace.library.utoronto.ca/html/1807/4350/displayprosead99.html?prosenum=15> (дата обращения: 05.05.11).
- 18 Pope A. Essay on Criticism.
- 19 Поуп А. Опыт о критике // Поуп А. Поэмы / пер. А. Сублинина. М., 1988.
- 20 Pope A. Essay on Criticism.
- 21 Ibid.
- 22 Ibid.
- 23 Ibid.
- 24 Ibid.
- 25 См. комментарий к «Опыту о критике» в кн.: Pope A. An Essay on Criticism (L. : Lewis, 1711). Facs. edn. : Scolar Press, 1970.
- 26 Pope A. Preface to Iliad. 23, §156.
- 27 Ibid. 20, §10. См.: Кирюшкина В. В. Поуп, Гомер и английский романтизм : предчувствие новой эстетики в культуре Просвещения // Вопр. культурологии. 2010. № 5. С. 38–43.
- 28 Ibid. 17, §120.
- 29 Ibid. 31.
- 30 Ibid. 15, §98.
- 31 Ibid.



УДК [94(71).02]

## УТВЕРЖДЕНИЕ БРИТАНСКОЙ АДМИНИСТРАЦИИ В КВЕБЕКЕ И ПРОБЛЕМА АДАПТАЦИИ ТРАДИЦИОННОЙ КОЛОНИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ (середина 1760-х гг.)



И. М. Нохрин

Челябинский государственный университет  
E-mail: ivan-nokhrin@yandex.ru

Статья посвящена изучению политики Великобритании в Квебеке в первые годы после окончания Семилетней войны. Автор сконцентрировал своё внимание на исследовании факторов её формирования: правительственном курсе, действиях генерал-губернаторов, конфликте интересов английского купечества и французской общины. Особое внимание уделено проблеме формирования политического курса колониальной администрации на основе борьбы «старых» и «новых» социальных групп.

**Ключевые слова:** история Британской империи, история Канады, британская колониальная политика, колониализм, Квебек, Британская Северная Америка, Парижский мир, Прокламация 1763 г.

### The Statement of the British Administration in Quebec and the Problem of Adaptation of the Traditional Colonial Policy (the Middle of 1760<sup>th</sup>)

I. M. Nokhrin

Article is devoted to studying of policy of Great Britain in Quebec in the first years after the termination of Seven-year war. The author has concentrated his attention on researching of factors of its formation: the governmental course, policy of governor-generals, the conflict of interests of English merchants and the French community. The special attention is given to a problem of formation of administration political course on the basis of struggle of «old» and «new» social groups.

**Key words:** history of British Empire, history of Canada, British colonial policy, colonialism, Quebec, British Northern America, Paris Treaty, Royal Proclamation of 1763.

В середине XVIII в. английской колониальной политике сопутствовал успех. Мощь доминировавшего на морях флота, обширные владения на всех известных континентах, огромные объёмы заморской торговли и денежных операций уже позволяли говорить о Великобритании как империи<sup>1</sup>. Семилетняя война 1756–1763 гг. завершилась выгодным Парижским миром, существенно подорвавшим заокеанские позиции главного конкурента – Франции. Договариваясь об условиях относительно американского континента, дипломаты Бурбонов предприняли всё возможное, дабы сохранить за своей короной сахарные плантации на Мартинике и в Гваделупе, предложив Лондону взамен канадские территории. Колония Новая Франция, или «несколько акров льда», как называл эти владения Ф. М. Вольтер, выражая распространённое мнение об их бесполезности,

обеими сторонами считалась гораздо менее ценным приобретением, нежели острова в Карибском море<sup>2</sup>. Однако Лондон руководствовался и соображениями безопасности для уже имевшихся североамериканских поселений, а потому предпочёл уступить в данном вопросе, продемонстрировав противнику готовность к компромиссу и ускорив тем самым подписание документа<sup>3</sup>.

В истории Канады, или, как её тогда называли англичане, Квебека, наступил переломный момент. Переход под управление другой метрополии означал коренные изменения во всей общественно-политической структуре колонии. Фактически именно от действий новых властей зависело её будущее. В связи с этим большую значимость приобретает изучение проблем, связанных с утверждением в Канаде британской администрации. Определение особенностей функционирования в первые годы после завоевания и установление определявших её политику факторов и является целью данного исследования. Статья призвана частично восполнить наметившийся недостаток работ по истории английской колониальной политики в Квебеке середины XVIII в.

Произошедшее имело немного аналогов в британской истории. Впервые после окончания Столетней войны английская корона распространила власть над столь обширным массивом французского населения. Несмотря на то что они были католиками и не знали языка, законов и традиций завоевателей, европейское происхождение и христианское вероисповедание абитанов (от фр. *habitant* – житель) не позволяло относиться к ним, как к «цветным» туземцам. Этим объясняется наличие краткого упоминания о канадцах в одной из статей Парижского мира, волей Его Британского Величества позволяющем любому продать имущество и «безо всякого судебного преследования» отправляться во Францию, а тем, кто пожелал бы остаться, гарантировалась свобода вероисповедания «в той мере, в которой это допускали законы Великобритании»<sup>4</sup>. Данные формулировки, несомненно, воспроизводили условия Утрехтского мира 1713 г., по которому английская корона аннексировала остров Ньюфаундленд и полуостров Новая Шотландия<sup>5</sup>. Но политические реалии существенно изменились: положение 2500 поселенцев Акадии (французское название полуострова Новая Шотландия) в начале XVIII в. и десятков тысяч колонистов Новой Франции



пятьдесят лет спустя не было одинаковым, в том числе и потому, что для последних в Северной Америке не осталось путей для отступления. Таким образом, Георг III одним росчерком пера прибавил к своим владениям обширнейшие территории с 80 000 новых подданных.

Социальная структура колонии во многом воспроизводила сословные общественные институты бывшей метрополии. Во главе её находились дворянство и духовенство, владевшие большей частью земельного фонда и осуществлявшие административные функции и судопроизводство. Крестьянство обрабатывало землю на правах феодальной цемзы, выполняло ряд уходящих корнями в средневековье повинностей и было исключено из политической жизни. Долгое время существование провинции Квебек обуславливалось прежде всего военно-стратегическими интересами короны<sup>6</sup>, а потому торгово-промышленные круги в ней оставались весьма немногочисленными и были представлены лишь занимавшимися лесными и рыбными промыслами сеньорами да агентами скупавших пушнину французских компаний<sup>7</sup>.

Приобретение столь чужеродного в социальном и культурном отношении владения поставило перед британским правительством проблему военного и административного контроля. Опираясь на информацию из военных донесений, лорды из министерства торговли заключили, что первоочередными задачами являются инкорпорирование Квебека в общую структуру заокеанских колоний, стимулирование англо-протестантской иммиграции, а в перспективе – ассимиляция местных жителей<sup>8</sup>. Учитывая, что численность населения уже имевшихся тринадцати американских провинций доходила до 1,7 млн. человек, такие планы выглядели вполне реалистичными<sup>9</sup>. Привлечь британских подданных в Канаду предполагалось путём установления привычных для них государственных институтов и законодательства по образцу уже существовавших в других североамериканских провинциях, организации раздачи земли военным и частным лицам, расширения военного присутствия и контроля. Эти идеи легли в основу Прокламации от 7 октября 1763 г., определившей политико-правовое устройство Квебека<sup>10</sup>.

Первый английский губернатор Канады генерал Джеймс Мюррей, возглавлявший прежде военное правительство, получил подробнейшие инструкции по осуществлению намеченного плана. Прежде всего в них объяснялся смысл пункта Парижского мирного договора, даровавшего французам свободу вероисповедания «в той мере, в которой это допускали законы Великобритании». Ссылаясь на антикатолические акты XVII в., правительство напоминало, что на британские владения не распространяется юрисдикция римской курии, запрещена любая деятельность галликанских священников за исключением той, что непосредственно связана с религиозными

обрядами, а самим «папистам» не дозволено занимать государственных должностей<sup>11</sup>. Первоочередной задачей губернатора становились созыв ассамблеи представителей колонистов, избрание членов консультативного совета и организация судебной системы в соответствии с английским правом<sup>12</sup>. Он также должен был содействовать развитию торговли и промышленности, бороться с пиратством и регулярно отчитываться о состоянии дел в провинции<sup>13</sup>.

Однако для самого Дж. Мюррея, проведенного в Канаде уже более 6 лет, такая стратегия Лондона оказалась неожиданностью. После завершения активных боевых действий генерал проводил весьма лояльную политику по отношению к квебекскому нобилитету, сохранив ему собственность и привилегии и опираясь на него в управлении колонией. Значительная часть прежней общественно-политической элиты (около 130 сеньоров, 100 городских и сельских джентльменов, 125 состоятельных купцов, 25 представителей бывшей администрации, 30 медиков и хирургов и такое же число адвокатов и нотариусов – по подсчётам Мюррея), несмотря на полученную возможность, отказалась от переезда во Францию и должна была, по замыслу губернатора, в будущем составить основу английской власти<sup>14</sup>. Требование скорейшего учреждения ассамблеи оценивалось им как невыполнимое, поскольку «в колонии находилось не более пяти десятков протестантов, за исключением солдат, которые имели бы право её избирать», причём большую их часть составляли «жестокие, невежественные и жадные фанатики, нажившиеся на бедствиях людей во время войны»<sup>15</sup>. Передача власти над тысячами канадцев горстке английских купцов и авантюристов, весьма далёких от тонкостей управления и лишь волей случая оказавшихся в этой части света, по мнению Мюррея, была чревата массовым недовольством и потерей контроля над Квебеком<sup>16</sup>. При этом губернатор создал консультативный совет, куда вошли его доверенные лица: полковник Паулус Ирвинг, капитан Самуэль Холланд, инженер Уолтер Мюррей, полевой хирург Адам Мабан, торговцы Бенджамин Прайс и Томас Данн и канадские предприниматели-гугеноты Эктор Краме и Франсуа Мунье<sup>17</sup>. Показательно, что все они тогда уже не первый год проживали в Квебеке.

В области законодательства Мюррей также посчитал необходимым отойти от правительственных инструкций. Вопреки антикатолическим актам он позволил канадцам заседать в жюри присяжных и сформировал для частных разбирательств так называемые суды по общим вопросам, в которых производство велось на французском языке и с применением довоенных норм права и традиций<sup>18</sup>. «Не создать такого рода суды, пока канадцы ничего не знают о наших законах и юстиционной практике, равносильно отправке корабля в открытое море без компаса и карт, – объяснил





губернатор королю свой поступок. – Конечно, корабль в таком случае начал бы искать убежище в более гостеприимном порту. Аналогично недальновидно доверять канадцев 10–12 британским торговцам, которые непременно станут наживаться на их неопытности и неграмотности, чем вызовут враждебное отношение к нашему правительству и законам»<sup>19</sup>. Мюррей даже был готов переименовать констеблей в бейлифов, если бы это избавило от трений между новой администрацией и местным населением<sup>20</sup>.

Кроме того, перед губернатором возникла деликатная проблема – поиск нового епископа для квебекской епархии. Прежний её глава А.-М. Д. Понбриан скончался в 1760 г., и с тех пор ни один священник в Канаде не мог пройти ритуала рукоположения. В результате военных действий и иммиграции число действующих служителей культа неуклонно сокращалось и в 1762 г. составляло порядка 140 человек из 200 довоенных<sup>21</sup>. Оставшиеся юре выполняли почти двойной объём работы, не всегда с нею полностью справляясь, что породило в католических кругах замысел пригласить недостающих клириков из Европы<sup>22</sup>. Обеспокоенный перспективой усиления иностранного влияния, Мюррей снова был вынужден пойти против английских законов и просить у Лондона возможности назначить епископа из числа канадцев, хоть это и выглядело как восстановление «папистской иерархии». Он убеждал главу министерства торговли лорда Галифакса, что кандидатом будет надёжный и лояльный человек, понимающий все тонкости политической ситуации, а от канадской общины требовал выдвижения на этот пост Ж.-О. Бриана как наиболее соответствующего указанным критериям<sup>23</sup>.

Первоначально в министерстве торговли воспротивились этой инициативе. Там отнюдь не отказались от идеи сделать из Квебека протестантскую страну, а также опасались передать даже малейшую толику власти в руки недавних врагов. Однако губернатору удалось доказать, что гораздо лучше позволить канадцам иметь собственного «карманного епископа в скромной семинарии», нежели столкнуться с народными волнениями на религиозной почве, массовой иммиграцией и подрывной деятельностью европейских агентов «папизма», прибытие которых вряд ли удалось бы предотвратить<sup>24</sup>. К середине 1766 г. долгие переговоры с Лондоном и Римом привели к появлению первого в Британской империи официально признанного католического епископа.

Политика Мюррея, как и следовало ожидать, вызвала острое недовольство среди обосновавшегося в Канаде английского купечества. Провозгласив мэрию Квебека, членство в которой представлялось только протестантам, единственным органом народного представительства, его лидеры обвинили губернатора в нарушении конституции, воспрепятствовании развитию торговли и подрыве авторитета королевской власти. Причиной этих

злоупотреблений был назван допуск католиков к судопроизводству, что, по мнению магистрата, противоречило древним английским законам и традициям<sup>25</sup>. Коммерсанты отправили королю несколько петиций, в которых доказывали, что колония полностью готова к созыву законодательной ассамблеи и нет никаких причин сохранять в ней «абсолютную власть военных» – губернатора и его совета. Зачастую негоцианты пытались представить собственные интересы в качестве государственных: «Процветание и счастье, – писали они в одном из обращений, – непременно придут на смену природной бедности Квебека, как только ассамблея, состоящая из по-настоящему верных и исполнительных подданных, возьмёт управление в свои руки»<sup>26</sup>.

Пытаясь защищаться, губернатор доказывал, что недовольство купечества вызвано единственно лишь желанием обогащения, а в силу этого стремлением к политическому влиянию<sup>27</sup>. Канадцы его деятельно поддержали. Не владея английским языком, они, тем не менее, составили петицию Георгу III, в которой благодарили за назначение столь справедливого и просвещённого правителя как Мюррей и просили не отдавать их под власть тех, «с кем можно разговаривать, лишь протягивая гиню в руке»<sup>28</sup>. Французы напоминали, что последние 4 года мир в Канаде был возможен только благодаря уважению властями традиций, языка и религии местных жителей, и выражали надежду, что король не позволит «тридцати торговцам» «обратить в рабство тысячи верных британских подданных»<sup>29</sup>. Для большей убедительности представитель французской общины Э. Краме отправился в Лондон, дабы лично донести до правящих кругов смысл проводимой губернатором политики и от имени соотечественников выразить одобрение по этому поводу.

Однако силы сторон были изначально неравны. В то время как Мюррей мог лишь отправлять в Лондон объяснительные письма, его противники, заручившись поддержкой столичной купеческой гильдии, через доверенных лиц и путём подкупа оказывали негласное давление на правительство. Для устранения неугодного губернатора требовался лишь удобный повод, и он представился чрезвычайно быстро. В течение 1765 г. парламент получил множество жалоб на канадскую администрацию: от поддержки католицизма и фаворитизма в отношении французских сеньоров до незаконных штрафов, противоправной задержки кораблей и товаров и даже неправильного расквартирования войск<sup>30</sup>. Они совпали по времени с введением гербового сбора в американских колониях, обернувшимся массовым недовольством среди поселенцев. Спасая правительство от кризиса, премьер-министр лорд Рокингем весной 1766 г. предпринял попытку успокоить общественность – отменил чрезвычайно непопулярный налог и вызвал в Лондон для разбирательства «скандально известного» губернатора Мюррея, полагая, что



тот являлся одним из факторов дестабилизации обстановки<sup>31</sup>.

В Лондоне главу квебекского правительства встретили недружелюбно. Управлявший министерством торговли лорд Хиллсборо отзывался о нём как о «слабом, невежественном, эгоистичном человеке, который абсолютно извратил смысл прокламации 1763 г. и действовал совершенно противоположно воле короля»<sup>32</sup>. Для расследования «злоупотреблений» губернатора, вызвавших так много жалоб, при ведомстве была создана специальная комиссия. Её выводы оказались менее категоричными. Констатировалось, что действия генерала подчинялись требованиям обстоятельств и то, что католиков допустили к участию в судопроизводстве, должно рассматриваться как условие сохранения мира в колонии<sup>33</sup>. В пользу Мюррея высказался и генеральный прокурор Квебека Ф. Мейзер, признавший, что тот, хотя и вышел за рамки собственных полномочий, действовал ради сохранения общественного спокойствия и справедливости. Он полностью поддерживал убеждённость губернатора в том, что «600 английских колонистов не могут выбирать правительство для 90 000 французов»<sup>34</sup>. Тем не менее новым королевским ордонансом суды по общим вопросам отменялись как неконституционные, а действие английского права распространялось на все сферы юридической практики<sup>35</sup>.

Положение Мюррея, как и оценка его деятельности, оказалось неоднозначным. Не дождав-шись ни обвинения, ни оправдания, он был снят с поста управляющего Квебеком в апреле 1767 г. В это время противостояние тори и вигов в английском парламенте находилось на пике напряжения и никто не проявил интереса к судьбе генерала<sup>36</sup>. Однако итоги деятельности губернатора оказались гораздо более далеко идущими, чем кто-либо мог тогда предположить.

Аннексия Квебека стала серьёзным испытанием гибкости политической структуры Британской империи. Новая колония – бывшая французская цитадель в Северной Америке – была совершенно не похожа на другие английские поселения на континенте. Реакцией Лондона на её чужеродность стал курс на ассимиляцию, орудием проведения которого определялась провинциальная администрация. Первый генерал-губернатор Мюррей оказался в чрезвычайно трудном положении, когда выполнение директив «центра» и Прокламации 1763 г. могло вызвать массовое недовольство среди местных жителей, а задержка с их реализацией порождала оппозиционные настроения среди немногочисленных в провинции, но влиятельных английских коммерсантов. Не представляя возможным управление Квебеком без содействия французов, он допустил их к участию в собственном совете, ведению судопроизводства и восстановил полноценную деятельность католической церкви. Такая компромиссная политика стала вызовом не только купечеству, рассчитывав-

шему получить полный контроль над завоёванной колонией, но и британскому правительству, чьи указания открыто нарушались. Отставка губернатора стала неизбежной, но вместе с тем империя получила ценный опыт адаптации колониальной политики к потребностям отдельных владений.

#### Примечания

- 1 См.: *Levine Ph.* The British Empire : Sunrise to Sunset. L., 2007. P. 13.
- 2 См.: *Данилов С. Ю.* История Канады. М., 2006. С. 42.
- 3 См.: *Jones R., Smith D. B.R., Francis D.* Origins : Canadian History to Confederation. Toronto, 2000. P. 167.
- 4 The Fourth Article of the Definitive Treaty of Peace, Concluded between the Kings of Great Britain and France, on the 10<sup>th</sup> day of February, in the year 1763 // A Collection of the Acts Passed in the Parliament of Great Britain and Other Public Acts Relative to Canada. Quebec, 1800. P. 26.
- 5 См.: *Акимов Ю. Г.* От межколониальных конфликтов к битве империй : англо-французское соперничество в Северной Америке в XVII – начале XVIII в. СПб., 2005. С. 507.
- 6 В годы Семилетней войны, как и задолго до неё, французская экономика эпохи «старого порядка» не испытывала особой потребности в колониях. Связанная многочисленными пережитками докапиталистических общественных отношений, она значительно отставала от британской как по темпам развития, так и по динамике освоения североамериканских территорий (см., например: *Акимов Ю. Г.* Указ. соч. С. 517–535).
- 7 См.: *Тишков В. А.* Освободительное движение в колониальной Канаде. М., 1978. С. 27–28.
- 8 См.: Enclosure in Letter from the Lords of Trade to Egremont, 8<sup>th</sup> of June 1763 // Documents Relating to the Constitutional History of Canada : in 2 vols / ed. by A. Shortt, A. G. Doughty V. 1. Ottawa, 1918. P. 139, 142–143, 159.
- 9 См.: *Иванян Э. А.* История США. М., 2004. С. 35.
- 10 См.: A Proclamation 1763 // A Collection of the Acts Passed in the Parliament... P. 28, 30.
- 11 См.: Egremont to Governor Murray, Aug. 13<sup>th</sup> 1763 // Documents Relating to the Constitutional History. P. 169.
- 12 См.: Commission of Captain-general & Governor in Chief of the Province of Quebec. // Ibid. P. 75, 177.
- 13 См.: Instructions to Governor Murray // Ibid. P. 200–203.
- 14 См.: *Wade M.* The French Canadians, 1760–1945. N. Y., 1955. P. 50.
- 15 Последняя характеристика была дана английским торговцам, вызывавшим у генерала сильную неприязнь. На сегодняшний день трудно сказать, чем именно было вызвано это отношение – традиционным восприятием представителя дворянства коммерсантов как низшего сословия, к чему склоняется известный канадский историк М. Уэйд, неправомерными действиями купцов в военные годы или личными конфликтами, – однако процитированное выражение было одним из самых мягких среди тех, что высказывал Дж. Мюррей в адрес английского торгового сословия (см.: *Wade M.* Op. cit. P. 55–56).
- 16 Ibid. P. 55.



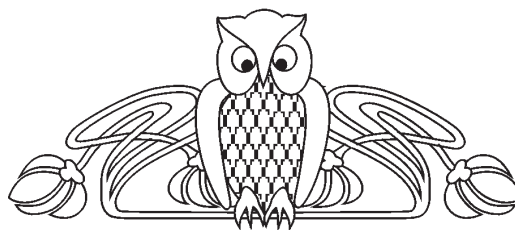
- <sup>17</sup> См.: *Burt A. L.* The Old Province of Quebec : in 2 vols. Toronto, 1968. Vol. 1. P. 76.
- <sup>18</sup> См.: Ordinance Establishing Civil Courts // Documents Relating to the Constitutional History. P. 206–207.
- <sup>19</sup> Ibid. P. 206.
- <sup>20</sup> Ibid. P. 208.
- <sup>21</sup> См.: *Jones R., Smith D. B. R., Francis D.* Op. cit. P. 174.
- <sup>22</sup> См.: *Kingsford W.* The History of Canada : in 10 vols. Toronto, 1892. Vol. 5. P. 173.
- <sup>23</sup> См.: *Burt A. L.* Op. cit. P. 85–86.
- <sup>24</sup> Ibid. P. 88–89.
- <sup>25</sup> См.: Presentment of the Grand Jury of Quebec // Documents Relating to the Constitutional History of Canada. P. 213–215.
- <sup>26</sup> Petition of the Quebec Traders // Report on Canadian Archives. 1888. Ottawa, 1889. P. 15–16.
- <sup>27</sup> См.: Governor Murray to the Lords of Trade, 29<sup>th</sup> Oct. 1764 // Documents Relating to the Constitutional History. P. 231.
- <sup>28</sup> Address of French Citizens to the King Regarding the Legal System // Ibid. P. 227.
- <sup>29</sup> Ibid. P. 228–229.
- <sup>30</sup> См.: *Browne G. P.* Murray, James // Dictionary of Canadian Biography : in 15 vols. Vol. IV. URL: [http://www.biographi.ca/009004-119.01-e.php?&id\\_nbr=2085](http://www.biographi.ca/009004-119.01-e.php?&id_nbr=2085) (дата обращения: 02.12.2011).
- <sup>31</sup> См.: *Mahon R. H.* Life of General the Hon. James Murray : a Builder of Canada Biographical Sketch of the Family of Murray of Elibank. L., 1921. P. 345–346.
- <sup>32</sup> Ibid. P. 353.
- <sup>33</sup> См.: Report to the Lords of the Committee for Plantation Affairs, on Several Papers Relative to Ordinances & Constitutions Made by the Governor of Quebec // Documents Relating to the Constitutional History. P. 243.
- <sup>34</sup> Considerations On The Expediency Of Procuring An Act Of Parliament For The Settlement Of The Province Of Quebec (by Baron Maseres) // Ibid. P. 261, 266–267.
- <sup>35</sup> См.: An Ordinance, To Alter and Amend an Ordinance of His Excellency the Governor and His Majesty's Council of this Province, Passed the Seventeenth Day of September 1764 // Ibid. P. 49–250.
- <sup>36</sup> См.: *Mahon R. H.* Op. cit. P. 373–374.

УДК 94(415).07

## АНГЛИЙСКИЕ ДИССЕНТЕРЫ В ДИСКУССИИ ОБ АМЕРИКАНСКОЙ НЕЗАВИСИМОСТИ

Е. А. Зиновьева

Самарский филиал Московского городского педагогического университета  
E-mail: ekazinov@gmail.com



В статье рассматривается проблема отношения английских «рациональных» диссентеров к американской революции и независимости. Анализ сделан на основе произведений ключевых фигур движения диссентеров, которые оказывали большое влияние на английскую и американскую общественную и религиозную жизнь в конце XVIII в.

**Ключевые слова:** американская революция, диссентеры, «рациональные» диссентеры, независимость, неконформизм.

### English Dissenters in Discussion on Matters of American Independence

Е. А. Zinovyeva

The article deals with the problem of relations of the English «rational» dissenters to the American Revolution and independence. Analysis is based on works of the key figures of dissenter's movement, who had a great influence on English and American social and religious life in the late XVIII century.

**Key words:** American Revolution, dissenters, «rational» dissenters, independent, nonconformity.

Вторая половина XVIII в. была политически бурной по обе стороны Атлантики. Конфликт между Англией и ее колонией, инспирированный множеством противоречий, привел к войне и основанию впоследствии независимого государства.

В то время как в колониальном обществе набирал силу дух независимости, в английском обществе все более явным становилось недовольство и противостояние действиям собственного правительства. Одним из острейших вопросов, который разделил английское общество того времени, естественно, стал вопрос взаимоотношений с Америкой.

Явление английского проамериканизма третьей четверти XVIII в. в последние годы представляет для исследователей значительный интерес<sup>1</sup>. Большой путь в изучении данного вопроса проделан британскими и американскими историками, но в отечественной исторической науке эта проблема, к сожалению, была обойдена должным вниманием.

Одной из наиболее интересных социальных групп, высказывавших недовольство в отношении американской политики британского правительства, были религиозные диссентеры. Если рассматривать вопрос с формальной точки зрения, то диссентеры – это те, кто отделился от англиканской церкви. Первоначально этот термин относился и к католикам, но сейчас обычно ограничиваются значением «протестантские диссентеры»<sup>2</sup>. Эта категория включала в себя множество сект, конгрегаций и религиозных об-





щин (пресвитериане, конгрегационалисты, методисты, квакеры и баптисты, унитарии). Отличие диссентеров от социально превосходящих слоев, дискриминация их гражданских прав<sup>3</sup> вызывали недовольство, и их вынужденная субординация приводила к устойчивому скрытому волнению и протесту<sup>4</sup>. Так, по словам английского исследователя Джона Сида, диссентеры XVIII в. стали существенным фактором оппозиции ганноверскому правлению. Особенно отмечена историками высокая политическая активность диссентеров в оппозиционных движениях 1770–1780-х гг. – в их отношении к американской революции, Актам о присяге и корпорациях, рабству и работорговле, существующей избирательной системе.

В XVIII в. одна из групп диссентеров была известна под названием «рациональные диссентеры». Во многих отношениях они были ближе, чем другие диссентерские деноминации, к англиканам своего времени, однако считали, что государственные религии посягают на свободу совести. Они яростно выступали против иерархической структуры англиканской церкви и ее финансовых связей с правительством. Как и умеренные англикане, диссентеры желали упорядочения церкви, но основывали свое мнение на здравом смысле и Библии, а не на обращении к традиции и авторитету. Они отвергали доктрины Троицы и первородного греха, считая их иррациональными. «Рациональные» диссентеры считали, что христианство и вера могут рассматриваться и оцениваться с помощью новых формирующихся дисциплин науки и что результатом этого будет еще более сильная вера в Бога<sup>5</sup>.

Анализ взглядов «рациональных» диссентеров позволяет думать, что они, вероятно, рассматривали религию не только как теологию и набор доктрин, но и как совокупность представлений о политическом и нравственном устройстве общества.

Одним из известнейших представителей «рациональных» диссентеров, чьим вниманием колонисты точно не были обделены, был Ричард Прайс (1723–1794) – британский священник, который получил значительную историческую известность. Он транслировал в своих работах явно проамериканские взгляды. Прайса уважали как специалиста в области экономики, политики и богословия. Декларируя свою лояльность по отношению к британскому правительству, он, тем не менее, возражал против необоснованных, на его взгляд, финансовых и гражданских ограничений, наложенных на американских колонистов до 1775 г.<sup>6</sup> Начало военных действий не изменило его проамериканского настроения, а в начале 1776 г. он твердо поддержал свои принципы в известном памфлете «Наблюдения о природе гражданских свобод, принципах управления, справедливости и политике войны с Америкой»<sup>7</sup>. Эта работа была продана в количестве более 60 тыс. экземпляров, в том числе и второе издание, напечатанное в 1777 г.

В этом памфлете Р. Прайс одобрял американскую патриотическую концепцию и концепцию естественных прав Локка. В своих проповедях и других опубликованных работах он продолжал оказывать поддержку Америке в течение всей войны. Многие из американских отцов-основателей были хорошо знакомы с его работами, а Джон Адамс и Томас Джефферсон после военного конфликта побывали в Англии и лично поблагодарили его<sup>8</sup>.

Проблема свободы была крайне болезненным вопросом для диссентеров, поскольку на протяжении не одного века они не ощущали себя полноправными гражданами своей страны. Британская корона, даровав им свободу вероисповедания, ограничила их участие в государственных делах. Прайс в одной из глав вышеназванного памфлета, посвященной природе свободы, писал: «Для того чтобы получить более четкое и точное представление о природе свободы как таковой, будет полезно рассматривать ее в рамках четырех главных элементов. Во-первых, физическая свобода, во-вторых, моральная свобода, в-третьих, религиозная свобода. И, в-четвертых, гражданская свобода»<sup>9</sup>. Гражданская свобода определяется у Прайса таким образом: «Гражданская Свобода есть сила Гражданского общества или государства управлять собой по своему усмотрению, или по своим законным решениям, не подвергаясь какому-либо иностранному усмотрению, или наложению любой посторонней воли или власти»<sup>10</sup>. Нетрудно заметить, что, говоря о ценности самоуправления народа, Прайс сравнивает ограничение гражданских свобод целого народа с ограничением свобод религиозной общины: «Также и тот, кто в религии, не может управлять собой по убеждениям своего религиозного долга, но обязан соблюдать формальные стороны веры, на практике соблюдать формы поклонения, возложенные на него другими, хочет религиозной свободы»<sup>11</sup>. И уже совершенно конкретно автор говорит о насущных проблемах своей страны, связанных со взаимоотношениями с колониями: «Отсюда очевидно, что гражданскими свободами в их самой совершенной степени можно наслаждаться только в небольших государствах, где каждый член в состоянии реализовать свое избирательное право и быть выбранным в государственные учреждения. Когда государство становится таким обширным или когда различные его части удаляются на такое расстояние друг от друга, обязательно возникает ограничение Свободы»<sup>12</sup>. Собственно, одним из главных обвинений Прайса в адрес правительства было то, что оно не давало колонистам представительства в парламенте. «Как достичь всех целей правительства, и в то же время обезопасить права человека, если все члены государства не могут реализовать их избирательные права в государственных делах, индивидуально и лично, они могут сделать это путем назначения представителей. Они могут доверить полномочия законодательства делегатам,



а также уполномочить их делать все в пределах своего доверия...»<sup>13</sup>.

Во второй части произведения диссентер оспаривает аргументы английского правительства, которое, по его словам, оправдывало свои действия стремлением «сохранить единство Британской империи». Прайс утверждает, что такого рода аргументы во все времена использовались для оправдания тирании. И здесь снова автор находит аналогию между проблемами политическими и религиозными. Попытки Британии сохранить единство путем давления на колонию автор сравнивает с претензиями папы римского на звание и полномочия верховного главы всей христианской церкви, что, по мнению Прайса, не могло не породить разногласий и раздора<sup>14</sup>.

Другое значительное произведение Прайса на эту тему – «Наблюдения о важности американской революции и способах сделать ее полезной для мира» 1784 г. Оно было предназначено именно для американских читателей. В этом памфлете Прайс высказывает искреннее восхищение тем, что, по его мнению, революция, которая принесет свободу Америке, начнет новый этап, новую эру в истории всего человечества, откроет для него новые перспективы. Она неизбежно повлияет и на самих британцев, которые «будут достаточно мудры, чтобы увидеть деспотизм своих министров и зажечь в себе пламя добродетельной свободы, которое сохранили их американские собратья»<sup>15</sup>. В отдельной главе памфлета под названием «Свобода совести и гражданские учреждения религии» автор предостерегает новообразовавшееся государство от нарушения принципа толерантности, которая возможна лишь тогда, когда один способ исповедания не преобладает над другими на законодательном уровне, когда государство и закон не отдают явного предпочтения одной вере и не подавляют представителей другой. Отрицание государственной церкви приводит к тому, что автор напрямую говорит: «Дух религиозных учреждений противоположен духу христианства». Далее он резюмирует, что в европейских странах церковная иерархия дошла до степени абсурда и рабства, и с горечью признает, что, сросшись с государством, церковь уже защищена от необходимости изменений и избавления от недостатков. Здесь Прайсу остается лишь уповать на Соединенные Штаты и призывать «следовать за ними в этом вопросе». Хотя сказать, что автор полностью идеализирует штаты, нельзя. Так, он подмечает, что во многих штатах для избрания в законодательные органы кандидат должен подтвердить свою приверженность христианству (в каждом штате своя формулировка – христианской религии, Священному писанию, вере в Иисуса Христа), из-за чего во властные органы могут не попасть талантливые, честные и способные люди<sup>16</sup>.

Еще одним англичанином, который в своих произведениях затрагивал тему независимости Америки, был священник Джозеф Пристли

(1733–1804). Известный в интеллектуальных кругах как ученый-эксперименталист, философ, общественный деятель, он был также отмечен вниманием за сочувствие колониальным событиям. В написанном еще в дореволюционный период памфлете «Нынешнее состояние свободы в Великобритании и ее колониях...» (1769) он решительно осудил то, что считал превышением власти со стороны парламента над американскими колониями. Перед парламентскими выборами 1774 г. он предупреждал, что репрессивные меры против американского права могут иметь последствия и для самих британцев. После начала конфликта Пристли присоединился к другим проамериканистам и искренне поддерживал повстанцев. В результате его взгляды стали причиной эмиграции в Америку (1796 г.), где он и провел остаток жизни<sup>17</sup>.

В «Эссе о первых принципах государства и о природе политической, гражданской и религиозной свободы» (1768) в главе о политической свободе диссентер пишет о неотъемлемости человеческих естественных прав, о необходимости освобождения от гнета, что «должно быть единственно верной и правильной основой всех правительств, существующих в мире»<sup>18</sup>. А в части работы, посвященной религиозной свободе и терпимости, Пристли упоминает, что процветание отдельного региона или всей страны зависит и от того, насколько власть терпима к своему народу, в какой мере население свободно в вопросах религии, и как позитивный пример такой политики приводит Пенсильванию в Америке и Голландию в Европе<sup>19</sup>. Подобно Р. Прайсу Пристли не отделяет вопросы свободы политического волеизъявления от проблем религиозной свободы.

В «Обращении к протестантским диссентерам всех деноминаций в связи с выборами в члены парламента, в отношении состояния общественной свободы в целом и американских дел в частности», опубликованном в Лондоне в 1774 г., Пристли предостерегает от притеснения Америки, поскольку это будет иметь последствия для свободы в Англии. Автор замечает, что нигде, кроме Америки, нет столько диссентеров и виггов, которые отличились бы в деле борьбы за религиозную терпимость<sup>20</sup>.

Исследователи отмечают, что изучение британских проамериканистов зачастую ограничивается изучением достаточно немногочисленной группы людей, которая представляла собой своеобразную интеллектуальную элиту. Однако существовали и другие проамерикански настроенные диссентеры, гораздо менее известные, чем Ричард Прайс и Джозеф Пристли. Так, одним из наиболее интересных их представителей был Теофил Линдси – бывший священник, который в 1774 г. создал первую унитаристскую церковь в Лондоне. Многие из радикалов города встречались там, чтобы высказаться в поддержку американской независимости, и Линдси, который



переписывался с Джоном Адамсом, было присуще идеалистическое видение Соединенных Штатов как убежища для угнетенных европейцев<sup>21</sup>.

Другим представителем неконформистов в Великобритании, которые поддержали Америку, был Калеб Эванс – преподаватель богословия и филантроп из Бристоля, прославившийся тем, что основал Бристольское общество образования<sup>22</sup>. В 1775 г. он написал проповедь «Конституционные свободы», в которой говорилось о том, что «свобода, к которой мы стремимся как британцы и протестанты, это не только гражданская, но и религиозная свобода»<sup>23</sup>.

В 1775 г. Джон Уэсли выпустил обращение к колонистам, в котором утверждал, что никакой тирании со стороны британского правительства в отношении колоний не было. На это обращение К. Эванс ответил публикацией (1778), в которой писал: «Налогообложение и представительство неразделимы. Это положение лежит в основе закона, <...> давая англичанину голос в законодательстве страны, почему мы должны лишиться этой привилегии наших сограждан в Америке»<sup>24</sup>. Мыслители-диссентеры почти никогда не рассматривали проблему колонии в отрыве от тех вопросов, что беспокоили их в отношении своей родины. Они понимали события конца 1760–1770-х гг. как единый конституциональный кризис, происходящий на двух географических аренах.

Единство диссентеров как особого слоя английского общества – это одна из сложнейших и спорных проблем для исследователей. Они представляли собой крайне разнородное в социальном, политическом и даже религиозном смысле сообщество из разных конгломераций и общин. Отношение к событиям в колонии и американской революции было тем вопросом, по которому авторитетные диссентеры высказывали достаточно схожую точку зрения. Поддержка американской революции стала одним из мотивов, объединявших устремления диссентеров, в частности к тому, чтобы защитить и свои собственные гражданские права.

## Примечания

<sup>1</sup> *Bonwick C.* English Radicals and the American Revolution. Chapel Hill, 1977 ; *Sheldon S. C.* British supporters of the American revolution, 1775–1783 : the role of the ‘middle level’ activists. N. Y., 2004 ; *Bradley J. E.* Religion, Revolution and the English Radicalism. Nonconformity in Eighteenth-Century Politics and Society. Cambridge, 1990 ; *Bell J. B.* A War of Religion. Dissenters, Anglicans, and the American Revolution. N. Y., 2008 ; *Bowers J. D.* Joseph Priestley and English Unitarianism in America. Pennsyl-

vania State University, 2007 ; *Mills S.* Joseph Priestley and the Intellectual Culture of Rational Dissent, 1752–1796. L., 2009.

<sup>2</sup> Oxford dictionary of the Christian Church. Oxford, 1997. P. 490.

<sup>3</sup> Английские диссентеры были ограничены в религиозных правах и, несмотря на акт о веротерпимости 1689 г., подвергались дискриминации. Это выражалось в том, что их священники должны были давать присягу о признании 39 статей елизаветинской реформации; от диссентеров требовалась регистрация их объединений у местного епископа или мирового судьи; они должны были проводить свои богослужения открыто, платить десятину англиканской церкви и т. д. (см.: *Семенов С. Б.* Радикальное движение и борьба за парламентскую реформу в Англии во второй половине XVIII в. Самара, 2008. С. 152.)

<sup>4</sup> *Bonwick C.* Op. cit. P. XIII.

<sup>5</sup> *Lovegrove D. W.* Established Church, Sectarian People, Itinerancy and the transformation of English Dissent, 1780–1830. Cambridge, 1988. P. 197.

<sup>6</sup> *Sheldon S. C.* Op. cit. P. 14.

<sup>7</sup> *Price R.* Observations on the Nature of Civil Liberty, the Principles of Government, and the Justice and Policy of the War with America. L., 1776.

<sup>8</sup> *Sheldon S. C.* Op. cit. P. 29.

<sup>9</sup> *Price R.* Observations on the Nature of Civil Liberty... P. 5–6.

<sup>10</sup> Ibid. P. 7–8.

<sup>11</sup> Ibid. P. 10.

<sup>12</sup> Ibid. P. 11.

<sup>13</sup> Ibid.

<sup>14</sup> Ibid. P. 22–24.

<sup>15</sup> *Price R.* Observations on the Importance of the American Revolution, and the Means of Making it a Benefit to the World. L., 1785. P. 9.

<sup>16</sup> Ibid. P. 34–50.

<sup>17</sup> *Sheldon S. C.* Op. cit. P. 138.

<sup>18</sup> *Priestley J.* An Essay on the First Principles of Government, and on the Nature of Political, Civil, and Religious Liberty. L., 1771. P. 47–48.

<sup>19</sup> Ibid. P. 112.

<sup>20</sup> *Priestley J.* An Address to Protestant Dissenters of all Denominations on the Approaching Election of Members of Parliament, with Respect to the State of Public Liberty in General, and of American Affairs in Particular. L., 1774. P. 5–6.

<sup>21</sup> *Sheldon S. C.* Op. cit. P. 21–22.

<sup>22</sup> *Moon N. S.* Caleb Evans : founder of the Bristol Education Society. Bristol, 1971. P. 23.

<sup>23</sup> *Caleb Evans.* British constitutional liberty : A sermon, preached in Broad-Mead. Bristol, 1775. P. 10.

<sup>24</sup> *Sheldon S. C.* Op. cit. P. 54.





УДК 821.111.09+821.161.1.09+929 [Честертон+Каверин]

## ЧЕСТЕРТОНОВСКИЕ МОТИВЫ В ТВОРЧЕСТВЕ В. КАВЕРИНА

О. В. Шиндина

Саратовский государственный университет  
E-mail: oshindina@yandex.ru

Статья посвящена сопоставительному анализу некоторых формально-содержательных особенностей романа Г. К. Честертона «Возвращение Дон Кихота» и романа В. Каверина «Художник неизвестен». В статье рассматриваются параллели в сюжетном построении, мотивно-образной структуре обоих произведений и идейно-философские категории, связанные для обоих писателей со средневековыми рыцарскими идеалами достоинства и чести.  
**Ключевые слова:** Честертон, Каверин, Тынянов, Дон Кихот, средневековье, социальное устройство, авторитарный дискурс, романский жанр, метатекст, русский формализм (ОПОЯЗ).

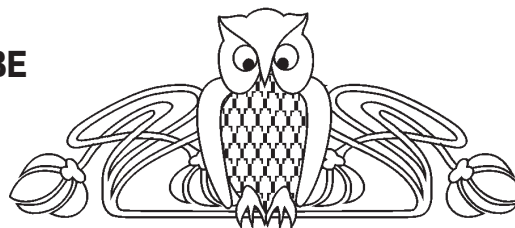
### Chesterton's Motives in the Novel V. Kaverin

O. V. Shindina

The article is dedicated to the comparative analysis of some formal-peculiarities of Gilbert Keith Chesterton's novel «The return of Don Quixote» and Veniamin Kaverin's novel «Художник неизвестен». The author of the article analyzes parallels in the construction of the plot, structure of motives and images of both novels, and philosophic categories, connected for both writers with ideals of honor of Medieval knights.

**Key words:** Chesterton, Kaverin, Tytynanov, Don Quixote, medievalism, social system, totalitarian discourse, novel genre, metatext, Russian formalism (ОПОЯЗ).

Тема данной статьи родилась из желания рационально осмыслить интуитивно ощущаемое сходство некоторых формально-содержательных особенностей романа В. Каверина «Художник неизвестен» (1931) и романа Гилберта Кийта Честертона «Возвращение Дон Кихота» (1927), который, будучи посвящен теме средневековой утопии, пронизан рассуждениями о социальной справедливости в современном обществе. Образ Дон Кихота у английского писателя своими прямыми реминисценциями связан с романом Сервантеса, но имеет и экстраэстетические коннотации, отсылающие осведомленного читателя к еженедельной газете Честертона, образно называемой его современниками «школой средневековья». В сюжетном и мотивно-образном построении, в системе персонажей в обоих произведениях прослеживаются определенные параллели, которые, безусловно, не могут быть интерпретированы как буквальное следование Каверина честертоновской поэтике – вероятнее предположение о «транспонировании» Кавериним гуманистических идей Честертона (крупнейшего апологета христианства), связанных с классической, ренессансной культурой, на русскую почву. Закономерно существенное уси-



ление исследовательского внимания к творчеству философа и гуманиста Честертона и в наши дни<sup>1</sup>.

Несложно заметить, что главные герои обоих романов пытаются воссоздать средневековый мир, искренне веруя в его жизнеутверждающие начала, мотив обретения любви персонажами является одним из значимых, цветовая символика и мотив живописи занимают одно из самых важных мест в их образной структуре. Наконец, образ современного Дон Кихота становится центральным в системе персонажей в этих произведениях<sup>2</sup>.

Подобное обращение к английской литературе в целом и творчеству Честертона в частности представляется органичным для филолога и прозаика В. Каверина, сформировавшегося под прямым воздействием блестящего знатока литературы Ю. Тынянова и еще успешного ощутить то увлечение английской культурой, которым было охвачено русское общество на рубеже XIX–XX вв. (достаточно вспомнить автобиографический роман В. Набокова «Другие берега», где выразительно описывается влияние английской культуры на воспитание детей, быт, стиль поведения, художественные и литературные интересы и т. д.). Вполне допустимо предположить, что Каверин мог ознакомиться с текстом романа Г. К. Честертона в оригинале, притом что творчество Честертона было широко известно читающей публике по роману «Человек, который был Четвергом», который переводили на русский язык неоднократно<sup>3</sup>. Роман Честертона «Жив человек», изданный в 1924 г., был представлен переводом «русского денди» В. Стенича. Внимание Каверина к прозе английского писателя могло быть также привлечено благодаря знаменитой одноименной постановке А. Таирова по роману Честертона «Человек, который был Четвергом» по сценарию С. Кржижановского, осуществленной Камерным театром в 1923 г. С этим спектаклем театр выезжал на гастроли в Ленинград, где в то время уже несколько лет жил Каверин, поселившийся в семье Ю. Тынянова. Спектакль был охарактеризован критиками как не удавшийся Таирову опыт формального «урбанистического современничества»<sup>4</sup>. Возможность не собственно литературного, а именно театрального восприятия Кавериним творчества Честертона подтверждается темой театра, разнообразно воплощенной в поэтике романа «Художник неизвестен». Актуализация художественных текстов Честертона для Каверина-прозаика могла произойти благодаря участию



в постановке С. Кржижановского, с творчеством которого Каверина объединяет, в частности, интерес к метатекстуальным построениям в прозе. Именно Кржижановский выделяет роль в становлении и развитии театральной эстетики того времени А. Т. Гофмана<sup>5</sup> – наиболее любимого и чтимого Кавериним писателя, с именем которого он связывал свое становление как прозаика.

Возможность сопоставления романов «Возвращение Дон Кихота» и «Художник неизвестен» лежит не в плоскости буквального сравнения честертонских сюжетных ходов с фабулой каверинского романа или «калькирования» системы его персонажей Кавериним, а в глубинной общности идейно-философской проблематики, волнующей обоих писателей, которые опираются на тему средневековой культуры и предлагаемых ею художественно-эстетических и религиозно-нравственных ценностей, осмысляемых Честертонем и Кавериним в контексте современной социальной действительности. Честертон, идеализировавший средневековые теологию, хозяйство и в целом Англию до отпадения ее от католического мира и активно участвовавший в дистрибутистской лиге, чрезвычайно волновали вопросы отчуждения продуктов труда от труженика. Каверин, опубликовавший свой роман в 1931 г., находясь под давлением жесткой идеологической цензуры, мог лишь намекать на социалистическую «уравниловку», против которой прямо высказывался Честертон в дискуссии с Б. Шоу, защищавшим достоинства социалистического хозяйства. Роман Каверина был создан после завершения НЭПа, что по времени совпадало с началом строительства знаменитого Беломорканала<sup>6</sup>. Тема «доблестного труда» (характерное выражение советских газет того времени) звучит в речах главного героя Архимедова в лексически инвертированной конструкции, принципиально меняющей семантическое наполнение газетного клише: «Я хотел сделать труд доблестью, радостью – усталость»<sup>7</sup>. В советском романе идея доблестного труда могла напрямую ассоциироваться только с глобальной темой официальной советской литературы, к тому времени втиснутой в прокрустово ложе социалистического реализма, – темой строительства социалистического общества, индустриализации России. В первой же главе романа Архимедов в разговоре со Шпекторовым связывает эти актуальные темы, перенося их (волей автора) в исторически далекий и потому относительно безопасный средневековый период<sup>8</sup>: «Я думаю об отставании морали от техники <...> о том, что личное достоинство... – Смешанный звон голосов и посуды прервал его» (8). Гигантский социальный эксперимент, воплощаемый в жизнь силами того же Шпекторова, превращает этого персонажа в демиурга, поднимающегося над необходимостью рефлексировать на морально-нравственные темы: «Мораль? <...> У меня нет времени, чтобы задуматься над этим словом.

Я занят. Я строю социализм. <...> Наша мораль – это мораль сотворения мира» (10). Каверинская мысль «об отставании морали от техники» близка рассуждениям библиотекаря Херна – Дон Кихота из честертонского романа: «Ваша техника стала такой бесчеловечной, что уподобилась природе. Да, она стала второй природой, далекой, жестокой, равнодушной. Рыцарь снова блуждает в лесу, только вместо деревьев – трубы <...> Вы приковали человека к чудовищным орудиям, вы оправдали наваждение Дон Кихота: мельницы ваши – великаны»<sup>9</sup>.

Рассмотрим некоторые сюжетно-содержательные особенности романа В. Каверина. Архимедов и Шпекторов – два центральных действующих лица каверинского романа – образуют в системе персонажей своеобразную оппозицию, в которой Архимедову отведена роль современного Дон Кихота, а Шпекторову – рационального, прагматичного, укорененного в прозе жизни Санчо Пансы, который предлагает своему другу разумное поведение: «Поставь же в угол свою шпагу, отдай ее актерам или детям. Иди запишись на биржу труда, ты ведь, кажется, когда-то служил в аптеке. Пользуйся выходными днями, учишь рисовать. Может, придет время, когда мы позовем тебя раскрасить наши знамена» (99). Каверин усиливает это литературное сближение тем, что Архимедов ассоциируется у Шпекторова с образом Дон Кихота: «Ты – книга, которую читали в детстве наши старшие братья <...> Я помню ее. Ты был изображен на обложке в панцире, в латах. Средневековье, которое теперь предлагаешь включить в пятилетний план» (98). У Честертона в романе также два персонажа, которым отведены роли сервантесовских героев (Херну роль Дон Кихота, Мэррелу – Санчо Пансы): «Быть может, когда-нибудь расскажут, как новый Дон Кихот и новый Санча Панса бродили по английским дорогам. <...> о том, как Мэррел вторил Херну <...> Возможно, рыцарю и оруженосцу не хватало важности, но добро они творили» (118–119). Показательно и то, что каверинскому сравнению Архимедова с книгой о Дон Кихоте у Честертона находится параллель – любительская драма о рыцаре Блонделе, в которой Херну отведена главная роль, приводит к перевоплощению библиотекаря в Дон Кихота.

Подобно тому как персонажи Честертона, воссоздающие средневековый мир в театрализованном представлении, начинают его как шутку, а затем всерьез пытаются перенести рыцарские идеалы в современность, Архимедов провозглашает средневековую этику труда, начиная сражение за нее, но не в профаническом пространстве современной ему городской действительности, пропитанной советской идеологией и пафосом революционного переустройства мира, а внутри театра (ленинградского ТЮЗа), олицетворяющего вневременной топос сакральных ценностей. Театральный реквизит и декорации подчеркивают



гротескное двойничество (в этом видится сознательное следование Каверина гофмановской поэтике) Архимедова с Дон Кихотом: шпага – один из главных атрибутов Рыцаря печального образа – украшена «полукруглой чашкой вместо гарды обыкновенных шпаг; и бант, синий с розовым, был завязан вокруг рукояти...» (94). Театральное пространство, в котором начинается «битва» под предводительством Архимедова за средневековое понимание доблести и достоинства, отделяется Кавериним от будничной топографии советского Ленинграда («социалистического города» (15)), уподобляясь вневременному миру, в котором воплощены высокие ценности искусства. Этот «текст внутри текста» Каверин усложняет еще одной вложенной структурой – сном-аллегорией Архимедова, в котором происходит полное слияние героя с образом Дон Кихота, чей героический облик сменяется гротескным: «И забрало само поднимается вверх, и он видит в одной руке противень, в другой ухват, и конь его на трех колесах, тощий, с задраным мочальным хвостом, и не шлем, а таз для варенья торчит на голове, начищенный, гулкий, с петушиным пером...» (96). У Честертона облик Дон Кихота показан с точки зрения восприятия его разными персонажами; так, не питающий почтения к «романтическим карнавалам» Джон Брейнтри видит в сподвижниках Херна «ряженных» с «символическими топориками»; автор-повествователь описывает рыцарский меч Херна как засверкавший огнем, «как меч Архистратига» [93].

Следует подчеркнуть, что тема Англии, опосредующая фигуру Честертона, прямо эксплицитирована Кавериним в тексте романа. В первой же главе, насыщенной мотивами «зазеркалья», двойников-отражений<sup>10</sup>, появляется образ Лондона, введенный через описание киноафиши и заключенный Кавериним в скобки, актуализирующие метатекстуальный характер этой ремарки: «Это был Лондон. Лил дождь. Блестели макинтоши. Вторые актеры шли парами, тесно прижавшись друг к другу. Очерченный туманом нимб светился вокруг фонаря» (8). Английская тема в дальнейшем усилена мотивом творчества Чарльза Диккенса благодаря поставленной ТЮЗом пьесе «Гражданин Дарней», переделанной из его «Повести о двух городах». Обращение Каверина к этому произведению, сцены из которого воображает герой-рассказчик, представляется показательным по крайней мере по трем причинам: роман Диккенса обращен к событиям Великой французской революции (Архимедов, подобно честертоновскому библиотекарю Херну, обуреваем идеей переустройства мира); в системе героев романа Диккенс четко выделяет двух персонажей-мужчин, влюбленных в одну женщину (любовный «треугольник» связывает и Архимедова, Шпекторова и Эсфирь, жену Архимедова); остросюжетные конструкции, которые блистательно выстраивает в своем романе

Диккенс, интересовали «серапионова брата» Каверина, вслед за Л. Лунцем манифестировавшего мастерски выстроенную фабулу. Наконец, «театральный бунт» под водительством Архимедова происходит на фоне декораций Вестминстерского аббатства (93).

Именно вокруг упоминаемой афиши, выполненной в конструктивистской манере, начинается спор Архимедова и Шпекторова, для которого научно-технические достижения западной цивилизации – всего лишь «ящик с инструментами, без которых нельзя построить даже дощатый сарай, не только социализм» (8). Архимедов настаивает на иллюзорности представлений о том, что можно воспользоваться техническими достижениями западного, капиталистического общества, не уделяя должного внимания вопросам «трудовой морали», значимость которой он доказывает, опираясь на средневековую трудовую этику: «Ящик с инструментами – этого мало для того, чтобы начать новую эру. В пятнадцатом веке ни одна мастерская не могла принять подмастерья раньше, чем он принесет присягу в том, что будет честно заниматься своим делом согласно уставу и целям государства. <...> Декрет о трудовой морали – попробуй представить себе, что он будет принят на очередной сессии ЦИКа»<sup>11</sup> (8–9). Архимедов подкрепляет свои рассуждения, указывая на неудачный, с его точки зрения, жакетовский щит и осуждая художника, который «плохо исполнил свою работу, смешав гербы ремесла с эмблемами власти», за то, что «он не понимает связи между личным достоинством и ответственностью за труд» (9). Эта мысль, вложенная в уста персонажа, заведомо обреченного на поражение, представляется принципиально значимой для Каверина, который в этом высказывании не только возражает против подчинения ответственного, творческого труда «эмблемам власти» (ее авторитарному дискурсу). Допустимо предположить, что в начале 1930-х гг., открывающих антигуманную эпоху сталинского правления, Каверин говорит о гражданской ответственности художника, своим творчеством отстаивающего право на личное достоинство. Последующие рассуждения Архимедова позволяют утвердиться в этой догадке, поскольку в них речь идет о романтике и жанре романа: «Ты скажешь – романтика! Я не отменяю этого слова. У него есть свои заслуги. Когда-то русские называли романом подвешенное на цепях окованное бревно, которым били по городским укреплениям. Роман был тогда тараном. Потом он опустился. Он стал книгой. А теперь пора вернуть ему первоначальное значение. Романтика! Поверь мне, что это стенобойное орудие еще может пригодиться для борьбы с падением чести, лицемерием, подлостью и скукой»<sup>12</sup> (9).

В качестве метатекстуального комментария данного литературного фрагмента обратимся к литературоведческим теориям – это оправдано биографической и творческой связью Каверина





с участниками научного объединения ОПОЯЗ. В 1920-е гг. отечественные прозаики, критики, литературоведы с тревогой писали о кризисе крупных прозаических жанров<sup>13</sup>, что совпадало с направленностью интеллектуальных поисков крупных европейских мыслителей<sup>14</sup>. В это же время идеологи ЛЕФа высказывали и более радикальную точку зрения на будущее романного жанра, настаивая на его конце<sup>15</sup>. Но именно в этом жанре Каверин создал оригинальные высокохудожественные произведения, словно подтверждая высказывание М. Бахтина о том, что «роман – единственный становящийся и неготовый жанр»<sup>16</sup>, активно вступающий в контакт с незавершённой современностью<sup>17</sup>.

Еще одним обстоятельством, связанным не только с литературной деятельностью, но и с филологической рефлексией, направленной на осознание литературного творчества, является использование Кавериним в рассуждениях Архимедова сугубо опоязовского термина «ремесло», которым, по убеждению Ю. Тынянова и В. Шкловского, должны владеть литераторы, опираясь на знание эффективно работающих художественных или литературоведческих инструментария и приемов<sup>18</sup>. Следует подчеркнуть особую значимость средневековой образности для Каверина, и в этом смысле показательна характеристика, данная им самому себе в 1975 г.: «Я – уткнувшийся в книги, свои и чужие, скучный алхимик, очарованный на всю жизнь русской литературой»<sup>19</sup>. Важная роль средневековых понятий в художественном мире Каверина становится очевидной, если обратиться к названию его раннего сборника «Мастера и подмастерья» (1923). Это «провокационное» название отражает современную Каверину борьбу литературных течений – признанных «мастеров» и начинающих «подмастерьев»; тема борьбы поколений прослеживается в творчестве Каверина и в дальнейшем – в «Скандалисте, или Вечерах на Васильевском острове» (1928), «Двух капитанах» и других произведениях. Эта тема могла быть инспирирована, с одной стороны, филологической концепцией борьбы «архаистов» и «новаторов»<sup>20</sup>, а с другой – конкретными жизненными коллизиями литературного Ленинграда времени написания «Мастеров и подмастерьев» и «Скандалиста...».

Итак, средневековые «декорации» оказываются необходимыми для англичанина Честертона и советского писателя Каверина, автора внешне идеологически выдержанных романтических, героико-патриотических произведений, для осмысления сугубо актуальных проблем. Представляется вполне убедительной мысль о том, что роман Честертона «Возвращение Дон Кихота», в котором решение злободневных вопросов несправедливого социального мироустройства, цинизма современной политики связано английским писателем с идеалами средневекового рыцарства, мог послужить для Каверина отправной точкой для создания безусловно оригинального и

самостоятельного произведения, в котором автор размышляет не только о проблемах литературной теории и практики, но в первую очередь о гуманистической природе творчества, способного в антигуманную эпоху напомнить о человеческом достоинстве и высоком назначении художника.

## Примечания

- <sup>1</sup> Ker I. G. K. Chesterton : A Biography. Oxford, 2011 ; Ahlquist D. G. K. Chesterton : Apostle of Common Sense. S. 1., 2003 ; Cooney A. G. K. Chesterton, One Sword at Least. L., 1999 ; Lauer Q. G. K. Chesterton : Philosopher Without Portfolio. N. Y., 1991 ; McNichol J. The Young Chesterton Chronicles, B. 1: The Tripods Attack! Manchester, NH, 2008 ; Williams D. T. Mere Humanity : G. K. Chesterton, C. S. Lewis, and J. R. R. Tolkien on the Human Condition. L., 2006 и др.
- <sup>2</sup> В «Эпиплоге», изданном в 1989 г., Каверин пишет о том, что первоначальный вариант романа носил название «Дон Кихот и Советы» ; в книге «Литератор» Каверин отмечает, что первый вариант романа «был написан в лаконичной манере, близкой к философскому трактату. Ю. Тынянов посоветовал <...> переписать его, приблизив к реальному материалу и придав фантастике, которая стояла на глиняных ногах, визуальные очертания» (Каверин В. А. Литератор : Дневники и письма. М., 1988. С. 72). Рецепция образа Дон Кихота в отечественной литературе становится предметом изучения в книге Ю. А. Айхенвальда (Айхенвальд Ю. А. Дон Кихот на русской почве : в 2 ч. М. ; Минск, 1996. Вторая часть книги носит характерное название «Дон Кихот в стране Советов»). Не менее показателен выбор Г. Белой названия для своей книги о литературном объединении 1920-х гг. «Перевал» (Белая Г. Дон Кихоты 20-х годов : «Перевал» и судьба его идей. М., 1989). Для творчества самого В. Каверина образ Дон Кихота становится сквозным, появляясь в романах «Перед зеркалом», «Открытая книга», «Освещенные окна», в повести «Верлиока».
- <sup>3</sup> Переводы Е. С. Кудашевой в серии «Универсальная библиотека» (М. : Книгоиздательство «Полюза», В. Антик и К., 1914. № 973–975) ; в анонимном сокращенном переводе с предисловием Л. Трауберга в издательстве «Третья стража» в 1923 г. ; в 1929 г. в ленинградском издательстве «Прибой» вышел перевод Л. М. Вайсенберг ; в 1989-м – современный перевод Н. Л. Трауберг.
- <sup>4</sup> См.: Апушкин Я. Камерный театр. М. ; Л., 1927. С. 44.
- <sup>5</sup> С. Кржижановский отмечал : «Имя фантаста А. Т. Гофмана, не писавшего (почти) пьес, но являвшегося великим мастером темы о двойнике, делается театру нужнее всех имен специалистов-драматургов. <...> Роман Честертона “Человек, который был Четвергом”, в течение двух лет притягивавший мысль театра, продвигает тему двоения “я” к современности и включает в нее полностью не только “я” героя, но и всех своих действующих лиц: переработку этого романа для сцены можно считать завершением длительного гофмановского периода театра» (см.: Кржижановский С. Театрализация мысли // 7 дней М. К. Т. 1924. Январь. № 9. С. 18).



- <sup>6</sup> В. Шкловский, близкий друг писателя и прототип многих его персонажей (в частности, именно он является вероятным прообразом Жабы, одного из героев романа «Художник неизвестен»), вынужден был ради спасения своего родного брата, сосланного в лагерь, принять участие в сборнике «Канал имени Сталина», посвященном строительству Беломорканала и изданном в 1934 г.
- <sup>7</sup> Каверин В. А. Художник неизвестен // Каверин В. А. Собр. соч. : в 8 т. М., 1980. Т. 2. М., 1981. С. 98. Далее ссылки на это издание приведены в тексте с указанием страницы в круглых скобках.
- <sup>8</sup> Мысль о схожем приеме – возможно сознательном перенесении М. М. Бахтиным своих остролюбодневных идейно-философских построений в исторически отдаленное и политически безопасное время – высказывает С. Г. Бочаров (см.: Бочаров С. Г. Об одном разговоре и вокруг него // Новое литературное обозрение. М., 1993. № 2. С. 74–75, 83, 85–86).
- <sup>9</sup> Честертон Г. К. Возвращение Дон Кихота // Честертон Г. К. Избранные произведения : в 3 т. М., 1992. Т. 2. С. 119. (Далее ссылки на это издание приведены в тексте с указанием страницы в квадратных скобках). О природе, измененной благодаря воздействию человека, сращенной с техникой и становящейся частью социального устройства мира, рассуждает Шпекторов: «Ты хочешь сказать, что, воздействуя на природу, человек воздействует на самого себя. Но это уже было сказано Марксом. Ты утверждаешь, что принципы нашего поведения, по сравнению с ростом производительных сил, изменяются недостаточно быстро. <...> ты утверждаешь, что отношение к труду и друг другу улучшается медленнее, чем растет техника, и тем самым задерживает этот рост. Иными словами – что мертвый инвентарь социализма растет быстрее живого. Я согласен с тобой. Но и это не ново. Знаешь ли, кто писал об этом? Ленин!..» (9–10). У Честертона уподобленная природе антигуманная сущность техники связывается с социальной несправедливостью, изменить которую способен лишь Дон Кихот: «Нам нужен человек, который верит в бой с великанами. – И бьется с мельницами <...> – Вы никогда не думали, <...> как было бы хорошо, если бы он их победил? Ошибался он в одном: надо было биться с мельницами. Мельник был средневековым буржуа, он породил наш средний класс. Мельницы – начаток фабрик и заводов, омрачивших нынешнюю жизнь» [119].
- <sup>10</sup> Ср.: «Театр – это лишь одно из многочисленных “зеркал” в структуре романа В. Каверина. <...> роман В. Каверина приближается к барочному представлению о совершенном произведении искусства : в нем все элементы взаимно отражают друг друга» (Иванюшина И. Ю. Роман В. Каверина «Художник неизвестен» в контексте идей русского формализма // Серапионовы братья : Философско-эстетические и культурно-исторические аспекты : К 90-летию образования литературной группы : Материалы междунар. науч. конф. / ред. и сост. Л. Ю. Коновалова и И. В. Ткачева. Государственный музей К. А. Федина. Саратов, 2011. С. 179).
- <sup>11</sup> Похожий монолог об обучении средневековых подмастерьев у мастеров, создающих «шедевры», произносит Майкл Херн в гл. 16 «Королевский суд».
- <sup>12</sup> Ср. с высказыванием Херна у Честертона: «Сервантес считал, что романтика гибнет и место ее занимает разум» [119].
- <sup>13</sup> Мандельштам О. Э. Конец романа // Мандельштам О. Э. Соч. : в 2 т. / сост. и подгот. текста С. Аверинцева и П. Нерлера ; коммент. П. Нерлера. М., 1990. Т. 2. С. 201–205.
- <sup>14</sup> В связи с темой упадка романного жанра следует отметить работу Х. Ортеги-и-Гассета «Мысли о романе», опубликованную в 1930 г., в которой философ утверждал: «<...> если жанр романа и не исчерпал себя окончательно, то доживает последние дни, испытывая настолько значительный недостаток сюжетов, что писатель вынужден его восполнять, повышая качество всех прочих компонентов произведения» (Ортега-и-Гассет Х. Мысли о романе // Ортега-и-Гассет Х. Эстетика. Философия культуры. М., 1991. С. 263).
- <sup>15</sup> В 1929 г. П. Незнамов провозглашает приоритет газетных жанров : «Очерк против эпопеи – вот лозунг газетчика» (Незнамов П. Мимо газеты // Литература факта : Первый сборник материалов работников ЛЕФа. С. 210). В Первом сборнике материалов работников ЛЕФа в 1929 г. напечатаны статьи В. Шкловского и О. Брика о распаде сюжета в крупных прозаических формах. В статье «О писателе и производстве» В. Шкловский настаивал: «Нужно научиться писать корреспонденции, хронику, потом статьи, фельетоны, театральные рецензии, бытовой очерк и то, что будет заменять роман» (Шкловский В. О писателе и производстве // Литература факта. С. 199).
- <sup>16</sup> Бахтин М. М. Эпос и роман // Вопр. литературы. 1970. № 1. С. 95.
- <sup>17</sup> Именно роман «выступает как ответ на социальный запрос» благодаря своей чуждости догматизму и своему основополагающему качеству представлять собой «единство, возникающее как оппозиция двух структур: объективной (общество) и субъективной (автор)» (Прието А. Из книги «Морфология романа» // Семиотика / сост., вступ. ст. и общ. ред. Ю. С. Степанова. М., 1983. С. 370).
- <sup>18</sup> Представители ОПОЯЗа рассматривали литературное произведение как замкнутое в себе целое, как сумму (или систему) художественных приемов: Шкловский В. Б. Искусство как прием // Шкловский В. Б. Гамбургский счет : Статьи – воспоминания – эссе (1914–1933) / сост. А. Ю. Галушкина и А. П. Чудакова, пред. А. П. Чудакова, коммент. и подг. текста А. Ю. Галушкина. М., 1990. С. 58–72 ; Эйхенбаум Б. М. Как сделана «Шинель» Гоголя // Эйхенбаум Б. М. О прозе. О поэзии : сб. статей / сост. О. Эйхенбаум ; вступ. ст. Г. Бялого. Л., 1986. С. 50, 57, 63. Наконец, необходимо вспомнить работу В. Шкловского «Как сделан Дон-Кихот» (Шкловский В. Б. Как сделан Дон-Кихот // Шкловский В. Б. Развертывание сюжета. «Опяз», 1921. В данном случае нам важно подчеркнуть связь каверинского творчества с научными работами ОПОЯЗа как теоретического крыла русского авангарда, чьи образный словарь, художественные методы и идею необходимости соединять в литературном труде творческое вдохновение и профессионализм, основанный на аналитическом начале, переосмысляет



Каверин. Ср. мнение о романе «Художник неизвестен» современного исследователя: «В духе идей ОПОЯЗа В. Каверин не разделял научное и художественное творчество, видя в них лишь разные способы обработки материала. <...> откровенных переключек с идеями ОПОЯЗа в романе множество, недаром критика раздраженно назвала автора “Художника...” “эпигоном формализма”» (*Иванюшина И. Ю.* Указ. соч. С. 171–172 ; автор цитирует определение, данное Каверину Р. Миллер-Будницкой в статье с показательным названием «Эпигон формализма» (*Миллер-Будницкая Р.* Эпигон формализма // *Звезда.* 1932. № 2)). Еще одним подтверждением наличия «опоязовского» пласта в романе служит идея реабилитации морального критерия в отношении искусства, высказываемая

Ю. Тыняновым и соотнесенная Кавериним в романе с образом Архимедова, связывающего профессионализм и нравственные качества.

<sup>19</sup> *Каверин В. А.* Литератор : Дневники и письма. М., 1988. С. 225.

<sup>20</sup> О столкновении «“новых литературных сил” (“подмастерьев”) и “академистов” (“мастеров”))» в заглавии первого сборника Каверина и повторении идеи такого столкновения в «Скандалисте...» см.: *Костанди О. Г.* Стилистические принципы ранней прозы В. Каверина // Уч. зап. Тартуск. ун-та. Вып. 748. Актуальные проблемы теории и истории русской литературы. Труды по русской и славянской филологии. Литературоведение. Тарту, 1987. С. 177.



# ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

УДК 94 (410).07

## ПОЛИТЭКОНОМИЯ «ХАЙЛЕНДСКОЙ ПРОБЛЕМЫ» В ПУБЛИЧНОМ ПРОСТРАНСТВЕ ВЕЛИКОБРИТАНИИ (1715–1745 гг.)

С. Г. Малкин

Поволжская государственная социально-гуманитарная академия, г. Самара  
E-mail: malkins@samtel.ru

В статье анализируются представления о феодальной основе политэкономии в Горной Шотландии в публичном пространстве Великобритании между мятежами якобитов в 1715–1716 и 1745–1746 гг. в контексте решения «Хайлендской проблемы» через умиротворение, модернизацию края и укрепление лояльности горцев к Ганноверской династии и правительству в Лондоне.

**Ключевые слова:** Великобритания, Горная Шотландия, «Хайлендская проблема», феодализм, интеллектуальная колонизация, модернизация.

### Feudalism and the «Highland Problem» in the Public Sphere of Great Britain (1715–1745)

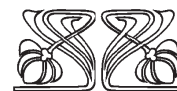
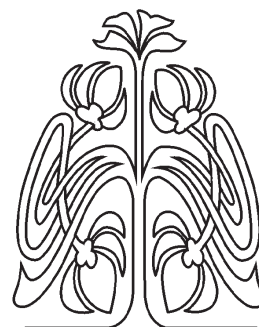
S. G. Malkin

The article analyses representations on the feudal base of political economy in the Highlands of Scotland in the public sphere of Great Britain between the Jacobite rebellions in 1715–1716 and 1745–1746 in the context of solution of the «Highland Problem» through the appeasement, modernization of the region and strengthening loyalty of the Highlanders to the Hannover dynasty and the government in London.

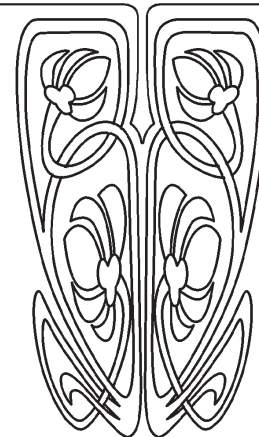
**Key words:** Great Britain, Highlands of Scotland, «Highland Problem», feudalism, intellectual colonization, modernization.

Феодализм как насущная социально-экономическая и политическая проблема, требующая своевременного осмысления и разрешения, представляет собой на удивление устойчивую и характерную примету Нового времени. В век глобальных империй многочисленные случаи колонизации неизбежно ставили перед имперскими службами вопрос о социально-экономической и политической природе колонизируемых обществ. В контексте такой интеллектуальной традиции усилия британских комментаторов по изучению природы и характера феодально-клановых отношений в Горной Шотландии в первой половине XVIII в. представляются необходимой интеллектуальной практикой эпохи. Аналитики модерна активно формулировали модернизационную альтернативу развития Горного Края<sup>1</sup>. Как и их контрагенты в Европе в эпоху Просвещения и глобальных империй, они занимались поиском общей модели человеческого развития, решая частные задачи колониальной/имперской политики<sup>2</sup>.

Особый интерес в данном случае вызывают не только побудительные мотивы интеллектуальной колонизации Горной Страны. Не менее важно, как (и почему именно так) этот «последний» оплот феодализма на Британских островах воспринимали в остальном Соединенном Королевстве в первой половине XVIII в. Анализ академической практики как практики имперской, а риторических приемов как инструментов интеллектуальной колонизации позволяет приблизиться к пониманию многих аспектов британского общества и государства в этот период<sup>3</sup>.



НАУЧНЫЙ  
ОТДЕЛ





Цель предлагаемых штудий, соответственно, заключается не в том, чтобы преуменьшить значение «присваивающей» перспективы в представлениях британских комментаторов о Хайленде как «используемом» Соединенным Королевством «Другом» и масштаб негативной «хайлендизации» Горной Страны в первой половине XVIII в.<sup>4</sup> Представляется необходимым, скорее, исследовать вопрос о том, являлось ли изучение феодализма в Горной Шотландии исключительно функцией имперских практик Лондона в этот период или оно само по себе стимулировало их выработку и обеспечивало им теоретическое обоснование. Не менее важно ответить на вопрос о том, какова интеллектуальная традиция презентаций и репрезентаций феодально-клановых отношений в Хайленде, чтобы более независимо от романтической, национальной шотландской и имперской британской историографической традиций изучать этот вопрос и его ангажированную интерпретацию в сочинениях современников данной эпохи, более предметно и близко к источникам анализируя отношения между Великобританией и ее шотландской гэльской окраиной.

\*\*\*

Славная революция 1688 г. ускорила политическое единение «британского архипелага». Однако революционному устройению и протестантскому престолонаследию предстояло прежде закрепиться в Горной Шотландии. Изгнанный король Англии и Шотландии Яков II (VII) Стюарт призвал кланы Хайленда выступить за «законную династию»<sup>5</sup>. Обращение бывшего суверена к вождям и магнатам Горного Края за вооруженной поддержкой отчетливо обозначает не только границы реальной власти Лондона и Эдинбурга в Шотландии в конце XVII – первой половине XVIII в., но и пределы социально-экономических и политических традиций и практик Хайленда.

При этом и до, и после заключения в 1707 г. между Англией и Шотландией унии представление о горцах Шотландии, как всегда, готовых выступить многочисленной и обученной армией, позволяло вождям и магнатам претендовать на особое место в политической системе королевства, правительству в Лондоне исчерпывающим образом объяснять свою пассивность в весьма дорогостоящем, длительном и рискованном для политических карьер деле «умиротворения» и «цивилизации» Горной Страны, а королевским министрам в Париже и Мадриде – строить амбициозные планы вторжения на Британские острова и оправдывать свои внешнеполитические усилия, направленные против Британской империи. Поскольку основными комментаторами реалий Горного Края выступали представители местных сообществ, неудивительно, что с точки зрения понимания ее содержания Лондон при Вильгельме Оранском и Анне Стюарт едва ли продвинулся за «хайлендский» рубеж. Подлинная интеллекту-

альная колонизация Хайленда началась уже при Ганноверах.

Первым и единственным в своем роде в публичном пространстве Великобритании до 1745 г. в ряду работ, направлявших этот процесс, стало пространное «Письмо к английскому члену парламента от джентльмена в Шотландии...», опубликованное в 1721 г.<sup>6</sup> К этому времени в Северной Британии уже пять лет действовали комиссары правительства по конфискациям имений и иного имущества мятежников, выступивших против короны на стороне якобитов в 1715–1716 гг.<sup>7</sup> Так что когда преподобный Джон Уилсон, автор памфлета, уже на титульном листе обозначил незамысловатым типографским набором содержание феодального права и клановых отношений в Горной Стране, а также их связь с мятежом, такая визуализация текста была призвана расставить нужные акценты не только для верного понимания любопытствующими читателями авторской мысли, но и для ее грамотной интерпретации вовлеченными лицами в рамках актуальной шотландской политики. Из первой же страницы, недвусмысленно ранжировавшей значение положений основного текста различными печатными шрифтами, становилось известно, что «Письмо...» «касается различных форм рабской зависимости, в которых удерживается значительная часть [шотландского] народа, как посредством магнатств, военных держаний, права опеки и других остатков феодального права, так и при помощи клановости», на ней также содержатся «замечательные предложения по реформированию Хайленда и предотвращению в будущем мятежа»<sup>8</sup>. Новая стратегия репрезентации феодально-клановых отношений в Горной Шотландии предполагала интеллектуальную атаку на мнение заинтересованных сторон по двум основным направлениям: историческим изысканиям и юридическому анализу. Первые, обозначая угрозу и наполняя ее конкретным фактическим содержанием, представляли собой обращение к событиям политической истории; второй, предлагая способы ее устранения, опирался на аргументы из области права.

Сохранение и закрепление магнатств (пассивной хайлендской политикой Лондона и актом об Унии), по мнению преподобного, закладывало основы для содержания значительной постоянной армии в Соединенном Королевстве даже в мирное время: «Хорошо известно, сколь многочисленны наши магнаты и вожди кланов, и каким огромным числом приверженцев они располагают...»<sup>9</sup>. «Хайлендская проблема» была, таким образом, конвертирована в проблему содержания значительной постоянной армии в Великобритании в мирное время, позволив автору аккумулировать весь идеологический и риторический арсенал инвектив, направленных против этого одного из важнейших современных институтов Европы эпохи Нового времени в рамках английской, а затем и британской традиции,



а также выражать опасения, со времен Протектората Оливера Кромвеля связанные с угрозой «узурпации власти» правителем с опорой на «красные мундиры»<sup>10</sup>. При этом, принимая во внимание веяния времени, проводилась четкая грань между постоянной армией под началом паписта и постоянной армией, подчиняющейся протестантскому королю и сдерживающей натиск католической Франции (укрепляя Британскую империю дома, в Горной Шотландии, и расширяя ее за рубежом)<sup>11</sup>. Определяя эту разницу в контексте феодально-клановых отношений в крае, автор отмечал, что первая существовала за счет «деспотической власти вождей и магнатов», в то время как вторая «набиралась и содержалась для защиты нации, оплачиваемая общественными налогами ... И это единственные регулярные части, которые король и парламент могут использовать для воинской службы»<sup>12</sup>.

Юридическая сторона вопроса включала апелляцию к правовой традиции Англии и правовым основаниям Великобритании. Указывалось на необходимость привести британские королевства в общее правовое поле, распространив на Шотландию свободу от феодальной зависимости, как в Англии. Уния становится критерием определения степени интеграции Англии и Шотландии и продвижения к единству британской нации. Джон Уилсон цитирует преамбулу к акту парламента Карла II Стюарта от 1672 г., подтверждавшему ликвидацию рыцарской службы и военных держаний в Англии<sup>13</sup>. Как и в случае с весьма ангажированной и болезненной темой постоянной королевской армии, автор вновь обращается за риторической и идейной поддержкой к одной из чрезвычайно дискуссионных проблем общественно-политической жизни Англии, а затем и Соединенного Королевства – вопросу о «готской конституции» и интерпретации феодализма как явления общеевропейского (нормализуя социально-экономические реалии Горной Страны и задавая ей определенный вектор развития) и вместе с тем исторического, преходящего (в духе антикварных штудий, отражавших «рождение» социального и «открытие» времени). И если в рамках соответствующих изысканий в XVII в. феодальное право как концепт и аналитическая категория бросало вызов «древней английской конституции», то в начале XVIII в. антикварию изобрели то, что Д. В. Л. Эрл назвал «прокрустовым феодализмом», компромиссным вариантом его восприятия, завершившим войну в интерпретации предыдущего века<sup>14</sup>. Миф о «готской конституции», позаимствованный у антиквариев и представленный как доказательство неизбежности отмирания феодального права и клановых отношений, тесно связанных с ним практикой военных держаний, также служил интересам реформирования Горного Края.

Более проблематичной оказалась антифеодальная интерпретация акта об унии между

Англией и Шотландией 1707 г. Поскольку прочесть его 20-ю статью, сохранявшую наследственные службу, права и юрисдикцию, как-то иначе не представлялось возможным, преподобный поднял на щит 4-ю статью акта об унии, в соответствии с которой те или иные «права, привилегии и преимущества должны принадлежать подданным обоих королевств»<sup>15</sup>. В противном случае феодальное право в Горной Стране оборачивается «*Imperia in Imperio*», не оставляя места для присутствия в Горном Крае королевской власти, правительству и британским законам и институтам<sup>16</sup>.

Таким образом, комментаторы хайлендского феодализма в эпоху побеждавшего капитализма пользовались относительной свободой в выборе интеллектуальной позиции, но при этом были обязаны более убедительно и внятно, чем их оппоненты, обосновывать справедливость и истинность своих утверждений, демонстрируя лояльность официальному Лондону. Текст непременно оснащался ссылками на правовые традиции и королевские постановления Шотландии, Англии и Великобритании, подкрепленные латинской терминологией прецедентного права и примерами из британской и европейской истории. Вариации исторических и юридических экскурсов позволяли авторам не только относить истоки феодального права в Хайленде к определенным историческим эпохам, но и выстраивать некую преемственность, выявляя типологическое сходство в развитии этого института по обе стороны англо-шотландской границы, оперируя достаточно обширным комплексом профессиональной юридической и исторической терминологии. Такая трактовка особенностей социально-экономического развития края представляла собой не только исторический и юридический, но и филологический прием одновременно.

Истина, раз и навсегда добытая при помощи правильного методологического инструментария (юридического анализа и правовой оценки с точки зрения весьма влиятельной легалистской традиции) и подтвержденная историческим опытом (на фоне активного развития исторического сознания эпохи Просвещения в Европе и юнионистской исторической традиции в Великобритании), могла быть единственно верной. С одобрения правительства, выраженного принятием соответствующего акта об отмене наследственной юрисдикции и феодальных держаний, такие выводы становились частью системы государственного знания о пространстве интеллектуальной колонизации и политической практики в Хайленде.

*Статья подготовлена при поддержке Лондонской школы экономики и политических наук (LSE IDEAS, Paulsen Fellowship Programme, 2010–2015) в рамках проекта «Imperial Identity in Britain and Russia: Scotland and Ukraine, 1707–1914».*





## Примечания

- 1 См., например: *Апрыщенко В. Ю.* Уния и модернизация : становление шотландской национальной идентичности в XVIII – первой половине XIX в. Ростов н/Д, 2008. С. 191–238.
- 2 Среди классических работ на эту тему: *Said E. W.* Orientalism. N. Y., 1979 ; *Wolff L.* Inventing Eastern Europe : The Map of Civilization on the Mind of the Enlightenment. Stanford, 1994. Среди исследований такой имперской этнографии в рамках Британской империи см., например: *Bickham T.* Savages within the Empire : Representations of American Indians in Eighteenth-Century Britain. Oxford, 2005 ; *Galloway C. G.* White People, Indians and Highlanders. Oxford, 2008.
- 3 Концепция внутренней колонизации давно и безуспешно применяется британскими коллегами в изучении истории Горной Шотландии в рамках Британской империи: *Hechter M.* Internal Colonialism : The Celtic Fringe in British National Development, 1536–1966. L., 1975 ; *Withers C. W. J.* Gaelic Scotland. The Transformation of a Culture Region. L. ; N. Y., 1988 ; *Ellis S. G.* Why the History of «the Celtic Fringe» Remains Unwritten // European Review of History : Revue europeenne d'histoire, 10:2, 2003. P. 221–231. В отечественной британистике такая традиция изучения взаимодействия Лондона и его шотландской галльской окраины еще не сформирована, что по-прежнему ограничивает наши представления о становлении, развитии и функционировании современных европейских империй вообще, и Британской империи в частности. Исключением являются единичные недавние исследования (без прямого употребления понятия «внутренняя колонизация»): *Апрыщенко В. Ю.* Указ. соч. С. 163–173 ; *Малкин С. Г.* «Мятежный край Его Величества» : британское военное присутствие в Горной Шотландии в 1715–1745 гг. СПб., 2011.
- 4 Подробнее о формировании «черной легенды» Хайленда в конце XVII – первой половине XVIII в. см., например, нашу статью: *Малкин С. Г.* Горная Шотландия конца XVII – первой половины XVIII в. и исторические романы Вальтера Скотта // Новая и новейшая история. 2010. № 2. С. 59–71.
- 5 См.: *James R.* [Letter] To Our Right Trusty and Well-Beloved Cosen and Councellor Johne Lord Viscounte of Dandee. Dublin Castle, March 29, 1689 // Letters of John Grahame of Claverhouse, viscount of Dundee, with illustrative documents. Edinburgh, 1826. P. 36.
- 6 См.: A Letter to an English Member of Parliament, from a Gentleman in Scotland, concerning The Slavish Dependancies, which a great Part of that Nation is still kept under, by Superiorities, Wards, Reliefs, and other Remains of the Feudal Law, and by Clanship. Containing Very good Hints for reforming the Highlands, and preventing Rebellion for the future. First printed at Edinburgh in 1721. L., 1746.
- 7 См.: A Selection of Scottish Forfeited Estates Papers 1715; 1745 / ed. by A. H. Millar // Publications of Scottish History Society. Vol. LVII. Edinburgh, 1909.
- 8 A Letter to an English Member of Parliament, from a Gentleman in Scotland... P. 1.
- 9 Ibid. P. 8–9, 13–14.
- 10 Вопрос о численности и размещении регулярной королевской армии постоянно присутствовал в британском политическом дискурсе в XVIII в.: The Argument against a Standing Army, Discuss'd. By a True Lover of his Country. L., 1698 ; Reasons against a Standing Army. L., 1717 ; Some Thoughts on the Land Forces, Kept up in this Kingdom. L., 1739 ; A Proper Answer to the By-Stander. L., 1742 ; Seasonable and Affecting Observations on the Mutiny-Bill, Articles of War and Use and Abuse of a Standing Army. In a Letter from a Member of Parliament to a Noble Lord. L., 1750 ; A Consultation On the Subject of a Standing Army, held at the King's-Arms Tavern, On the Twenty-eighth Day of February 1763. L., 1763 ; Consideration on Militias and Standing Armies. By a Member of Parliament. L., 1782.
- 11 Влияние длительного присутствия регулярной королевской армии в мятежном Хайленде на изменение отношения к проблеме «постоянной армии» в Великобритании впервые отмечено именно в рамках изучения британского регулярного («фискально-военного») государства с приложением к патрулированию армией Горной Шотландии имперской проекции и указанием значения вооруженных сил для политической стабилизации и коммерческого роста современных государств Нового времени: *Houlding G. A.* Fit for Service : The Training of the British Army. 1715–1795. Oxford, 1981. P. 34–36, 63–64, 409–412 ; *Brewer J.* The Sinews of Power. War, money and the English state, 1688–1783. Cambridge, 1989. P. 42–45 ; *Harling P., Mandler P.* From «Fiscal-Military» State to Laissez-Faire State, 1760–1850 // The Journal of British Studies. Vol. 32, № 1 (Jan., 1993). P. 47–52 ; *Black J.* Britain as a Military Power, 1688–1815. L., 1999. P. 20–34, 44 ; *MacKillop A.* «More Fruitful than the Soil» : Army, Empire and the Scottish Highlands, 1715–1815. East Linton, 2000. P. 13–40 ; *Conway S.* War, State and Society in Mid-Eighteenth Century Britain. Oxford, 2006. P. 34–50, 56–82.
- 12 A Letter to an English Member of Parliament, from a Gentleman in Scotland... P. 25–26.
- 13 Ibid. P. 4–5.
- 14 Джеймс Тайррелл первым обратился к «прокрустовой» интерпретации феодализма, хотя наиболее влиятельным оказалось сочинение Поля Рэпина де Тойюра, опубликованное в 1725 г. (характерный интеллектуальный фон для первой серьезной попытки британского правительства минимизировать военно-политические издержки хайлендского феодализма, предпринятой в том же году под началом командующего королевскими войсками в Шотландии генерала Уэйда). Его «История Англии» в переводе Николааса Тиндела была одной из двух наиболее продаваемых работ на английском языке в Великобритании в XVIII в. См.: *Earl D. W. L.* Procrustean Feudalism : An Interpretative Dilemma in English Historical Narration, 1700–1725 // The Historical Journal. Vol. 19. № 1. (Mar., 1976). P. 37–39.
- 15 A Letter to an English Member of Parliament, from a Gentleman in Scotland... P. 6.
- 16 Ibid. P. 28.

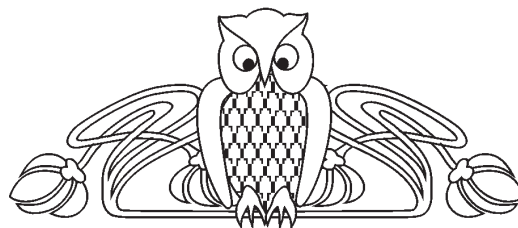


УДК 94(430).053+929 Фридрих II

## ФРИДРИХ II ГЛАЗАМИ СОВРЕМЕННОКОВ-ИНОСТРАНЦЕВ

С. А. Нагодкина

Саратовский государственный университет  
E-mail: nagodkinasvetlana@yandex.ru



В данной статье показан образ прусского короля Фридриха II в восприятии саксонского, английского и французских послов, рассматривается их оценка внутренней и военной политики монарха, определяется роль стереотипных представлений в формировании его образа.

**Ключевые слова:** стереотипные представления, Фридрих II, характер короля, военная и экономическая политика, взгляды короля на религию.

### Frederick II by Eyes of Foreigners Contemporaries

S. A. Nagodkina

The article describes the image of Prussian king Frederick II in perception Saxon, English and French ambassadors examined their estimations of internal and military policy of monarch, defined the role of stereotype presentations in forming of image of king.

**Key words:** stereotype presentations, Frederick II, character of king, military and economic policy, looks of king to religion.

В настоящее время в историографии широкое распространение получили исследования, посвященные взаимовосприятию культур и стереотипам восприятия. Правители тех или иных стран в первую очередь становились объектами наблюдений и умозаключений. Во многом по ним судили об их подданных. В этой связи интерес представляет изучение восприятия прусского короля Фридриха II послами иностранных государств. Причем, когда речь идет о взаимовосприятии представителей разных народов, необходимо учитывать такое явление, как стереотипные представления. Стереотип – упрощенное, схематизированное, зачастую искаженное, характерное для сферы обыденного общественного сознания представление о каком-либо социальном объекте<sup>1</sup>. Но при этом необходимо также учитывать, что дипломаты, находясь по долгу службы за границей, имели возможность самостоятельно формировать представление о предмете восприятия, а потому, вероятно, они могли отступить от обыденного массового стереотипа. Хотя, конечно, нет идеального познающего субъекта, свободного от предрассудков и преубеждений, и в частности от националистического стереотипа, в первую очередь выражающегося в проецировании «своих» ценностей на «чужие». Поэтому в рамках статьи предстоит решить следующие задачи: выявить общее и особенное в восприятии короля иностранцами, определить роль стереотипных представлений в формировании образа короля.

Необходимые сведения содержатся в сообщении саксонского посла Ульриха Фридриха фон Сума, составленном в 1740 г. и адресованном саксонскому двору<sup>2</sup>. У. Ф. фон Сум был посланником при прусском дворе в 1720–1730 гг., когда Фридрих II был еще кронпринцем. Последняя его встреча с наследником престола произошла в 1736 г., а в 1740 г. фон Сум уже служил послом в Петербурге. Но это его сообщение представляет собой не просто воспоминание о прошлом, она содержит обстоятельную характеристику кронпринца, к тому же составленную незадолго до вступления его на престол, что, вероятно, и послужило причиной его написания.

Поскольку целью статьи является рассмотрение восприятия характера и деятельности Фридриха-короля, основными источниками будут служить сведения, касающиеся его уже в качестве монарха. Среди них важное значение имеют «Воспоминания посла маркиза Валори»<sup>3</sup>, а также его сообщение французскому государственному секретарю иностранных дел д'Аргенсону<sup>4</sup>. Маркиз Валори представлял Францию при прусском дворе с 1739 по 1748 г. и с 1749 по 1750 г., а в 1750 г. его сменил лорд Тирконнелл, который в декабре 1751 г. выслал в Версаль «Описание берлинского двора»<sup>5</sup>, в котором идет речь о первых месяцах его пребывания в Берлине. Характеристике Фридриха II также посвящены «Портрет короля Пруссии»<sup>6</sup>, составленный французским послом герцогом Ниверне в 1756 г., сообщение английского посла Джеймса Харриса английскому государственному секретарю лорду Саффолку<sup>7</sup> (1776 г.) и воспоминания французского дипломата графа Эстерно<sup>8</sup> (1786 г.). Указанные источники охватывают большую часть периода правления Фридриха II, потому они позволяют составить целостную картину представлений о его правлении и выявить возможное изменение восприятия характера государя.

Прежде всего следует отметить, что Фридриха II рассматривали в двух ипостасях – как человека и как короля. Такой «двойственный» характер, по мнению современника, был «свойственен всем государям, но ни у кого это деление не было таким явным и сложным»<sup>9</sup>. Ниверне полагал, что «эти две стороны характера тесно переплетались, и из-за этого происходили колебания и противоречия в его поступках»<sup>10</sup>.

Обращает на себя внимание схожесть мнений послов относительно противоречивости характера



как главной черты личности Фридриха II: «Он непоследователен и так мало убежден в том, что он говорит, что через четверть часа опровергает свои собственные утверждения», – пишет Валори<sup>11</sup>. «Он состоит из противоречий», – поддерживает его Тирконнелл<sup>12</sup> и продолжает: «Вечная противоречивость всех его принципов заставляет его делать непоследовательные вещи»<sup>13</sup>. Вероятно, поэтому одни видели его робким, нерешительным и инертным человеком, лишенным мужества<sup>14</sup>, как, например, Тирконнелл, другие – «стремительным, тщеславным, требовательным, высокомерным, беспокойным, но одновременно решительным, мужественным, внимательным и благодетельным», как Ниверне<sup>15</sup>.

Английский посол Дж. Харрис четко различал качества Фридриха II как короля и человека и полагал, что характер короля определялся смесью варварства и гуманизма. Посол видел, «как он плакал на представлении, как заботился о больной охотничьей собаке, а на следующий день отдавал приказ об опустошении целой провинции ... Он ускорил смерть своего единственного брата тем, что во время его последней болезни постоянно выказывал свое недовольство им»<sup>16</sup>. «Он не наказывал преступников смертью за небольшое преступление, но во время последней войны дал фельдшерам тайный приказ оставлять раненых солдат умирать, поскольку не желал роста числа инвалидов и расходов на их содержание»<sup>17</sup>. По мнению Дж. Харриса, хотя государь и казался филантропом, благосклонным и добрым, но он отказывался от этих качеств, когда выступал как король, и за ним следовали тогда опустошение и беды<sup>18</sup>. Английский посол писал, что «Фридрих II никогда не терял цели ... и в решающий момент он оставлял чувства в стороне»<sup>19</sup>.

По признанию лорда Тирконнелла, сложность при определении характера Фридриха II заключалась в том, чтобы среди множества противоречивых заявлений найти его настоящие убеждения<sup>20</sup>. Герцог Ниверне также признавался, что сложно понять короля<sup>21</sup>. Но, несмотря на непродолжительное знакомство<sup>22</sup>, ему все же удалось составить собственное мнение о Фридрихе II, которое во многом совпадало с мнением других послов. Так, Тирконнелл и Валори отмечали, что король от природы был недоверчивым и думал о людях плохо<sup>23</sup>, а Валори добавлял, что Фридрих II «лишь немногих считал разумными»<sup>24</sup>. Лорд Тирконнелл писал, что «от этого недоверия к своим подданным и к их способностям и происходило его стремление всем заниматься самостоятельно, не полагаясь на министров»<sup>25</sup>. Ниверне также сообщал, что Фридрих II «не спрашивает ни у кого совета ... и если случалось так, что король был болен, то ведение всех государственных дел прекращалось, и государство замирало как часы, чей заводной ключ был потерян. Этот государь знает и делает все один; он единственный, кто все знает и делает»<sup>26</sup>. Действительно, король все

свои дела вел сам, он даже назначал младших офицеров<sup>27</sup>. Но не все были согласны с мнением, что такая самостоятельность короля происходила от недоверия к способностям своих подданных. Так, в сообщении английского посла Дж. Харриса мы находим опровержение такой точки зрения: Фридрих II управлял, руководствуясь только своими собственными суждениями, не прибегая к совету министра или высокого чиновника «не столько из-за низкого мнения, которое он имел об их способностях, сколько больше из убеждения, что если не использовать их в качестве простых инструментов, то они со временем станут выражать свою собственную волю и выдвинутся в главные действующие лица»<sup>28</sup>. То есть в этом тоже проявлялось недоверие к своим подданным, но не из-за сомнения в их разумности или способностях, а из-за опасения претензий на политическую власть. Скорее это было выражением абсолютистских устремлений Фридриха II, выразившимся в нежелании делиться своей властью. Чем же тогда занимались прусские министры? По признанию графа Эстерно, у них и их персонала было очень мало дел. Каждый из них мог провести четыре часа за столом, поспать после обеда и остаток дня посвятить общению<sup>29</sup>. Это было образом жизни, который, как пишет граф, «не способствовал развитию умственных способностей»<sup>30</sup>. Он считал, что «королевская семья возвышается над нацией и что никого нельзя сравнить с прусским государем и принцем Генрихом»<sup>31</sup>. Вероятно, такое утверждение француза лишь подчеркивает абсолютистский характер власти Фридриха II.

Еще одной характерной чертой, влияющей на действия короля, по признаниям современников, были жажда славы, желание отличиться<sup>32</sup>, их называли главной или даже единственной страстью его жизни<sup>33</sup>. В этом были согласны немец У. фон Сум и француз Ниверне. Так, У. фон Сум писал: «Я полагаю, что самая сильная его страсть – слава и хорошая репутация»<sup>34</sup>. Ниверне также утверждал, что «он любит славу»<sup>35</sup>. Граф Эстерно считал выражением этой страсти стремление достичь славы во всем – как законодателя, писателя, великого государя<sup>36</sup>. Маркиз Валори также отмечал, что король жаждал славы многосторонней личности – как поэта, оратора, музыканта. Но не все удалось Фридриху II в равной степени. Как писал граф Эстерно, «хотя в Европе и говорили о “Кодексе Фридриха” и считали его законодателем, в действительности это уложение имело целью регулировать лишь некоторые формальности и ничего не меняло в законах»<sup>37</sup>. Подводя итог правлению Фридриха II, французский дипломат сообщал в 1786 г., что в области судопроизводства по уголовному праву только король мог изменить решение суда всех трибуналов, то есть в части судебных решений он был единственным судьей в своем королевстве. Король чаще склонялся к помилованию, в то время как его отец был чрезвычайно строг. Для гражданского судопроизвод-





ства существовало писанное право, но не было адвокатов, не было открытой речи прокурора и защитника в суде. Процессы длились по двадцать лет. По признанию графа Эстерно, «в гражданском судопроизводстве дела обстояли не лучше, чем в других немецких землях»<sup>38</sup>.

Сложно судить об объективности мнения француза. В Берлине он служил с 1786 г., но определить, насколько он был знаком с судопроизводством в Пруссии и других немецких землях, не представляется возможным. Что касается системы судопроизводства в Пруссии, то исследователи более высоко оценивают результаты его законодательной деятельности Фридриха II, отмечая большую работу, проделанную им и его министром юстиции Кокцеи и направленную на ее упорядочение<sup>39</sup>. Вероятно, негативная в целом оценка, которую дает граф-француз прусской системе права, связана с тем, что сравнивает он ее с хорошо известной ему родной, французской, также не идеальной. Ведь во Франции накануне революции существовала архаичная и консервативная система права, не было единого национального правового комплекса, царил правовая разобщенность, а требования коренной реформы права содержались в многочисленных наказах третьего сословия своим депутатам в Генеральных штатах в мае 1789 г.<sup>40</sup> Хотя прямых указаний на сравнение в тексте нет, тем не менее необходимо иметь в виду, что когда речь идет о восприятии, то субъект восприятия и его идеи находят отражение в воспринимаемом объекте, происходит так называемое проецирование «своего» на «чужое».

Что касалось литературных опытов короля, то граф сомневался, что автором «Бранденбургских достопамятностей» был Фридрих II. Он считал, что «отлично написанное и изданное под его именем историческое произведение “Бранденбургские достопамятности” вышло из-под пера Вольтера, ведь каждое письмо и даже каждое слово короля несло на себе отпечаток германизма и свидетельствовало о незнании французского языка»<sup>41</sup>. Вероятно, основанием для этого служило то, что хотя король и писал свои книги на французском языке, качество текста оставляло желать лучшего, а потому Вольтер правил произведения Фридриха II, о чем встречаются сведения в переписке прусского монарха с французским философом. Подтверждением этому может служить критика, которую высказал Вольтер в отношении одного из его произведений. Так, в письме от 5 января 1767 г. он просит Фридриха II исправить ошибку, поскольку недопустимо, «чтобы *haïr* было двусложное»<sup>42</sup>. Таким образом, граф Эстерно отказывал Фридриху II в литературном таланте, отдавая дань уважения французскому философу. Тем не менее при всей важности работы Вольтера в качестве редактора представляется неверным отрицание роли прусского короля как автора.

Граф Эстерно отмечал успехи короля в военном деле и финансах, признавая, что Фридрих II

создал большую войско и оставил своему наследнику богатую казну<sup>43</sup>. Но, по мнению послов, король не любил заниматься военными делами, считал их лишь необходимой основой своей силы, а приписывание ему из-за его военных успехов жажды завоеваний они считали ошибкой. Так, лорд Тирконнелл писал о Фридрихе II: «От природы он инертный и ненавидит все, что называется военным искусством. Несмотря на это, он преодолевает свои склонности ... Он считает ее [армию] необходимой основой своей власти»<sup>44</sup>. Ниверне подтверждал это мнение: «Из-за его военных успехов ... общественность приписала ему жажду завоеваний; я считаю, что это неверно»<sup>45</sup>. Король всегда ходил в военной форме и хотел, чтобы его двор походил на штаб-квартиру. Цель этого, по мнению Ниверне, заключалась в том, чтобы у своих военных, подданных и соседей укрепить убежденность в совершенстве прусской армии и через эту убежденность обеспечить безопасность страны, поскольку, как считал Ниверне, король очень боялся, что на Пруссию нападут, а «его страну при ее положении трудно защищать»<sup>46</sup>. Вероятно, «положение», которое имел в виду француз, подразумевало отсутствие единства прусской территории, ведь на тот момент государство состояло из двух частей, отделенных друг от друга территорией Речи Посполитой. В военное время такая разобщенность территории государства действительно ухудшает его обороноспособность. Как писал Ниверне, у Фридриха II «в характере, принципах не было склонности к войне»<sup>47</sup>. Тем не менее в 1756 г., перед началом Семилетней войны, он отмечал: «Но из-за тщеславия и ума он никогда не позволит на себя напасть. Он намерен опережать своих врагов. Сейчас у него в голове много подозрений по отношению к своим соседям и это легко воспламеняющийся материал...»<sup>48</sup>. В то же время граф Эстерно пишет, что «король всегда заключал мир, как только представлялся случай»<sup>49</sup>. За сорок шесть лет его правления было только двенадцать военных лет. Таким образом, для французских послов характерно оправдание военной политики Фридриха II. В этой связи обращает на себя внимание то, что Ниверне писал непосредственно накануне, а Эстерно – после Семилетней войны, во время которой Франция была противником Пруссии. Думается, что и оценка деятельности врага должна была быть соответствующей. Но поскольку Ниверне и Эстерно прежде всего дипломаты, то скорее здесь можно говорить об их попытке абстрагироваться и объективно оценить предмет – военную политику прусского короля.

Что касается финансов, то и здесь оценка иностранцами деятельности Фридриха II во многом совпадает. По мнению Ниверне, хотя управление финансами и их распределение в Пруссии и было образцом для подражания, в этом была заслуга предшественника Фридриха II, а он лишь ограничился тем, что в некоторых во-



просах усовершенствовал систему<sup>50</sup>. Ниверне считал необходимым похвалить Фридриха II за экономность<sup>51</sup>. Поскольку его страна по положению и природным условиям имела мало выгод для торговли и возможности денежного оборота были ограниченными, Фридрих II вынужден был быть очень бережливым. Король верил, что недополученные от внешней торговли доходы можно возместить таможенными сборами, поэтому везде повысил пошлины во вред внутренней торговле. В целом ему удалось скопить казну. Хотя соседи и считали его жадным, он не экономил на нужных, по его мнению, вещах, к которым относились армия, строительство, организация поселений, увеличение численности населения. Король со всего мира привлекал нужных людей, используя денежный стимул.

В отличие от Ниверне английский посол Дж. Харрис в целом негативно оценивал деятельность короля в сфере экономики. По его мнению, Фридрих II не смог понять, что большая казна, сохранявшаяся в кассах, делала королевство бедным, что привилегии и исключительная монополия тормозили конкуренцию и ремесленное усердие. Он также упрекал Фридриха II в непонимании того, что богатство увеличивается через оборот денег и что торговля не может существовать без переменной выгоды, а богатство государя состоит в благосостоянии и обогащении его подданных<sup>52</sup>. Дж. Харрис считал, что «король заблуждался в своей экономической политике, и это заблуждение приводило к увеличению бедности его подданных»<sup>53</sup>.

О финансовой политике Фридриха II писал и граф Эстерно. Он утверждал, что король ежегодно клал в казну 8 млн ливров, а излишек тратил с крайней щедростью, тратя деньги на колонизацию, на денежное вспомоществование своим провинциям, когда Рейн, Эльба, Одер и Висла наносили им ущерб, на ссуды, которые он предоставлял мануфактурам, и на значительное число подарков, которые он делал своей семье и своим генералам<sup>54</sup>. Эстерно признавал также, что никто не обладал сведениями о доходах короля, но «один умный человек, который раньше пользовался его милостью, слышал, как он несколько раз говорил, что его бюджет составляет 64 млн ливров, из которых на армию тратятся 52 млн, на двор и гражданских чиновников – 4 млн, а 8 млн остаются в казне»<sup>55</sup>. Относительно расходной части прусского бюджета граф не давал оценок. Он ограничивался тем, что приводил лишь факты.

По мнению графа Эстерно, королевские домены приносили 9 млн рейхсталеров, или 36 млн ливров дохода. Они занимали треть земельной собственности королевства и половину всей хорошей земли. Отсюда следовала всеобщая бедность подданных, когда доходы населения составляли лишь половину доходов короны. При такой бедности было невозможно, чтобы преуспевали основанные королем мануфактуры,

производившие предметы роскоши. Они все время находились на грани разорения. Фридрих II поддерживал их своими пособиями и заказами, и без его субсидий эти предприятия перестали бы существовать.

Еще одним следствием бедности населения граф называл унижение, которое выражалось в том, что дворяне соглашались на любую службу и становились начальниками почтовых отделений, акцизными и горными чиновниками, то есть смотрителями за рабочими, а также секретарями при судах. Не было профессии, которой бы они пренебрегали. Должности оценивались только по их прибыльности. Граф Эстерно писал, что «слово “честь” производило не такое сильное впечатление, как слово “выгода”»<sup>56</sup>. В этом проявлялось отличие менталитета французского дворянства от немецкого.

Оценивая экономическую политику Фридриха II, граф полагал, что торговля в Пруссии была развита меньше всего. Так же как и английский посол, он считал, что король чинил ей препятствия монополией и запретами всех видов. Вместо того чтобы понять, что торговля состоит в обмене товарами, он всегда лишь продавал, не желая ничего покупать у других наций. Список запрещенных для ввоза товаров, по свидетельству посла, был длиннее списка тех, ввоз которых был разрешен, следствием чего стали неминуемая контрабанда и потери в таможенных сборах. Король даже установил таможи между провинциями<sup>57</sup>. Граф Эстерно писал: «Влияние, которое сегодня имеют торговля и морское судоходство на политическую систему Европы, ему неизвестно. Он его не видит и не хочет, чтобы ему на него указали. Из-за своего высокомерия он считает торговлю неважной, так как он видел, что его власть и способности в этой сфере незначительны и не имеют влияния. Он злится на торговлю, поскольку сам не ведет торговли, и на Америку, так как у него нет там колоний»<sup>58</sup>. Приведенное графом мнение подтверждает верность Фридриха II принципам меркантилизма, выраженным в стремлении к установлению положительного баланса внешней торговли, но в условиях развития мирового рынка такая политика себя изжила. В Европе, и в частности во Франции, уже наметился переход от меркантилизма к либеральной экономике физиократов. В то же время граф Эстерно отмечал, что Фридрих II понимал важность владения колониями для процветания страны.

При оценке личных качеств Фридриха II современники обращали внимание на религиозные взгляды короля Пруссии. Герцог Ниверне в своем «Портрете короля Пруссии» писал об отсутствии религиозности у Фридриха II. Он считал, что «король выставлял напоказ свое религиозное равнодушие, и ему нравилось подчеркивать свое неверие, хотя он сам и не комментировал взгляды на эту тему»<sup>59</sup>. По истечение трехчасовой беседы с королем на тему



религии французскому посланнику показалось, что у Фридриха II в голове лишь вольтеровские насмешки и аргументы Бейля<sup>60</sup>. Ниверне полагал, что король был таким же неверующим, как многие христиане – верующими, а его неверие являлось лишь видом предубеждения против веры<sup>61</sup>. Целью такого показного «безбожия» герцог называет намерение открыто сообщить, что он одинаково относится ко всем вероисповеданиям, которые были в его стране и которые он сам «привел» в свою страну, и что он соблюдает полный нейтралитет. «Пруссия – единственная страна в Европе, где толерантность всеобщая и неограниченная. Каждое религиозное общество в своем управлении свободно. Пруссия – единственная страна, где, не мешая друг другу, рядом существуют несколько религий, но вместе с тем и самая безбожная страна в мире», – пишет Ниверне<sup>62</sup>. По его мнению, принципы протестантизма, равнодушие северных стран ко всем духовным вещам и пример государя сделали неверие очень распространенным в Берлине<sup>63</sup>.

Ниверне отрицательно оценивал религиозную политику Фридриха II. Герцог считал, что при рассмотрении с рациональной точки зрения поступков и взглядов короля можно было установить, что король Пруссии в религиозных вопросах действовал неумело, ведь исповедуя веру своих отцов, он сумел бы приобрести в Германии совсем другое влияние, возвысить авторитет своего дома в империи, встать на место Густава Адольфа. Современной ему Пруссии удалось бы занять положение, которое тогда было у Швеции, и все протестанты были бы на ее стороне. Ниверне полагал, что король понимал это, поскольку внимательно следил за тем, чтобы его семья строго исповедовала кальвинизм. Но, по мнению посла, этого было недостаточно, королю тоже следовало его исповедовать, «иначе рано или поздно это выйдет ему боком»<sup>64</sup>. Он считал, что при великих качествах Фридриху II было бы легко стать кумиром Германии, встать во главе евангелической партии, вернуть ей потерянную силу и объявить себя покровителем всех протестантских государей. Но вместо этого он выставлял напоказ свое презрение к мелким государям и их интересам в конфликтных вопросах в империи, а посредством привлечения поселенцев в свою страну и причинением вреда торговле из-за своей таможенной политики сделался им ненавистным. Союзов король не заключал, поскольку надеялся на сильную армию. Такую политику Фридриха II посол считал ошибочной<sup>65</sup> и отмечал, что «Пруссия – государство, окруженное врагами»<sup>66</sup>.

Таким образом, современники представляли Фридриха II крайне противоречивой личностью, главной движущей силой которой было стремление к славе, чем они и объясняли все его практические действия. По мнению послов, эти черты характера Фридриха-человека непосредственно влияли на принятие решений Фридрихом-коро-

лем. Вместе с тем такие качества, как милосердие и сострадание, на которые указывает Дж. Харрис, были присущи человеку и отрицались королем, причем король во Фридрихе II обычно «побеждал» человека. Для короля, как считали современники, были характерны жесткость и в отдельных случаях даже жестокость действий, верность избранным принципам экономической, религиозной и военной политики. Таким образом, необходимо заметить, что Фридрих-человек отличался от Фридриха-короля, но вместе с тем характерные черты его личности оказывали значительное влияние на его деятельность.

Что касается стереотипа восприятия монарха-немца, то представляется возможным указать лишь на выделяемые послами черты Фридриха II, присущие, по их представлениям, всем немцам, – педантизм, выраженный в стремлении заниматься делом, обращая внимание на все тонкости, и приверженность к дисциплине и модели «командование – подчинение» (умение либо только командовать, либо только подчиняться). Думается, подтверждение последнему они находили в единоличном стиле правления Фридриха II. Но, как отмечалось, скорее такой стиль был обусловлен системой абсолютизма, а не особенностями национального характера немцев. В целом для саксонского, английского и французских послов характерно сходство восприятия короля-немца. Вероятно, это связано с тем, что они принадлежали к интеллектуальной элите своих стран, к привилегированным слоям, межнациональные связи между которыми были теснее, чем связи внутри нации, а потому следствием взаимовлияния было единство взглядов, идей и стереотипов.

## Примечания

- 1 См.: Егорова-Гантман Е., Плешаков К. Концепция образа и стереотипа в международных отношениях // *Мировая экономика и международные отношения*. М., 1988. № 12. С. 21–22.
- 2 См.: Ulrich Friedrich von Suhm : Bericht an den saechsichen Hof // *Ausgewählte Quellen zur deutschen Geschichte der Neuzeit*. Band XXII. Friedrich der Grosse. Darmstadt, 1982. S. 546–548.
- 3 См.: Valory V. L. H. Memoires des negociations du marquis de Valory // *Ibid*. S. 552–554.
- 4 См.: Valory an d'Argenson // *Ibid*. S. 551–552.
- 5 См.: Tyrconnel R. F. T. Tableau de la cour de Berlin // *Ibid*. S. 554–555.
- 6 См.: Nivernais L. J. B. M. Portrait du roi de Prusse // *Ibid*. S. 555–562.
- 7 См.: Harris an Lord Suffolk ueber Friedrich II // *Ibid*. S. 563–564.
- 8 См.: Esterno A. J. P. R. Memoire // *Ibid*. S. 564–566.
- 9 Nivernais L. J. B. M. Op. cit. S. 556.
- 10 *Ibidem*.
- 11 Valory V. L. H. Memoires des negociations du marquis de Valory. S. 553.





- <sup>12</sup> *Tyrconnel R. F. T.* Op. cit. S. 554
- <sup>13</sup> *Ibidem.*
- <sup>14</sup> *Ibidem.*
- <sup>15</sup> *Nivernais L. J. B. M.* Op. cit. S. 556.
- <sup>16</sup> Harris an Lord Suffolk ueber Friedrich II. S. 563.
- <sup>17</sup> *Ibidem.*
- <sup>18</sup> *Ibidem.*
- <sup>19</sup> *Ibidem.*
- <sup>20</sup> См.: *Tyrconnel R. F. T.* Op. cit. S. 555.
- <sup>21</sup> См.: *Nivernais L. J. B. M.* Op. cit. S. 556.
- <sup>22</sup> Герцог Ниверне прибыл в Берлин в январе 1756 г. для заключения нового договора между Францией и Пруссией взамен истекающего и находился в Берлине три месяца, до марта 1756 г.
- <sup>23</sup> См.: *Tyrconnel R. F. T.* Op. cit. S. 554 ; *Valory V. L. H.* Memoires des negociations du marquis de Valory. S. 553.
- <sup>24</sup> *Valory V. L. H.* Memoires des negociations du marquis de Valory. S. 552.
- <sup>25</sup> *Tyrconnel R. F. T.* Op. cit. S. 554.
- <sup>26</sup> *Nivernais L. J. B. M.* Op. cit. S. 556.
- <sup>27</sup> См.: *Valory an d'Argenson.* S. 551.
- <sup>28</sup> Harris an Lord Suffolk ueber Friedrich II. S. 563.
- <sup>29</sup> См.: *Esterno A. J. P. R.* Op. cit. S. 566.
- <sup>30</sup> *Esterno A. J. P. R.* Op. cit. S. 566.
- <sup>31</sup> *Esterno A. J. P. R.* Op. cit. S. 566. Принц Генрих (1726–1802) – брат Фридриха II, проявил себя в качестве незаурядного полководца и дипломата.
- <sup>32</sup> См.: *Ulrich Friedrich von Suhm : Bericht an den saechsichen Hof.* S. 547 ; *Tyrconnel R. F. T.* Op. cit. S. 554 ; *Nivernais L. J. B. M.* Op. cit. S. 556, 559 ; *Esterno A. J. P. R.* Op. cit. S. 564.
- <sup>33</sup> См.: *Valory V. L. H.* Memoires des negociations du marquis de Valory. S. 553.
- <sup>34</sup> *Ulrich Friedrich von Suhm : Bericht an den saechsichen Hof.* S. 547.
- <sup>35</sup> *Nivernais L. J. B. M.* Op. cit. S. 556
- <sup>36</sup> См.: *Esterno A. J. P. R.* Op. cit. S. 564.
- <sup>37</sup> *Ibidem.*
- <sup>38</sup> *Ibid.* S. 566.
- <sup>39</sup> См.: *Luig K.* Zivilrecht und Zivilrechtspflege // Panorama der Fridericianischen Zeit : Friedrich der Grosse und seine Epoche. Bremen, 1985. S. 379–380 ; *Regge J.* Strafrecht und Strafrechtspflege // *Ibidem.* S. 372–375.
- <sup>40</sup> См.: *Крашенинникова Н., Жидкова О.* История государства и права зарубежных стран. URL: [http://www.gumer.info/bibliotek\\_Buks/Pravo/istrp/index.php](http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Pravo/istrp/index.php) (дата обращения: 8 декабря 2011 года).
- <sup>41</sup> *Esterno A. J. P. R.* Op. cit. S. 564.
- <sup>42</sup> Переписка Фридриха Великого Короля Прусского с Господином Вольтером с 1736 по 1778 год : в 3 ч. СПб., 1816. Ч. 2. С. 179.
- <sup>43</sup> См.: *Esterno A. J. P. R.* Op. cit. S. 564.
- <sup>44</sup> *Tyrconnel R. F. T.* Op. cit. S. 554.
- <sup>45</sup> *Nivernais L. J. B. M.* Op. cit. S. 560.
- <sup>46</sup> *Ibid.* S. 560–561.
- <sup>47</sup> *Ibid.* S. 561.
- <sup>48</sup> *Nivernais L. J. B. M.* Op. cit. S. 561.
- <sup>49</sup> *Esterno A. J. P. R.* Op. cit. S. 564.
- <sup>50</sup> См.: *Nivernais L. J. B. M.* Op. cit. S. 560.
- <sup>51</sup> *Ibidem.*
- <sup>52</sup> Harris an Lord Suffolk ueber Friedrich II. S. 563.
- <sup>53</sup> *Ibid.* S. 564.
- <sup>54</sup> См.: *Esterno A. J. P. R.* Op. cit. S. 565.
- <sup>55</sup> *Ibidem.*
- <sup>56</sup> *Ibidem.*
- <sup>57</sup> *Ibidem.*
- <sup>58</sup> *Nivernais L. J. B. M.* Op. cit. S. 562.
- <sup>59</sup> *Ibid.* S. 557.
- <sup>60</sup> Пьер Бейль (1647–1706) – французский публицист и философ. Он являлся горячим сторонником религиозной терпимости, считал, что врожденные способности человеческого разума могут привести человека к пониманию истинной морали, независимой от религии, отделял мораль от религии, а веру от разума. Вольтер (1694–1778) – один из крупнейших французских философов-просветителей XVIII в., – не выступая за ликвидацию религии как таковой, лишь требовал религиозной свободы. Вместе с тем источниками веры он считал невежество, фанатизм и обман. Ему принадлежит идея, что религия возникла тогда, когда встретились мошенник и глупец.
- <sup>61</sup> См.: *Nivernais L. J. B. M.* Op. cit. S. 557.
- <sup>62</sup> *Ibid.* S. 559.
- <sup>63</sup> *Ibidem.*
- <sup>64</sup> *Ibid.* S. 559–560.
- <sup>65</sup> *Ibid.* S. 562.
- <sup>66</sup> *Ibidem.*



УДК 94(497)

## БАЛКАНЫ В ВОСПРИЯТИИ РУССКИХ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА: СЛАВЯНСКОЕ ЕДИНСТВО И ОТЧУЖДЕНИЕ

Ю. В. Ромашов

Саратовский государственный технический университет  
E-mail: sar\_kayak@mail.ru

В статье рассматривается вопрос о противоречивости восприятия русскими балканских славян во второй половине XIX в. С одной стороны, в России сформировалась идея славянского единства, активно поддерживаемая и развиваемая многими российскими общественными и политическими деятелями. С другой стороны, при непосредственном соприкосновении русских с южными славянами возникали отчужденность, отсутствие духовного единства между ними.

**Ключевые слова:** Россия, Балканы, славянское единство, панславизм, Русско-турецкая война 1877–1878 гг., стереотипы восприятия.

### The Balkans in Perception of Russian in Second Half XIX Century: Slavic Unity and Alienation

Yu. V. Romashov

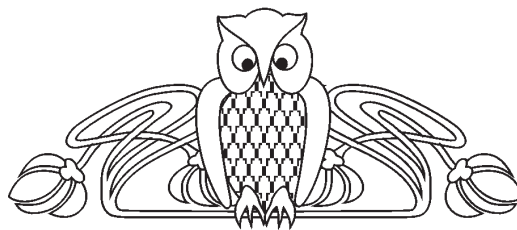
In the article the issue of a contradictory perception of Balkan Slavs by Russians in the second half of 19th century is considered. On the one hand, the idea of Slavic unity has become stable in Russia which was actively supported by many Russian social and political public figures. On the other hand, when directly contacted Russians and southern Slavs appeared to be alienated and far from mental solidarity.

**Key words:** Russia, Balkans, Slavic unity, Pan-Slavism, Russian-Turkish war 1877–1878, perception stereotypes.

Тема особенностей взаимного восприятия друг друга, этно-национальных стереотипов и автостереотипов, а также преломления и влияния этих факторов в политических отношениях представляет особый интерес и является одним из активно изучаемых в настоящее время направлений в российско-балканских отношениях.

Следует различать народное отношение, позицию образованных слоев российской общности, а также политические интересы России, для обоснования которых часто использовались общественные настроения. При этом требования общественного мнения нередко не соответствовали политическим возможностям государства, что особенно проявилось в начале XX в. Весьма показательными в этом отношении являются непосредственные контакты русских и балканских славян, которые в наибольшей степени проявлялись, когда русская армия вступала на территорию Балкан.

Концепции славянского единства в политической и общественной мысли России XIX в. достаточно широко изучены. Корни идеи славян-



ской общности уходят в первую половину XIX в. Период становления панславизма в России можно считать завершенным после образования Московского (1858) и Санкт-Петербургского (1868) славянских благотворительных комитетов. Появление этих организаций сыграло важнейшую роль в истории развития идеологии славянского единства в России, они стали центрами интеллектуальной и общественной активности, распространяли идеи славянского братства, формировали общественное мнение по так называемому восточному вопросу.

Одним из выразителей идей панславизма, например, был Н. Я. Данилевский. В своем исследовании «Россия и Европа», изданном в 1869 г., он призывал к объединению всех славянских народов как в политическом, так и в культурном отношении, хотя и оговаривал важные условия, необходимые для этого объединения. По его мнению, Всеславянский союз сможет возникнуть только после неизбежной войны России с Европой, что, в свою очередь, поможет «излечить русские культурные недуги», то есть увлечение западничеством, и «разовьет общеславянские симпатии»<sup>1</sup>. Данилевский считал также, что после такой войны и основания Союза необходимо сделать русский язык общеславянским «для нормального функционирования всеславянского организма и взаимного культурного влияния»<sup>2</sup>.

Продолжателем идей Данилевского был А. И. Васильчиков, видевший историческое призвание русского народа в решении восточного вопроса. Он считал, что освобождение балканских народов от Турции «становится для России своим делом, не делом внешней политики или гуманности, или сочувствия к другим угнетенным народам, а собственным интересом русского народа»<sup>3</sup>.

70-е гг. XIX в. ознаменовались новым обострением восточного вопроса и проявлением панславизма на практике. Наиболее активными участниками событий на Балканах в это время, помимо Турции, были Россия, Англия и Австро-Венгрия. В 1875 г. начался затяжной балканский кризис. В славянских провинциях Османской империи – Герцеговине, а затем Боснии – вспыхнули восстания против турецкого ига. Участие России в решении восточного вопроса в 1876–1878 гг. привело к тому, что «все классы, все слои населения, все общественно-политические группировки были захвачены этими событиями»<sup>4</sup>. Жестокость турок вызвала чувство глубокого возмущения. По всей стране прокатилась волна негодования и протестов.



Практической помощью восстанию стали создание славянских комитетов, усиление движения поддержки славян в их борьбе против султанской Турции, сбор значительных средств для оказания помощи балканским славянам. В это же время проявилась активная деятельность видного русского писателя-публициста, славянофила И. С. Аксакова, принимавшего активное участие в оказании помощи Сербии и Черногории в их борьбе с Турцией. По его признанию, основной вклад в сбор пожертвований вносил простой народ и «добровольческое движение носило полностью народный, массовый характер»<sup>5</sup>.

Деятели славянского национального возрождения обращали свой взор на Россию – единственное в то время независимое славянское государство. Делались даже попытки, в частности в Чехии и Сербии, создать общеславянский язык на базе русского. Славянские общественные организации, как, например, Болгарское центральное благотворительное общество, обращались к России, чтобы она оказала им помощь в борьбе с Турцией.

Однако на бытовом уровне, при непосредственном соприкосновении русских и балканских славян, их взаимовосприятие приобретало свою специфику. В сочинениях русских путешественников, бывших в 70-х гг. XIX в. на Балканах, а также участников Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. нашла отражение тема балканских народов и их духовной культуры. Описаниям особенностей национального характера, различных культурных особенностей славянских народов было уделено достаточно много внимания в публикациях русских людей, оказавшихся на Балканах.

Так, например, путешественники отмечали некоторые характерные черты сербского менталитета. Одной из них была простота и добросердечность сербского народа: «Серб добр, гостеприимен, общителен ... Еще одно качество присуще сербскому народу – это замечательная честность, веровства здесь почти нет»<sup>6</sup>.

После разговора с одним из сербов русский журналист, доброволец 1876 г. Н. В. Максимов пришел к такому выводу: «По-моему, он был просто один из массы наивных сербов, которые, в сущности, одинаково любят всех на свете и которые так же любили бы и турок, если бы последние не выжигали их сел и деревень»<sup>7</sup>.

Сравнивая серба с русским крестьянином, Н. В. Максимов писал: «Серб такой же наивный, сердечный, мягкого характера человек, как и наш крестьянин. Но наш крестьянин беден, серб богат; бедные люди в большинстве бывают добрыми людьми, хлебосолами, богатый человек скорее жаден; серб такой же жадный человек. Русский человек безгласен, забит, привык гнуть свою покорную спину чуть ни перед каждым; серб, напротив, человек с голосом, с известными понятиями, чуждыми нам. Русский крестьянин сроднился с подзатыльниками, серб самолюбив и их не переваривает. “В сербах нет национального

самолюбия”, – говорят некоторые. Напротив, я всегда видел в сербах национальное чувство самолюбия и продолжаю видеть его до сих пор»<sup>8</sup>.

А. И. Хвостов, отправившийся добровольцем на Балканы, также отмечал это качество: «Сербы отличаются добродушием и мягкостью в обращении; в последнем они мало уступают полякам, но не льстивы. Они степенны в движениях и апатичны как малороссы, впрочем, не бесхитростны». Причину этого он видел в «слабости и вековом порабощении»<sup>9</sup>. О доброте сербов писал и русский писатель и публицист Г. И. Успенский, находившийся в Сербии с 1876 г.: «Всякий скажет, что они безукоризненно честны, добры, радушны, чисты, как дети, по выражению одного добровольца из простых русских крестьян»<sup>10</sup>.

Весьма показательны как отношение сербского народа к русским, так и восприятие русскими путешественниками этого отношения. А. И. Хвостов сообщает, что «русским языком и литературой никто не занимается; между тем, как серб или сербиянка из городской более или менее зажиточной семьи часто знают немецкий. Духовной связи между нами и сербским народом не было; они нас знали как политическую единицу, но не нашу жизнь и социальный строй; разве за исключением некоторых славянофилов, занимающихся пререканиями с нашими за пренебрежение и первенствующее значение в славянском единстве»<sup>11</sup>.

Размышляя на эту тему, Н. В. Максимов также приходит к весьма скептическим выводам. «Все эти уверения в братстве нас со славянами, все эти разглагольствования на тему племенной нашей связи, народной любви и т. д. – все это может быть очень верно и многозначительно в устах политика, историка, публициста, если хотите, – но все это такая фикция в смысле природных человеческих чувств, которая может иметь место только при помощи возбуждения известных мыслей»<sup>12</sup>.

Н. В. Максимов задается вопросом: «В сущности, что общего было между мной и этими сербами, окружавшими меня и недоверчиво поглядывавшими на чужого для них человека? Племенная связь! И только?.. Неужели этого достаточно для того, чтобы люди одного племени, но различных национальностей, могли бескорыстно любить друг друга и, будучи в гостях друг у друга, чувствовать себя как в родной семье? Требовать этого от русского, явившегося в Сербию, и от серба, явившегося в Россию, – значило бы требовать от пасынка к мачехе таких же чувств, какие питает обыкновенно родной сын к родной матери. Россия, какая бы она ни была, – моя мать родная; она меня вскормила, воспитала, взлелеяла, вдохнула в меня любовь к родному народу с материнской колыбели, вкоренила во мне народные традиции. А что такое Сербия для меня? Сербия – страна одного племени, но разных взглядов, нравов, привычек, убеждений, разного воспитания, развития и направления»<sup>13</sup>.





О разнице между русскими и сербами также упоминает Г. И. Успенский: «В виду обилия вот таких-то мелочных черт в характерах и нравах двух братьев, черт, свидетельствующих о значительной между этими братьями разнице решительно во всем, кроме общей для обоих потребности освободиться от подчинения западно-европейскому ходу жизни – причем младший брат отлично знает это подчинение, а старший, хоть кричит от убытка, но откуда он идет, не знает, а полагает только, что виноват тут волостной старшина или пьяница прохвост писарь, – в виду вот этой-то сложности явлений, обнаруженных сербским делом, мы в настоящем письме постараемся договорить только то, что в прошлом не договорено собственно о наших»<sup>14</sup>.

В целом, видимо вследствие той очевидной роли, которую играла русская армия для освобождения балканских славян от турецкого ига, отношение сербов к русским было положительным. Н. В. Максимов писал, что он «уверен в том, что и в сербском народе, при всей массе дрязг, происшедших в Сербии, остались все-таки добрые воспоминания о русских»<sup>15</sup>. «Серб дает русскому не с целью дать взятку, а искренно. Он радуется, когда замечает, что угодил вам своими подарками. Сербский народ отлично понимал жертвы, приносимые русскими на пользу их страны; он был благодарен за это русским»<sup>16</sup>. А. И. Хвостов также отмечал положительное отношение сербов к русским: «Появление русских было торжеством. На них смотрели, как на людей культурно высших; сербы принимали их радушно, с восторгом; незнакомые пожимали им руки, оказывали всевозможное содействие и зачастую отказывались брать с них за что бы то ни было деньги»<sup>17</sup>.

Однако не все путешественники видели расположение сербов к русским. Находившийся в Сербии с июля по декабрь 1876 г. С. Коломнин, врач-хирург, ординарный профессор Медико-хирургической академии, ученик Н. И. Пирогова, писал: «Мы хорошо жили между собой и могли утешать себя только тем, что то же равнодушие и апатия, порой страшный эгоизм и черствость природы обнаруживаются и для своих же солдат и раненых, приходивших в непосредственное соприкосновение с жителями»<sup>18</sup>.

Более теплые отношения складывались между русскими и болгарами, однако эти отношения были также обусловлены той ролью, которую играли русская армия и политика России в деле национального освобождения Болгарии. М. В. Максимов писал: «Вся фигура болгарина сгорбилась, съежилась; весь он пригнулся к земле, а голова опустилась, так низко, низко, и долго она не могла подняться перед лицом явившегося спасителя. Раболепство, беспредельная покорность, самоунижение, робость, забитость до того резко сказались при первой встрече с болгаринцем, что на лице даже нашего солдата скользнула невольная улыбка, и ему стало жаль болгарина,

но он не решился сказать ему громко, весело и ободряюще: “Здравствуй, брат!” Нет! он сказал ему: “Здравствуй братушко! Ух, как ты съежился!.. Нет, ты настоящий «братушко!» “Какой ты брат?.. Посмотри на себя!..” Солдат сказал это тоном протектора. Чувство собственного достоинства, надменность, гордость, покровительство, даже некоторая власть пополам с юмором и сатирой послышались в тоне русского солдата, а болгарин поклонился ему за это еще ниже прежнего...»<sup>19</sup>.

Русские воины, как только вступили в Болгарию, сразу же ощутили исключительно теплое, братское отношение болгарского населения. В Систове, как писал участник войны С. А. Цуриков, «жители встречали наши войска с неопишущим восторгом, каждый на перерыв старался заполучить к себе гостя, покормить и уложить его спать. Женщины бросали под ноги цветы, целовали руки и стремяна всадников»<sup>20</sup>. Другой участник войны писал: «Болгары мне очень нравятся, потому что на нас, русских, они смотрят как на братьев, относятся к нам исключительно дружелюбно»<sup>21</sup>. У болгар, писал доктор Пясецкий, «не было другого обращения с нами, кроме “братушки”»<sup>22</sup>.

М. В. Максимов выделяет также некоторые особенности взаимоотношений русских и болгар: «Присматриваясь к отношениям болгарских крестьян к русским солдатам, никаких я предвзятых племенных обиходных симпатий и любви не усматривал. В подтверждение искренности моего заявления я готов сослаться на свидетельство всех интеллигентных очевидцев – офицеров армии; я уверен в том, что они не только не будут меня оспаривать, но при случае не прочь даже ругать болгар. “Вы возьмите нагайку, да в случае чего нагайкой их” – вот собственно изречения, которые мне приходилось слышать иногда в случае нарядов болгар на работы или на иное что. Это нисколько не помешало русскому солдату сойтись с болгаринцем, полюбить и выражать ему своей привязанности, возродившейся только с того момента, когда они достаточно присмотрелись друг к другу»<sup>23</sup>. Он пишет: «Посмотрел солдат на болгарина, и защемило доброе русское сердце, глядя на страдающего. Посмотрел болгарин на солдата, и с одинаковою силою конвульсивной боли защемило и доброе сердце болгарина-страдальца. Болгарин пошел следом за русским солдатом, начал ухаживать за ним, исправлять ему дороги, носить раненых, делиться последнею крохоту хлеба и носить воду в цепь в жаркий день боя, невзирая на убийственный огонь неприятеля...»<sup>24</sup>. Только представители туркофильской чорбаджийской буржуазии не проявляли радости при встрече русских войск. «Хозяева – болгары из зажиточного класса, оказались действительно негостеприимными... Ничего от них нельзя было добиться, даже воды не давали они нам охотно», – писал участник войны Е. Утин<sup>25</sup>.

Таким образом, если широкая общественность и власть, активно участвуя в помощи и



призывая простой народ, говорили о близости и единстве русских и славянских народов, то при непосредственных контактах формировалось более скептическое мнение о «братстве» народов. Хотя взаимоотношения были хорошими, а отношение сербов и особенно болгар – дружелюбным, русские, оказавшиеся на Балканах, указывали на отсутствие духовного единства народов. С одной стороны, это отмечалось в отношении балканских славян к русским, а с другой – и в некотором дистанцировании от них самих русских. Это свидетельствует о преувеличении идеи близости славянских народов, ставшей основой панславизма. Само формирование представлений о близости русских и балканских славян было связано либо с идеализацией русско-балканской взаимности, либо с прикрытием политических планов как России, имевшей свои интересы на Балканах, так и элиты балканских славян, искавшей защиты и поддержки у России. Восприятие же на бытовом уровне, как свидетельствуют современники, было достаточно сдержанным, а почитание и преклонение перед русскими солдатами представлялось скорее проявлением благодарности, чем «братства».

#### Примечания

- 1 Данилевский Н. Я. Россия и Европа. М., 1991. С. 472.
- 2 Там же.
- 3 Васильчиков А. И. Восточный вопрос // Первые 15 лет существования Санкт-Петербургского Славянского благотворительного общества по протоколам общих собраний его членов, состоявшихся в 1868–1883 гг. СПб., 1883. С. 714.
- 4 Нарочницкая Л. И. Россия и национально-освободительное движение на Балканах 1875–1878 годов. М., 1979. С. 22.
- 5 Аксаков И. С. Сочинения : в 7 т. М., 1886. Т. 1. С. 218.
- 6 Яцеров В. В Сербии 1876–1877 гг. Записки добровольца // Русские о Сербии и сербах. СПб., 2006. С. 246.
- 7 Максимов Н. В. Две войны 1876–1878 гг. Воспоминания и рассказы из событий последних войн. В двух частях // Там же. С. 176.
- 8 Там же. С. 198.
- 9 Хвостов А. И. Русские и сербы в войну 1876 г. за независимость христиан. Письма // Там же. С. 234–235.
- 10 Успенский Г. И. Из Белграда. (Письмо невоенного человека) // Там же. С. 208.
- 11 Хвостов А. И. Указ. соч. С. 237.
- 12 Максимов Н. В. Указ. соч. С. 197.
- 13 Там же.
- 14 Успенский Г. И. Из Белграда. (Второе письмо невоенного человека) // Там же. С. 220.
- 15 Максимов Н. В. Указ. соч. С. 200.
- 16 Там же.
- 17 Хвостов А. И. Указ. соч. С. 232.
- 18 Коломнин С. Общий медицинский очерк Сербо-турецкой войны 1876 г. и тыла армии в Бессарабии и Румынии во время Турецкой войны 1877 г. // Русские о Сербии и сербах. С. 251.
- 19 Максимов Н. В. Две войны 1876–1878 гг. Воспоминания и рассказы из событий последних войн. СПб., 1879. С. 581.
- 20 Цуриков С. А. Воспоминания о войне 1877–1878 гг. // Исторический вестник. 1910. № 1. С. 128.
- 21 Петков И. В боях за Плевен // Дон. 1967. № 3. С. 134.
- 22 Цит. по: Виноградов В. И. Русско-турецкая война 1877–1878 гг. и освобождение Болгарии. М., 1978. С. 145.
- 23 Максимов Н. В. Указ. соч. 1879. С. 583.
- 24 Там же.
- 25 Утин Е. Письма из Болгарии в 1877 г. СПб., 1879. С. 81.

УДК 94(100) "1914/19"

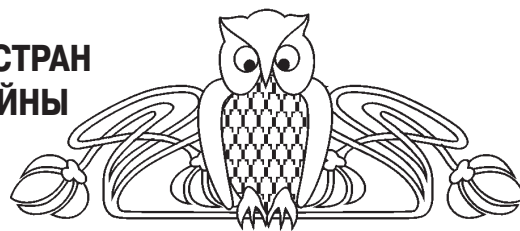
## СОЗДАНИЕ ОБРАЗА ВРАГА В ПРОПАГАНДЕ СТРАН АНТАНТЫ В НАЧАЛЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ (август–декабрь 1914)

Н. В. Юдин

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова  
E-mail: nicolas.yudin@gmail.com

Статья посвящена сравнительному анализу образа врага в пропаганде стран Антанты в начале Первой мировой войны. На широком круге исторических источников рассмотрены основные элементы этого образа, этапы его развития, общие и специфические его черты для каждой из стран Антанты.

**Ключевые слова:** Первая мировая война, Антанта, образ врага, пропаганда, истории о немецких зверствах.



**The Creation of the Image of the Enemy in Propaganda of the Countries of Entente at the Beginning of the First World War (August–December 1914)**

N. V. Yudin

The article focuses on the comparative analysis of the image of the enemy in propaganda of the countries of Entente at the beginning of the First World War. On the basis of the wide range of primary sources the key elements of this image, certain stages in its development,



its common and distinguishing features in each of the countries of Entente are examined.

**Key words:** First World War, Entente, image of the enemy, propaganda, stories about German atrocities.

В условиях происходивших на рубеже XIX–XX вв. социальных изменений, выразившихся, в частности, во все большем вовлечении масс в политическую жизнь, неуклонном росте грамотности населения в ведущих странах Европы, создании континентальными державами армий, основанных на всеобщей воинской повинности, колоссально возрастает значение общественного мнения, а также газет как главного на тот момент средства его формирования. Первая мировая война стала поворотным моментом в развитии пропаганды как средства мобилизации общественного мнения. Многие исследователи приходят к выводу, что именно тогда было положено начало современным методам пропаганды, будь то печатная продукция, песни, фотографии или кинофильмы, была сделана первая попытка мобилизовать все общество для ведения тотальной войны<sup>1</sup>. Одним из ключевых элементов пропаганды было создание образа врага.

Изучение этого аспекта истории Первой мировой войны долгое время находилось в тени более традиционных направлений, таких как военная, дипломатическая, социальная история. Тем не менее он не раз становился объектом исследования зарубежных, прежде всего английских, историков. В настоящее время наблюдается рост интереса ученых, в том числе российских, к социально-психологической проблематике, к проблеме человека на войне<sup>2</sup>.

В историографии достаточно подробно изучены сюжеты, мотивы и тематика пропагандистских публикаций<sup>3</sup>. Специальные работы посвящены одному из главных сюжетов антантовской пропаганды периода Первой мировой войны – рассказам о немецких зверствах по отношению к военнопленным и мирному населению захваченных территорий<sup>4</sup>. Для нас подобные исследования представляют особое значение, так как именно этот сюжет послужил отправной точкой в создании образа врага в странах Антанты.

Обращение к подобной проблематике в рамках данной статьи представляется обоснованным потому, что в историографии отсутствуют работы, в которых проводился бы сравнительный анализ процесса складывания образа врага в пропаганде стран Антанты. К тому же предметом исследования обычно становилась пропаганда в ее законченном варианте, а период ее складывания, первых шагов правительств на этом поприще остается во многом неизученным.

В основу статьи был положен анализ публикаций наиболее авторитетных газет и журналов стран Антанты, таких как «Новое время», «Таймс», «Экономист», «Контемпорари ревью» «Тан», «Фигаро», «Матен» и др. Все вышепере-

численные издания, вне зависимости от их политической ориентации, были рассчитаны на подготовленного, образованного читателя. М. Е. Кэрролл подчеркивает, что эффект одной конкретной статьи обычно бывает невелик, но сила прессы заключается в возможности многократного повторения некой идеи, что и ведет к формированию у общественности необходимого отношения к той или иной проблеме<sup>5</sup>. Поэтому для нас важно было иметь по возможности полную подборку номеров газеты или журнала за рассматриваемый период, чтобы изучить их позицию в динамике, проследить на примере развития образа врага изменения в тематике и стилистике публикаций.

Помимо периодической печати мы обратились к изучению памфлетов, которые получили самое широкое распространение после начала войны. Если с точки зрения тематики памфлеты в основном развивают и конкретизируют сюжеты газетных и журнальных статей, то с точки зрения стиля и языка их сложно объединить в одну группу. Одни памфлеты рассчитаны на образованную публику и дают объяснение происходящим событиям с религиозно-философской и историко-философской точки зрения, другие рассчитаны на самого невзыскательного читателя, написаны просторечным языком, близким по своей образности к фольклору. Памфлеты являлись важным средством пропаганды во всех воюющих державах, они были призваны «достучаться» до тех слоев населения, которые оставались пассивными перед воздействием периодической печати.

Еще одним важным источником для написания статьи послужили материалы Российского государственного военно-исторического архива и Архива внешней политики Российской империи, в которых содержатся документы, позволяющие оценить значение пропаганды в период Первой мировой войны и ее специфику в разных странах Антанты.

С первых дней конфликта перед всеми воюющими странами встала необходимость обоснования своего участия в нем перед общественным мнением. От этого напрямую зависел успех мобилизации, а в случае с Англией – кампании по набору добровольцев в армию. Неудивительно поэтому, что уже в начале Первой мировой войны колоссальное значение приобретает пропагандистская деятельность: все страны стремились доказать справедливость своих целей, переложить ответственность за начало военных действий на противника. При этом следует подчеркнуть, что в средствах массовой информации война практически сразу стала трактоваться не как очередной конфликт между великими державами, а как принципиальное противостояние цивилизации и варварства, добра и зла. Так было положено начало складыванию в пропаганде образа врага. В данной статье мы постараемся выделить этапы этого процесса, показать общие и специфические его черты для каждой из стран Антанты.





Прежде всего необходимо дать определение понятию «образ врага». Вот как его формулирует Е. С. Сенявская, посвятившая этой проблеме ряд работ: «Образ врага – это представления, возникающие у социального (массового или индивидуального) субъекта о другом субъекте, воспринимаемом как несущий угрозу его интересам, ценностям или самому социальному и физическому существованию, и формируемые на совокупной основе социально-исторического и индивидуального опыта, стереотипов и информационно-пропагандистского воздействия. Образ врага, как правило, имеет символическое выражение и динамический характер, зависящий от новых внешних воздействий информационно- или суггестивного типа»<sup>6</sup>. На наш взгляд, это определение очень удачно, так как концентрирует внимание сразу на нескольких ключевых аспектах, составляющих феномен «образа врага». Во-первых, речь идет о том, что образ этот формируется отнюдь не только под давлением извне, посредством правительственной пропаганды (что ни в коей мере не умаляет ее значения), но имеет под собой основу в виде устойчивых социальных стереотипов. Во-вторых, важно указание на динамический характер этого образа, его способность изменяться вслед за изменением обстановки и с течением времени. Рассмотрим теперь процесс формирования образа врага в странах Антанты в начале Первой мировой войны.

Как было отмечено выше, работа в этом направлении велась во всех воюющих странах с самого начала боевых действий, другое дело, что на первых порах ей не хватало последовательности и завершенности. Так, отличительной особенностью ситуации в Англии с точки зрения развития пропаганды являлось наличие сильной оппозиции войне, представленной прежде всего радикальными изданиями. С полной силой она заявила о себе в период июльского кризиса<sup>7</sup>, а после начала войны часто выступала с критикой правительственной политики в отношении прессы. Ужесточение цензуры нарушало традиционный баланс в отношениях государства и средств массовой информации и встречало серьезное сопротивление. Следствием этого были сравнительно большие свобода и независимость английских изданий в первые месяцы войны. В Англии в конце 1914 г. выходят статьи и памфлеты талантливого радикального журналиста Г. Н. Брейлсфорда, в которых он утверждает, что британское правительство умышленно втравило страну в чуждый ей русско-германский конфликт<sup>8</sup>. Более того, по его мнению, не победа Германии, а победа авторитарной и нетерпимой России будет представлять угрозу развитию цивилизации, и поддержка ее Англией – большая ошибка<sup>9</sup>. Подобные публикации очевидно противоречили основным задачам пропаганды и были чреваты ухудшением отношений между союзниками. Они отражали глубоко укоренившееся у части английской элиты

неприятное отношение к Российской империи и демонстрировали ограниченность влияния правительства на содержание публикаций в начале войны. К тому же в первые месяцы войны на страницах английских газет и журналов пусть изредка, но все же встречались положительные отзывы о немцах. Так, 6 августа «Таймс» признавала: «Нам известны и отвага, и способности, и численность, и вооружения тех, кому суждено было стать нашими противниками»<sup>10</sup>. 8 августа газета «Экономист» писала: «Немцы и в Германской империи, и в Австрии – смелые и решительные люди. Они знают, что окружены, и что противник превосходит их числом, но они будут сражаться с отчаянной энергией»<sup>11</sup>. Однако постепенно всякие упоминания о положительных качествах немцев, и уж тем более немецких солдат, исчезли со страниц английской прессы. Уже 11 августа газета «Таймс» отмечала, что, по имеющимся данным, немецким солдатам не хватает инициативы, что они склонны сдаваться, когда дело доходит до рукопашной схватки, «из чего можно заключить, что патриотический порыв германской армии в значительной степени иссяк под давлением трудностей во время мобилизации и осознания несправедливости своего дела»<sup>12</sup>.

В то же время в Англии активно шел поиск тем и сюжетов, которые могли бы мобилизовать общественное мнение страны на участие в войне в Европе. Сначала пресса обратилась к легалистской трактовке участия Великобритании в войне, подчеркивая, что она стоит на страже международных договоренностей, которые открыто попирает Германия. Однако такие публикации не могли послужить основой для полномасштабной пропагандистской кампании. Как с тревогой отмечалось на страницах газеты «Таймс», в широких слоях населения преобладало мнение, что английские интересы действиями Германии не были затронуты напрямую<sup>13</sup>.

Но тут неожиданно к стати пришел тот факт, что немцы, благодаря быстрому и успешному наступлению, уже с первых дней войны вели боевые действия на чужой территории<sup>14</sup>. С сентября 1914 г. самое широкое хождение в прессе Антанты получают истории о немецких зверствах в отношении мирных жителей на захваченных территориях Бельгии и Франции и в отношении военнопленных. Этот вид публикаций, содержащих зачастую либо просто сфальсифицированную, либо сильно искаженную информацию, стал одним из главных орудий антантовской пропаганды, направленной как на мобилизацию населения внутри стран Антанты, так и на воздействие на общественное мнение нейтральных стран, прежде всего США. В странах Антанты именно английская пресса раньше всех осознала значение борьбы за симпатии нейтральных стран, в первую очередь США. 5 августа 1914 г. английский корабль перерезал телеграфный кабель, проложенный по дну Атлантического океана и соединявший Германию



с Америкой. Это обрекало американские газеты, если те хотели получать свежие новости о ходе войны, на сотрудничество с английскими информационными агентствами<sup>15</sup>. Надо признать, что далеко не все истории о немецких зверствах были плодом воображения политиков и журналистов. Сами немцы своей политикой устрашения населения захваченных территорий и нейтральных стран давали пропагандистам Антанты множество реальных сюжетов. С точки зрения информационной войны и пропаганды немцы являлись идеальным противником.

При этом чрезвычайно перспективным представляется применение гендерного подхода к изучению пропагандистских материалов, который позволяет по-новому взглянуть на механизмы воздействия на общественное сознание<sup>16</sup>. Как справедливо заключает Н. Ф. Галлас<sup>17</sup>, вместо отвлеченных понятий международного права в центре внимания пропаганды оказались шокирующие образы замученных немцами женщин и детей. Участие в войне против такого противника сразу приобретало справедливый характер.

10 сентября «Таймс» признавала: «Свидетельства о систематических насилиях, творимых немцами во Франции и в Бельгии, настолько детальны, многочисленны и повсеместны, что даже люди, вполне естественно и справедливо с подозрением относящиеся к подобным историям, не могут не признать, что они, должно быть, правдивы»<sup>18</sup>. Чтобы окончательно убедить сомневающихся, газета апеллирует не столько к широко распространенным анонимным историям о замученных немцами военнопленных и мирных жителях, сколько к достоверно установленным фактам нарушения немцами законов войны. Так, цитируемая выше статья была посвящена разрушению ими бельгийского города Лувена и уничтожению его знаменитой библиотеки<sup>19</sup>. Самым настоящим варварством газета назвала бомбардировку Реймского собора<sup>20</sup>. Необычно резко писал о действиях немцев 17 октября «Экономист»: «Менее чем за два месяца опустошив одну из самых процветающих и индустриально развитых стран Европы, превратив ее жителей в бездомных голодающих беженцев, разрушив ее города и уничтожив множество памятников, которые теперь уже никогда не восстановить, — сделав все это, немцы превратили Бельгию в вечный упрек Германии, о котором Европа никогда не забудет, и на который США должны смотреть с ужасом»<sup>21</sup>. Помимо обличений германских преступлений в этой статье содержится и указание, к кому она обращена — к общественному мнению США.

Стоит ли говорить, что новости о разрушении немцами Лувена и Реймского собора вызвали взрыв возмущения во французской прессе. «Лувен останется навечно в памяти народов, не только потому, что этот город был очагом высокой науки и культуры, но также и потому, что он стал свидетельством беспредельной жестокости ...

Пусть же кровь детей, стариков и женщин, истребленных в Лувене, падет на головы их палачей! Пусть же Лувен останется в истории постоянным напоминанием о неискупимом преступлении!»<sup>22</sup>. В том же эмоциональном ключе выдержаны статьи, посвященные обстрелу Реймского собора. Помимо обвинений в уничтожении бесценного памятника культуры немцев обвиняли в совершенно варварском пренебрежении законами войны. «Пти Паризьен» сообщала, что собор служил временным лазаретом, в котором находились не только французские, но и немецкие раненые, что он находился под защитой Красного креста, однако это никак не помешало немцам подвергнуть его бомбардировке<sup>23</sup>. С точки зрения развития образа врага эпизод с разрушением немцами Лувена представляется своеобразным поворотным моментом. Именно тогда начался переход от легалистской трактовки причин и целей войны к описанию ее с нравственно-этических позиций.

Таким образом, первым средством создания образа врага в пропаганде стран Антанты стали описания немецких зверств. Они получили широкое распространение и во Франции и России. «Новое время», еще до войны выделявшееся среди газет особенно агрессивным и эмоциональным стилем, очень естественно и тонко с первых дней войны уловило, как надо писать подобные статьи. 12 августа на страницах газеты появилась статья «Увечковечие варваров XX в.»: «Доходящие до нас с разных сторон известия о невероятных в наш век насилиях и преступлениях, совершаемых озверевшими немцами над безоружными гражданами воюющих с ними держав, лишней раз показывают, что может таиться даже в наши дни под личиной культуры и прогресса у народов, основную черту которых составляют тупость и грубость души»<sup>24</sup>. И в дальнейшем газета не жалела красок, чтобы убедить читателей в том, что война ведется не с обычным противником, а с «варварами», «дикарями», «врагами самой цивилизации».

Еще одним средством пропагандистских публикаций была идея о попрании немцами всех существующих законов войны: «...все ведется бесчестно: захват Люксембурга, нарушение нейтралитета Бельгии, бомбы с аэропланов, бросаемые в храмы и здания, не имеющие военного значения, обстрел Красного Креста и т. п. Немцы ведут себя так, как будто никакого права, никаких связующих действия договоров не существовало и не существует, как будто не было и нет у народов и отдельных людей ни совести, ни нравственности»<sup>25</sup>. Эта идея была подхвачена и растиражирована в памфлетах<sup>26</sup>.

Одновременно с этим на страницах русских изданий получила особо широкое распространение религиозная трактовка войны с Германией<sup>27</sup>. Подчеркивалась особая, мессианская роль России: «С крестом в руке, с молитвой на устах идет наш народ, народ богоносец, объявить человечеству свободу»<sup>28</sup>.



Апокалипсические описания разрушений и преступлений, творимых немцами, служили в случае с русской прессой сразу нескольким целям. Во-первых, они доказывали, что нынешняя война кардинально отличается от всех предыдущих войн, которые вела Россия<sup>29</sup>. Немцы представляли не просто как очередной противник, а как воплощение мирового зла: «Германские военачальники во время войны преступили все законы – и божеские, и человеческие: они считают их за пустые бабьи сказки. С этим беспросветным германским варварством теперь и ведется борьба ... Успех Германии повел бы к торжеству политики крови и железа, не придающей никакого значения нравственным ценностям. Победа союзников положит конец этой варварской вакханалии грубого насилия»<sup>30</sup>. Во-вторых, они должны были убедить общественное мнение, что вести войну с таким противником можно любыми средствами, оправдывали нарушение международного права самими странами Антанты: «Когда в теперешней войне немцы ссылаются на международное право, то это вызывает лишь улыбку и пожимание плечами»<sup>31</sup>.

С первых дней войны истории о немецких зверствах регулярно появлялись и на страницах газет Франции. 11 августа в «Тан» была опубликована статья «Германское варварство», где рассказывалось о судьбе французских, русских и итальянских путешественников, застигнутых войной на территории Германии<sup>32</sup>. Газета подчеркивала, что они подверглись бесчисленным оскорблениям, а несколько человек были хладнокровно расстреляны. «Германия ведет эту войну, как в свое время вели войны Вандалы и орды Аттилы. Германия должна быть исключена из числа цивилизованных стран»<sup>33</sup>. «Тан» писала: «Наш нынешний противник отличается особой жестокостью. Мирное население регионов, через которые проходят немецкие войска, методично уничтожается. Немцы сжигают города и расстреливают их жителей. Доказано, что эти поджигатели и убийцы в немецкой форме не могут даже сослаться на такое смягчающее обстоятельство, как горячка боя. Они хладнокровно выполняли приказы, отданные заранее [так в тексте. – Н. Ю.]»<sup>34</sup>. На протяжении первых месяцев войны «Тан» постоянно сообщала о новых свидетельствах немецкой жестокости<sup>35</sup>. На основании этих историй французская газета пришла к выводу: «Германский император отдал приказ своим солдатам уничтожить нас любыми средствами. И они сознательно следуют его приказу. На месте процветавших городов высятся руины, убийства мирных жителей отмечают территории, по которым прокатилась тевтонская ярость ... Но мы столкнулись не только с варварской армией, а с целым народом, который считает себя выше остальных, который хочет править всеми и уничтожить всех несогласных с его господством»<sup>36</sup>.

Таким образом, во Франции истории о немецких зверствах были призваны прежде всего

сплотить нацию, показать, что угроза, над ней нависшая, не имеет аналогов в истории и что противником Франции в этой войне является весь немецкий народ. Этого требовала логика пропагандистской войны – нельзя было допускать в изображении противника полутонков, оговорок и исключений.

Но к этой идее пресса стран Антанты пришла не сразу. Немцы традиционно воспринимались как родственная в культурном отношении нация, огромным авторитетом пользовались немецкие ученые, писатели и философы. В начале войны в антантовской пропаганде встречались публикации, в которых вина за развязывание войны возлагалась на германское руководство, генеральный штаб и милитаристские круги и проводилась мысль, что немцы как народ не могут и не должны рассматриваться в качестве врагов<sup>37</sup>. Однако постепенно все большее распространение стала получать точка зрения, что в новой войне борьба идет именно с немецким народом, а не с его правительством, армией или отдельными классами<sup>38</sup>. Подчеркивалось, что не составляют исключения и представители интеллектуальной элиты Германии, наоборот, именно они объявлялись ответственными за воспитание поколений немцев в духе ненависти к Англии, Франции и России<sup>39</sup>.

Истории о немецких зверствах были одним из основных средств пропаганды по созданию образа врага. Этому можно дать сразу несколько объяснений. Как совершенно справедливо отмечает английский историк К. Хейст, «пропаганда только тогда становится по-настоящему эффективной, когда доступ населения к информации строго ограничен»<sup>40</sup>. С самого начала Первой мировой войны правительства всех воюющих стран вводят жесткую цензуру всех новостей, имеющих отношение к военным действиям. Люди выстаивали очереди, чтобы купить специальные выпуски газет, но те не содержали новостей о событиях на фронтах<sup>41</sup>. В этих условиях желание населения получать хоть какую-то информацию о войне совпало с вполне конкретными материальными интересами газет: чтобы поддерживать свои продажи, им надо было чем-то привлекать читателей, что при катастрофической нехватке достоверных сведений было достаточно проблематично. В этом отношении публикация историй о немецких зверствах представлялась очень подходящей заменой настоящим новостям. К тому же рассказы о немецких зверствах идеально вписывались в формат пропагандистских публикаций, так как были обращены к чувствам читателей, отличались эмоциональностью, безапелляционностью.

Остановимся еще на некоторых сюжетах, которые, присутствуя в той или иной степени в пропагандистских материалах всех воюющих держав, служили составными элементами деятельности, направленной на создание образа врага.





Прежде всего речь идет об обвинениях в использовании запрещенных видов вооружения. К таким, в первую очередь, относились так называемые пули дум-дум и разрывные пули<sup>42</sup>. Применение этих боеприпасов запрещалось Гаагской конвенцией 1899 г., так как при попадании они вызывали у жертвы болевой шок и вели к мучительной смерти. Французская пресса также обвиняла германских солдат в использовании зазубренных штыков<sup>43</sup>. Причем особый упор газеты делали на то, что эти штыки были изготовлены фабричным способом, а не являлись единичной переделкой. Из этого делался вывод, что немецкое правительство целенаправленно толкало своих солдат на применение такого оружия<sup>44</sup>. Зазубренный клинок наносил рваные раны, вызывающие болевой шок, которые крайне сложно было лечить. Потому по неписанным законам, установившимся еще задолго до начала Первой мировой войны, человек, захваченный в плен с подобным оружием, не мог рассчитывать на снисхождение. Об этом упоминал в своем романе «На Западном фронте без перемен» и Э. М. Ремарк<sup>45</sup>.

На страницах газет, журналов и памфлетов стран Антанты особое внимание акцентировалось на разобщенности Центральных держав, ограниченности их экономических и людских ресурсов<sup>46</sup>. Эти публикации должны были не только вселить в читателей уверенность в превосходстве сил Антанты и ее неизбежной победе, но также и в определенной мере оправдать действия самих союзников. Дело в том, что Германия выступала с активными протестами против морской блокады ее побережья английским флотом, которая грозила ей голодом. Эти протесты могли привлечь на сторону Германии общественное мнение в нейтральных странах. Пропаганда стран Антанты отвечала на эти обвинения, прибегая вновь к ссылкам на немецкие зверства, и заключала: «Когда в теперешней войне немцы ссылаются на международное право, то это вызывает лишь улыбку и пожимание плечами»<sup>47</sup>. Таким образом, создание образа врага позволяло оправдывать нарушения самими союзниками по Антанте международного права.

Наконец, объектами самой язвительной и беспощадной критики пропагандистов Антанты стали кайзер, Вильгельм II, а также немецкая культура в целом и философия в частности, воплощением которой был для них Ф. Ницше.

Автор памфлетов, скрывающийся за инициалами А. Р., не стеснялся в выражениях, описывая Вильгельма II: «Кто же этот новоявленный антихрист, апокалипсический зверь, химерическое порождение напуганной фантазии? Наполеон на глиняных ногах, воскресший Атилла, легендарно-кровожадный Тамерлан, или злорадная гримаса истории, напаявшей тогу мрачного величия на огородное пугало? От макушки своей, убого начиненной, головы, мимо приказчицких усов и до последнего гвоздя... Вильгельм был и

есть солдат, только лишь грубый немецкий солдат, в самом специфически-ограниченном значении этого слова»<sup>48</sup>. В другом памфлете, явно предназначенном для малограмотного читателя, в нарочито просторечных выражениях излагается суть разгоревшегося конфликта и рисуется образ немецкого императора: «Есть такая сумасшедшая болезнь: мания величия называется. Так этой болезни Вильгельм чуть ли не с детства подвержен был. А глядя на своего царя и все немцы с ума посходили ... Руки у них загребушие, глаза у них завидушие, а царствует у них Вильгельм Бешеный ... Думает, что не найдется на него управы, и что некому его унять!»<sup>49</sup>. Постоянным насмешкам подвергалась внешность кайзера, в этом отношении совершенно справедливым является вывод историка Б. Хеллмана: «Острые усы немецкого кайзера, бодро стремящиеся вверх, и его подданных, слепо подражающих своему правителю, стали любимым объектом карикатуристов. В дерганье за усы был элемент кастрации врага, лишения его силы»<sup>50</sup>.

Высмеивание врага было характерно отнюдь не только для российской пропаганды. К. Хейст пишет, что безошибочно узнаваемая внешность кайзера стала настоящим подарком для английских карикатуристов и авторов различных памфлетов<sup>51</sup>. Это было важным элементом пропаганды и служило укреплению морального духа тыла.

На наш взгляд, сосредоточение значительной части критики конкретно на фигуре кайзера преследовало вполне определенные цели. В отличие от обвинения абстрактных «немцев» в совершении разного рода преступлений в отношении мирного населения превращение немецкого императора в один из главных объектов ненависти позволяло привязать картины немецких зверств к конкретному образу, визуализировать его. Складывалась устойчивая ассоциативная связь, что в дальнейшем позволяло значительно облегчить труд пропагандистов.

Во многом этими же соображениями объясняется внимание антантовских, прежде всего английских, пропагандистов и к Ф. Ницше. По прочтении публикаций в газетах и журналах у людей, не знакомых с творчеством Ф. Ницше, складывалось представление, что именно его сочинения подстрекали немцев к жесткости в обращении с гражданскими на захваченных территориях, служили оправданием любого варварства и дикости. По мнению историка Н. Мартина, кампания против Ф. Ницше в английской прессе преследовала две основные цели. Во-первых, она давала войне объяснение с культурной и интеллектуальной точек зрения. Во-вторых, из нее следовало, что Германия не просто ответственна за эту войну, но более того, война является истинным призванием Германии<sup>52</sup>. Образ врага нужно было демонизировать. Английские пропагандисты приписывали Ф. Ницше совершенно невероятное влияние на формирование немецкой нации.



Для создания образа врага мало было показать варварство и дикость противника, важно было противопоставить ему высокие моральные качества своего народа и союзников. В русской прессе мотив единения народа перед лицом внешней угрозы появляется еще во время июльского кризиса, но только с началом войны он обрел свою законченность и полную силу<sup>53</sup>. 3 августа «Новое время» так отреагировало на объявление Россией войны Германии и Австро-Венгрии: «Горячий отклик в миллионах русских сердец найдет Царский призыв к оружию на защиту родины и славянства ... В такие минуты, когда Верховная Власть становится на защиту национального достоинства и чести, совершается торжественный акт даже не единения, а полного и безраздельного слияния Царя с народом: устами Царя говорит народ»<sup>54</sup>. Газета с удовлетворением отмечала похожие настроения во Франции, когда та вступила в войну: «Народное воодушевление и готовность, обнаруженные с первых же минут опасности, продолжают крепнуть во всех партиях и общественных кругах, во всем сложном механизме жизни страны, которая обладает в настоящее время общей душой, горящей желанием защищать свою родину и имущество граждан»<sup>55</sup>. Не оставалась в долгу и французская пресса: «Русский народ с большим воодушевлением воспринял необходимость встать на защиту Святой Руси и всего славянства. В то же время народные демонстрации отличаются превосходным спокойствием, что составляет разительный контраст с тревогой, царящей в Германии»<sup>56</sup>. О высоких боевых и моральных качествах, проявленных союзными армиями в начале войны, писала и газета «Таймс»<sup>57</sup>.

Особое значение этот мотив приобрел в начале Первой мировой войны во французской пропаганде. Дело в том, что французское общество возлагало огромные надежды на помощь русского союзника, чья армия, как паровой каток, должна была «раскатать» Германию. Поэтому во Франции с нетерпением ждали новостей о военных успехах русской армии, о чем неоднократно сообщали в Петербург русский посол во Франции А. П. Извольский и военный агент А. А. Игнатьев<sup>58</sup>.

Настоящим испытанием для французов и для французской пропаганды стали первые дни сентября, когда немецкие армии устремились к Парижу. 3 сентября «Фигаро» с гордостью писала: «Народ Парижа представляет прекрасный пример хладнокровия, спокойной решительности, готовности к самопожертвованию и всех тех достоинств, которые составляют во Франции чувство истинного патриотизма»<sup>59</sup>. Но уже 4 сентября газеты опубликовали шокирующее известие: правительство покидает Париж и переезжает в Бордо. Даже А. П. Извольский, страстный сторонник русско-французского сближения, признавал, что переезд этот был настоящим бегством<sup>60</sup>. Французская печать сделала все, чтобы смягчить негативные последствия бегства правительства. «Фи-

гаро»<sup>61</sup> и «Пти Паризьен»<sup>62</sup> уверяли читателей, что переезд вызван исключительно стремлением правительства сохранить свободу управления, не мешать военным властям организовать оборону города, избежать проблем с поддержанием порядка. Они писали, что парижане с превосходным спокойствием восприняли эту новость, признавая целесообразность действий своего правительства.

Нравственной силе союзников противопоставлялись уныние и растерянность, демонстрируемые населением Германии и Австро-Венгрии. «Экономист» описывал мобилизацию в Австро-Венгрии: неразбериха, отчаяние, слезы<sup>63</sup>. «Новое время» ссылалось на сообщения русских путешественников: «Все Русские отмечают, что не видели никогда в Берлине такого количества пьяных, как в день объявления войны. С пьяными песнями, под вой женщин, берлинцы провожали запасных на русскую границу. Сами запасные плакали не меньше своих жен»<sup>64</sup>. В первые дни войны во всех странах Антанты печатались сообщения о низком боевом духе немецких солдат<sup>65</sup>.

Уже в этих первых публикациях прослеживается стремление интерпретировать конфликт не как политический, а как нравственный, как противостояние добра и зла, своего рода крестовый поход против варварства, дикости, презрения к праву и цивилизации. Газеты стран Антанты четко показывали, кто виноват в новой, невиданной по своим масштабам войне. Врагу отказывали в каких бы то ни было положительных качествах, причем речь шла уже не только о противостоящей армии, а обо всем народе. Создание образа врага было совершенно необходимым для борьбы за привлечение на свою сторону общественного мнения нейтральных держав, важнейшим элементом пропаганды, направленной на мобилизацию населения внутри воюющих стран. Он служил основой для оправдания войны, все возрастающего налогового бремени, ограничения гражданских свобод, позволяя поддерживать боевой дух нации на должном уровне в течение непредвиденно затянувшейся войны.

Нельзя не согласиться с Е. С. Сеньявской, которая подчеркивает: «Враг должен быть “плохим”, потому что иначе война в нравственном (и психологическом!) отношении вообще оказывается невозможной: убийство человека находится за пределами общепринятых норм человеческой морали, религиозной этики и здоровой психики. Однако врага нужно и можно убивать, потому что он как бы изначально выносится за рамки категорий, на которые эти нормы распространяются»<sup>66</sup>.

Создание образа врага предполагало апеллирование прежде всего к эмоциям, инстинктам людей, важна была не рациональная аргументация, а убедительность и яркость образов. Потенциально газеты представляли собой идеальный инструмент для решения этой задачи, однако из рассматриваемых в данной работе изданий в полной мере этот потенциал в первые месяцы



войны был использован далеко не всеми. Очень преуспела в этом газета «Новое время». Еще в предвоенный период эта газета отличалась агрессивным, резким тоном статей и потому с началом войны самым органичным образом вписалась в отведенную ей роль в складывавшейся системе пропаганды. Газеты Англии и Франции, в частности «Таймс» и «Тан», накануне войны, как правило, выражавшие точку зрения правящей элиты своих стран, тяготели к более сдержанному и осторожному стилю публикаций. С началом войны они не спешили кардинально менять свой стиль, что в новых условиях несколько ограничивало их возможности как средства пропаганды. К тому же, что особенно характерно для английской прессы, введение военной цензуры, строгого контроля поступающей с фронта информации очень болезненно воспринималось органами печати, порождая острые споры о необходимости смягчения цензуры, о характере отношений между прессой и правительством.

Сразу после начала войны средства массовой информации во всех без исключения великих державах были заняты обоснованием их участия в новом вооруженном конфликте, доказательством справедливости их «дела». На руку журналистам и писателям во Франции и в России сыграл тот факт, что формально именно Германия выступила в качестве агрессора, что сразу резко повышало легитимность войны в глазах общественного мнения в этих странах. Отличительной особенностью пропаганды в России в начале войны является активное использование религиозных символов и сюжетов. Газеты и памфлеты писали о священной миссии русского народа по освобождению других славян от «тевтонского ига», сравнивали войну с божественным испытанием, с крестовым походом против сил зла. С одной стороны, это объясняется вполне закономерным всплеском религиозности в обществе перед лицом тяжелых и кровавых испытаний, с другой – подобная мотивировка должна была быть более близкой и доступной деревне, являвшейся опорой царской армии.

Проблема оправдания войны стояла и перед Францией. Французская пресса возлагала на державы Тройственного союза, прежде всего на Германию, всю ответственность за эскалацию конфликта с момента объявления Австро-Венгрией войны Сербии. К тому же французы никогда не забывали о потерянных Эльзасе и Лотарингии, а череда международных кризисов накануне Первой мировой войны лишь укрепила убежденность в том, что война с немцами неизбежна. Созданию образа врага во Франции способствовало то, что уже с первых дней войны боевые действия шли на ее территории, часть департаментов была оккупирована. Действия германской армии на захваченной территории вызывали яростный протест во французском обществе. При этом надежды на победу в вооруженном конфликте увязывались во многом с мощью России.

В Англии необходимость обоснования своего участия в войне стояла гораздо более остро, чем в континентальных державах. Общество накануне войны не было осведомлено о характере военных обязательств, связывавших Англию с другими членами Антанты, угрозы вторжения неприятеля на Британские острова реально не существовало, непосредственные интересы империи, на первый взгляд, затронуты не были, либералы и лейбористы выступали против союза с Россией. Их оппозицию во многом помогло сломить нарушение Германией нейтралитета Бельгии, что преподносилось как варварское нарушение международного права. Однако одного лозунга защиты прав маленьких государств было явно недостаточно для завоевания поддержки широких слоев населения. Чтобы заручиться массовой поддержкой населения, правительство развернуло активную пропагандистскую кампанию, концентрировавшуюся вокруг создания образа врага.

В итоге общность целей пропаганды в Англии, Франции и России обусловила схожесть средств их достижения, мотивов и приемов. В тоже время уже в начале войны ярко проявились специфические особенности мобилизации общественного мнения в странах Антанты, которые объяснялись уникальными социально-политическими и стратегическими условиями каждой из держав. Несмотря на то, что в рассматриваемый период антантовская пропаганда делала еще только свои первые шаги, носила импровизированный и зачастую непоследовательный характер, уже тогда были сформулированы ее базовые принципы, остававшиеся неизменными на протяжении всей войны. Одним из ее краеугольных камней стал образ врага, который развивался в русле тех тенденций, что были заложены в 1914 г.

## Примечания

- <sup>1</sup> *Smith L. V., Audoin-Rouzeau S., Becker A.* France and the Great War, 1914–1918. Cambridge, 2003. P. 53; *MacKenzie J. M.* Propaganda and Empire. The Manipulation of British Public Opinion, 1880–1960. Manchester, 1985. P. 35; *Sanders M. L., Taylor P. M.* British Propaganda during the First World War, 1914–1918. L., 1982. P. 2.
- <sup>2</sup> См.: *Поршнева О. С.* «Настроение 1914 года» в России как феномен истории и историографии // Российская история. 2010. № 2. С. 185–199.
- <sup>3</sup> *Winter J. M.* Popular Culture in Wartime Britain // *European Culture in the Great War: The Arts, Entertainment and Propaganda, 1914–1918.* Cambridge, 2002. P. 330–332; *Becker J.-J.* The Great War and the French People. N. Y., 1986. P. 40; *Audoin-Rouzeau S.* «Bourage de crâne» et information en France en 1914–1918 // *Les Sociétés européennes et la guerre de 1914–1918.* Paris, 1990. P. 165–167; *Schor R.* La France dans la première guerre mondiale. Paris, 1997. P. 72–74; *Тютюкин С. В.* Россия: от Великой войны – к Великой революции // Война и общество в XX веке: в 3 кн. Кн. 1. Война и общество накануне и в период Первой мировой войны.





- М., 2008. С. 125 ; *Смирнов Н. Н.* Война и российская интеллигенция // Россия и Первая мировая война (материалы междунар. науч. коллоквиума). СПб., 1999. С. 261–266.
- 4 См.: *Read J. M.* Atrocity Propaganda, 1914–1919. L., 1941.
- 5 См.: *Carroll M. E.* French Public Opinion and Foreign Affairs. 1870–1914. L., 1931. P. 10–11.
- 6 *Сенявская Е. С.* Противники России в войнах XX в. : эволюция «образа врага» в сознании армии и общества. М., 2006. С. 20.
- 7 См.: *Ekstein M. G., Steiner Z. S.* The Sarajevo Crisis // British Foreign Policy Under Sir Edward Grey. Cambridge, 1977. P. 406–408.
- 8 См.: *Brailsford H. N.* The Origins of the Great War. L., 1914. P. 3.
- 9 Ibid. P. 14–16 ; The Contemporary Review. Vol. 106. 1914, September. P. 344.
- 10 The Times. 1914, 6 Aug. P. 7.
- 11 The Economist. Vol. 79. 1914, 8 Aug. P. 270.
- 12 The Times. 1914, 11 Aug. P. 5.
- 13 См.: *Wallace S.* War and the Image of Germany. British Academics. 1914–1918. Edinburgh, 1988. P. 167.
- 14 См.: *Яхимович З. П.* 1914–1918 годы : у истоков тоталитаризма и «массовой демократии» // Первая мировая война. Пролог XX в. М., 1998. С. 228.
- 15 См.: *Peterson H. C.* Propaganda for War. The Campaign against American Neutrality, 1914–1917. Washington, 1968. P. 12–14.
- 16 *Gullace N. F.* Sexual Violence and Family Honor : British Propaganda and International Law during the First World War // American Historical Review. 1997, June. Vol. 102. P. 714–743 ; *Рябов О. В.* Свои и Чужие в гендерном дискурсе российской пропаганды Первой мировой войны // Российское общество. Гендерное измерение. Иваново, 2006. С. 108–121.
- 17 См.: *Gullace N. F.* Op. cit. P. 716.
- 18 The Times. 1914, 10 Sept. P. 5.
- 19 Ibidem.
- 20 Ibid. 21 Sept. P. 8.
- 21 The Economist. Vol. 79. 1914, 17 Oct. P. 630.
- 22 Le Petit Parisien. 1914, 1 Sept. P. 1.
- 23 Ibid. 22 Sept. P. 1.
- 24 Новое время. 1914, 30 июля (12 авг.). С. 5.
- 25 Там же. 31 окт. (13 нояб.). С. 1.
- 26 См.: *Бутру Э.* Германия и война. Пг., 1914. С. 10–35.
- 27 См.: Московские ведомости. 1914, 12 (25) августа. С. 1.
- 28 *А. Р. Вильгельм II* – угроза гуманности и цивилизации. Киев, 1914. С. 3.
- 29 См.: *Викторов С. М.* Вековая борьба славянства с миром германским. Киев, 1914. С. 2–15.
- 30 См.: Новое время. 1914, 16 (29) сент. С. 4.
- 31 Там же. 17 (30) сент. С. 4.
- 32 См.: Le Temps. 1914, 11 Août. P. 2.
- 33 Ibidem.
- 34 Ibid. 22 Août. P. 2.
- 35 Ibid. 11 Août. P. 2 ; Ibid. 13 Août. P. 1 ; Ibid. 15 Août. P. 1–2 ; Ibid. 19 Sept. P. 1 ; Ibid. 22 Sept. P. 1 ; Ibid. 13 Oct. P. 1.
- 36 Le Temps. 1914, 7 Nov. P. 1.
- 37 См.: *Clutton-Brock A.* Thoughts on the War. L., 1915. P. 10–14.
- 38 См.: Новое время. 1914, 10 (23) августа. С. 3 ; Там же. 4 (17) ноября. С. 5 ; Le Temps. 1914, 7 Nov. P. 1.
- 39 См.: The Contemporary Review. Vol. 106. 1914, September. P. 327 ; Le Figaro. 1914, 10 Oct. P. 1.
- 40 *Haste C.* Keep the home fires burning. Propaganda in the First World War. L., 1977. P. 2.
- 41 *Taylor A. J. P.* Op. cit. P. 41.
- 42 См.: Новое время. 1914, 19 сент. (2 окт.). С. 1.
- 43 См.: Le Matin. 1914, 13 Sept. P. 1.
- 44 Ibidem.
- 45 См.: *Ремарк Э. М.* На Западном фронте без перемен. Минск, 1982. С. 63.
- 46 См.: Новое время. 1914, 30 сент. (13 окт.). С. 5 ; Там же. 20 окт. (2 нояб.). С. 4 ; Московские ведомости. 1914, 20 авг. (2 сент.). С. 1 ; Там же. 15 (28) окт. С. 1 ; Le Temps. 1914, 9 Sept. P. 1.
- 47 Новое время. 1914, 17 (30) сент. С. 4.
- 48 *А. Р. Вильгельм II*... С. 5–7.
- 49 Бешеный Вильгельм. М., 1914. С. 10–15.
- 50 *Хеллман Б.* Первая мировая война в лубочной литературе // Россия и Первая мировая война (материалы междунар. науч. коллоквиума). С. 304
- 51 См.: *Haste C.* Op. cit. P. 103–106.
- 52 См.: *Martin N.* Nietzsche as Hate Figure in Britain's Great War // The First World War as a Clash of Cultures. Rochester, 2006. P. 151.
- 53 См.: Архив внешней политики Российской империи [Далее – АВПРИ]. Ф. 139. Оп. 476. 1914 г. Д. 588. Л. 29–39.
- 54 Новое время. 1914, 21 июля (3 авг.). С. 1.
- 55 Там же. 28 июля (10 авг.). С. 3.
- 56 Le Temps. 1914, 2 Août. P. 2.
- 57 См.: The Times. 1914, 11 Aug. P. 5 ; Ibid. 16 Aug. P. 2.
- 58 См.: АВПРИ. Ф. 133. 1914 г. Оп. 470. Д. 60. Л. 85, 143, 159, 173 ; Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 3436. Л. 28, 33, 57.
- 59 Le Figaro. 1914, 3 Sept. P. 1.
- 60 См.: АВПРИ. Ф. 133. 1914 г. Оп. 470. Д. 59. Л. 2.
- 61 См.: Le Figaro. 1914, 4 Sept. P. 1.
- 62 См.: Le Petit Parisien. 1914, 11 Sept. P. 1.
- 63 См.: The Economist. Vol. 79. 1914, 29 Aug. P. 389.
- 64 Новое время. 1914, 29 июля (11 авг.). С. 2.
- 65 Там же. 28 июля (10 авг.). С. 3 ; Le Temps. 1914, 2 Août. P. 2 ; The Times. 1914, 11 Aug. P. 5.
- 66 *Сенявская Е. С.* Указ. соч. С. 21.



УДК 94(4) | 1979/1984

## ЕВРОПЕЙСКИЙ ПАРЛАМЕНТ: ОТ ПРЯМЫХ ВСЕОБЩИХ ВЫБОРОВ ДО ПРОЕКТА ДОГОВОРА О ЕВРОПЕЙСКОМ СОЮЗЕ 1984 ГОДА

М. А. Гусакова

Саратовский государственный университет  
E-mail: mashagusakova@yandex.ru

В статье рассмотрен процесс расширения прав Европейского парламента и усиления его роли в системе общеевропейских институтов. Непосредственным толчком к этому стало введение прямых всеобщих выборов в Европарламент, что также явилось гарантией его превращения в демократический институт. Важный вклад в достижение данной цели внес член Европейского парламента Альтьеро Спинелли, разработавший проект Договора о Европейском союзе в 1984 г.

**Ключевые слова:** Европейский парламент, прямые всеобщие выборы, Альтьеро Спинелли, проект Договора о Европейском союзе.

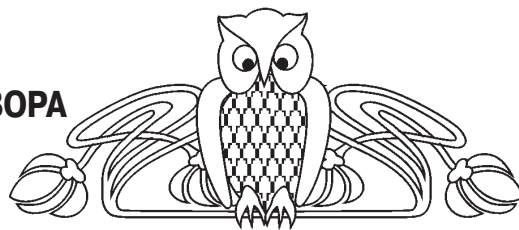
### The European Parliament: from the Direct Universal Suffrage to the Draft Treaty Establishing the European Union

М. А. Gusakova

The article discusses the process of the European Parliament's empowerment and strengthening its role in the system of the European institutions. Introducing of direct universal suffrage to the European Parliament gave the strongest impetus to this process, guaranteeing its transformation into real democratic institution. The key role in the process of the Parliament's strengthening played its member – Altiero Spinelli who drafted the Treaty establishing the European Union in 1984.

**Key words:** European Parliament, direct universal suffrage, Altiero Spinelli, Draft Treaty establishing the European Union.

К началу 80-х гг. XX столетия в ЕЭС назрела необходимость реформирования деятельности общеевропейских институтов. В значительной степени это относилось к функциям Европейского парламента. Несмотря на то что в течение 60–70-х гг. законодательные и контрольные функции Парламента были расширены, большинство законодательных решений в рамках ЕЭС принималось Советом министров. Непосредственный импульс к упрочению позиций Европарламента и расширению сферы его деятельности дало введение прямых всеобщих выборов. Как известно, данная тема приобрела огромное значение с первых дней существования ЕЭС. Практическая реализация этой задачи была призвана обеспечить широкое участие населения стран Содружества в строительстве интегрированной Европы. Несмотря на свою стратегическую нацеленность, утверждение новой избирательной системы заняло более двадцати лет и потребовало дополнительных



согласований. Лишь на саммитах, состоявшихся 12–13 июля и 20 сентября 1976 г. в Брюсселе, был принят ряд окончательных решений, которые привели к ратификации Акта об избрании членов Европейского парламента всеобщим прямым голосованием. Акт был ратифицирован всеми государствами Сообщества, несмотря на категорическое неодобрение голлистов и коммунистов во Франции<sup>1</sup>. Следует отметить, что данный Акт во многом повторял предложенный Парламентом проект конвенции 1960 г. Этот документ закрепил положение о регулировании прямых выборов в Европарламент национальным законодательством каждого государства Сообщества. Но, в отличие от конвенции, в соответствии с которой введение единой избирательной системы в ближайшем будущем представлялось самим членам Европейского Парламента невозможным, Акт установил необходимость введения именно такого порядка. Новый документ закрепил решение о введении единой избирательной системы к 1980 г., что и позволило многим представителям Европейского парламента надеяться на проведение первых выборов в соответствии с единой избирательной процедурой<sup>2</sup>. Впоследствии прямые выборы в Европейский парламент проводились в соответствии с системой пропорционального представительства во всех государствах Сообщества, кроме Великобритании.

Первые прямые выборы в Европейский парламент состоялись в июне 1979 г. и были положительно восприняты во всех странах Сообщества. Это событие оценивалось в качестве меры, пока не меняющей формальных полномочий Европейского парламента, но оно должно было дать толчок к увеличению его влияния. Однако, как отмечали члены Совета министров в докладе по Европейским институтам, оставалось неясным, как эта новая потенциальная возможность должна быть облечена в практические формы функционирования Европейских институтов<sup>3</sup>. Существующие договоры Европейских Сообществ являлись достаточно гибкими в отношении возможности усиления влияния Европарламента в различных областях взаимодействия. Такая перспектива во многом зависела от того, насколько эффективно члены самого института могли использовать предоставленные возможности, а также от того, могли ли они привлечь внимание общественности к поставленным проблемам. Кроме всего прочего, члены Совета министров отмечали, что отличительной чертой нового Европарламента



было то, что теперь он одновременно являлся и представительским, и европейским. В этом качестве он мог внести существенный вклад в укрепление институционального баланса и, таким образом, укрепить свое положение и влияние – в той степени, в которой он мог действовать как истинно Европейский парламент – и посвятить себя строительству единой Европы<sup>4</sup>.

В целом вопрос о расширении полномочий Европейского парламента является достаточно актуальным и имеет большое значение для исследования интеграционных процессов. Данной проблематике посвящено большое количество исследований зарубежных авторов, в которых рассматривается эволюция Европейского парламента как представительского и демократического института<sup>5</sup>. В работах советских исследователей данный вопрос был освещен довольно слабо, однако в последнее время российские авторы довольно часто предпринимают попытки проанализировать процессы, приведшие к расширению полномочий Европарламента<sup>6</sup>.

По итогам первой избирательной кампании в отношениях между депутатами Европейского и национальных парламента сложился новый аспект, который сводился к тому, что теперь только четверть членов континентального представительского форума обладала двойным мандатом<sup>7</sup>. Данный факт свидетельствовал о трансформации Европейского парламента в настоящий представительский институт, члены которого отныне могли сосредоточиться исключительно на проблемах развития Сообщества. Однако прочные взаимоотношения между Европейским и национальными парламентами не были отвергнуты. Они стали необходимы обеим сторонам для того, чтобы политические партии и группировки могли осуществлять управление общеевропейскими делами в согласованной и конструктивной манере. Несмотря на ощутимое укрепление позиций Европейского парламента, национальные парламента все еще сохраняли право демократического контроля местных министерств, взаимодействующих с общеевропейским Советом министров. Европейский парламента, безусловно признавая это право за местными парламентами, тем не менее мог повлиять на данный процесс, что также исключало возможность продвижения чисто национальных интересов в Сообществе<sup>8</sup>. Один из идеологов этого направления реформ и член Европарламента Альтьеро Спинелли считал, что конфликт между Европейским и национальными парламентами отныне представляется невозможным, поскольку укрепление позиций Европарламента является естественным желанием населения Европы, а местные парламента должны уважать такое волеизъявление. Кроме того, Спинелли подчеркивал, что, несмотря на расширение полномочий Парламента, было необходимо еще многое сделать для наделения данного института большими правами в решении экономических вопросов<sup>9</sup>.

Введение прямых выборов в Европейский парламента также оказало значительное влияние на его отношения с Советом министров и Европейской комиссией, добавив новый стимул в эти отношения, сводившийся к необходимости достижения компромисса по ряду вопросов. Наместились и некоторые изменения во взаимодействии Европейского парламента с данными институтами: теперь Парламента и Совет министров не являлись изначальными союзниками, как это было в более ранние годы функционирования сообществ, а Комиссии приходилось сталкиваться с изрядной долей критики со стороны напрямую избираемых членов Парламента<sup>10</sup>. Как отмечали члены Совета министров в докладе по Европейским институтам, такой подход членов Европейского парламента, совмещенный со стремлением установить тесное и прямое сотрудничество с Советом министров и Комиссией, должен был привести к созданию более устойчивого институционального баланса<sup>11</sup>. Однако создание такого баланса было невозможно без прямых политических контактов между Парламентамента и Советом.

Из доклада членов Совета министров также следовало, что демократическая природа Европейского парламента могла быть усилена путем интенсивного вовлечения общественного мнения в обсуждение политических вопросов. Поскольку общественность могла стать важным инструментом демократизации в Сообществе, предполагалось, что все институты должны уделять большее внимание данному фактору<sup>12</sup>. Деятельность Европейского парламента и его отношения с Еврокомиссией предоставляли для этого практические возможности, поскольку именно Парламента должен был информировать европейское население о реализации плановых мероприятий со стороны Комиссии во всех областях деятельности Сообщества. Еще в Докладе «Three Wise Men», озвученном в 1978 г., Б. Бишевел, бывший премьер-министр Нидерландов и член Европейского парламента, Э. Делль, бывший министр торговли Великобритании, и Р. Марджолин, бывший вице-президент Комиссии, указывали на необходимость укрепления сотрудничества Парламента с этой структурой<sup>13</sup>. По их мнению, Комиссия, так же как и Совет министров, должна представлять свои основные программные заявления на парламентских пленарных сессиях, что, в свою очередь, давало основания для получения информации со стороны европейского общества и способствовало его вовлечению в обсуждение общеевропейской политики<sup>14</sup>.

Как уже было отмечено выше, одним из вдохновителей реформы, направленной на укрепление роли Парламента в системе общеевропейских процессов, являлся Альтьеро Спинелли. Свои реформаторские идеи этот авторитетный политик подкреплял колоссальным опытом практической работы в интеграционных институтах. До 1978 г. он работал в Европейской комиссии, затем был





избран депутатом Европарламента, где возглавил Европейскую народную партию<sup>15</sup>. А. Спинелли считал, что выход на новый уровень интеграции требует отхода от преимущественно межправительственного взаимодействия и возможен лишь при движении Европейского сообщества в федералистском направлении. Парламентарий видел в Сообществе уже устоявшееся автономное образование, обладающее определенной степенью независимости от составляющих его государств и в то же время наделенное зримыми наднациональными чертами. По его мнению, следовало усилить именно наднациональные институты Сообщества, связав их между собой, но отделив от государственных приоритетов, чтобы сдвинуть баланс власти в сторону федералистских структур, которые и будут осуществлять развитие Сообщества в сторону демократической федерации. Таким образом, необходимо было провести институциональную реформу. «Нельзя построить Европу, используя старые институты», – доказывал Альтьеро Спинелли<sup>16</sup>. В то же время он подчеркивал, что федералистская инициатива должна развиваться внутри институтов Сообщества, и делал ставку на их эволюцию, а не крах<sup>17</sup>.

Альтьеро Спинелли считал, что обновленный Европейский парламент должен инициировать реформу всех институтов Сообщества. Парламентарий обосновывал это тем, что если такая реформа будет разрабатываться национальными правительствами минуя Европейский парламент, то в межинституциональном балансе не произойдет никаких изменений. Если же Парламент займёт по данному вопросу самостоятельную позицию, Европа сможет получить сильные наднациональные институты, способные решать общеевропейские проблемы<sup>18</sup>. В своем обращении к Европейскому парламенту 19 ноября 1981 г. Альтьеро Спинелли подверг критике министров иностранных дел Италии и Германии за нерешительность и отсутствие четкого подхода в разработке плана строительства экономического и политического союза, что способствовало «замораживанию» стратегии перехода от Европейских сообществ к Европейскому союзу. Позже министры иностранных дел Италии и Германии также осуждались им за нежелание приложить необходимые усилия к расширению полномочий Европарламента<sup>19</sup>. Также А. Спинелли предложил установить для Парламента двухлетний срок для разработки проекта базового законодательства Европейского союза с его последующей ратификацией государствами – членами Сообщества. Будущее Европы, по мнению этого парламентария, зависит не от намерений отдельных стран Сообщества, а прежде всего от позиции и роли Европейского парламента – единственного института, который наделен правом высказывать и выдвигать предложения от имени всего европейского населения, напрямую избравшего членом этого представительского органа. Для практического обеспечения

данной возможности, утверждал Спинелли, национальные правительства должны стремиться к прочному межгосударственному сотрудничеству и законодательно закрепить расширение прав представительского института<sup>20</sup>.

По итогам бурных и длительных дискуссий, в которых принимали участие члены «клуба “Крокдил”»<sup>21</sup>, Парламентом была принята резолюция, смысл которой сводился к необходимости разработки программы институциональных реформ, подлежащей обсуждению всеми государствами Сообщества. На основании принятой резолюции в январе 1982 г. Комитет по институциональным вопросам, руководствуясь в своей работе принципами демократичности и субсидиарности, приступил к выработке проекта договора о Европейском союзе<sup>22</sup>. Этот документ был подготовлен и отредактирован с решающим участием Альтьеро Спинелли, а затем одобрен большинством участников Комитета. 14 февраля 1984 г. Европейский парламент принял проект Договора о Европейском союзе, также известный как «проект Спинелли», в котором были озвучены законодательные принципы реформирования институтов Сообщества. Данный проект ознаменовал собой качественный скачок вперед, осуществленный Парламентом на пути к рождению Европейского союза. Договор предполагал наделение органов Союза новыми полномочиями в таких областях, как экономическая и валютная политика, социальная политика (включая благосостояние и здоровье граждан), а также во внешнеполитической сфере (безопасность, мир и разоружение), что существенно затрагивало основы национальной политики. Наиболее важные изменения должны были произойти в деятельности Европейского парламента. Статья 16 проекта Договора устанавливала, что Парламент имеет право принимать участие в законодательных процедурах путем наделения его правом совместного принятия решения с Советом, в бюджетных процедурах, а также в ходе заключения международных соглашений<sup>23</sup>. Наделение будущего Европарламента столь широкими полномочиями имело огромное значение для развития всего Европейского сообщества. В случае одобрения положений Договора население Европы могло получить возможность через членов Парламента представлять свои интересы в законодательном процессе. Кроме того, Европейский парламент наделался полномочиями обеспечивать возможность Комиссии приступить к исполнению своих служебных обязанностей путем одобрения ее политической программы, осуществлять политический контроль Комиссии, квалифицированным большинством голосов выносить вотум недоверия ее членам и, соответственно, отправлять их в отставку, получать запросы и петиции, адресованные ему от граждан Союза<sup>24</sup>. Законы Союза должны были приниматься в рамках двухпалатного механизма, свойственного федеральной системе. Целью дан-



ного предложения являлось достижение баланса между демократически избираемым Европейским парламентом и Советом союза, состоящим из представителей правительств государств – участников Сообщества.

Давая общую оценку проделанной работе, в своем интервью газете «El País» (19.03.1984), Альтьеро Спинелли подчеркивал, что до тех пор, пока идея создания Европейского союза не будет воплощена в жизнь, существующий «Европейский проект» будет находиться под угрозой неудачи. Он утверждал также, что европейцы в ходе предстоящей ратификации проекта Договора о Европейском союзе должны учитывать, что Сообщество состоит из враждовавших в прошлом государств и было создано исключительно как попытка научить их существовать в мире. Политик предостерегал, что в случае если идея европейской унификации потерпит неудачу, страны континента неизбежно вернуться к междоусобной борьбе<sup>25</sup>.

Проект Договора был одобрен членами Европейского парламента, однако для его вступления в силу было необходимо, чтобы данный закон был ратифицирован квалифицированным большинством в национальных парламентах Сообщества. В случае одобрения проекта Европа могла бы получила сильный Парламент, наделенный теми же правами и полномочиями в решении общеевропейских вопросов, которыми обладали национальные институты. Предполагалось, что единая Европа должна функционировать на основе законов, разрабатываемых европейскими правительствами и представляемых для одобрения Европейскому парламента без соблюдения требования единогласия. В своих рекомендациях, изложенных на страницах газеты «El País», Альтьеро Спинелли указывал на настоятельную необходимость инициирования переговоров со стороны Президента Европейского парламента с представителями правительств государств – членов Сообщества<sup>26</sup>. В этих целях им было подготовлено письменное предложение о созыве межправительственной конференции для обсуждения и внесения возможных изменений в проект Договора и выработки окончательного варианта Договора о Европейском союзе. Парламентарий обосновывал необходимость скорейшего проведения конференции тем, что представленный проект явился результатом трехлетних разработок и компромисса основных политических сил, представленных в Европарламенте<sup>27</sup>. Однако в представленном виде проект Договора о Европейском союзе национальными парламентами принят не был, поскольку требовал от правительств еще большей передачи своих суверенных прав в пользу наднациональных институтов. Потребовались многочисленные усилия и долгие годы переговоров, прежде чем проект создания столь важного для современной Европы Союза обрел окончательные параметры.

После проведения в 1979 г. прямых парламентских выборов, которые стали важным

шагом в реорганизации европейской власти, Европейский парламента стал важным звеном, связывающим центральные институты Сообщества с гражданами Европы. Обладая правом законодательной инициативы, он мог расширить сферу своей компетенции и в целом был в состоянии адекватно отвечать на вызовы времени. Успех проведения прямых выборов в Европарламент позволил сторонникам углубления интеграционных процессов, в частности Альтьеро Спинелли, предпринять дальнейшие попытки в области наделения Европарламента дополнительными полномочиями. В случае ратификации Договора о Европейском союзе 1984 г. европейские политики могли сделать более быстрые и эффективные шаги в направлении усиления наднациональной природы институтов Европейского сообщества.

### Примечания

- 1 Spedale G. The evolution of the European Parliament. 1976. URL: <http://www.ena.lu> (дата обращения: 03.12.10).
- 2 Ibidem.
- 3 Report on European Institutions. 1979. URL: <http://www.cvce.eu/obj> (дата обращения: 17.07.11).
- 4 Ibidem.
- 5 См.: Palayret J.-M., Bardi L. Building Parliament : 50 years of European Parliament history. Belgium : European Communities, 2009. URL: <http://www.oldbookshop.publications.europa.eu> (дата обращения: 15.01.11) ; Hix S., Noury A., Roland G. Democracy in the European Parliament. Brussels, 2005. URL: <http://www.oldbookshop.publications.europa.eu> (дата обращения: 17.01.11).
- 6 См.: Тезикова А. В. Выборы в Европейский Парламент : история и современность // Просвещение. 2006. № 16(17). URL: <http://www.irkutsk.izbirkom.ru> (дата обращения: 27.11.10) ; Кашкин С. Ю. Право Европейского Союза. М.: Юрист, 2002. С. 253–277.
- 7 Act concerning the election of representatives of the Assembly by direct universal suffrage. URL: <http://www.ena.lu> (дата обращения: 12.12.10).
- 8 См.: Report on European Institutions. 1979. URL: <http://www.cvce.eu/obj> (дата обращения: 09.08.11).
- 9 См.: Interview with Altiero Spinelli in Vision. 1977. URL: <http://www.cvce.eu/obj> (дата обращения: 16.08.11).
- 10 См.: Palayret J.-M., Bardi L. Building Parliament... P. 62.
- 11 См.: Report on European Institutions. 1979. URL: <http://www.cvce.eu/obj> (дата обращения: 24.08.11).
- 12 Ibidem.
- 13 См.: The Report of Three Wise Men. 1978. URL: <http://www.cvce.eu/obj> (дата обращения: 29.07.11).
- 14 См.: Report on European Institutions. 1979. URL: <http://www.cvce.eu/obj> (дата обращения: 24.08.11).
- 15 См.: История Европейской интеграции. 1999. С. 19. URL: <http://www.irbis.vkgu.kz> (дата обращения: 05.08.11).
- 16 См.: «Altiero Spinelli, ‘prophète’ de l’europhisme, croit prochaine l’unité politique de l’Europe» dans *El País*.



1984. URL: <http://www.cvce.eu/obj> (дата обращения: 10.08.11).
- <sup>17</sup> См.: История Европейской интеграции... С. 20. URL: <http://www.irbis.vkgu.kz> (дата обращения: 05.08.11).
- <sup>18</sup> См.: Pinder J. Altiero Spinelli's European Federal Odyssey. 2007. P. 9. URL: <http://www.europarl.europa.eu> (дата обращения: 13.08.11).
- <sup>19</sup> См.: Résolution de l'Union des fédéralistes européens concernant l'initiative Genscher-Colombo. 1983. URL: <http://www.cvce.eu/obj> (дата обращения: 13.08.11).
- <sup>20</sup> См.: Statement by Altiero Spinelli to the European Parliament. 1982. URL: <http://www.cvce.eu/obj> (дата обращения: 13.08.11).
- <sup>21</sup> Неформальные встречи европейских политиков – сторонников федералистского подхода и усиления роли Европейского парламента, которые проводились в ресторане «Крокодил».
- <sup>22</sup> См.: Pinder J. Op. cit. P. 12.
- <sup>23</sup> См.: Draft Treaty establishing the European Union. 1984. URL: <http://www.cvce.eu/obj> (дата обращения: 10.08.11).
- <sup>24</sup> Ibidem.
- <sup>25</sup> См.: «Altiero Spinelli, 'prophète' de l'europhisme, croit prochaine l'unité politique de l'Europe» dans *El País*. 1984.
- <sup>26</sup> Ibidem.
- <sup>27</sup> См.: Aide-memoire sur la procedure a suivre pour la convocation de la Conference Intergouvernementale charge de rediger le Traite d'Union europeene. 1984. URL: <http://www.europarl.europa.eu> (дата обращения: 23.08.11).

УДК 94(9)"375/1492"

## СОВРЕМЕННАЯ БРИТАНСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ О РЫЦАРСКИХ ДОСПЕХАХ ЭПОХИ ГЕНРИХА VIII

В. О. Шпаковский

Пензенский государственный университет  
E-mail: Slavashpak1@mail.ru

Статья посвящена взглядам историков Великобритании на развитие защитного и наступательного вооружения Англии и Шотландии в эпоху правления короля Генриха VIII.

**Ключевые слова:** рыцарство, доспехи, рыцарское вооружение, «бараний» шлем, доспешный гарнитур, эпоха Генриха VIII.

### Modern British Historiography about Knightly Armour of the Heinrich VIII' Age

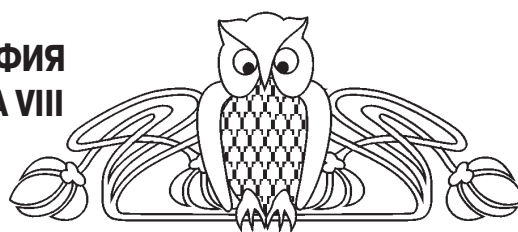
V. O. Shpakovsky

The article discusses the development of the English arms and armour during the reign of Henry VIII. The research was done by the British scientists.

**Key words:** knighthood, arms and armour, knight's armament, «mutton helmet», armour suit, reign of Henry VIII.

Прежде всего следует отметить, что эпоху правления английского короля Генриха VIII (1497–1547) известный британский историк Томас Ричардсон<sup>1</sup> характеризует как любопытный период соединения старого с новым, одновременно расцвета и заката белых пластинчатых доспехов.

Именно при Генрихе VIII английская армия была преобразована из средневековой, состоявшей из конницы, пехоты и лучников, в «современную» армию с огнестрельным оружием и длинными копьями для борьбы с конницей. Интересно, что все это новое оружие в большинстве случаев ввозилось в Англию с материка, где приобреталось у самых известных оружейных корпораций. В то же время он сохранил в арсенале британской армии традиционный длинный лук и сделал все возможное для развития в Англии



стрелкового спорта, причем своим солдатам не позволял стрелять по мишеням, расположенным ближе чем в 220 ярдах (ок. 200 м)<sup>2</sup>.

При этом он, видимо, считал недопустимой национальную зависимость от импорта иностранных доспехов, из-за чего и пригласил на работу в Саусворк несколько итальянских мастеров. Однако по неизвестной причине это соглашение сорвалось. Тогда в 1515 г. Генрих пригласил оружейников из Германии и Фландрии, разместившихся в оружейной мастерской в Гринвиче.

Смешение этих двух школ – итальянской, влияние которой в Англии, по-видимому, сохранялось, а также германо-фламандской – способствовало началу производства доспехов так называемого гринвического стиля<sup>3</sup>.

Главным в работе королевских мастерских в Гринвиче стало то, что в итоге король лично для себя получил целый ряд разного рода доспехов, большинство из которых сохранилось до наших дней! В Королевском арсенале в лондонском Тауэре находятся четыре личных доспеха Генриха VIII, один хранится в Виндзорском замке, а два, также, по мнению специалистов, принадлежавших Генриху VIII, – в собрании музея Метрополитен в Нью-Йорке<sup>4</sup>.

К наиболее ранним из доспехов этой серии относится турнирный доспех для пеших поединков (особенно любимых королем), изготовленный около 1515 г. Помимо тщательной выделки всех сочленений, он отличается прекрасной отделкой и представляет собой настоящее произведение искусства. Декор этих лат, покрытых гравировкой по серебру, а еще ранее золоченых, посвящен со-





стоявшейся в 1509 г. свадьбе Генриха и Екатерины Арагонской. На нагруднике изображен св. Георгий, на задней части кирасы – св. Варвара. На других деталях доспеха – орнамент из вьющихся растений, в том числе розы Тюдоров и гранаты Арагона. Крылья наколенников украшены связкой стрел – эмблемой отца Екатерины Фердинанда II Арагонского. На носках сабоанов помещены символическое изображение крепости Кастилии и еще одна эмблема Тюдоров – опускающаяся решетка ворот. Нижняя часть юбки доспеха окаймлена переплетающимися инициалами Генриха и Екатерины – «Н» и «К». На задней части каждой поножи изображена женская фигура, появляющаяся из чашечки цветка; на воротничке фигуры левой поножи видна надпись «GLVCK».

Кстати, именно этот замечательный экспонат позволяет сделать вывод о недюжинном – даже по сегодняшним меркам – росте и прекрасной физической подготовке английского монарха: высота доспеха «в сборе» составляет 185 см, а вес – более 30 кг.

Другой доспех – конский 1510 г., подаренный Генриху VIII императором Максимилианом I в память о совместных боевых действиях против французов, – наглядно показывает, что представляла собой подобная броня в то время. Доспех изготовлен во Фландрии мастером Мартином ван Рояном и состоит из наглавника, нашейника, нагрудника, двух боковиков и массивного накрупника. Пластины доспеха украшены гравировкой, чеканкой и позолотой. В частности, гравированы металлические пластины поводьев, тогда как все крупные пластины, а также переднюю заднюю луку седла украшают рельефные выпуклые изображения веток и плодов граната, а также ветвистые кресты ордена Золотого Руна, который Генрих получил в 1505 г. Наименее украшенной была нашейная пластина доспеха, но и на ней имелась гравированная кайма, изображавшая гранаты. Вполне возможно, что эта часть могла принадлежать к другому доспеху и являлась работой фламандского мастера Пола ван Вреланта. Интересно, что впоследствии оба этих мастера оказались в Англии в королевской оружейной мастерской в Гринвиче. Очевидно, Генрих выбирал для нее тех же мастеров, которых знал по их работе на императора Максимилиана I во Фландрии.

Вполне возможно, что посеребренные и гравированные доспехи 1515 г. были изготовлены большей частью итальянскими, чем фламандскими мастерами, но в равной степени возможно и то, что все их элементы были сделаны во Фландрии. Зато почти точно можно утверждать, что украшались они уже в Англии, где у Генриха VIII в 1515 г. уже была оружейная мастерская<sup>5</sup>.

Другим замечательным образцом доспешного искусства стали доспехи Генриха VIII, изготовленные в 1520 г. для пешего турнирного поединка на так называемом Поле золотой парчи и по своей

конструкции настолько совершенные, что при их весе в 42,68 кг нет практически ни одной части тела, которую не закрывала бы цельнокованная сталь<sup>6</sup>. Правда, несмотря на все свое техническое совершенство, эти доспехи так и не были завершены и именно в таком виде дошли до наших дней.

Доспех имел огромный бацинет, традиционно используемый в пешех сражениях, изначально изготовленный в Милане (клеймо мастерской города Миссалы находится на задней стороне шлема), но с видоизмененным забралом. Наручи были также собраны из уже существующих частей старых доспехов и представляли собой множество узких и тонких сочлененных пластинок, которые защищали локтевые суставы изнутри, в то время как снаружи пластины были крупными. Поножи на петлях и ремнях имели специальные пазы для шпор, необходимых всаднику, но вовсе не обязательных для пешего доспеха. Только наплечники из перекрывающих друг друга пластин, ставших отличительной чертой мастерской в Гринвиче, и стальная юбка (тонлет) были сделаны к нему заново. Выгравированные украшения до сих пор сохранили следы позолоты. Украшением служили изображения св. Георгия, Девы Марии с младенцем, розы Тюдоров, знак ордена Подвязки на вороте, а по верхнему краю левой поножи была выгравирована и сама подвязка<sup>7</sup>.

Один из наиболее известных доспешных гарнитуров Генриха VIII был также изготовлен мастерами Королевского арсенала в Гринвиче в 1540 г. Комплект этот представлял собой полные доспехи для джостры: латы с массивным левым наплечником, составляющим одно целое с баффом – дополнительным бронелистом, закрывающим часть шлема, подбородок, шею и часть груди. Для пешего турнирного поединка к ним пристегивались удлиненные набедренники. Наплечники были симметричной формы, а гульфик – цельнометаллический. В гарнитур входили детали полного рыцарского турнирного доспеха, полного рыцарского полевого доспеха (так называемого дротикового длиной «в три четверти» – с набедренниками только до колен) и пехотного полудоспеха с кольчужными рукавами, латными перчатками, латными набедренниками и опять-таки цельнометаллическим гульфиком, но, соответственно, без крюка на кирасе, забрала на шлеме и какой бы то ни было латной обуви<sup>8</sup>.

В 1544 г. Генрих заказал еще два доспеха для булонской кампании, которые были украшены гравировкой и резьбой по эскизам Ганса Гольбейна<sup>9</sup>.

Весьма интересной деталью гарнитура 1540 г. стала набрюшная пластина, подаренная Генриху VIII французским королем Франциском I еще в 1520 г. Эта уникальная деталь стала характерной особенностью доспехов гринвичской школы и, кроме как на доспехах для Генриха VIII, больше нигде не встречается. Она представляет собой три заходящие одна на другую стальные пластины, склепанные между собой, которые крепились спе-



реди на стеганом дублете, имевшем кольчужные рукава и короткие кольчужные рейтузы с гульфиком. На нагрудной кирасе в центре груди имелось небольшое отверстие, через которое проходил Т-образный штифт, скреплявший эту набрюшную пластину с кирасой<sup>10</sup>. Подобное устройство имело определенный смысл, поскольку с XVI в. кирасы начали делать таким образом, что их передняя и задняя пластины теперь представляли собой всего лишь два отдельных броневых листа, а не четыре, как это было раньше.

Известно, что король Генрих VIII не только был большим знатоком и любителем оружия, но и пристально следил за всеми новинками, появляющимися в этой области. Свидетельство тому – оригинальный «стреляющий» щит, изготовленный в Италии в 1540 г. Деревянное обитое сталью изделие весом около 5 кг и диаметром 48 см в центральной части украшено гравировкой с позолотой. А над изображением сцены подвига древнеримского героя Муция Сцеволы торчит... встроенный фитильный пистолет со съемной казенной частью, имеющей перезаряжаемый стальной патрон. История этого «гибрида» может быть связана с одним из изобретений, предложенных Генриху итальяским мастером Джованни Баттистой из Равенны в 1544 г. Возможно также, что щит доставили в страну вместе с другими образцами казнозарядного оружия – опять-таки итальянского.

В 1547 г. таких щитов в Тауэр из Вестминстера поступило 35 штук, причем сегодня в Королевском арсенале в Тауэре хранится 16 таких щитов двух типов: девять со стволом в центре щита и семь, у которых ствол расположен повыше. Шесть щитов имеют рельефное оформление на покрывающих их пластинах, в то время как на остальных они гладкие. У некоторых над стволом предусматривалось отверстие для наблюдения, забранное железной решеткой<sup>11</sup>. Долгое время английские историки никак не могли решить, где именно могли применяться такие щиты. Конец спорам положил подъем королевского флагманского судна «Мэри Роуз», затонувшего в 1540 г. на рейде Портсмута, где точно такие же щиты были обнаружены среди прочих находок. Так что теперь уже точно известно, что они находились на вооружении судовых команд<sup>12</sup>.

Что же касается парадных европейских доспехов, то реального военного значения они, как правило, уже не имели, не говоря уже о том, что при их изготовлении мастера-оружейники, угождая своим заказчикам, полностью игнорировали всякий здравый смысл. В полной мере это относится к так называемому рогатому шлему Генриха VIII, который вместе с комплектом доспехов был подарен ему императором Максимилианом I в 1514 г.

Этот шлем (единственное, что сохранилось до настоящего времени от целого доспеха) имеет откидывающееся сверху забрало с человеческим

лицом, имитацию очков и почему-то... лихо закрученные бараньи рога! Изготовленный мастером Конрадом Зойзенхофером из Инсбрука в 1512 г., этот шлем, вне всякого сомнения, является выдающимся образцом оружейного искусства начала XVI в., однако в нем вряд ли было так уж удобно сражаться. Конечно, оружейники, работавшие над ним, не могли этого не осознавать. Но так как это был всего лишь оригинальный сувенир, «королевский подарок», его и сделали именно таким каков он есть.

Что же касается доспехов от этого шлема, то их остатки, по всей видимости, были проданы на металлолом в 1649 г., еще во время гражданской войны в Англии. Шлем избежал этой участи, так как хранился от них отдельно (у доспехов, очевидно, были и другие шлемы) и уже в XVII в. демонстрировался на выставке в Тауэре как часть доспехов Уилла Сомерса, придворного шута Генриха VIII, и долгое время вообще никто не знал, кому он принадлежал в действительности.

Недавно возникли серьезные научные сомнения в подлинности этого шлема. Например, были ли рога барана и очки по-настоящему его частью, или же они добавлены позже? Но самое главное, почему столь причудливый предмет должен был представлять собой подарок одного монарха другому? Эти споры все еще полностью не разрешены, но шлем воспринимается большинством специалистов как единственно сохранившаяся часть, возможно, самых прекрасных рыцарских доспехов, когда-либо существовавших в Англии<sup>13</sup>.

В коллекции Королевского арсенала в Тауэре имеется седельный меч (или меч эсток) с рукояткой в виде ружейного ствола. Навершие на нем было съемным, а поджигался пороховой заряд внутри вручную при помощи фитиля<sup>14</sup>. Сейчас очень трудно сказать, как его использовали в бою и было ли это оружие заказано кому-то из оружейников по приказу самого Генриха VIII – известного любителя всяких оружейных диковинок. Однако сам факт существования благородного меча, соединенного с «оружием дьявола», говорит о том, что Генрих VIII положительно относился к огнестрельному оружию и испытывал самые разнообразные и подчас весьма экстравагантные его образцы. К ним прежде всего относится большая булава, снабженная на конце тремя ружейными стволами и шипами, поставленная из Вестминстера в Тауэр в июле 1547 г. вместе со 118 булавами без стволов и 7 со стволами, но без шипов. Каждый из стволов в ней снабжался сдвигаемой крышкой, закрывавшей запал, так что достаточно было зажечь это оружие, названное с чисто английским юмором кропилом, подмышкой, чтобы последовательно сделать три выстрела, поднося к стволам горящий фитиль.

В XVII в. эта булава стала называться прогулочным посохом Генриха VIII, а к XVIII в. была придумана история о том, что король ночами, проверяя охрану Тауэра, ходил с ней по замку. Во



время одной из таких прогулок один из констеблей якобы не узнал короля и отправил его в тюремную камеру за ношение столь опасного оружия в неположенный час. Узнав поутру, кого именно он арестовал, несчастный констебль уже прощался с жизнью, но Генрих VIII его не только не наказал, а напротив, наградил, отметив его исполнительность и усердие<sup>15</sup>.

Впрочем, особенно этому удивляться не приходится, ведь это не что иное, как вполне нормальный государственный подход к делу, а не слепое следование явно отживающим, хотя для кого-то и прекрасным традициям. Ведь даже в 1482 г. миланцы уже имели в своем арсенале 1250 единиц огнестрельного оружия и только 233 арбалета. Причем среди этого количества 352 относились к аркебузам, имевшим замок с пружинным механизмом воспламенения<sup>16</sup>. На момент смерти Генриха VIII в 1547 г. в Королевском арсенале имелось 3000 луков с 13 000 связок стрел по 24 стрелы в каждой. Однако общее количество образцов ручного огнестрельного оружия достигало 7700 единиц<sup>17</sup>.

В одном только 1543 г. на вооружение английской армии поступило 4000 аркебуз, произведенных в итальянском городе Брешиа и закупленных Генрихом VIII через Венецианскую республику.

Столь же значительным, кстати говоря, был и британский импорт итальянских доспехов. Д. Эдж и Д. Паддок приводят по этому поводу следующие впечатляющие цифры: в конце 1512 г. Генрих VIII заказал 2000 комплектов легких доспехов во Флоренции (по цене 16 шиллингов за каждый), а на следующий год – еще 5000 доспехов в Милане. В связи с угрозой французского вторжения в 1539 г. им было заказано еще 1200 комплектов доспехов в Колони и 2700 в Антверпене, на чем, видимо, монарх решил сэкономить, поскольку они отмечают, что «это был крупнейший центр в Европе по производству доспехов “низкого качества”, употреблявшихся только в пехоте»<sup>18</sup>.

Таким образом, английскими историками выявляются сразу два обстоятельства: во-первых, широкое распространение в первой половине XVI в. доспехов в английской пехоте, пусть даже и значительно более дешевых, чем кавалерийские, во-вторых, наличие чрезвычайно развитого экспорта вооружения из Италии и Нидерландов, где оно, видимо, изготавливалось практически на уровне массового промышленного производства.

А. Норман и Д. Поттингер особо выделяют тот факт, что Генрих VIII, помимо приглашения в Англию оружейников из Фландрии, использовал многочисленных наемников. В частности, пикинерами и всадниками тяжелой конницы были бургундцы или немцы, в то время как стрелками из аркебуз – главным образом испанцы и итальянцы, нанимавшиеся тысячами<sup>19</sup>.

Одновременно пытаясь увеличить количество лошадей, пригодных для службы в кавалерии, король издал закон, по которому всякий англи-

чанин, имевший ежегодный доход в 100 фунтов, должен был в обязательном порядке иметь лошадь, пригодную для военной службы.

Борясь с мотовством своих подданных, он приказал, чтобы каждый мужчина, жена которого носит юбку из вельвета или нижнюю юбку из шелка, содержал также боевого коня вне зависимости от своего дохода<sup>20</sup>.

В итоге Генрих VIII в конце своего царствования получил армию, которая состояла из нескольких по-разному вооруженных и экипированных видов конницы и пехоты, имевшую уже мало общего с традиционным рыцарским войском. Так, тяжеловооруженная кавалерия имела полное рыцарское вооружение и воевала копьями и мечами на защищенных доспехами лошадях, легкая кавалерия – доспехи «в три четверти» без латных перчаток и защиты ног ниже колена. Оружием этим всадникам служили легкое копьё и меч, а с середины XVI в. еще и короткоствольные образцы огнестрельного оружия. Кавалерия с северной границы была вооружена еще легче – пластинчатые набедренники до колен, руки защищали кольчужные рукава, а шлемы не имели забрала. Разумеется, и эти доспехи не были обязательными, поэтому многие «пограничники» носили только одни кольчуги, бригандины и куртки-жаки<sup>21</sup>. Разница между жаком и бригандиной при этом заключалась лишь в том, что у жака металлические либо роговые пластинки к матерчатой основе привязывались, тогда как на более дорогой бригандине они приклепывались. При этом своеобразным опознавательным элементом для английских легковооруженных всадников того времени являлась красная шапка (видимо, некое подобие суконного колпака), которую они носили поверх металлического шлема<sup>22</sup>.

Аркебуза – новое оружие легкоконного всадника, принятое на вооружение в коннице Генриха VIII, – имела около трех футов в длину (ок. 90 см) и уже позволяла стрелять непосредственно с коня. Соответственно, это породило и новую тактику. Заключалась она в том, что вооруженные аркебузами конные стрелки быстро приближались к построениям пехоты, затем стреляли и отъезжали обратно, чтобы перезарядить свое оружие<sup>23</sup>. Таким образом, именно всадники-аркебузиры, впоследствии вооруженные и пистолетами, заполнили в европейских войсках нишу восточных конных лучников, стрелявших по противнику не сходя с коня.

Пехотные доспехи, импортируемые Генрихом VIII из Германии, причем часто вместе с наемниками-ландскнехтами, имели ярко выраженный интернациональный характер, поскольку применялись повсеместно. Они состояли из набедренников длиной до колен, кирасы, панцирного воротника-горжета, трубчатых налокотников, наплечников, шлема с козырьком и тапуля-гульфика для защиты гениталий<sup>24</sup>. При этом собственно наплечники уже часто отсутствовали, а вместо





горжета использовалась широкая кольчужная накладка, защищавшая не только плечи, но и верхнюю часть груди и спины, а также шею. Шлем часто имел защиту для шеи из заходящих одна на другую пластинок – «хвост лобстера», – а также пластины для защиты щек и ушей, крепившиеся к его тулье на петлях и завязываемые на подбородке<sup>25</sup>.

Традиционным оружием этих войск была длинная (14–18 футов) пика с десятидюймовым (25 см) наконечником, ниже которого привязывался лисий хвост, обладавший, как считалось, магическими свойствами. Дуглас Миллер, автор книги о ландскнехтах, выдержавшей в Англии с 1976 по 1996 г. 14 переизданий, указывает, что этот обычай, распространившийся в среде ландскнехтов, был своего рода ответом на рыцарскую традицию украшать свое копые вымпелом с гербом. При этом лисий хвост выступал и в качестве корпоративной эмблемы, и как своеобразный талисман<sup>26</sup>.

Офицеры, командовавшие наемниками, как иностранцы, так и сами англичане, носили доспехи того же фасона, что и их подчиненные, но лучшего качества и нередко украшенные гравировкой или золочением. К концу царствования Генриха VIII форма кирасы сильно изменилась. Вместо глобулярных, выпуклых очертаний она приобрела характерное вертикальное ребро по всей длине сверху донизу<sup>27</sup> – ее прочность при этом в определенной степени возросла, а защитные возможности улучшились, так как вероятность рикошета пули либо стрелы от такой кирасы тоже увеличилась.

В то же время стрелки, к которым в Англии причисляли как лучников, так и аркебузир, имели тогда лишь самое легкое и примитивное защитное снаряжение. А. Норман и Д. Поттингер приводят слова маршала Генриха VIII Томаса Аудлея, писавшего о том, что он хотел бы, чтобы ни один из стрелков не носил доспехов, за исключением шлема морион, поскольку не может быть хорошего стрелка, будь то лучник или аркебузир, если он служит одетым в доспехи<sup>28</sup>.

Зато как и в годы Столетней войны лучники должны были иметь при себе по два длинных острых кола, служивших наилучшей защитой от конницы, если только они успевали их вкопать перед своим фронтом и занять позицию позади этой непреодолимой для всадников преграды<sup>29</sup>.

Когда в 1543 г. из Норвича во Францию было отправлено 40 пехотинцев, восемь из них были лучники, каждый из которых имел «добрый лук» в чехле для переноски, а также 24 «добрые стрелы», «добрый меч» и кинжал, а все остальные – биллмены, т. е. воины, имеющие в качестве своего главного оружия очень популярный в Англии того времени билл («язык быка») – древковое оружие длиной около 6 футов (1,5 м) с ножевидным или прямым клинком, которым было удобно сражаться в рукопашную<sup>30</sup>, а в качестве неосновного оружия – меч и кинжал. При этом отмечается, что

все биллмены имели защитное оружие, хотя какое именно – не уточняется<sup>31</sup>.

Что же касается первых реальных попыток ввести некое подобие униформы, то А. Норман и Д. Поттингер считают, что в Англии это было сделано в 1547 г., когда все солдаты экспедиционных войск герцога Соммерсета, направлявшиеся в Шотландию, были одеты в куртки красного цвета. Позднее, в годы недолгого правления короля Эдуарда VI отдельные подразделения его армии (или роты) уже различали по цвету одежды, выбранному их начальниками, а также по принятым ими же эмблемам<sup>32</sup>.

Однако все это вовсе не означает, что в то время стали меньше производить доспехов<sup>33</sup>. Например, действовавшая в той же Англии мастерская Генриха VIII, основанная в 1515 г., успешно функционировала вплоть до 1637 г.

Кстати, изучать историю работы гринвичской мастерской стало возможно лишь после того, как в 1891 г. был найден альбом цветных рисунков тридцати доспехов и съемных деталей к ним, изготовленных там уже во второй половине XVI в. На всех латах указаны имена их владельцев, что позволило идентифицировать и те из доспехов, что не попали в этот альбом, но были изготовлены гринвичскими мастерами<sup>34</sup>.

В то же время современные методы исследования позволяют пойти значительно дальше как в изучении отдельных доспехов, технологии их выделки и более точного датирования, так и в области изучения технологических приемов их производства. В частности, именно такую задачу поставили перед собой два английских историка, Алан Вильямс и Энтони де Рейк – авторы исследования «Королевский Арсенал в Гринвиче 1515–1649: история его технологий», значительным образом дополняющего более раннюю работу К. Блэра. На сегодня это единственное исследование подобного рода, основанное на изучении доспехов мастеров Ренессанса методами металлографического анализа. Всего исследовалось более 60 образцов, и было обнаружено много новых и интересных фактов относительно технологических приемов их изготовления<sup>35</sup>.

Интересно, что даже в самом конце XVI в., а именно в 1591 г., в Англии все еще звучали требования, чтобы лучники носили защитные доспехи типа боевого дублета либо стеганого, либо подбитого металлическими пластинками и прикрытого яркой тканью. Д. Эдж и Д. Паддок связывают данное обстоятельство с тем, что, несмотря на определенные успехи в развитии огнестрельного оружия, качество пороха для него оставалось все еще низким, из-за чего убойная дальность стрельбы из мушкета не превышала 90 м, а у короткоствольных пистолетов середины XVI в. была еще меньше<sup>36</sup>.

Одновременно доспехи все больше и больше стандартизировались, что, например, в Англии стало следствием дальнейших организационных



изменений в области военного дела. В 1558 г. была изменена система закупки вооружения для армии, которая теперь должна была снабжаться на средства населения, поделенного на соответствующие его доходам «классы». Так, всякий имевший доход в 1000 фунтов стерлингов в год или больше должен был закупить для армии: 6 лошадей для полукопейщиков, три из которых должны были иметь соответствующую сбрую, и доспехи для их всадника; 10 лошадей, пригодных для службы в легкой коннице, тоже со сбруей и доспехами; 40 комплектов доспехов для пехоты – кирас, набедренников и шлемов; 40 облегченных пехотных доспехов «германского» образца; 40 пик, 30 луков с 24 стрелами каждый; 30 легких металлических шлемов, 20 копий типа билл либо алебард; 20 аркебуз и, наконец, 20 морионов. Соответственно, и все остальные поставляли вооружение пропорционально своим доходам, причем тот, чей доход составлял от 5 до 10 футов в год, должен был поставить один билл или алебарду, один лук со стрелами, один легкий доспех и шлем. Интересно, что продажа всего этого вооружения за границу была категорически запрещена<sup>37</sup>.

Таким образом, процесс выделения в армии разных родов войск, использующих разные виды оружия и защитных доспехов, начатый Генрихом VIII, продолжился и после его смерти. Например, алебардщики, охранявшие ротные флаги, имели в это время только шлемы и кирасы, поскольку работать алебардой руками в доспехах, скорее всего, было не очень удобно, а все защитное вооружение аркебузиром состояло из шлема морион, и точно так же, как и остальные пехотинцы, он имел еще шпагу и кинжал помимо своего основного оружия<sup>38</sup>.

А. Норман и Д. Поттингер обращают внимание, что офицеры отличались от рядовых не только богатством снаряжения, но и тем, что носили короткие копья как знак своего высокого статуса. Часто их сопровождали мальчишки-пажи, носившие за ними круглые выпуклые щиты. какие долгое время использовались испанцами, считавшими, что с ними можно ворваться внутрь строя пикинеров, раздвигая ими пики. Позднее принц Мориц Оранский вооружил пуленепробиваемыми щитами первые шеренги своих пехотинцев, рассчитывая таким образом защитить их от мушкетерных пуль<sup>39</sup>, но вскоре их большой вес заставил от них отказаться, так же как и англичан – от их «стреляющих» щитов.

#### Примечания

<sup>1</sup> См.: *Richardson T.* The Armour and arms of Henry VIII. Leeds ; Royal Armouries Museum, 2002. P. 48.

- <sup>2</sup> См.: *Окиомт Э.* Археология оружия. От бронзового века до эпохи Ренессанса / пер. с англ. М. К. Якушиной. М., 2004. С. 343.
- <sup>3</sup> См.: *Borg A.* Arms and armour in Britain. L. : Her Majesty's Stationery Office, 1979. P. 24.
- <sup>4</sup> См.: *Armours of Henry VIII.* L. : Her Majesty's stationery office, 1977. P. 1.
- <sup>5</sup> См.: *Richardson T.* Op. cit. P. 16.
- <sup>6</sup> См.: *Armours of Henry VIII.* P. 17.
- <sup>7</sup> См.: *Richardson T.* Op. cit. P. 20.
- <sup>8</sup> См.: *Armours of Henry VIII.* Cover plate 2, 3.
- <sup>9</sup> См.: *Richardson T.* Op. cit. P. 41.
- <sup>10</sup> *Ibidem.* P. 24, 35.
- <sup>11</sup> *Ibid.* P. 28–29.
- <sup>12</sup> *Ibid.* P. 30.
- <sup>13</sup> *Ibid.* P. 8–9.
- <sup>14</sup> *Ibid.* P. 32.
- <sup>15</sup> *Ibid.*
- <sup>16</sup> См.: *Nicolle D.* Italian Medieval Armies 1300–1500. L.: Osprey (Men-at-arms series № 136), 1983. P. 18.
- <sup>17</sup> См.: *Edge D., Paddock J. M.* Arms and armour of the medieval knight. An illustrated history of Weaponry in Middle ages. Avenel, New Jersey, 1996. P. 149.
- <sup>18</sup> *Ibid.* P. 139.
- <sup>19</sup> См.: *Norman A. V. B., Pottinger D.* Warrior to soldier 449 to 1660. A brief introduction to the history of English warfare. L. : Weidenfeld and Nicolson Limited, 1966. P. 146.
- <sup>20</sup> *Ibid.* P. 148.
- <sup>21</sup> См.: *Armstrong P.* Otterbun 1388. Bloody border conflict. Oxford : Osprey (campaign series № 164), 2006.
- <sup>22</sup> См.: *Norman A. V. B., Pottinger D.* Op. cit. P. 155–156.
- <sup>23</sup> *Ibid.* P. 155.
- <sup>24</sup> См.: *Miller D.* The Landsknechts. L. : Osprey (Men-at-arms series № 58), 1976. P. 19.
- <sup>25</sup> См.: *Norman A. V. B., Pottinger D.* Op. cit. P. 157.
- <sup>26</sup> См.: *Miller D.* Op. cit. P. 10.
- <sup>27</sup> См.: *Norman A. V. B., Pottinger D.* Op. cit. P. 157.
- <sup>28</sup> *Ibid.* P. 157.
- <sup>29</sup> *Ibid.*
- <sup>30</sup> *Ibid.* P. 174.
- <sup>31</sup> *Ibid.* P. 165.
- <sup>32</sup> *Ibid.* P. 166.
- <sup>33</sup> См.: *Блэр К.* Рыцарские доспехи Европы. Универсальный обзор музейных коллекций / пер. с англ. Е. В. Ломановой. М., 2006. С. 122.
- <sup>34</sup> *Ibid.* С. 124.
- <sup>35</sup> См.: *Williams A., De Reuck A.* The Royal Armoury at Greenwich 1515–1649 : a history of its technology. Leeds ; Royal Armouries Pub., 1995.
- <sup>36</sup> См.: *Edge D., Paddock J. M.* Op. cit. P. 153.
- <sup>37</sup> См.: *Norman A. V. B., Pottinger D.* Op. cit. P. 177.
- <sup>38</sup> *Ibid.* P. 182–183.
- <sup>39</sup> *Ibid.* P. 184.



# ОТЕЧЕСТВЕННАЯ И РЕГИОНАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ

УДК 902(4/5)634|

## ПРОЦЕСС НЕОЛИТИЗАЦИИ НА ЕВРАЗИЙСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

П. М. Кольцов

Калмыцкий государственный университет  
E-mail: koltsov\_pm@kalmsu.ru

Процесс неолитизации и внедрения производящих форм экономики протекал в различных частях Евразии не одновременно. Первыми в области селекции и domestikации животных ученые называют южную – переднеазиатскую зону и Юго-Восточную Азию. В северной части кругокаспийской области процесс неолитизации происходил на базе интенсификации и специализации присваивающих форм хозяйства. В дальнейшем утверждение передового опыта южных очагов привело к складыванию в Северном Прикаспии культур с накольчато-прочерченной керамикой и микролитой индустрией. Постепенно процесс утверждения новых производств и обогащение рациональными знаниями охватил не только южные степи, но и лесостепные территории, проникая в глубь Восточной Европы.

**Ключевые слова:** неолитизация, Евразия, Северный Прикаспий, керамика, культуры, земледелие, скотоводство.

### Neolithization Process in Euro-Asian Area Abstract

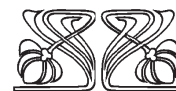
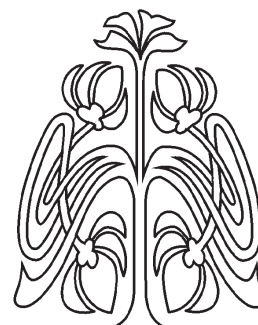
P. M. Koltsov

The process of neolithization and introduction of producing forms of economics did not take place in different parts of Euro-Asia simultaneously. South Asia and South-East Asia zones are considered to be first in the selection and domestication of animals. In the Northern part of the Caspian Sea area the neolithization took place on the basis of intensification and specialization of appropriating forms of activities. Further assertion of the advanced experience of Southern focus led to the formation of cultures with pricked and dashed ceramics and micro stone industry in North Caspian Sea area. Gradually the process of assertion of new production and enrichment of rational knowledge covered both Southern steppes and forest-steppe territories penetrating deep into West Europe.

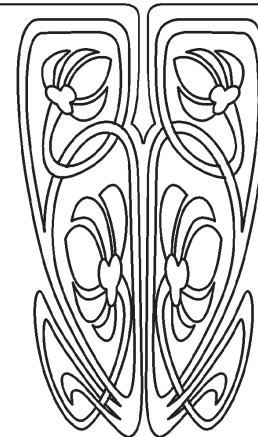
**Key words:** neolithization, Euro-Asia, North Caspian Sea, ceramics, cultures, agriculture, cattle breeding.

Начиная с мезолитического времени на территории Передней Азии происходили процессы вызревания новой экономики, связанные с domestikацией диких растений и животных. В последующую, неолитическую эпоху земледелие и скотоводство стали определяющими в экономике первобытного общества переднеазиатской зоны. Это позволило человечеству за короткий срок (по историческим меркам) совершить прорыв в области экономики, социальной организации и общественных отношений. От присваивания «даров природы» и изготовления каменных орудий труда первобытное общество перешло к производящим формам хозяйства – земледелию и скотоводству, металлургии, – а затем к созданию письменности и государства.

В северной части кругокаспийской области, куда вошли степи Предкавказья, Северо-Западного, Северного и Северо-Восточного Прикаспия, процесс неолитизации происходил на базе интенсификации и специализации присваивающих форм хозяйства. Это привело к формированию культурно-хозяйственного типа охотников, рыболовов и собирателей. Дальнейшее расширение контактов между племенами способствовало утверждению передового опыта южных очагов и скла-



НАУЧНЫЙ  
ОТДЕЛ







дыванию в Северном Прикаспии своеобразной культурно-исторической общности, состоящей из культур с накольчато-прочерченной керамикой и микролитой индустрией.

Постепенно процесс утверждения нового производства и взаимного обогащения рациональными знаниями охватил не только южные степи, но и лесостепные территории, проникая в глубь Восточной Европы.

Первые памятники неолитического времени на территории северокаспийской области были открыты более 80 лет назад. В то время неолит Северного Прикаспия был представлен преимущественно рассеянными и малоинформативными с точки зрения исторической интерпретации памятниками.

К настоящему времени усилиями нескольких поколений археологов резко увеличилась количественная и качественная сторона источниковедческой базы неолитической эпохи исследуемого региона. Это позволило исследователям создать локальные культурно-хронологические схемы развития неолита: для Северо-Западного Прикаспия – джангарская культура<sup>1</sup>, Степного Поволжья – орловская культура<sup>2</sup>, Волго-Уральского междуречья – сероглазовская культура<sup>3</sup> или каиршакско-тентексорская культура<sup>4</sup>. В дальнейшем исследователи предложили общие схемы культурно-исторического развития населения северокаспийской области в мезолите и неолите. При этом наметились две тенденции: одна рассматривает мезо-неолитические памятники Северного Прикаспия в рамках нижневолжской культурно-исторической общности<sup>5</sup>, другая объединяет их в северокаспийский культурный ареал<sup>6</sup>, или североприкаспийскую культурно-историческую общность<sup>7</sup>.

Широкий разброс мнений относительно культурно-хронологической ситуации памятников исследуемого региона вновь заставляет обратиться к критериям выделения неолита как археологической эпохи и степени единства памятников, объединяемых в археологические культуры и другие, более крупные образования. Известно, что в разных странах Европы, да и в среде российских археологов нет единого подхода к выделению неолита как исторической и археологической эпохи.

Между тем неолит по праву считают важнейшей ступенью в истории первобытного общества. Как определенная ступень развития каменного века неолит был выделен в 1865 г. Дж. Леббоком лордом Эйвбери. Основными признаками данной исторической эпохи исследователь считал изготовление глиняной посуды, а также введение новых технических приемов обработки каменных орудий труда, таких как шлифование, пиление и сверление. С тех пор близкое понимание неолита прочно вошло в научный оборот, в том числе и российской археологии<sup>8</sup>. Некоторую ревизию этих взглядов провел Г. Д. Кларк: исследуя мезолитические материалы Северной Европы, он пришел к выводу, что

способы обработки камня, включая шлифование, сверление и пиление, были освоены человеком еще в мезолите. Следовательно, по мнению ученого, только появление керамической посуды остается основным аргументом начала неолита. По мере накопления огромного количества материалов термин «неолит» перестал быть дефиницией только археологического порядка. К этому историческому периоду стали проявлять интерес специалисты не только смежных дисциплин, но и зоологи, антропологи, генетики и даже философы.

Широкое распространение глиняной посуды, текстиля, наличие отличительных признаков каменных и костяных орудий труда до сих пор остаются одним из основных критериев появления новой, неолитической эпохи. Но за этими, казалось бы, формальными признаками кроется серьезное изменение всей экономики и образа жизни – переход к оседлости, увеличение численности населения, приготовление жидкой (растительной и мясной) пищи на костре и т. д. В этот период происходят широкие миграционные процессы, связанные с нарастающей аридизацией и ростом численности населения. В поисках благоприятной среды обитания, первобытные племена продвигались на значительные расстояния и неизбежно вступали в тесное соприкосновение с местным населением. Причем контакты могли носить как враждебный, так и мирный характер и в конечном счете завершились ассимиляцией неолитических племен. Вначале они объединяются в небольшие группы, а затем постепенно консолидируются в крупные культурно-исторические общности, на базе которых возникли этнические субстраты многих современных народов. Некоторые исследователи считают, что именно южные степные районы Евразии являются колыбелью протоиндоевропейских народов.

Изменение наблюдается и в социальной структуре большинства племен, перешедших к неолиту. Все начинается с накопления избыточного продукта, получаемого за счет интенсификации и специализации присваивающих форм хозяйства. Излишки постепенно сосредотачиваются в руках старейшин, шаманов, военных предводителей и удачливых охотников, которые становятся прообразом зарождающегося привилегированного слоя.

Перечисленные выше процессы имеют скорее эпохальный характер, а поистине революционным достижением следует считать переход неолитического общества к производящему хозяйству в виде примитивного земледелия и скотоводства. Это событие английский археолог В. Г. Чайлд назвал «неолитической революцией», которая определила развитие человеческого общества на многие тысячелетия вперед<sup>9</sup>. Поэтому начало неолитической эпохи он связывает с ранним земледелием. Следуя этой идее, Г. Чайлд обосновал миграционный характер неолита Центральной Европы, который, по его мнению, был привнесен земледельцами из Передней Азии. Затем стали



появляться различные модели миграционных процессов.

Сторонники «скачкообразной» модели полагают, что колонисты передвигались небольшими группами на лодках вдоль средиземноморского побережья. Генетик Л. Кавалли-Сфорца и математик А. Аммерман предложили демографическую модель неолитической популяционной диффузии, названной исследователями «волновой миграцией». Они полагали, что переход к земледелию привел к демографическому взрыву, при котором плотность населения возросла до «уровня насыщения», в результате чего происходил многократно повторяющийся отток избыточного населения в пространстве. Причем этот процесс предполагал поглощение земледельцами-скотоводами местного мезолитического населения или его уничтожение. Некоторые ученые считают, что большая часть современного генофонда Европы была сформирована за счет иммиграции «переднеазиатских земледельцев» при ничтожной доле местной донеолитической популяции<sup>10</sup>.

В истории человечества процесс неолитизации и внедрения производящих форм экономики был довольно длительным и протекал в различных частях земного шара не одновременно. В Евразии «пионерами» в области селекции растений и доместикации животных ученые в первую очередь называют южную – переднеазиатскую зону и Юго-Восточную Азию. Переход к производящему хозяйству там произошел в конце мезолита, о чем свидетельствуют такие раннеземледельческие поселения, как Иерихон (докерамический неолит В), Хаджилар, Чейеню-тепе и др. В дальнейшем раннеземледельческие культуры типа Чатал-Хююк, Джармо, Али-Кош, Тепе-Гуран и другие продолжают развивать земледельческо-скотоводческое хозяйство, используя достижения неолитической эпохи<sup>11</sup>.

В VI тыс. до н. э. на территории Средней Азии расцвела джейтунская раннеземледельческая культура. Ее представители населяли узкую полосу предгорной равнины между отрогами Копет-Дага и песками Каракумов, где на плодородных почвах возделывали поля, орошаемые предгорными речками и ручьями. Использование естественного орошения и целый ряд иных признаков позволяют отнести джейтунцев к кругу раннеземледельческих культур Передней Азии<sup>12</sup>.

Закавказье также считается одним из очагов древнего производящего хозяйства. Для этого там существовали все природные предпосылки – наличие диких сородичей культурных злаков и домашних животных. Однако бесспорных материалов, свидетельствующих о становлении производящей экономики в регионе на ранних этапах неолита, пока нет. На памятниках Черноморского побережья Грузии костей животных не обнаружено, известны лишь разнообразные находки каменных орудий труда, свидетельствующие о возможном занятии местного населения земледелием

(Нижнешиловская, Одиши, Кистрик, Анасеули 2 и др.). Прежде всего это микролитические вкладыши для жатвенных ножей, зернотерки, ступы, а в некоторых случаях мотыжки сочи-адлерского типа. В Восточном Закавказье на поздних этапах неолита и в энеолите существовала земледельческо-скотоводческая шулавери-шомутепинская культура, которая при всей своей самобытности (разнообразие окультуренных злаков, присущих только ей) развивалась под влиянием переднеазиатских земледельческих культур<sup>13</sup>.

Значительные изменения в неолите произошли на юге России и Украины. В первую очередь они затронули Кавказ, Крым, а затем в этот процесс были вовлечены степные и лесостепные районы.

На территории горного Дагестана неолитическое население уже в первой половине VI тыс. до н. э. культивировало производящее хозяйство. Об этом свидетельствуют материалы Чохского поселения, отражающие процесс вызревания неолитической культуры с производящей экономикой на местной мезолитической основе<sup>14</sup>. В V тыс. до н. э. на Северо-Восточном Кавказе процветала раннеземледельческая культура Гинчи. В III тыс. до н. э. энеолитические племена Северного Кавказа по уровню своего развития стояли на пороге образования раннеклассового общества древневосточного типа<sup>15</sup>.

В Крыму можно назвать известные уже неолитические поселения Таш-Аир, Кая-Арасы, Замиль-Коба II и др., где наряду с костями диких животных обнаружены кости домашних свиней, коров, овец. В конце неолита количество домашних особей увеличивается, а наличие на поселениях зернотерок, пестов, мотыг и вкладышей серпов свидетельствует о занятии населения предгорных районов земледелием<sup>16</sup>.

Данные исследования наглядно показывают, что древние культуры с производящей экономикой находятся примерно в одном широтном поясе, который приурочен к северному тропику и представляет собой предгорные районы и мощные речные долины с разнообразной фауной и флорой. Вначале человек использовал перспективные экологические ниши для активного собирательства и охоты, а затем перешел к окультуриванию дикорастущих злаков, приручению и одомашниванию овец, коз, а затем быков и других видов животных. Мнение относительно автохтонного возникновения животноводства в Восточной Европе, которое существовало в отечественной научной литературе, оказалось несостоятельным<sup>17</sup>. Об этом убедительно написано в классических трудах Н. И. Вавилова относительно центров происхождения культурных растений.

В лесной зоне достижения неолитической эпохи внедрялись в экономику первобытных племен значительно медленнее. Вначале они научились формовать и обжигать глиняную посуду, затем овладели приемами сверления, пиления и



шлифования, что позволило им получить тесла, долота и более совершенные каменные топоры с надежной рукоятью. Овладев новыми технологиями в изготовлении каменных орудий труда, лесные неолитические племена научились быстрее рубить деревья, строить добротные дома, лодки и т. д.

Продукты охоты, собирательства и рыболовства по-прежнему составляли основной рацион лесных жителей, причем роль рыболовства значительно возросла. Многие поселения археологи находят рядом с водоемами – озерами и реками. Для увеличения количества добываемой пищи человек продолжает совершенствовать охотничий инвентарь и рыболовное снаряжение. В неолите появляются различные самострелы, капканы, силки, ловушки, а также сети, «запоры», верши и прочие рыболовные снасти, позволяющие добывать больше дичи и рыбы и делать запасы. Оседлость, всесторонние знания об окружающей природной среде, включая животных и растения, и возможность иметь большие запасы продуктов питания позволили неолитическим племенам охотников, рыболовов и собирателей еще интенсивнее эксплуатировать природные ресурсы.

Проникновение производящего хозяйства в лесную зону происходило позднее под влиянием степных и лесостепных культур, которые значительно раньше познакомились с передовыми достижениями переднеазиатских раннеземледельческих культур.

В приморских районах Дальнего Востока, Сахалина и Японии процессы неолитизации протекали иначе. Там население издревле занималось морским промыслом – рыбной ловлей и охотой на морского зверя, – который дополнялся собиранием съедобных морских моллюсков. Совершенствуя способы морского промысла, аборигены создали оптимальную хозяйственную модель, которая в ряде северных приморских районов существует и поныне. Нельзя не отметить и того факта, что керамическое производство в Японии зафиксировано на начальной стадии культуры Дзёмон, которая датируется около 11 000 лет до н. э.<sup>18</sup> В бассейне нижнего течения Амура керамический центр имеет радиоуглеродные даты порядка 14 500–12 400 лет назад<sup>19</sup>. Близкие даты показывают керамические комплексы в Забайкалье<sup>20</sup>. Причем появление керамического производства в восточных регионах Северной Евразии произошло в условиях высокопроизводительного хозяйства присваивающего типа и в большей мере независимо. Естественно, что открытия подобного рода ставят перед учеными все новые вопросы. Ответы на них носят пока все больше гипотетический характер. Например, феномен раннего появления керамического производства и его распространения в широтном направлении некоторые исследователи объясняют определенным культурным импульсом в пределах южно-сибирского лесостепного пояса. Затем в VII тысячелетии этот импульс достигает степной и лесостепной зон

Восточной Европы. В VI тысячелетии население большей части лесной зоны Восточной Европы постепенно осваивает керамическое производство. В это время в Центральной Европе быстро распространяются поселения культуры линейно-ленточной керамики, что объясняется климатическим оптимумом голоцена – максимальным увеличением температур, осадков и биомассы<sup>21</sup>.

Приведенный выше краткий обзор неолитизации отдельных регионов показал, что в ряде мест, благоприятных с точки зрения доместикации диких растений и животных, на ранних этапах неолитической эпохи возникают земледелие и скотоводство, чтобы со временем занять главное место в экономике. Являясь первыми в области новаций, переднеазиатские раннеземледельческие культуры оказали значительное влияние на становление производящего хозяйства в Европе. В свое время Г. Чайлд писал о том, что неолит был привнесен в Европу земледельцами из Передней Азии. Но по мере накопления материала по неолиту Старого Света исследователи высказывались по данной проблеме уже не так категорично. Одним из представителей такого подхода была Р. Трингхэм, которая полагала, что местные племена либо воспринимали привнесенные земледельцами технические новации, либо отвергали их<sup>22</sup>. Российские исследователи, опираясь на данные радиоуглеродного датирования, считают процесс неолитизации в Европе результатом «диффузионных и конвергентных процессов»<sup>23</sup>.

Становление новой экономики у первобытных племен северных регионов нашей страны было более длительным. Тем не менее группы населения, проживающие за пределами древних очагов земледелия и скотоводства, не были пассивными членами человеческого сообщества. Рост экономики в неолите сопровождался появлением избыточного продукта, повлекшего за собой интенсификацию обмена продуктами жизнедеятельности, хозяйственную специализацию, усложнение социальной структуры и т. д. Одним словом, они активно участвовали в общеисторическом процессе, взаимодействуя между собой в самых разных формах. Улучшение жизни общества привело к росту населения и расширению контактов между племенами, что способствовало утверждению новых производств и взаимному обогащению рациональными знаниями.

На месте небольших поселков охотников и собирателей появляются ранние земледельцы, поселения городского типа. Это потребовало новых архитектурных решений в планировке и строительстве зданий. Закономерным следствием этих процессов стало формирование в Старом Свете, где обитали ранние земледельцы и скотоводы, классических цивилизаций городского типа, таких как Шумер, Аккад или Древний Египет.

В последующий, энеолитический период степные племена не только усвоили опыт южных соседей, но и выработали новые формы хозяйства,





соответствующие природным ресурсам степной зоны. Особенно перспективным стало подвижное скотоводство, которое на ранних этапах новой экономики сочеталось с традиционными формами присваивающего хозяйства – охотой, рыболовством и собирательством. Внедрение присваивающей экономики привело к образованию новых культур, систем связей, идеологических воззрений и верований. Этому в известной степени способствовало изобретение колеса и приручение лошади. Энеолитические племена степной и предгорной (Северный Кавказ и Крым) полосы Восточной Европы получили ту подвижность, которая позволила им распространить передовые, рациональные знания по всей Европе и за ее пределами. Целый ряд лингвистов и археологов идентифицируют с ними индоевропейские народы<sup>24</sup>. Сказанное выше является отражением объективных законов исторического развития. Поэтому знание подлинных форм этносоциальных и хозяйственных образований конкретных регионов в прошлом может быть полезным и сегодня.

#### Примечания

- <sup>1</sup> Кольцов П. М. О культурной принадлежности неолитических памятников Северного Прикаспия // Вопросы археологии юга Восточной Европы : сб. науч. статей. Элиста, 1990. С. 62–71 ; *Он же*. Поселение Джангар : человек и его культура в неолите Северо-Западного Прикаспия. М., 2004. С. 115–123.
- <sup>2</sup> Юдин А. И. Варфоломеевская неолитическая стоянка (первые итоги исследования) // Археологические культуры Северного Прикаспия. Куйбышев, 1988. С. 142–172.
- <sup>3</sup> Козин Е. В. Неолит Северного Прикаспия : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ижевск, 2002. С. 10–15.
- <sup>4</sup> Васильев И. Б., Выборнов А. А. Неолит Поволжья. Степь и лесостепь : учеб. пособие. Куйбышев, 1988. С. 26.
- <sup>5</sup> Васильев И. Б. Энеолит Поволжья (степь и лесостепь). Куйбышев, 1981 ; Юдин А. И. Неолит // Археология Нижнего Поволжья. Т. 1. Каменный век. Волгоград, 2006. С. 331–454.
- <sup>6</sup> Амирханов Х. А. Северокаспийский регион – специфический очаг мезо-неолитических культур // Проблемы древней истории Северного Прикаспия. Куйбышев, 1990.
- <sup>7</sup> Кольцов П. М. О культурной принадлежности неолитических памятников Северного Прикаспия // Вопросы археологии юга Восточной Европы : сб. науч. статей. Элиста, 1990 ; *Он же*. Поселение Джангар : человек и его культура в неолите Северо-Западного Прикаспия. М., 2004 ; *Он же*. Мезолит и неолит Северо-Западного Прикаспия. М., 2005.
- <sup>8</sup> Ошибкина С. В. Понятие о неолите // Неолит Северной Евразии. Археология. М., 1996. С. 6.
- <sup>9</sup> Чайлд Г. Прогресс и археология. М., 1949. С. 33.
- <sup>10</sup> Bodmer W. F., Cavalli-Sforza L. L. Genetics, Evolution and Man. San Francisco, 1976.
- <sup>11</sup> Мелларт Дж. Древнейшие цивилизации Ближнего Востока. М., 1982 ; Массон В. М. Первые цивилизации. Л., 1989.
- <sup>12</sup> Массон В. М. Средняя Азия в эпоху камня и бронзы. М. ; Л., 1966. С. 76–92.
- <sup>13</sup> Лисицына Г. Н., Прищепенко Л. В. Палео-этноботанические находки Кавказа и Ближнего Востока. М., 1977. С. 40–49 ; Шнирельман В. А. Происхождение скотоводства. М., 1980. С. 68–71.
- <sup>14</sup> Амирханов Х. А. Чохское поселение (человек и его культура в мезолите и неолите горного Дагестана). М., 1987.
- <sup>15</sup> Гаджиев М. Г. Раннеземледельческая культура Северо-Восточного Кавказа. М., 1991.
- <sup>16</sup> Крайнов Д. А. Пещерная стоянка Таш-Аир 1 как основа для периодизации послепалеолитических культур Крыма // Материалы и исследования по археологии СССР. М., 1960. № 91. С. 3–165 ; Формозов А. А. Неолит Крыма и Черноморского побережья Кавказа (Материалы к изучению палеолита Юга СССР) // Материалы и исследования по археологии СССР. М., 1962. № 102. С. 89–150 ; Мацкевой Л. Г. Мезолит и неолит Восточного Крыма. Киев, 1977.
- <sup>17</sup> Цалкин В. И. Древнейшие домашние животные Восточной Европы. М., 1970.
- <sup>18</sup> Aitkens C. M., Higuchi T. Prehistory of Japan. N.Y., 1982.
- <sup>19</sup> Derevyanko A. P., Medvedev V. E. The Amur River basin as one of the earliest centres of ceramics in the Far East // Н. Kajiwara (ed.). The Origins of Ceramics in East Asia and the Far East. Tohoku, 1995 ; Kuzmin Y. V., Orlova L. A. The Neolithisation of Siberia and Russian Far East Antiquity. 2000. № 74.
- <sup>20</sup> Хлобыстин Л. П. Восточная Сибирь и дальний Восток // Неолит Северной Евразии. Археология. М., 1996 ; Kuzmin Y. V., Orlova L. A. Op. cit. P.
- <sup>21</sup> Peterson G. M. Vegetational and climatic history of the western Former Soviet Union // Н. E. Wright, J. E. Kutzbach, T. Webb, W. F. Ruddiman, F. A. Street-Perrott, P. I. Bartlein (eds.) Global Climates Since the Last Glacial Maximum. Minneapolis, 1993 ; Долуханов П. М. Проблемы неолитизации и изучение материальной культуры раннего неолита // Неолит-энеолит Юга и неолит Севера Восточной Европы. СПб., 2003. С. 193–206.
- <sup>22</sup> Tringham R. Hunters, Fishers and Farmers Europe 6000–3000 BC. L., 1971. P. 216–217.
- <sup>23</sup> Долуханов П. М., Тимофеев В. И. Абсолютная хронология неолита Евразии (По данным радиоуглеродного метода) // Проблемы абсолютного датирования в археологии. М., 1972. С. 29–30.
- <sup>24</sup> Мерперт Н. Я. Древнейшие скотоводы Волжско-Уральского междуречья. М., 1974 ; Гамкрелидзе Т. В., Иванов В. В. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Тбилиси, 1982 ; Бонгард-Левин Г. М., Грантовский Э. А. От Скифии до Индии. Древние арии: мифы и история. М., 1983 ; Сафронов В. А. Индоевропейские прародины. Горький, 1989 ; Павленко Ю. В. Праславяне и Арии. Киев, 2000.



УДК 902 (470.620)638.3]

## ТОРГОВЫЕ СВЯЗИ ПОСЕЛЕНИЯ БЕРЕГОВОЙ 4 (по материалам керамической тары)

Е. В. Кузнецова

Саратовский государственный университет  
E-mail: ev\_kuznetsova@list.ru

В статье рассматриваются экономические связи сельского поселения Береговой–4, расположенного на Фонталовском полуострове в Темрюкском районе Краснодарского края. Анализ массового археологического материала с применением методов математической статистики позволил реконструировать динамику импорта товаров из разных производственных центров в конце VI – середине III в. до н. э.

**Ключевые слова:** экономические связи, керамическая тара, количественные методы, источниковедение, археология.

### Commercial Relations of Settlement Beregovoy 4 (on Materials of Ceramic Containers)

E. V. Kuznetsova

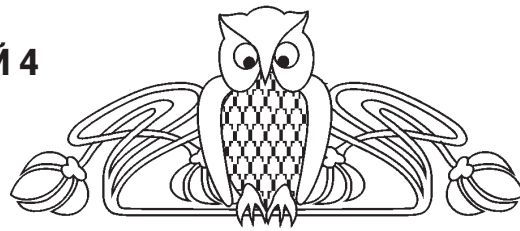
In article economic relations of the Settlement Beregovoy 4 located on Fontalovsky peninsula in Temruk area of Krasnodar region are considered. The analysis of a mass archaeological material with application of methods of mathematical statistics has allowed to reconstruct dynamics of import of the goods from the different industrial centres from the end VI to the middle of III century BC.

**Key words:** economic relations, ceramic container, quantitative methods, source study, archaeology.

Поселение Береговой 4 (Саратовское городище) расположено на западной окраине Фонталовского полуострова на берегу Таманского залива. В 4,5 км к юго-востоку от него находится крупное городище, предположительно идентифицируемое как Патрей<sup>1</sup>.

Исследование памятника началось в начале 60–х гг. прошлого века<sup>2</sup>. В результате полевых работ было установлено, что площадь памятника достигает 46,5 га (1000 × 500 м), но часть территории в результате береговой абразии оказалась под водой. Толщина культурного слоя в некоторых местах достигает 2 м, большей же частью не превышает 1,5 м. Материал, обнаруженный на памятнике, датируется в широком диапазоне – с середины VI в. до н. э. по III в. н. э.<sup>3</sup>

Строительные остатки на памятнике фиксируются достаточно редко. Выявлены лишь несколько сырцовых построек и развалы камней, некогда являвшихся стенами домов или каменными вымостками<sup>4</sup>. Однако было обнаружено и несколько значительных сооружений. На одном из участков раскопа открыто строение из сырцового кирпича, представляющее собой толос – достаточно редкое явление в Северном Причерноморье. Толос функционировал со второй половины VI до



второй четверти V в.<sup>5</sup>, когда был разрушен, вероятно, во время нападения<sup>6</sup>. В центральной части поселения найдено святилище, действовавшее с конца VI по середину I в.<sup>7</sup>

Статус данного поселения, так же как и его название, до сих пор не установлен. Отсутствие остатков каменного строительства может свидетельствовать о его сельском характере. Между тем обращают на себя внимание наличие следов культовых сооружений и значительная территория памятника, а это позволяет исследователям предполагать, что изначально поселение являлось апоикей<sup>8</sup>. Известно, что через него проходила дорога, связывавшая его с Патреем с одной стороны и «Каменной батареей» и далее – с Батареей I, городищем Ильич I с другой<sup>9</sup>.

Характеристика торговых связей Берегового дается на основании фрагментов керамической тары (в основном ножек, хотя для анализа привлекаются и другие профильные части), полученных в ходе полевых работ на памятнике в период с 2005 по 2010 г. включительно. Анализируется материал, большей частью обработанный лично, лишь за 2006 г. использовались описи массового материала, имеющие иллюстрации, что позволило проверить сделанные составителем описей определения. Всего учтено 378 ножек.

В предлагаемом исследовании рассматривается материал, охватывающий последнюю треть VI – первую половину III в. до н. э. Некоторые исследователи считают, что данное поселение возникло еще в середине VI столетия (или даже во второй четверти)<sup>10</sup>, однако столь ранние находки не представлены в анализируемой выборке. Гибель памятника датируют I в., хотя среди материала, зафиксированного при раскопках, встречаются находки и более позднего времени. Исследователи объясняют данный факт функционированием отдельных усадеб, разрушенных, вероятно, во времена Митридата Евпатора<sup>11</sup>.

Приемы обработки массовых находок для характеристики торговых связей конкретного населенного пункта разработаны еще не достаточно, хотя подобные попытки предпринимались неоднократно. Между тем, опираясь на различные наработки в данной области, можно предложить следующую методику<sup>12</sup>. Для подсчета берутся амфорные ножки, однако не следует исключать и других профильных частей. Вся выборка разбивается на хронологические группы, охватывающие в



основном четверть столетия. Исключение составляет только первая половина IV в. Дело в том, что в данный период морфологические особенности профильных частей не позволяют распределить их на мелкие временные промежутки с высокой степенью уверенности.

Уже достаточно давно исследователи признали необходимость учитывать и объем сосудов для реконструкции торговых отношений. В то же время разнообразие стандартов амфор и наличие фракционных сосудов пока не позволяет выработать единый подход к определению среднего объема. Целесообразным представляется высчитывать средний показатель исходя из наиболее часто встречаемых стандартов каждого отдельного центра-экспортера на определенном хронологическом этапе.

Разбив материал по хронологическим группам, можно легко вычислить объем продукции, поступившей в амфорах из определенного центра за конкретный период ( $V_n$ ), умножив число фрагментов на средний показатель объема. Для того чтобы проследить изменения в **объемах** поставок, имевших место на протяжении длительного периода, в расчеты вводится так называемый годовой коэффициент, или иначе, показатель абсолютной плотности распределения. Выражается

он простой формулой  $F_V^a = \frac{V_n}{h_i}$ , где  $F_V^a$  – абсолютная плотность распределения,  $h_i$  – величина соответствующего интервала.

В завершение по имеющимся данным создаются диаграммы или графики, демонстрирующие основные тенденции и колебания торговых связей.

Подобный подход позволяет не только проследить изменения, происходившие в течение длительного времени в общем объеме импорта, но и выявить колебания в поставках для отдельно взятого центра производства. Именно по такой схеме и была предпринята попытка реконструкции торговых отношений поселения Береговой 4.

Весь материал был разбит на 9 периодов: 1 – последняя треть VI в.; 2 – первая четверть V в.; 3 – вторая четверть V в.; 4 – третья четверть V в.; 5 – последняя четверть V в.; 6 – первая половина IV в.; 7 – третья четверть IV в.; 8 – последняя четверть IV в.; 9 – первая половина III в. В выборке были представлены фрагменты и более позднего времени, однако их незначительное количество не позволяет с уверенностью говорить о полученных результатах.

Итак, анализ материала дает нам следующую картину. На первом этапе (последняя треть VI в.) представлена продукция семи центров-экспортеров. Практически треть общего объема составляет продукция Хиоса, на втором месте фрагменты лесбосских амфор (27%), 17% приходится на так называемые протофасосские сосуды, относящиеся к нескольким центрам Северной Эгейды (таблица).

Второй этап (первая четверть V в.) отличается сокращением количества центров. Наибольшая доля в общем импорте принадлежит Хиосу (56%), практически в два раза меньше поступает товаров из Северной Эгейды (см. таблицу). На данном этапе прекращается ввоз в Северное Причерноморье продукции из Клазомен и резко сокращаются поступления из Милета (возможно, даже прекращаются на какое-то время), что, скорее всего, было связано с последствиями ионийского восстания.

На третьем этапе (вторая четверть V в.) фиксируются резкий рост объемов поступающей продукции и увеличение числа центров-экспортеров. По-прежнему лидирующую позицию удерживает о. Хиос. К середине столетия практически на нет сходят поставки с Самоса, Лесбоса и из полисов Северной Эгейды. Зато появляются многочисленные фрагменты амфор с Фасоса – на их долю приходится 15% поставок. Вероятно, фасосские товары занимают нишу, освобождаемую Северной Эгейдой. На этом же этапе появляется продукция из Менды (см. таблицу).

В третьей четверти V в. (четвертый этап) среди материалов уже не фиксируются «протофасосские» сосуды, исчезает красноглиняная тара Лесбоса, доля Хиоса еще более увеличивается, достигая 74%. Полученные показатели несколько не согласуются с выводами других исследователей о том, что на поселении Береговой 4 фрагментов хиосских амфор данного периода практически нет<sup>13</sup>. Допускаемая вероятность неверного распределения ножек хиосских амфор по различным вариантам (развитого пухлогорлого и позднепухлогорлого) в силу их морфологического сходства, следует отметить значительное количество ножек сосудов прямогорлого типа третьей четверти столетия. К тому же венцы указанных вариантов хиосских амфор различаются между собой довольно четко и говорить о полном отсутствии пухлогорлых амфор третьей четверти столетия не приходится. Кроме того, не следует забывать, что сосуды позднепухлогорлого типа имели больший средний объем, чем амфоры предыдущего периода. С учетом этого показателя объем хиосского импорта на памятнике остается неизменным ( $F_V^a$  составляет 32,08 против 31,92 на предыдущем этапе) (см. таблицу).

Сокращение поставок с Хиоса фиксируется только на следующем, пятом этапе (последняя четверть V в.), они снижаются до 34% общего объема (если брать во внимание только величину хиосской продукции, то ее объем снизился в 4,5 раза,  $F_V^a = 7,04!$ ). Достаточно серьезно увеличивается фасосский импорт – до 33% от общего объема. Почти в 4 раза возрастает ввоз из Менды (15%). К концу данного этапа на северо-причерноморский рынок проникает гераклейская продукция – Береговой не стал исключением, на нем также фиксируется тара из данного центра (см. таблицу).

В первой половине IV в. (шестой этап) импорт из Гераклеи выходит на вторую позицию, слегка





Абсолютная плотность распределения объемов импорта по центрам производства

Период	Показатели	Хиос	Северная Эгеида	«Самос-Ми- лет»	Лесбос к/гп	Лесбос с/гп	Клазомены	Аттика	Коринф	Фасос	Крут Фасоса	Мурпигиоль	Менда	С раздутьем горлом	Северная Лреция	Гераклея	Синопа	Херсонес	Псевдо-Хер- сонес	Пепарет	Кос	Книд	Колхидя	
3/4 VI	n	3	3	1	2	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1
	F <sub>V</sub> <sup>a</sup>	2,36	1,18	0,69	1,27	0,63	0,63	0,57	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
	%	32	17	10	18	9	9	5	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
1/4 V	n	7	6	-	3	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
	F <sub>V</sub> <sup>a</sup>	6,44	3,12	-	1,32	0,64	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
	%	56	27	-	11	6	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
2/4 V	n	42	11	1	4	3	-	-	-	10	-	-	4	2	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
	F <sub>V</sub> <sup>a</sup>	31,92	3,96	0,92	1,76	2,4	-	-	-	8	-	-	2,4	1,04	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
	%	60	8	2	3	5	-	-	-	15	-	-	5	2	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
3/4 V	n	39	-	1	-	1	-	-	-	7	1	-	2	2	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
	F <sub>V</sub> <sup>a</sup>	32,08	-	1,04	-	0,84	-	-	-	5,88	0,32	-	1,68	0,64	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
	%	75	-	2	-	2	-	-	-	14	1	-	4	2	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
4/4 V	n	13	-	-	-	-	-	-	-	9	-	-	4	1	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-
	F <sub>V</sub> <sup>a</sup>	9	-	-	-	-	-	-	-	7,56	-	-	3,36	0,32	0,8	0,52	-	-	-	-	-	-	-	-
	%	42	-	-	-	-	-	-	-	35	-	-	16	1	4	2	-	-	-	-	-	-	-	-
1/2 IV	n	29	-	-	-	-	-	-	1	13	2	1	16	-	-	37	1	-	2	1	-	-	-	-
	F <sub>V</sub> <sup>a</sup>	12,18	-	-	-	-	-	-	0,46	4,42	0,28	0,1	5,76	-	-	5,92	0,35	-	1	0,32	-	-	-	
	%	41	-	-	-	-	-	-	1	14	1	0	19	-	-	19	1	-	3	1	-	-	-	
3/4 IV	n	5	-	-	-	-	-	-	-	7	2	-	12	-	-	14	2	-	2	1	-	-	1	-
	F <sub>V</sub> <sup>a</sup>	3,8	-	-	-	-	-	-	-	3,64	0,72	-	7,2	-	-	3,36	1,36	-	2	0,6	-	-	1,48	-
	%	16	-	-	-	-	-	-	-	15	3	-	90	-	-	14	6	-	8	2	-	-	6	-
4/4 IV	n	-	-	-	-	-	-	-	-	4	1	-	-	-	-	4	5	-	-	-	1	2	1	-
	F <sub>V</sub> <sup>a</sup>	-	-	-	-	-	-	-	-	2,08	0,36	-	-	-	-	0,96	3,4	-	-	-	1,2	2,72	0,72	
	%	-	-	-	-	-	-	-	-	18	3	-	-	-	-	8	31	-	-	-	10	24	6	
1/2 III	n	-	-	-	-	-	-	-	-	3	-	-	-	-	-	1	6	1	-	-	4	4	-	-
	F <sub>V</sub> <sup>a</sup>	-	-	-	-	-	-	-	-	0,78	-	-	-	-	-	0,8	2,04	0,34	-	-	2,8	2,24	-	
	%	-	-	-	-	-	-	-	-	9	-	-	-	-	-	9	23	4	-	-	30	25	-	



превышая мендейский (19 и 18% соответственно). Первое место все еще остается за Хиосом, его доля по сравнению с предыдущим этапом практически не изменилась (39%). В данный период появляются и новые центры, например Пепарет, Синопа (по 1%) (см. таблицу).

После середины IV в. (на седьмом этапе) ситуация на причерноморском рынке принципиально меняется. Лидирующие позиции переходят к продукции из Менды (27%). Хиос вместе с Фасосом делят второе место (по 14%), слегка превышая гераклейский импорт (13%). Вообще VI в. характеризуется наибольшим числом представленных центров и возрастанием роли южнопонтийских полисов в торговле. В последней четверти полностью исчезает тара с Хиоса, из Менды, Пепарета и некоторых других центров. Основным торговым контрагентом становится Синопа, на продукцию которой приходится четверть общего объема (см. таблицу). Почти треть товара принадлежит Книду и Косу (20 и 9% соответственно).

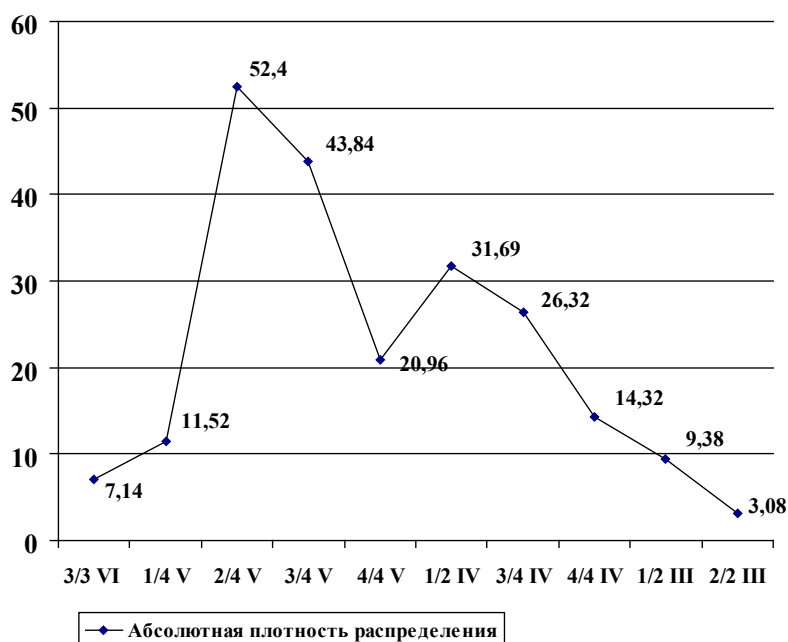
Говоря о поступлении товаров на поселение в VI в., следует упомянуть об исследовании Г. А. Ломтадзе. Анализируя выборку с данного памятника, автор получил диаметрально противоположные результаты. По его подсчетам, лидирующие позиции в импорте Берегового занимает продукция из Пепарета<sup>14</sup>. Между тем амфоры этого производственного центра хотя и встречаются в материалах Северного Причерноморья, однако ни в одном из понтийских центров не занимают сколь-нибудь значащего положения (не говоря уже о лидирующих позициях). Также определенные сомнения вызывает и тезис о резком сокращении фасосского импорта начиная со второй четверти – середины IV столетия.

На последнем выделенном этапе (в первой половине III в.) число центров–экспортеров сокращается. Наибольший объем приходится на продукцию Коса, Книда и Синопы (29, 24 и 22%). Впервые на памятнике фиксируются фрагменты амфор из Херсонеса (см. таблицу).

Представленный выше анализ позволяет проследить динамику поступления продукции на поселение Береговой 4 на протяжении всего рассматриваемого периода. На диаграмме (рисунок) видно, что пик поступлений приходится на вторую четверть V в. Причем на данном этапе объем поступившей продукции наибольший за весь изучаемый период. После середины V в. интенсивность ввоза снижается, однако данная тенденция характерна не для всех центров–экспортеров. Как уже отмечалось, объем поставок с Хиоса остается практически неизменным. В последней же четверти века количество поступившей на поселение продукции уменьшилось практически вдвое.

В первой половине III в. намечился рост торговой активности, однако длился он недолго. Уже с середины IV в. фиксируется снижение импорта, однако он все еще выше, чем в конце предыдущего столетия. Тем не менее с этого времени намечалась стабильная тенденция в сторону уменьшения поступления продукции на поселение.

В диаграмму введен дополнительный, завершающий этап. В силу небольшого количества фрагментов второй половины III в. характеристика данного периода не давалась. В выборке присутствует только шесть ножек, принадлежащих Синопе, Родосу и Косу. Между тем, несмотря на незначительность материалов, сомневаться в дальнейшем сокращении ввоза не приходится.



Динамика поступления импорта на поселение Береговой 4



В заключение стоит отметить, что на протяжении многих десятилетий результаты статистических подсчетов использовались для описания торговых связей отдельно взятого поселения на определенном хронологическом отрезке<sup>15</sup>. Иногда предпринимались попытки проследить динамику импорта из одного производственного центра для характеристики его экономической активности<sup>16</sup>. Позднее, привлекая выборки с различных памятников, исследователи стали проводить сравнительный анализ торговых связей отдельных регионов. Именно итоги такого анализа были представлены в диссертационном исследовании Г. А. Ломтадзе<sup>17</sup>. Между тем результаты статистических подсчетов, проведенных на массовом археологическом материале, могут быть использованы для реконструкции не только экономической, но и социально-политической жизни отдельных центров, а также целых регионов<sup>18</sup>. Привлечение выборок с большего числа памятников позволит провести сравнительный анализ и, возможно, выявить торговые пути, идущие от крупных городских центров (Фанагории, Гермонассы) вглубь сельской территории и далее – к варварскому населению. Конечно, сопоставление данных с различных памятников требует выработки несколько иного методологического подхода к материалу, который позволит нивелировать разницу в величине и качестве выборок.

*Выражаю искреннюю признательность начальнику Восточно-Боспорской экспедиции РАН Н. И. Судареву за предоставленную возможность использования материалов.*

#### Примечания

- <sup>1</sup> *Абрамов А. П., Паромов Я. М.* Раннеантичные поселения Таманского полуострова // Боспорский сборник. 1993. Вып. 2. С. 48.
- <sup>2</sup> *Стручалина Р. А.* Поселение на Фанталовском полуострове (Саратовское) // Археологический сборник. 1966. № 2. С. 116–131.
- <sup>3</sup> *Абрамов А. П., Паромов Я. М.* Указ. соч. С. 48–49.
- <sup>4</sup> *Сударев Н. И.* Археологические исследования Северо-Таманской экспедиции на поселениях и некрополях Береговой 4, Голубицкая, Ильичевская крепость // АО 2005 года. М., 2006. С. 338–341.
- <sup>5</sup> Все даты в статье даны до н. э., кроме особо оговоренных случаев.
- <sup>6</sup> *Завойкин А. А., Сударев Н. И.* Исследования на поселении Береговой 4 // АО 2001 года. М., 2002. С. 270.

- <sup>7</sup> *Они же.* Итоги исследований на памятнике «Береговой 4» в 1999–2000 гг. (предварительная информация) // Патрей. Материалы исследования. М., 2005. Вып. 2. С. 62.
- <sup>8</sup> *Они же.* Исследования на поселении... С. 242.
- <sup>9</sup> *Паромов Я. М.* Главные дороги Таманского полуострова в античное время // ДБ. 1998. Т. 1. С. 221.
- <sup>10</sup> *Сударев Н. И.* Поселение и некрополь «Береговой 4» (Итоги исследований в 1999–2005 гг.) // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Окоcs. VII Боспорские чтения. Керчь, 2006. С. 273.
- <sup>11</sup> *Завойкин А. А., Сударев Н. И.* Основные итоги исследований на Береговом 4 // АО 2002 г. М., 2003. С. 242.
- <sup>12</sup> *Коляков С. М.* Амфоры городища «Чайка» (применение метода пересчета в условно-целые сосуды при исследовании керамического комплекса) // Математические методы в исследованиях по социально-экономической истории. М., 1975 ; *Абрамов А. П.* Новые данные о торговых связях Боспора в VI–V вв. до н. э. // Очерки археологии и истории Боспора. М., 1992 ; *Кац В. И.* Методика сравнительной оценки экспорта-импорта товаров в керамической таре из одного производственного центра // Греческие амфоры. Саратов, 1992 ; *Ломтадзе Г. А.* Методика сравнения объемов античного импорта в амфорах в IV в. до н. э. на территории Северного Причерноморья // ПИФК. 2000. Вып. IX.
- <sup>13</sup> См., напр.: *Завойкин А. А.* Фрагменты амфор из раскопок святилища на «Береговом 4» // БИ. 2005. Вып. VIII. С. 155.
- <sup>14</sup> *Ломтадзе Г. А.* Античный импорт на Боспоре в IV – начале III в. до н. э. (опыт количественного анализа по материалам керамической тары) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Москва, 2005. С. 14.
- <sup>15</sup> См., напр.: *Кац В. И.* Экономические связи позднеклассического Херсонеса (по данным амфорных клейм) // АМА. 1979. Вып. 4 ; *Они же.* Методика сравнительной оценки экспорта-импорта товаров в керамической таре из одного производственного центра // Греческие амфоры. Саратов, 1992 ; *Ломтадзе Г. А.* Сравнительные объемы импорта по амфорному материалу усадьбы «Бакланья скала» // ДБ. 2000. Т. 3.
- <sup>16</sup> См., напр.: *Брашинский И. Б.* Экономические связи Синоп в IV–II вв. до н. э. // Античный город. М., 1963 ; *Улитин В. В.* Торговые связи Менды с Прикубаньем в V–IV вв. до н. э. // Город в античности и средневековье : общеевропейский контекст. Доклады международной научной конференции, посвященной 1000-летию г. Ярославля. Ярославль, 2010. Ч. II.
- <sup>17</sup> *Ломтадзе Г. А.* Античный импорт на Боспоре...
- <sup>18</sup> *Гарбузов Г. П., Завойкин А. А.* О состоянии хоры центров Азиатского Боспора в середине – второй половине V в. до н. э. // ДБ. 2010. Вып. 14.





УДК 929.652:94(47).03

## ПЕНТАГРАММА НА ДЖУЧИДСКИХ МОНЕТАХ: СВЯЗЬ ОФИЦИАЛЬНОЙ ИДЕОЛОГИИ С БЫТОВОЙ МАГИЕЙ

А. Г. Шереметьев

Саратовский государственный университет  
E-mail: alexandrsheremetev@yandex.ru

В статье исследуется использование пентаграммы в золотоордынском монетном деле в XIII–XIV вв. Рассматривается роль пятиконечной звезды в сакрально-бытовой сфере жизни золотоордынского населения.

**Ключевые слова:** Золотая Орда, бытовая культура, официальная культура, нумизматика, пентаграмма.

**Pentagram on the Juchi's Coins is the Connection between an Official Ideology and Common Magic**

A. G. Sheremetev

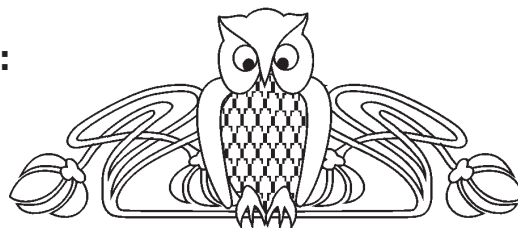
This article studies the usage of a pentagram in the monetary of the Golden Horde in XIII–XIV centuries. The role of a pentagram in the sacral and everyday spheres of life of the Golden Horde is studied in this article too.

**Key words:** Golden Horde, everyday sphere, official culture, monetary, pentagram.

Денежное дело в Улусе Джучи изучается уже более 150 лет. Этому аспекту истории Золотой Орды посвящен не один десяток работ выдающихся исследователей, поскольку монеты – богатейший и многогранный источник, дающий благодатную почву для трудов историков, археологов, нумизматов, искусствоведов, религиоведов. В нашей статье рассматривается один из многих аспектов этого явления – изображение пятиконечных звезд на ордынских монетах.

По сравнению с шестиконечной звездой (гексаграммой) звезда пятиконечная (пентаграмма) на джучидских монетах встречается достаточно редко и, в отличие от первой, не представлена большим разнообразием форм. Вообще изображение на монетах не могло быть прихотью тех, кто их чеканил. Это материал, который всегда в ходу, всегда перед глазами на всей территории государства, а подчас и вне его. Поэтому с помощью понятных народу символических изображений на деньгах власть распространяла идеи общегосударственного значения, транслировала религиозные, политические, идеологические предпочтения правящей элиты.

В Золотой Орде вся общегосударственная символика является отражением того синкретизма, который возник в ходе экспансионного движения массы кочевников на запад. Здесь тесно переплелись традиционные воззрения кочевников Центральной Монголии, шаманизм-тенгианство



и городская культура мусульман. Нельзя сбрасывать со счетов и влияния христианства, буддизма и т. д. Этот синкретизм повлиял также и на монетное дело в Орде. Например, на одних и тех же монетах встречалось изображение традиционного тюркского двенадцатилетнего животного цикла в сочетании с мусульманским летоисчислением по Хиджре.

Пентаграмма (от греч. penta gramma – пять линий) – один из самых древних и многозначных символов, несущий колоссальную смысловую нагрузку и подчас соединяющий в себе несколько значений. Первые ее изображения на территории Древнего Шумера традиционно относят к сер. 4 тыс. до н. э. В Древнем Египте пентаграмма была атрибутом Анубиса, проводника из мира живых в мир мертвых. В разные эпохи значение пентаграммы толковалось по-разному. У пифагорейцев этот символ связывался с гармонией неба и земли, тела и духа, в Древнем Китае символизировал пять элементов мироздания (дерево, огонь, землю, металл, воду, у евреев символизм пентаграммы связан с почитанием Пятикнижия, полученного Моисеем от Бога. Этот знак был известен у арабских магов под названием печати царя Соломона, дававшей легендарному царю власть над духами и возможность разговаривать с животными. Пентаграмма является неотъемлемой принадлежностью масонов, у которых буква «G», начертанная в центре пламенеющей пятиконечной звезды, символизирует достижение просвещенным озарения. В мировоззрении христианских алхимиков пентаграмма является производным от гексаграммы, боковые лучи которой были нейтральны, символизируя парное сочетание темных и светлых элементов. Верхний луч концентрировал в себе только светлое начало, нижний – темное. Значение пентаграммы (светлое или темное) варьировалось в зависимости от направленности луча<sup>1</sup>.

В этой связи вполне уместна цитата основоположника глубинной психологии К. Г. Юнга: «...то, что мы называем символами, – это термин, имя или изображение, которые могут быть известны в повседневной жизни, но обладают специфическим добавочным значением к своему обычному смыслу. Предполагается, что они содержат нечто смутное, неизвестное или скрытое от нас. Такие предметы, как колесо или крест, известны повсеместно, но при определенных условиях и они имеют символическое значение. То, что они символизируют, все еще является



предметом противоречивых суждений. Таким образом, слово и изображение символичны, если они подразумевают нечто большее, чем их очевидное и непосредственное значение. Они имеют более широкий «бессознательный» аспект, который всякий раз точно не определен или не может быть объяснен. Когда мы исследуем символ, он ведет нас в области, лежащие за пределами здравого смысла<sup>2</sup>. Рассмотрим известные нам типы золотоордынских монет с изображением пятиконечной звезды.

**Чекан Булгара. 1 тип.** Анонимный анэпиграфный серебряный дирхем XIII в. Аверс снабжен тамгой дома Бату в круглой рамке из двух сплошных и одной точечной линий. На реверсе в линейной окружности просечная пятиконечная звезда, разделенная в центре короткой вертикальной линией. В каждом луче звезды по точке; между лучами на круговой рамке 5 зубцов<sup>3</sup>.  
**2 тип.** Медный пул 734 г. х. (1333/1334). Аверс: в линейную окружность вписана перевернутая пятиконечная просечная звезда. В центре звезды тамга батуидов, снаружи между лучами надпись: «Год / 7 / 3 / 4» и узловая виньетка (узел счастья). Реверс: в линейную окружность вписан арочный квадрат. В поле квадрата надпись: «Пула Булгара», по сторонам арок по точке<sup>4</sup>. На прорисовках Г. А. Федорова-Давыдова и А. Г. Мухамадиева<sup>5</sup> этого типа монет звезда не перевернута, что, видимо, свидетельствует о бытовании обоих вариантов. Известен вариант этого типа монет, когда неперевернутая пентаграмма изображена на оборотной стороне с той же легендой, а на аверсе отсутствует рамка вокруг надписи<sup>6</sup>.

**Чекан Сарая. 3 тип.** Медный пул 721 г. х. (1321/1322). Аверс: в точечной круглой рамке в центральной части надпись: «Шестнадцать пулов – даник» (перевод Френа: «Шестнадцать Пул-Денги»), сверху против часовой стрелки – «Чекан Сарая, год 721». Реверс: в рамке, состоящей из двух линейных и одной точечной окружностей просечная пятиконечная звезда с точкой в центре (как вариант – перевернутая), Френом названная «Печатью Соломона»<sup>7</sup>.  
**4 тип.** Медный пул 727 г. х. (1326/1327). Аверс: в линейном квадрате надпись: «Чекан Сарая», под квадратом – «727». Реверс: в точечной и линейной окружностях просечная пятиконечная звезда с точками в центре и между лучами<sup>8</sup>.

**Чекан Сарая ал-Джедид. 5 тип.** Медный пул 767 г. х. (1365/1366). Аверс: в рамке из точечной и линейной окружностей двойная овальная линейная рамка с 14 зубцами по внешней стороне. В рамке надпись: «Хан Азиз-Шейх». Реверс: в рамке из точечной и линейной окружностей пятиконечная просечная звезда с точкой в центре. Вокруг звезды четыре овала с надписью: «Чекан / Сарая / ал-Джедид / 767»<sup>9</sup>.  
**6 тип.** Медный пул 767 г. х. (1365/1366). Аверс: в рамке из пяти скобок надпись: «Чеканено / в / ас-Сарае ал-Джедид / 767 год». Под последней строкой

виньетка. Реверс: в середине пятиконечной контурной звезды, обильно украшенной точками, виньетками и звездочками, слог «ЛКА»<sup>10</sup>.

**Чекан Крыма. 7 тип.** Анонимный пул. Аверс: в линейной окружности криволинейная пятиконечная просечная звезда с 11 точками в центре, лучах и сегментах. Реверс: в линейной окружности тамга дома Бату и место чеканки<sup>11</sup>.

**Неизвестный чекан. 8 тип.** Перечеканный пул. Аверс: фрагментарная надпись: «...рховн... / ...хан», надчеканка в виде полукруга с галочкой V в середине. Реверс: пятиконечная просечная звезда с 7 точками в центре и с точками в лучах<sup>12</sup>. Заметим, что слово «верховный» на монетах Золотой Орды встречается часто, но в сочетании с пятиконечными звездами нами не обнаружено. Поэтому мы затрудняемся идентифицировать монету.

Выявленные нами 8 типов монет с пентаграммой хронологически соотносятся с тремя периодами.

I период: 1280–1310 гг. Типы 1, 7. Согласно выводам С. А. Яниной, поддержанным В. П. Лебедевым, к этому отрезку времени относится большинство анонимных анэпиграфных монет болгарской, а также крымской чеканки<sup>13</sup>. Это время «царетворческой» активности временщика Ногая (1280–1299 гг.), при котором ханами были Туда-Менгу (1282–1287 гг.), Тула-Буга (1287–1289 гг.) и Токта (1291–1312 гг.), вступивший в борьбу и в итоге победивший Ногая. Монеты Туда-Менгу чеканились редко, но на них присутствовало имя хана. Монеты же с именами Тула-Буги и Токты в Булгаре не чеканились совсем, вместо них выпускались анонимные анэпиграфные серебряные монеты с тамгой дома Бату<sup>14</sup>.

II период: 1313–1341 гг. Типы 2, 3, 4. Годы правления хана Узбека. Сюда относится наибольшее количество типов (3) рассматриваемых нами монет, чеканились они в Булгаре и Сарае. Все монеты исключительно медные.

III период: 1365–1366 гг. Типы 5, 6. В годы «Великой замятни» в ходе борьбы с Мамаем Азиз-Шейх самовольно провозглашает себя ханом в Гюлистане, а в 1365 г. занимает столицу, где и начинает выпуск новых монет, медных пулов, в том числе с изображением пентаграммы и контурной пятиконечной звезды. Заметим, что, в отличие от чекана Сарая ал-Джедид, монеты Азиз-Шейха гюлистанского монетного двора, выпущенные за год и одновременно со столичными, не содержат совершенно никаких изображений, кроме легенд.

Изображения на монетах никоим образом не могли являться прихотью правителей, отображая только их предпочтения. Эти символы должны были в первую очередь находить отклик среди населения. Так, еще при Бату в Золотой Орде начинается выпуск монет с именем багдадского халифа ан-Насир ли-д-Дина<sup>15</sup>. При этом сам Бату до конца жизни сохранил приверженность тенгрианству<sup>16</sup>. Такие монеты чеканились в Булгаре, монетный



двор которого при ханах Бату (ум. в 1256 г.) и Берке (1256–1266 гг.) опережал по объемам чеканки столицу (г. Сарай). Еще со времен Чингисхана халиф воспринимался монголами как союзник, так как был врагом хорезмшаха Мухаммада. Упоминание на монете имени халифа – духовного лидера мусульман – способствовало ее признанию и свободному обращению среди приверженцев ислама<sup>17</sup>. Следовательно, новая монгольская элита для укрепления своего положения обратилась к приемлемым для покоренного мусульманского населения символам. В данном случае символом выступило имя последнего из значительных аббасидских правителей, халифа ан-Насира. Таким образом, гораздо важнее, чем личные предпочтения правителей в государственной символике, было поддержание единства государства за счет образов близких и понятных для основной массы населения.

Использование пентаграммы в золотоордынской культуре не ограничивается исключительно монетным делом. Аналогичные изображения встречаются чаще всего на керамике. В Херсонесе и других городах Крыма были распространены метки на черепице в виде пятиконечной звезды, типологически члениющиеся на три вида: I вид – контур звезды выполнен накладным глиняным валиком высотой 4–5 мм с точкой в центре такой же высоты; II вид – метка, оттиснутая в матрице, высота тонких контурных линий 1,5 см, точки в центре нет; III вид – повторяет второй, единственное отличие – короткие штрихи на углах звезды. Пентаграмма без точки в центре (II вид) была встречена еще и вкрупне с изображением всадника с поднятым копьём. Имеются изображения всадников с саблей и опущенным копьём, выполненные в той же технике на идентичной черепице, но без пентаграммы<sup>18</sup>. Черепица этого круга могла изготавливаться не татарами, а представителями других этно-культурных групп. Но в любом случае символика пентаграммы первым была близка и понятна и либо выполняла функции амотопея, либо являлась меткой мастеров. В ходе археологических работ в Херсонесе также обнаружен пифос с граффити в виде пентаграммы. Вместе с этой находкой было обнаружено несколько монет, в том числе одна джучидская, по которой комплекс датирован XIV–XV вв.<sup>19</sup>

В этой связи отметим, что среди золотоордынских керамических изделий с Селитренного городища есть фрагмент ручки тандыра с граффити, изображающим шестиконечную звезду вкрупне с прочерченным знаком в виде елочки. Кроме того, знаками, но поддающимися восстановлению, покрыта крышка этого тандыра<sup>20</sup>. На золотоордынской керамической посуде нам известны, кроме граффити, еще и гончарные клейма в виде пентаграммы, например среди находок с селищ Каменное и Казинка, что в бассейне рек Воронеж и Матьра. На селище Каменное был изучен комплекс, являвшийся подпольной ямой наземного

жилища, который содержал большое количество фрагментов золотоордынской красноглиняной керамики и бронзовую серьгу в виде знака вопроса XIII–XIV вв. Среди находок отметим сосуд, имеющий на дне клеймо, состоящее из просечной пятиконечной звезды и прямоугольника с пересекающей его по диагонали линией. Подобное клеймо в виде пентаграммы нам известно и на золотоордынском сосуде XIII–XIV вв. с селища Казинка<sup>21</sup>. Аналогичные клейма находим в русской керамике приблизительно того же периода, например в бассейне средней Вятки<sup>22</sup> и в Вологде<sup>23</sup>.

Кроме этого, в Херсонесе изготавливались бронзовые перстни с изображением пятиконечной звезды, а также найдена бронзовая пластинка с греческой надписью. Пластинка крепилась к ремешку и надевалась на голову, закрывая пустую глазницу некоего Анастасия, которому, судя по надписи, и принадлежала. На пластине начертаны сразу две пентаграммы<sup>24</sup>.

Затруднительно искать истоки и значения пентаграммы в каждом конкретном случае, но некоторые предположения можно высказать с высоким процентом вероятности. Так, клейма на посуде и прочих ремесленных изделиях имеют древнюю историю, являя собой не просто случайный узор. Учеными высказывались различные точки зрения на этот счет, каждая из которых справедлива и обоснованна.

Гончарные клейма – это магические знаки, посвященные божеству, знаки домового собственности, знаки-метки гончаров, символы юридической зависимости гончаров от правителя, знаки заказчиков, магические символы-обереги, торговые марки и знаки различия, контрольные знаки на горшках, которые предназначались для уплаты дани, метки на посуде, предназначенной для ритуальной пищи<sup>25</sup>, и др. Следует различать клейма (знаки, нанесенные самим гончаром до обжига, если речь идет о посуде) и граффити (знаки, нанесенные, как правило, лицом, приобретшим изделие). Вторые могут как быть знаками собственности, так и нести сакрально-магический смысл. Е. М. Пигарев предполагает, что нанесение 2 и более знаков на один объект, скорее, не говорит о принадлежности объекта той или иной семье, а свидетельствует о существовании бытовой магии, в частности у золотоордынского населения. Знаки на посуде, астрономические в том числе, могли выполнять функцию оберега, охраняя, например, продукты от порчи.

Исследователями отмечается тот факт, что в Крыму пентаграмма появляется только в период Золотой Орды, и более того, копируется с монет хана Узбека. Важно отметить модную тенденцию того времени – имитировать арабскую вязь, не владея письменностью, на украшениях и посуде<sup>26</sup>. Говорить о копировании пентаграммы с монет в других областях Орды и тем более населением русских городов было бы, на наш взгляд, довольно





голословно, так как история этого универсального символа крайне глубока. Маловероятно, что золотоордынское денежное дело и культура в широком значении этого слова выступили в качестве единственного транслятора интересующей нас символики, хотя и сыграли в этом определенную роль.

Появление пентаграммы на джучидских монетах остается до конца не выясненным. Какую именно смысловую нагрузку в эти изображения вкладывала элита? Что это значило для рядовых кочевников и горожан? Почему на одних монетах пентаграмма изображалась вершинной вверх, а на других – вниз? Исследователями, занимающимися монетным делом, символикой и эмблематикой Золотой Орды, в силу ограниченности материала и обрывочности данных по использованию пентаграммы именно в Улусе Джучи эти вопросы специально не рассматривались. Не придавалось значения и тому, как изображалась звезда – вершиной вверх или вниз. Однако определенный смысл вкладывался в каждый символ, особенно если речь идет о монетах – материале, способном оказывать влияние на сознание подданных. Все это вопросы еще предстоит решить, пока однозначного ответа на них нет.

В заключение можно сделать следующие выводы. Впервые на монетах джучидов пентаграмма появляется на дирхемах Булгара и пулах Крыма в период правления, по-видимому, хана Токты или двух его предшественников. В годы правления хана Узбека подобные изображения встречаются гораздо чаще, но уже на медных пулах чекана Булгара и Сарая. В этот период пентаграмма изображается как вершиной вверх, так и перевернутой. Относительно широкое распространение пятиконечной звезды на монетах Узбека способствовало ее перенесению на предметы быта, посуду и украшения, что свидетельствует о доступности знаковой символики пентаграммы для основной массы жителей государства.

Необходимо отметить, что не следует проецировать выводы о копировании пятиконечных звезд с монет хана Узбека крымскими ремесленниками на всю Орду и близлежащие территории, так как подобная символика известна многим культурам с глубокой древности. Выпуск медных монет с пятиконечной звездой после Узбека возобновляется только в период смуты Азиз-Шейхом, и было ли это подражанием монетам Узбека или кого-то из его предшественников, сказать сложно.

Возможно, относительное разнообразие монет с пентаграммой в период правления Узбека связано с пропагандой символики новой государственной религии – ислама. Однако впервые монеты подобного вида чеканятся в годы правления одного из ханов, являвшихся приверженцами тенгрианства (Тула-Менгу, Тула-Буга) или буддизма (Токта), что определенно не вносит ясности в этот вопрос.

Общеизвестно, что население Золотой Орды сохраняло приверженность традиционным верова-

ниям еще долго после религиозной реформы хана Узбека. Об этом свидетельствуют многие источники. Иосафат Барбаро (XV в.) пишет о «татарах язычниках», которые «поклоняются истуканам, возя их с собой на своих телегах» или «имеют обычай поклоняться какому-нибудь животному, встреченному ими при первом выходе из дома»<sup>27</sup>. Этому есть археологические подтверждения, например языческое святилище в урочище Ага-Базар, изученное К. А. Смирновым, которое функционировало, скорее всего нелегально, вплоть до XV в.<sup>28</sup>

О верованиях населения киргиз-кайсацких степей в XVIII в. писал Н. П. Рычков: «Киргизцы хотя и содержат веру магометанскую, но не известно им не только истинное богослужение сего закона, но даже самые малейшие духовные обряды <...> Все обряды, производимые у киргизцев во время свадеб и во время погребения усопших, суть остатки тех древнейших обыкновений, каковые имели языческие народы, обитавшие в пределах пространства Азии...»<sup>29</sup>. Для нас в рамках настоящей работы эта информация важна с определенной точки зрения. Мы точно не можем сказать, какое именно значение вкладывали в пентаграмму на монетах ханы, но популярность этого символа обеспечивалась тем, что население через призму своего архаичного мировоззрения видело в нем не столько политический символ государственного значения, сколько близкий и понятный ему атрибут магически-бытовых домусульманских верований.

#### Примечания

- 1 См.: *Топоров Я. Н.* Геометрические символы // Мифы народов мира : в 2 т. М., 1991, Т. 1. С. 272–273 ; *Менделевич Э. С.* Магендавид : история и легенды // Вестник Народного университета Центральной России и Поволжья «Корни». № 12. 1999.
- 2 Цит. по: *Васильева Н. Б.* Средневековые гончарные клейма (по материалам раскопок на ул. Бурмагиных, 20) // Археология Вологды. История и современность : сб. статей. Вологда, 2007. С. 53.
- 3 *Сингатулина А. З.* Джучидские монеты Поволжских городов XIII в. Казань, 2003. № 145.
- 4 *Пырсов Ю. Е.* Каталог джучидских монет Саратовского областного музея краеведения. Казань, 2002. № 79 ; *Френ Х. М.* Монеты ханов Улуса Джучиева или Золотой Орды с монетами разных иных мухаммеданских династий в прибавлении. Из прежнего собрания г-на профессора, статского советника и кавалера К. Фукса в Казани, принадлежащего ныне тамошнему Императорскому университету, с краткими объяснениями и указаниями Х. М. Френа. СПб., 1832, Табл. А. Рис. V, № 54 ; *Шельди Н. М.* Булгаро-тагарские монеты XIII–XV вв. Казань, 2002. С. 64–65. № 169–171 ; *Янина С. А.* Джучидские монеты из раскопок и сборов Куйбышевской экспедиции в Болгарах в 1957 г. // Труды Куйбышевской археологической экспедиции. Т. III. (Материалы и исследования по археологии СССР. № 80). М., 1960. С. 216. № 37.



- <sup>5</sup> Федоров-Давыдов Г. А. Денежное дело Золотой Орды. М., 2003. № 6 ; Мухамадиев А. Г. Булгаро-татарская монетная система XII–XV вв. М., 1983. Табл. X, № 5–6.
- <sup>6</sup> Винничек В. А., Недашковский Л. Ф. Монеты с Никольского селища // Труды международных нумизматических конференций. Монеты и денежное обращение в монгольских государствах XIII–XIV веков. М., 2005. № 14.
- <sup>7</sup> Винничек В. А., Недашковский Л. Ф. Монеты с Никольского селища... № 7 ; Латишин А. С., Мыськов Е. П. Исследования на Водянском городище в 2009–2010 гг. Волгоград, 2011. № 1 ; Мухамадиев А. Г. Булгаро-татарская монетная система... Табл. X, № 7 ; Пырсов Ю. Е. Каталог джучидских монет... № 51 ; Шельди Н. М. Булгаро-татарские монеты... № 154–155 ; Федоров-Давыдов Г. А. Денежное дело Золотой Орды... № 14–15 ; Френ Х. М. Монеты ханов Улуса Джучиева... Табл. II. Рис. LVII, № 67.
- <sup>8</sup> Пырсов Ю. Е. Каталог джучидских монет... № 64.
- <sup>9</sup> Пырсов Ю. Е. Каталог джучидских монет... № 276 ; Шельди Н. М. Булгаро-татарские монеты... № 313 ; Федоров-Давыдов Г. А. Денежное дело Золотой Орды... № 212.
- <sup>10</sup> Федоров-Давыдов Г. А. Денежное дело Золотой Орды... № 332.
- <sup>11</sup> Лебедев В. П. Корпус монет Крыма в составе Золотой Орды // Нумизматика и фалеристика. 2000. № 1–3. № 36.
- <sup>12</sup> Федоров-Давыдов Г. А. Денежное дело Золотой Орды... № 576.
- <sup>13</sup> Сингапулина А. З. Джучидские монеты... С. 42 ; Янина С. А. Джучидские монеты из раскопок и сборов Куйбышевской экспедиции в Болгарах в 1957 г... С. 210 ; Янина С. А. Джучидские монеты из раскопок и сборов Куйбышевской экспедиции в Болгарах в 1953–1954 гг. // Труды Куйбышевской археологической экспедиции. Т. II. (Материалы и исследования по археологии СССР. № 61). М., 1958. С. 399 ; Лебедев В. П. Корпус монет Крыма в составе Золотой Орды... С. 32.
- <sup>14</sup> Федоров-Давыдов Г. А. Денежное дело Золотой Орды... С. 12.
- <sup>15</sup> Сингапулина А. З. Джучидские монеты... С. 16–26, 70–71 ; Федоров-Давыдов Г. А. Денежное дело Золотой Орды... С. 10–11.
- <sup>16</sup> Почекаев Р. Ю. Батый. Хан, который не был ханом. М., 2006, С. 141–142 ; Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. 2, М. ; Л., 1952, С. 38.
- <sup>17</sup> Почекаев Р. Ю. Батый... С. 16–26.
- <sup>18</sup> Пятыхшева Н. В. Изображение пентаграммы как датирующий признак некоторых памятников Херсонеса // Античная древность и средние века. Вып. 10. 1973. С. 215–216 ; Якобсон А. Л. Средневековый Херсонес (XII–XIV вв.). (МИА. Вып. 7). М. ; Л., 1950. Табл. 17, рис. 307–310.
- <sup>19</sup> Пятыхшева Н. В. Изображение пентаграммы... С. 217.
- <sup>20</sup> Пигарев Е. М. Знаки на керамике Селитренного городища // Нижневолжский археологический вестник. Вып. 8. Волгоград, 2008. С. 249–257.
- <sup>21</sup> Тропин Н. А. Сельские поселения XII–XIV вв. южных территорий Рязанской земли. Воронеж, 2004. С. 137, 145–146.
- <sup>22</sup> Макаров Л. Д. Древнерусское население Прикамья в X–XV вв. Ижевск, 2001. С. 19, 95.
- <sup>23</sup> Васильева Н. Б. Средневековые гончарные клейма... С. 53–61. Рис. 1, 9.
- <sup>24</sup> Пятыхшева Н. В. Изображение пентаграммы... С. 216–217 ; Литаврин Г. Г., Пятыхшева Н. В. Бронзовая пластинка из Херсонеса с именем Анастасия // Stadia in honorem Veselini Besevliev. Sofia, 1978, С. 262–265.
- <sup>25</sup> Васильева Н. Б. Средневековые гончарные клейма... С. 53.
- <sup>26</sup> Пятыхшева Н. В. Изображение пентаграммы... С. 217–218.
- <sup>27</sup> Барбаро И. Путешествие в Тану // Каспийский транзит. Т. II. М., 1996. С. 150.
- <sup>28</sup> Смирнов К. А. Святилище в урочище Ага-Базар // Труды Куйбышевской археологической экспедиции. Т. II. (Материалы и исследования по археологии СССР. № 61). М., 1958, С. 351–358.
- <sup>29</sup> Рычков Н. П. Дневные записки путешествия в Киргиз-Кайсацкую степь в 1771 году. СПб., 1772. С. 26–27.

УДК 94(47).046+94(438+477)

## СЕВЕРСКИЙ ПОХОД В ПЕРИОД СМОЛЕНСКОЙ ВОЙНЫ 1632–1634 ГОДОВ В ДОКУМЕНТАХ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА ДРЕВНИХ АКТОВ

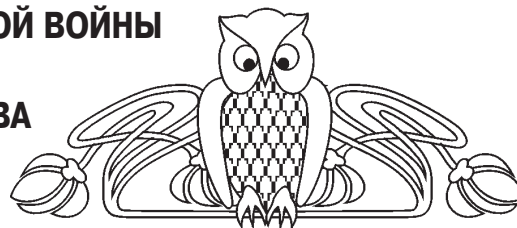
А. С. Ракитин

Юго-Западный государственный университет, г. Курск  
E-mail: ant-rakitin@yandex.ru

В данной источниковедческой статье приводится свод документов, свидетельствующих о ходе событий и боевых действий на Северском театре Смоленской войны 1632–1634 гг.

**Ключевые слова:** Смоленская война, Северская земля, Путь, Рывльск, Севск, Речь Посполитая, черкасы.

© Ракитин А. С., 2012



Smolensk 1632–1634 War Seversky Campaign in the Documents of Russian State Archive of Ancient Documents

A. S. Rakitin

Of the sources in this article provides a set of documents testifying to the events and hostilities on the Seversky Theatre Smolensk war years 1632–1634.



**Key words:** Smolensk war, Severa region, Putivl, Rylsk, Sevsk, Polish-Lithuanian Commonwealth, Cherkases.

Работа с документальными источниками по тематике Северского театра войны 1632–1634 гг. и его главного эпизода – Северского похода 1632–1633 гг. – подразумевает выявление, изучение и введение в научный оборот целого комплекса актового материала и способствует дополнению общей картины хода русско-польской войны за возвращение Смоленска на данном участке боевых действий.

Сохранившиеся в фондах Российского государственного архива древних актов (РГАДА, г. Москва) документальные источники позволяют восстановить ход событий данного значимого для военной истории Отечества периода, а также показать противоречивость политических и социальных отношений, складывавшихся на юго-западных рубежах Российского государства в первой половине XVII столетия.

Основная база источников по означенному эпизоду отечественной истории наиболее полно представлена в РГАДА фондом Разрядного приказа (фонд 210) в его различных отделах – столбцах Московского, Владимирского, Новгородского, Белгородского, Севского и Приказного столов. Особый информативный свод данных, правда, с достаточно поверхностным уровнем содержательности, представляют собой разрядные книги – документация преимущественно справочного характера.

Из опубликованных источников, касающихся Северского похода, можно отметить представленные в первом томе сборника «Акты Московского государства»<sup>1</sup>.

Итак, анализируемый комплекс условно классифицируем в виде двух больших групп с несколькими подгруппами в каждой.

**Первая группа** источников представляет собой свод документов оперативно-исполнительного характера, в который входят:

а) «наказные памяти» – правительственные инструкции должностным лицам, указы («указные грамоты») – распоряжения от верховной власти (от имени царя), а также «докладные выписи» и «памяти» из Разряда в другие приказы. В них содержатся сведения о принятии решений по каким-либо конкретным проблемам и вопросам, связанным с военно-служилым сообществом северских городов и порядком его действий. Касалось это достаточно широкого спектра наказов и обязанностей, в том числе и дисциплинарного характера. В наказах разрядных книг служилым людям Северской «украины» накануне начала кампании на Северском театре Смоленской войны особо приказывалось ни в коем случае не обострять отношений с православным населением – «русскими людьми», – относиться к ним благосклонно и ничем не обижать: «...приказывати к ним и писать тайно, чтоб они, помня Бога

и православную крестьянскую веру, от Литовских людей и от их мысли отстали, и государю добились челом, и крест целовали, и были в православной крестьянской вере под государевою высокою рукою по прежнему». Строго запрещалось брать православных людей, их жен и детей в качестве крестьян и холопов в свои поместья и вотчины. Аналогичное касалось и фуража: «кормы конские» предписывалось покупать самим, а не добывать грабежом у селян<sup>2</sup>. Особые предписания Разряда касались взятого во время боев полон: «... а присылати языков служилых людей, а пашенных мужиков к Москве не присылати, потому что за пашенных мужиков язычного давать не велено. А велети пашенных мужиков и всякой Литовской полон служилым людям держать у себя в поместьях и в вотчинах от рубежа в дальних местех. А которые служилые люди похотят литовской полон продавать, и им литовской полон велеть продавать потому ж в дальние места»<sup>3</sup>;

б) отчетная документация местной администрации (отписки, донесения воевод) в центральные учреждения (Разряд). Такого рода источники содержат сведения об отправке служилых людей к театру боевых действий, столкновениях и серьезных сражениях с противником в пределах российской территории, ходе военной кампании под городами «литовской» Северы, черкасскими городками и т. п.

Взятия северских городов сопровождалось отправкой в столицу так называемого сеунщика (сеунч (тюрк.) – весть о победе). На этот счет существовал целый ряд челобитных. Как правило, на должность сеунщика назначались дети и родственники воевод и наиболее отличившиеся в бою дворяне и дети боярские, реже – беломестные атаманы и казаки. Так, после взятия Трубчевска в декабре 1632 г. в Москву были направлены два сеунщика – карачевский сын боярский Горностаев Веревкин и беломестный атаман того же города Илья Горячкин<sup>4</sup>. В 1633 г. били челом о пожаловании за службу, «за взятие Рамонского острожка», путивлянин Леонтий Литвинов (родственник воеводы Литвинова-Мосальского) и новгород-северец Матвей Кусаков<sup>5</sup>. Сеунчи, привезенные в столицу, как правило, были мало информативными и несли некую печать героизации действий преимущественно начальных ратных людей;

в) внутренняя переписка между воеводами русских северских городов – Рыльска, Путивля, Брянска и Севска, а также «новоприемных» Трубчевска, Новгород-Северского, Стародуба-Северского и Почепы, где с 1632 по 1634 г. недолго, но все же существовала московская администрация. Переписка включает в себя разного рода информацию – от литовских вестей о перемещении вражеских отрядов и войск (польско-литовских, татарских) до призывов к совместным действиям «на Поле» и в военных экспедициях под черкасскими городками. В качестве любопытного примера об организации совместных действий ратных людей





«на Поле» можно привести письма воевод Путивля Никиты Гагарина и Андрея Усова к воеводам Курска, Рыльска, Севска и Новгород-Северского с призывом о высылке «в сход» служилых и охочих людей «в Новгородской уезд на Спаское поля», дабы отсюда выступить «для промыслу» на «литовские города» – либо под Борзну, либо под Нежин, смотря по ситуации<sup>6</sup>. Здесь же имеются сведения и о военном совете воевод с начальными людьми боевых отрядов – головами.

В фондах РГАДА широко представлена переписка Разряда о полковых делах в 1632–1633 гг., военных действиях против Речи Посполитой. Так, сохранилась переписка с воеводой Путивля князем Андреем Федоровичем Литвиновым-Мосальским<sup>7</sup>, брянским воеводой стольником князем Василием Григорьевичем Ромодановским и головой Никитой Оладыным<sup>8</sup>, воеводой Севска Михаилом Федоровичем Еропкиным<sup>9</sup>, а также воеводами других северских городов.

**Вторую группу** источников составляют документальные материалы о военной службе:

а) источники с послужными списками «служилого города» и приборных городовых сообществ, принимавших участие в военных экспедициях и в походной войске на «литовской» Севере. Любопытным примером последних могут послужить списки отличившихся в походах рылян и путивлян на черкасские городки Миргород, Ивангородок, Ичня, Ромны, Серебряный, Батурин и Борзна в 1632–1634 гг.<sup>10</sup>, челобитные служилого и «жилецкого» населения Северской земли о своих нуждах, возникших тяжбах, спорах и т. д. Здесь в качестве примера, свидетельствующего об участии в Северском походе не только служилых, но и так называемых жилецких людей, составивших «загоны» (отряды) охочих ратников (преимущественно из дворцового крестьянства), приведем челобитную комарицкого крестьянина Степанки Голика «со товарищи» севскому воеводе Федору Пушкину об отпуске их бить челом царю за «трубчевскую службу и за раны о жаловании»<sup>11</sup>;

б) свод данных о количестве ратных людей, находившихся в составе походных ратей группировок брянчан Андрея Зиновьева, Паука Львова, Никиты Оладына (северной) и вышедших из Севска Баима Болтина с Иваном Еропкиным (южной), а также тех служилых, что остались при гарнизонах городов, находившихся в пределах Северского театра Смоленской войны. Кроме того, в настоящем подпункте стоит выделить особо источники подобного же характера о жителях Путивля и Рыльска, задействованных в военных экспедициях на территорию черкасских городков и острожков Речи Посполитой. Пожалуй, лучше всего сведения источников данной группы представлены в Разрядных книгах: количество северских служилых людей (путивлян, рылян, севчан, черниговцев и новгород-северцев), прикомандированных к войску Ивана Еропкина и Баима Болтина – «на Севёре с воеводами с Иваном

Еропкиным да с Баимом Болтиным» – отмечено в столбцах 390 и 391. Характерно, что, в соответствии с этими данными, из Рыльска и Путивля в походной рати указанных воевод находилась половина «служилого города» – «а другим половинам быти в городех»<sup>12</sup>. Любопытные сведения о наборе в качестве ратного подспорья войску Ивана Еропкина и Баима Болтина 500 охочих вольных людей в казаки «во всех Северских городех и в Комаритцкой волости»<sup>13</sup>. Следует отметить, что прибор охочих оказался мало удачным, вольных людей было набрано недостаточно: «...и северских, государь, городов, и ис Камарицкой волости охочих людей в казаки ништо не пишуца и в службу не прибираюца»<sup>14</sup>.

Расскажем о ключевых вехах «Северского похода» 1632–1633 гг. на юго-восточном театре боевых действий в период войны за Смоленск. Следует заметить, что данная военная кампания по праву может именоваться Вторым Северским походом, т. к. подобное наименование уже встречалось в актах 1613–1618 гг., относящихся к военным экспедициям после Смуты и до «королевицева прихода» путивльских, рыльских, новгород-северских и стародубских ратных людей против отрядов полковника Александра Лисовского<sup>15</sup>.

Итак, к 1632 г. истек срок длившегося более 14 лет перемирия, подписанного в декабре 1618 г. близ Троице-Сергиева монастыря в Деулино. Одним из главных условий данного мирного соглашения были территориальные уступки Речи Посполитой со стороны Московии «искони» спорных земель, к которым, кроме Смоленска и псковских пригородов Невеля и Себежа, а также Серпейска, относились и города Северской земли. К последним причислялись Новгород-Северский, Стародуб-Северский, Трубчевск, Почеп и Чернигов, пустовавший после сожжения его в 1611 г. польским отрядом региментаря (regimentarz) Самуила Горноста<sup>16</sup>.

В июне 1632 г. на Земском соборе была поддержана идея войны, однако неожиданное вторжение крымцев вынудило отсрочить ее начало на несколько месяцев. В августе воеводы М. Б. Шеин и А. В. Измайлов выступили из Москвы к Смоленску, но продвижение их оказалось настолько медленным, что к месту они были лишь в декабре 1632 г. Так, на центральном (западном) направлении еще до подхода войска Шеина и Измайлова отряд Федора Сухотина 18 декабря<sup>17</sup> занял Дорогобуж, стольник Богдан Нагой, выступив из Калуги, занял Серпейск (12 октября) и Рославль. Вместе с этим в октябре князь С. В. Прозоровский занял крепость Белую<sup>18</sup>. Началу боевых действий московского войска на другом участке – Северском театре – сопутствовала удача: польские магнаты оказались не способными наскоро организовать оборону восточных границ Речи Посполитой.

Осенью 1632 г. московским правительством было принято решение о подготовке так называемого Северского похода для возвращения в



состав русского государства прежних «московских» городов и уездов, дабы «Северские города Новгородок, Стародуб, Трубчевск, Чернигов, Монастыревской [Монастырский] учинити под государевую высокою рукою к Московскому государству». Сперва русским отрядам Северской земли, организованным в виде двух группировок – брянской (северной) и севской (южной) – была поставлена задача очистить от литовских людей Новгород-Северский, Трубчевск, затем Стародуб и Почеп. Параллельно с этим планировалось, что воевода Богдан Нагой из Серпейска вышлет на Северскую «украину» голов с дворянами и детьми боярскими вместе со служилой мелкотой: «...велено с ними с Иваном [Еропкиным] и с Баимом [Болтиным] ссылаясь над Литовскими людьми промышлять вместе»<sup>19</sup>.

Первым брянским воеводой Никитой Оладьиным 17 ноября 1632 г. был взят острожек Почеп. Одновременно с отрядом Баима Болтина и Ивана Еропкина из Брянска под Трубчевск выступила рать головы Андрея Зиновьева, к 5 декабря двухнедельной осадой вынудившая город сдаться. 20 декабря 1632 г. Новгород-Северский был взят в осаду, городские укрепления (в частности, Иерусалимская башня) подождены путивльскими охочими людьми селитрянника – черниговского сына боярского Дмитрия Горбунова. Осажденный гарнизон из шляхты, гайдуков и черкас вынужден был сдаться москвитам. 8 января 1633 г. отряд упомянутого выше воеводы Никиты Оладыина осадой взял Стародуб.

Все действия ратных людей во время подготовки кампании по возвращению в состав Московского государства Новгород-Северского, Трубчевска и прочих указанных городов сопровождалось ведением соответствующей документации. В первую очередь это предписания московским чинам (наказы им) и назначения их на должность полковых воевод, а также указы ратным людям Северной «украины» о действиях за «литовским рубежом», сведения о хозяйственном (и отчасти моральном) состоянии русского войска в начале запланированного похода. Московским ратникам велено было «чинить» литовцам и полякам «задоры всякие», «промышляти, смотря по вестем и тамошнему делу». Необходимо отметить, что информативность документов обо всех этапах «возвращения» в состав Московского государства «отдаточных» (возвращаемых) городов по своей сути скудна. Наиболее полную картину может дать свод источников лишь по боевым действиям в Новгород-Северском и Трубчевске, где осенью 1632–1633 гг. развернулись гораздо более масштабные сражения. Обусловлено это, в частности, тем, что Новгород-Северский и Трубчевск были гораздо лучше укреплены и укомплектованы служилыми гарнизонами, а также превалирующим значением данных городов в бассейне Десны и, соответственно, бóльшим стремлением поляков отстоять их. Об этом – чуть ниже.

При анализе источников об осаде, ходе боевых действий и взятии северских городов, что засвидетельствовано в отписках воевод, начальных людей и (реже) рядовых участников событий, следует учесть некий элемент намеренного искажения и преувеличения, присущий ряду подобных актов, с частичной утратой достоверности. В связи с этим только сравнительный анализ сведений аналогичного комплекса документов помог бы представить наиболее реальную и целостную картину всего происходящего. В делах, содержащих челобитные дворян и детей боярских (реже – приборных служилых) о собственном пожаловании за ратную службу и «нужду», нередко присутствуют описания боевых действий с количественными данными о неприятельских отрядах, числе захваченных языков и т. п., но какой-то более содержательной информации в них, как правило, нет.

Документальные источники о начальных этапах Северского похода и продвижении русских ратных группировок к польско-литовской границе содержат последовательную информацию, порой сообщающую о непростых отношениях в среде командного состава. Так, имеются сведения о выступлении рати Баима Болтина к «новгород-северскому рубежу» и ожидании в селе Орля Чемльжского стана Комарицкой волости Севского уезда подхода ратных людей Ивана Еропкина<sup>20</sup>. Источники сообщают, что между Баимом Болтиным и севским воеводой Михаилом Еропкиным возник спор по поводу высылки из Севска комарицких охочих людей: «...по своей недружбе охочих людей не присылал [в войско] ни одново человека, а которые ... охочие люди в Севске и Комаретцкие волости крестьяне похотели ... государю служить – с Баимом Болтиным идти не велел»<sup>21</sup>.

**Почеп.** В исследованных нами документах имеются данные об осаде и взятии 17 ноября 1632 г. острожка Почеп русскими войсками брянской группировки голов Никиты Оладыина и Паука Львова<sup>22</sup> – «с ратными людьми город Почеп от литовских людей очистили, и польских и литовских людей многих побиили»<sup>23</sup>, – а также о формировании нового гарнизона и «городовой поделке» (ремонте) стен почепского острога «бывшими»<sup>24</sup> детьми боярскими этого города и брянскими стрельцами<sup>25</sup>. Ратные люди полагали, что ныне здесь им будут возвращены их бывшие поместья, однако вскоре Почеп вновь был занят литовцами.

**Трубчевск.** Характерные источники содержат информацию о взятии города – известной вотчины князей Трубецких<sup>26</sup>, действиях севчан во главе с подьячими севской съезжей избы Григорием Ферапонтовым и Афанасием Никитиным возле «Трубчевского рубежа», боях с поляками в комарицкой деревне Дубровка близ Карачева. Представление о происходивших вокруг Трубчевска событиях дополняется сведениями о вос-



соединении комаричан и севчан с карачевскими служилыми людьми, пополнении этого отряда людьми севского стрелецкого и казачьего головы Григория Бакшеева с артиллерийским нарядом<sup>27</sup>, сдаче города голове Семену Веревкину<sup>28</sup>.

Примечателен случившийся в Трубчевске после сдачи города московским людям эпизод разгула ратных и охочих людей, который приобрел угрожающие масштабы: брянскому голове Андрею Зиновьеву поступали жалобы от литовских людей Трубчевска, «чтоб от грабежа комарицких мужиков и карачевских казаков унимал»<sup>29</sup>. Камнем преткновения являлась добыча в завоеванном городе, попытки отобрать которую у ратных людей некоторые авантюристы предпринимали даже среди своих соотечественников. Так, в челобитной крестьян всех четырех станом Комарицкой волости, ходивших в составе охочих людей под Трубчевск, была жалоба на брянских дворян и детей боярских, грабивших их «по дарогам».

Начальные служилые люди (головы) северской походной рати Григорий и Осип Бакшеевы и Андрей Зиновьев не преминули воспользоваться случаем захватить полоняников для своих поместий. Любопытны челобитные жителей Трубчевского уезда, назвавших себя дворцовыми крестьянами в надежде, что удастся избежать похолопления<sup>30</sup>. С момента «приема» Трубчевска снова в состав Московского государства целый уезд (бывшая вотчина князей Трубецких) был определен в дворцовое ведомство. Крестьяне, зная об этом, воспользовались изменением своего статуса<sup>31</sup>.

**Новгород-Северский.** Особый интерес для исследователя представляют сведения о северской походной рати, вышедшей из Севска с воеводами Баимом Болтиным и Иваном Еропкиным, о боях в предместьях Новгород-Северского<sup>32</sup> и его взятии 20 декабря 1632 г.<sup>33</sup>, а также милостивом слове царя Михаила Федоровича воеводам, взявшим Новгород-Северский – Баиму Болтину и Ивану Еропкину, – с «повелением» немедленно укрепить город и собрать в нем хлебные запасы со всего уезда<sup>34</sup>. Упоминания о неудавшемся приступе поляков и черкас к городу<sup>35</sup> и бое отправленного на вылазку против «литовских людей» сына боярского Афанасия Никитина с литовскими людьми под Новгород-Северским<sup>36</sup> дополняют общую картину происходивших в этот период событий.

**Стародуб.** Документальные материалы о возвращении Московскому государству Стародуба-Северского представлены извещением о взятии русскими Почепа и царским приказом осылке отряда под Стародуб<sup>37</sup>, описанием боев за город<sup>38</sup>, описью трофейного артиллерийского наряда<sup>39</sup>. Нашли отражение в письменных источниках и такие события, как формирование нового гарнизона<sup>40</sup>, литовские приступы под Почеп, разгром литовцев отрядом головы ратных людей Григория Еропкина<sup>41</sup>.

Формирование гарнизона в Стародубе было сопряжено с разного рода трудностями. В част-

ности, это касалось недобора ратных людей «пушкарского чина» – пушкарей и затинщиков<sup>42</sup>, пополнять штат которых пришлось выходцами из Севска. Любопытна челобитная 222 стародубских детей боярских 1647 г. с просьбой перевести их на «вечное житье» в «новоприемный город» Олешню. В своем прошении на имя государя дети боярские сообщают, как были выведены в 129 (1621) г. из Стародуба в Брянск, а оттуда в Алатырь, где жили до начала Смоленской войны. После взятия Стародуба служилых помещиков опять перевели туда, но вскоре город снова отошел к польской короне и им пришлось вернуться обратно в Алатырь<sup>43</sup>.

Характерным примером боевого столкновения нового гарнизона Стародуба с появившимися в уезде поляками была вылазка в село Путовичи голов ратных людей Ивана Бакшеева и Василия Офросимова с дворянами, детьми боярскими, московскими стрельцами и севрюками (охочие люди Карачевского уезда – «Сомовские волости мужики»)<sup>44</sup>.

Приобретенное боевыми успехами под Новгород-Северским и Стародубом московское правительство, не решаясь открыто заявить свои претензии на Гомельскую землю (включая Чечерск) и пригороды Могилева (Кричев), смотрела сквозь пальцы на несанкционированное проникновение в Речь Посполитую своих ратных людей. До начала XVI в. Гомель также считался относящимся к Северской земле, одним из спорных для Москвы и Литвы городов, однако позднее он стал «тяготеть» к повету Менскому (Минскому)<sup>45</sup>.

После взятия Новгород-Северского, Стародуба и Почепы все эти города, по сути, являлись плацдармом для наступления под Гомель и Могилев – в пределы современной Белоруссии. Так, 22 января из Стародуба под Гомель за языками вышел отряд голов Богдана Булгакова и Ивана Ермолина, а 30 января ратные люди вернулись в Стародуб. Судя по их словам, московские ратники выжгли посад Гомеля и «повоевали» его уезд, «села и деревни выжгли ж, и уездных людей многих побиили и в полон поимали»<sup>46</sup>. Через несколько месяцев, 10 августа 1633 г., произошло взятие Кричева калужскими стрельцами сотников Ивана Лукина и Селиверста Шестакова, а также отрядом вольных казаков Феодосия селитрянного («селитрожного») мастера<sup>47</sup>. Отдельно представлены сведения об участии в походе под Кричев с Федором Еропкиным рославских конных и пеших «мужиков» Углецкой волости<sup>48</sup> и взятии Пропойска<sup>49</sup>.

Таким образом, ход боевых действий на Северском театре Смоленской войны в 1632–1634 гг. и особенно серьезная активность черкас на Поле подтолкнули российское правительство к мысли об укреплении южной границы. Как показали события данного периода, черкасы, являвшиеся значительной составляющей армии Речи





Посполитой, стали серьезными противниками Московского государства, вполне успешно штурмовавшими русские крепости.

Несмотря на то что основные сражения этой войны развернулись на западном фронте, события, произошедшие на южном российском побережье – «на Поле», – оказали существенное влияние на результаты всей кампании в целом. В частности, это касается боевых действий и военных экспедиций ратных людей Рыльского и Путивльского уездов в пределах Речи Посполитой (в черкасских городах), успешных операций служилых и охочих людей против разных по численности неприятельских отрядов в пределах своих уездов, а также в глубоком тылу польского войска – на территории юго-востока и востока современной Белоруссии. Кроме того, существенной силой, сдерживающей продвижение войска польского магната князя Иеремии Вишневецкого для соединения со смоленской группировкой польских войск являлись осажденные им города Путивль, Рыльск, Севск и Карачев, которые он опасался оставлять у себя в тылу в преддверии запланированного продвижения под Смоленск.

Помимо все прочего, настоящие события являют собой ряд эпизодов, иллюстрирующих непростые русско-украинские отношения, их сложное развитие в первой половине XVII в., а также некоторые черты психологии служилого и «жилецкого» (гражданского, промыслового) населения пограничья со степью – «Подем».

### Примечания

- 1 Полное наименование: Акты Московского государства, изданные Императорской академией наук под редакцией Н. А. Попова, члена-корреспондента академии (далее – АМГ). СПб., 1890. Т. 1. (1571–1634).
- 2 См.: Книги Разрядные по официальным оных спискам, изданные с высочайшего соизволения II-м отделением собственной Его Императорского Величества канцелярии (далее – Книги разрядные). Т. 2. СПб., 1855. Стб. 433–434.
- 3 Там же. Т. 2. Стб. 474.
- 4 См.: АМГ. Т. 1. Стб. 452; РГАДА. Ф. 210. Столбцы Московского стола. Д. 102. Л. 69–100.
- 5 См.: Российский государственный архив древних актов (далее – РГАДА). Ф. 210. Столбцы Московского стола. Д. 102. Л. 111–123.
- 6 Там же. Столбцы Белгородского стола. Д. 53. Л. 332.
- 7 Там же. Столбцы Новгородского стола. Д. 27. Л. 8–10, 32–47, 74–78, 94–98, 131–134, 157–159, 173–177, 187–193, 236, 313–317, 329–331.
- 8 Там же, Л. 11–15, 54–60, 65–67, 72–73, 85–89, 107–108, 112–128, 142–143, 154, 178–180, 205–206, 227, 232, 258–264, 269–279, 287–288, 297–309, 320–328, 342–347, 362–372, 381–385, 390–399, 415–424.
- 9 Там же, Л. 16–20, 23–25, 27–31, 82–84, 147–150, 208–211, 222–225, 255–257, 265–268, 280–286, 293–296, 400–414.
- 10 Там же. Столбцы Севского стола. Д. 178.
- 11 Там же. Столбцы Московского стола. Д. 101. Л. 192.
- 12 Книги разрядные. Т. 2. Стб. 422.
- 13 Там же. Стб. 427–433.
- 14 РГАДА. Ф. 210. Столбцы Севского стола. Д. 99. Л. 43.
- 15 *Ракутин А. С.* Походы ратных людей Северной земли со времени исхода Смуты и до «королевичева приходу» (1613–1618 гг.). Северский поход 1616 года (рукопись).
- 16 Очерки истории города Чернигова (907–1907 гг.). Чернигов, 1908. С. 17.
- 17 Все даты в статье даны по старому стилю.
- 18 См.: *Малов А. В.* Невельское взятие 1632 года: малоизвестный эпизод Смоленской войны // Цейхгауз. 2002. № 3(19). С. 7
- 19 Книги разрядные. Т. 2. Стб. 429.
- 20 См.: РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. Д. 60. Л. 106.
- 21 Там же. Л. 197.
- 22 Там же. Ф. 210. Столбцы Московского стола. Д. 102, 111–123; АМГ. Т. 1. С. 445, 466.
- 23 РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Д. 42. Л. 343.
- 24 То есть выведенными после 1618 г. из Почепа в Брянск.
- 25 См.: Книги разрядные. Т. 2. Стб. 466.
- 26 См.: АМГ. Т. 1. С. 447–448; РГАДА. Ф. 210. Столбцы Московского стола. Д. 98. Л. 18–24.
- 27 Там же.
- 28 См.: РГАДА. Ф. 210. Столбцы Севского стола. Д. 95. Л. 701–705.
- 29 АМГ. Т. 1. С. 451; РГАДА. Ф. 210. Столбцы Московского стола. Д. 102. Л. 69–100.
- 30 Там же. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. Д. 60. Л. 336–342.
- 31 См.: *Шеламанова Н. Б.* Трубчевский уезд в XVII веке // Вопросы истории хозяйства и населения России в XVII веке. Очерк по исторической географии XVII века. М. 1974, С. 135.
- 32 См.: РГАДА. Ф. 210. Столбцы Московского стола. Д. 102. Л. 111–123; АМГ. Т. 1. С. 445.
- 33 РГАДА. Ф. 210. Столбцы приказного стола. Д. 73. Л. 55–93.
- 34 Там же. Столбцы Севского стола. Д. 95. Л. 525–528, 542–558.
- 35 Там же. Столбцы Белгородского стола. Д. 53. Л. 178–181.
- 36 Там же. Столбцы Приказного стола. Д. 60. Л. 566–573.
- 37 Там же. Столбцы Белгородского стола. Д. 42. Л. 343–356.
- 38 См.: АМГ. Т. 1. С. 560; РГАДА. Ф. 210. Столбцы Московского стола. Д. 112. Л. 222–242.
- 39 См.: АМГ. Т. 1. С. 553; РГАДА. Ф. 210. Столбцы Московского стола. Д. 112. Л. 206–219.
- 40 См.: Книги разрядные. Т. 2. Стб. 461–462.
- 41 См.: АМГ. Т. 1. С. 553; РГАДА. Ф. 210. Столбцы Московского стола. Д. 112. Л. 206–212.
- 42 См.: РГАДА. Ф. 210. Столбцы Владимирского стола. Д. 58. Л. 65–70.



<sup>43</sup> Там же. Столбцы Белгородского стола. Д. 263. Л. 231.

<sup>44</sup> Там же. Столбцы Московского стола. Д. 101. Л. 645.

<sup>5</sup> См.: *Темушев В.Н.* Гомельская земля в конце XV – первой половине XVI в. Территориальные трансформации в пограничном регионе. М., 2009.

<sup>46</sup> АМГ. Т. 1. С. 552 ; РГАДА. Ф. 210. Столбцы Московского стола. Д. 112. Л. 206–219.

<sup>47</sup> Там же. Столбцы Белгородского стола. Д. 53. Л. 39–40.

<sup>48</sup> Там же. Столбцы Приказного стола. Д. 60. Л. 169.

<sup>49</sup> Там же. Л. 268–271.

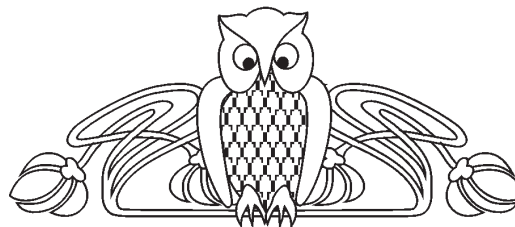
УДК 94 (470.44–25).04+929 Феофила́тьев

## ВОЕВОДА САРАТОВА ГРИГОРИЙ ИВАНОВИЧ ФЕОФИЛА́ТЬЕВ (1634–1637)

Я. Н. Рабинович

Саратовский государственный университет

E-mail: RabinovichYN@yandex.ru



В статье рассмотрены неизвестные страницы истории левобережного Саратова, связанные с пребыванием в этом городе воеводы Григория Ивановича Феофила́тьева. Впервые представлена подробная биография этого деятеля Смутного времени, который участвовал в подавлении восстания Болотникова, а затем перешел на сторону Лжедмитрия II. Автор прослеживает дальнейшую судьбу этого человека, который при Михаиле Романове был воеводой в Алатыре, Касимове, Сургуте, а также послом в Персии.

**Ключевые слова:** Смутное время, Саратов, воевода, Григорий Феофила́тьев, Персия.

### The Voivode of Saratov Grigory Ivanovich Feofilatyev (1634–1637)

Ya. N. Rabinovich

In article unknown pages of history of the left bank of Saratov are considered. They are associated with staying in the city voivode Grigory Ivanovich Feofilatyev. For the first time detailed biography of this figure of the Time of Troubles is presented. He participated in the revolt of Bolotnikov, and then has come over to the side of Lzhedmitrij II. The author traces future destiny of this man, who in the reign of Michael Romanov was a voivode in Alatyry, Kasimov, Surgut, and ambassador to Persia.

**Key words:** Time of Troubles, Saratov, voivode, Grigory Feofilatyev, Persia.

Сведений о воеводе Саратова Григории Ивановиче Феофила́тьеве (вариант – Фефила́тьев) сохранилось немало. Однако биография этого человека до настоящего времени так и не была написана. Впервые попытку собрать всю информацию об этом воеводе предпринял А. А. Гераклитов. Вслед за А. П. Барсуковым он указал на основные этапы биографии Г. И. Феофила́тьева: «... воевода на Алатыре (1614–1615), в Касимове (1617–1618) и в Сургуте (1620 – 1622)», а также уточнил время пребывания его на посту воеводы Саратова (1635 – август 1637 гг.)<sup>1</sup>. Исследователь указал на новые источники, неизвестные А. П. Барсукову, который ранее считал, что Г. И. Феофила́тьев находился в Саратове только в 1636–1637 гг. А. П. Барсукову были известны только Записные книги Московского стола, в которых указано, что

в 1636–1637 гг. «на Саратове Григорей Иванов сын Феофила́тьев»<sup>2</sup>.

Современный саратовский краевед В. Н. Семенов, процитировав труд Гераклитова, дополнительно привел сведения из Саратовской летописи о том, что Г. И. Феофила́тьев «вместе с сыном Василием храбро сражался против крымских татар на речке Нойло». Восклицанием «Где находилась такая и когда это было?» уважаемый краевед завершил повествование об этом воеводе<sup>3</sup>.

Столь незначительная информация о воеводе Саратова Григории Ивановиче Феофила́тьеве не может быть признана удовлетворительной, ведь в трудах СУАК, введенных в научный оборот ещё до революции, а ныне «выложенных» в Интернете и доступных любому исследователю, довольно часто упоминается этот воевода. Особую ценность представляют статья Павла Петровича Смирнова, написанная в 1916 г., а также приведенные этим исследователем уникальные источники по истории левобережного Саратова. В этих источниках дается подробная характеристика гражданского населения Саратова в 1634 г. и рассмотрена деятельность Г. И. Феофила́тьева на посту саратовского воеводы именно в это время (а не с 1635 г., как считал А. А. Гераклитов). Кроме того, многие историки XIX в. подробно освещали ещё одну страницу биографии нашего героя (посольство в Персию), которая почему-то оказалась неизвестной саратовским краеведам.

На основании опубликованных источников попробуем проследить основные этапы биографии воеводы Григория Ивановича Феофила́тьева. Известно, что в конце XVI в. некоторые представители дворянского рода Феофила́тьевых служили в качестве жильцов (1588/1589 г. – Богдан Иванович)<sup>4</sup>, а также выборных дворян из Юрьева-Польского. Среди этих дворян по выбору можно отметить Ивана и Юрия Андреевичей (оклад 500 чети), а также сыновей Юрия Андреевича Дениса и Степана, которые служили «с отцова оклада» в 600 чети и к 1603 г. уже умерли. В Боярском списке 1602/1603 г. упоминается их родственник, Богдан Иванович, который, судя по



небольшому окладу в 300 чети в 1602/1603 г., не имел ничего общего с упомянутым жильцом Богданом Ивановичем Феофиладельцевым<sup>5</sup>. Некий Иван Феофиладельцев весной 1583 г. участвовал в мирных переговорах со шведами на реке Плюсса возле Гдова («на съезде для швейского дела») вместе с послами князем И. С. Лобановым-Ростовским, И. П. Татищевым и дьяком Д. Петелиным. Возможно, этот же Иван Феофиладельцев упоминается в Разрядах в качестве пристава, которому царь Федор Иванович в апреле 1588 г. поручил отвести на службу князя Андрея Голицына (местнический спор А. Голицына и Т. Трубецкого)<sup>6</sup>.

Григорий Иванович Феофиладельцев, герой данного очерка, был **владимирским помещиком**, служил по выбору. Его генеалогическое древо, а также связь с вышеупомянутыми помещиками Феофиладельцевыми (Феофиладельцевыми) установить довольно сложно<sup>7</sup>. Этот выборный дворянин из Владимира редко упоминается в источниках Смутного времени. В боярском списке 1606/1607 г. он записан выборным из Владимира с окладом 600–650 чети<sup>8</sup>. Эта запись свидетельствует о том, что Г. И. Феофиладельцев участвовал в подавлении восстания Болотникова и не был к тому времени юным новиком. Он родился в начале 1580-х гг., более точную дату рождения определить трудно.

Некоторую помощь в выяснении отдельных страниц биографии этого человека могут оказать такие источники, как Разрядные столбцы сыска денежных окладов. Эти источники были составлены позднее, уже при Михаиле Романове. Однако именно они позволяют выяснить, чем занимался наш герой в первые годы Смуты.

Одной из главных забот правительства Михаила Романова было создание своей основной опоры – служилого класса. Во время Московского разорения пропали почти все документы, содержащие записи о денежных окладах кормленщиков (служилых людей, получающих жалование из Костромской, Галицкой и других четвертей). Речь идет о так называемых Четвертных кормленных книгах и памятях из Разряда в Чети, которые служили для составления кормленных книг. Необходимо было восстановить прежнюю стройную систему служебных и имущественных отношений служилых людей, их права на получение денежного жалования в размере тех или иных окладов.

В связи с пропажей этих документов, для того чтобы проверить «сказки» челобитчиков, правительству приходилось прибегать к сыскам (опросам). Хорошо, если из городов присылали сыскные списки и десяти. Часто дьяки Разрядного приказа сами проводили сыск для выяснения прежних окладов служилых людей. Сыск велся многими дворянами порознь, выбирали осведомленных лиц. Обычно этими осведомленными людьми были товарищи по службе того лица, об окладе которого производился сыск. Сведения об одном из таких людей, князе Василии Борятин-

ском, в результате сыска сообщили 10 московских дворян, среди которых записан Г. И. Феофиладельцев. Эти люди были сослуживцами князя Василия Борятинского.

25 марта 1614 г. в Москве «сказали по крестному целованию в сыску дворяне ... Григорий Иванов сын Феофиладельцев...» о службе князя Василия Борятинского при царе Василии Шуйском. Можно с большой долей вероятности утверждать, что Григорий Иванович Феофиладельцев воевал вместе с князем Василием Борятинским в сентябре 1606 г. под Калугой в составе войска князя Ивана Шуйского против Ивана Исаевича Болотникова. В результате этого боя дальнейшее наступление болотниковцев на Москву было временно приостановлено. Затем Г. И. Феофиладельцев участвовал в составе войска князя М. В. Скопина-Шуйского в бою «на реке на Пахре с воры с казаки». В сыску сохранилось упоминание ещё об одном сражении: «...как Вор пришел на Москву и был бой под Москвою на Егорьев день»<sup>9</sup>. Судя по последней записи, Г. И. Феофиладельцев оставался верен Василию Шуйскому не только во время восстания Болотникова, но и в начальный тушинский период, сражаясь под Москвой с Лжедмитрием II в 1608 г.

В Разрядных записях сохранились сведения о том, что осенью 1608 г. Г. И. Феофиладельцев был отправлен в Касимов к касимовскому царю Ураз-Мухаммеду в качестве головы в составе отряда князя Ивана Михайловича Борятинского (здесь же перечислены ещё 4 головы – Данила Келарев Протасьев, Иев Лачинов, Карп Волков, Федор Баранцов). Этим воеводам было приказано идти со служилыми людьми из Шацка, Алатыря и Арзамаса в Суздаль, который захватили тушинцы Федора Плещеева, и освободить этот город<sup>10</sup>. Однако в это время положение царя Василия Шуйского было непрочным, многие служилые люди стали переходить на сторону самозванца. Касимовский царь также держал сторону то Василия Шуйского, то самозванца, то поляков и в итоге был убит Лжедмитрием II в 1610 г.

Сохранилось дело дворянина Григория Аргамакова, из которого следует, что Г. И. Феофиладельцев был одним из «тушинских перелетов». Эти новые источники, введенные в научный оборот И. О. Тюменцевым, Н. Е. Тюменцевой и Н. А. Тупиковой, позволяют сделать вывод, что к весне 1609 г. Г. И. Феофиладельцев уже находился на стороне Лжедмитрия II. 19(29) апреля 1609 г. Григорий Феофиладельцев одним из первых среди владимирских дворян и детей боярских «приложил руку» к сыскным речам по поводу измены «царю Дмитрию Ивановичу» Григория Аргамакова. Этот обыск проводил тушинский «окольный» Федор Кириллович Плещеев. Впереди Г. И. Феофиладельцева в данном списке стоит «стольник князь Федор Тимофеев сын Чернова Оболенского» – в будущем первый воевода левобережного Саратова. Все подписавшиеся сказали, что они не ведали никакой измены Григория Аргамакова: «А речи





писал Григорий Феофилаьев»<sup>11</sup>. Наш герой был достаточно грамотным человеком, умел хорошо писать.

Как протекала служба Г. И. Феофилаьева после освобождения весной 1609 г. Владимира царскими войсками боярина Федора Ивановича Шереметева, неизвестно (в этих боях отличился будущий воевода Царицына Федор Васильевич Левашов). Касимов, куда осенью 1608 г. отправляли Г. И. Феофилаьева, был в мае 1609 г. взят воеводой Ф. И. Шереметевым в результате жестокого приступа. Возможно, после ряда поражений тушинцев Григорий Феофилаьев перешел на сторону Василия Шуйского, а в августе 1610 г. вместе с москвичами присягнул польскому королю Владиславу.

В дальнейшем Г. И. Феофилаьев участвовал в Подмосковном ополчении Прокопия Ляпунова. В боярском списке 1610–1611 гг. он записан среди 14 помещиков Владимира по выбору с окладом в 650 четей<sup>12</sup>. По-видимому, Григорий Феофилаьев отличился при освобождении Москвы от поляков в 1612 г. От правительства Трубецкого и Пожарского или от боярского правительства Михаила Романова он вскоре получил повышение в чине. В первые годы царствования Михаила Романова мы видим Г. И. Феофилаьева уже **дворянином московским**. Именно в этом чине он записан 25 марта 1614 г., когда проводился сыск о службе князя В. Борятинского. Вскоре после проведения данного сыска, уже к началу лета 1614 г., Г. И. Феофилаьев был назначен в Алатырь вторым воеводой. В Дворцовых разрядах за 1613/1614 г. записано: «*На Олатыре воевода Петр Иванов сын Бутурлин; и Петру велено быть к Москве, а на Олатырь послан князь Петр Ахамашукович Черкасской да Григорей Иванов сын Феофилаьев*»<sup>13</sup>.

Служба в Алатыре продолжалась недолго, всего около года. В Книгах разрядных за 1614/1615 г. в Алатыре указан вместо Григория Феофилаьева дьяк Иван Поздеев<sup>14</sup>. В 1616 г. в Боярском списке Г. И. Феофилаьев записан одним из последних как дворянин московский (на 273-м месте), «*поместный ему оклад по сыску 750 четей, из чети 42 рубли*»<sup>15</sup>. Мы видим, что его поместный оклад в первые годы царствования Михаила Романова значительно вырос (на 100 четей). О реальных земельных пожалованиях Г. И. Феофилаьеву за этот период сведений пока не обнаружено.

В тяжелое для страны время, когда польский король Сигизмунд III вместе с королевичем Владиславом предпринял поход на Москву, Григорий Феофилаьев в столице не было. Он не участвовал в обороне Москвы, его имя отсутствует в Осадном списке 1618 года<sup>16</sup>. Ещё в 1617 г. Григорий Феофилаьев получил назначение воеводой в Касимов<sup>17</sup>. В Разрядах за 1618 г. также записано, что «*в Касимове Григорий Иванов сын Феофилаьев*»<sup>18</sup>. Прошло десять лет с момента первой службы нашего героя в Касимове, и вот судьба

вновь забросила его в этот город. Здесь Г. И. Феофилаьеву пришлось быть не только воеводой, но и дипломатом. Номинально власть в городе принадлежала татарскому царевичу Арслан Алеевичу Кутумову, внуку сибирского хана Кучума. В городе в это время также проживал (умер в 1618 г.) знаменитый царевич Магомет-Кул (Маметкул), племянник хана Кучума<sup>19</sup>.

В 126 году (1617/1618 г.) в бытность воеводой в Касимове Г. И. Феофилаьеву пришлось оборонять этот город от воровских казаков. А. А. Герасимов писал, что Г. И. Феофилаьев «*в 133 г. (1624/25) ходатайствовал о награждении за осадное сиденье в Касимове в 126 г.*»<sup>20</sup>. Подробности этого осадного сиденья неизвестны. А. Л. Станиславский подробно остановился на действиях мятежных казаков в Вязниковском лагере осенью 1618 г., отряды которых ездили за добычей в Муромский и другие уезды, а также воевали с украинскими казаками гетмана Сагайдачного, но все эти события происходили уже в 127 г. (осенью 1618 г.)<sup>21</sup>. Кроме того, настораживает то обстоятельство, что эта челобитная о награждении была подана самим Г. И. Феофилаевым и не сразу после окончания Смуты, а через 7 лет. Возможно, правительство не было довольно действиями касимовского воеводы.

Отдельные отряды мятежных казаков и черкас находились в районе Мурома и Касимова вплоть до февраля 1619 г., даже после заключения Деулинского перемирия с Польшей. В 1619 г., уже после окончания Смуты, Григорий Феофилаьев сменил в Касимове новым воеводой Иван Гаврилов Бобрищев-Пушкин. Интересно отметить, что некая Пелагея Федоровна Феофилаьева (возможно, родственница Григория Ивановича) была замужем за Пушкиным.

В Москве Григорий Иванович пробыл недолго. Уже в феврале 1620 г. он был отправлен в Сибирь вторым воеводой в небольшой городок Сургут. В Книгах разрядных сохранилась запись: «*В Сургутском городе воеводы Иван Захарьев сын Кутузов да Григорей Иванов сын Феофилаьев, посланы в прошлом во 128 году февраля в 29 день*» (29 февраля 1620 г.)<sup>22</sup>. В Сургуте Григорий Иванович Феофилаьев вместе с Иваном Захарьевым Щукой-Кутузовым находились с мая-июня 1620 г. до конца 1623 г.<sup>23</sup>

В Книгах разрядных за 1623 г. записаны эти же воеводы, Кутузов и Феофилаьев, а далее следует запись: «*И Иван и Григорей отпущены, а на их место посланы Иван Романов сын Безобразов да Федор Григорьев сын Шишкин*»<sup>24</sup>.

Только в начале 1624 г. Григорий Феофилаьев вернулся из далекой Сибири в Москву. Но отдыхать дома ему особо не пришлось. Вскоре Г. И. Феофилаьеву предстояло выполнить ответственное посольское поручение – его назначили вторым послом в Персию к шаху Аббасу. Накануне отъезда в Персию Григорий Иванович и написал челобитную о награждении его за



прежнюю службу в Касимове<sup>25</sup>. По-видимому, правительство удовлетворило эту просьбу, как это было принято перед отправкой послов в дальние страны.

Посольство в Персию в 1625 г. возглавил князь Григорий Васильевич Тюфякин. В состав посольства входили также Григорий Феофила́тьев и дьяк Федор Степанов (в некоторых документах – дьяк Федор Панов). Как обычно, послам в Москве вручили различные подарки для шаха Аббаса, среди которых наиболее ценными были кречеты. По пути в Персию летом 1625 г. посольство сделало остановку в Саратове. Местный воевода Федор Иванович Чемоданов отправил с послами до Царицына саратовских стрельцов для охраны каравана от нападения воровских казаков. Это было первое посещение Григорием Феофила́тьевым левобережного Саратова. Он ещё не знал, что менее чем через десять лет судьба забросит его в этот окраинный город на целых три года.

Об этом посольстве в Персию и об участии в нем Григория Феофила́тьева упоминается в ряде источников, опубликованных в середине XIX в., в том числе в Новом летописце и Дворцовых разрядах<sup>26</sup>. Сведения из Нового летописца приведены у многих исследователей, включая С. М. Соловьева, Д. И. Иловайского, К. Валишевского и других. Впервые на данный сюжет обратил внимание В. Н. Татищев, который, рассказывая о прибытии в Москву персидских послов Урусунбека и Мурат-бека с ризой Христовой (подарком от шаха Аббаса), писал: «*Присланных с ризою господнею послов персидских государь отпустил, и с ними послал кн. Григория Тюфякина да Григория Феофила́тьева*»<sup>27</sup>. Данный труд В. Н. Татищева довольно поздно стал известен исследователям (впервые опубликован лишь в 1968 г.). С. М. Соловьев, используя многие архивные документы, подробно осветил пребывание русских послов Тюфякина и Феофила́тьева в Персии<sup>28</sup>.

Современная исследовательница Татьяна Филагорова подробно остановилась на церемонии приема шахом русских послов, к сожалению, не указав на своих предшественников. Она отмечает, что послы Тюфякин и Феофила́тьев получили наказ, более чем на  $\frac{3}{4}$  состоящий из предписаний церемониального характера. Старательное исполнение послами «*жестко сформулированных требований привело к международному скандалу и имело печальное последствие для самих дипломатов*»<sup>29</sup>.

Это посольство Тюфякина и Феофила́тьева в Персию было неудачным, по поводу действий послов после их возвращения на Родину было возбуждено сыскное дело. Фактически это дело было сфабриковано, так как послы действовали строго по царскому наказу. Персидский посол Магмет Сали бек, приехав в Москву, жаловался на Тюфякина и Феофила́тьева. По пути в Персию погибли, не выдержав трудной дороги, почти все кречеты (всего их было 28). Это был самый

ценный подарок для шаха Аббаса, который к моменту приезда русских послов в Исфганан находился в походе под Багдадом и просил прислать ему этих птиц. Послы, согласно царскому наказу, должны были вручить все подарки только при личной встрече, поэтому они отказались выполнить требование шаха. Тюфякин и Феофила́тьев при встрече с шахом отдали ему двух или трех оставшихся в живых кречетов, а также перья и хвосты с головами остальных мертвых птиц, что возмутило шаха Аббаса.

Были у русских послов и другие «прегрешения». Они хотели одежду, подаренную шахом, надеть не поверх, а под русский кафтан. На приеме и торжественном обеде князь Г. В. Тюфякин не сумел выпить до конца чашу с вином, поданную шахом. Послы вовремя не прислали шаху по его просьбе «оконничных мастеров», не хотели представляться ему, когда на приеме находились послы из других стран, отказались поехать на площадь смотреть конное учение, хотя шах их позвал. Гнев шаха выразился в том, что послы даже не были допущены на отпускную аудиенцию. Хотя, как отмечал С. М. Соловьев, «*во всем этом послы поступили по букве наказа*». Бояре в Москве объявили персидскому послу, что «*царь верит шаху, что послы прогневали его, и потому велел положить на них наказание великое*». В приговоре сказано, что когда за столом у шаха пили царское здоровье, а князь Тюфякин не допил при этом своей чаши, то «*за такую вину послов следовало бы казнить смертью*». В ходе расследования обнаружилось также, что при возвращении на родину «*князь Тюфякин в городе Ардебиле велел украсть татарчонка, которого продал в Кумыцкой земле, а в Кумыцкой земле велел украсть девку, и вывез её тайком, положивши в сундук*». К. Валишевский писал, что в Москве надеялись получить от шаха Аббаса «*более существенную помощь. Но увы! Вместо неё князь Григорий Тюфякин привез с собой лишь прекрасную персиянку, спрятав её в чемодане*»<sup>30</sup>.

Вполне возможно, что гнев шаха Аббаса был вызван также его неудачей в решении «грузинского вопроса». Православные грузины под руководством царя Теймураза и Георгия Саакадзе в 1625 г. подняли восстание против шаха, истребили иранские гарнизоны в ряде городов. По подсчетам исследователей, в 1625 г. шах Аббас потерял в Грузии около 50 тыс. воинов. В 1625–1626 гг. турки заняли весь Ирак, осадили Багдад, вновь захватили Самцхе. А тут ещё русские послы с птичьими перьями и хвостами...

После возвращения посольства в Москву, чтобы не портить отношений с шахом Аббасом, персидскому послу дали ценные подарки, а русские послы были наказаны. Вместе с князем Тюфякиным пострадал и Григорий Иванович Феофила́тьев. Его поместья и вотчины были конфискованы. В. Н. Татищев отмечал: «*Пришли послы персидские со многими дарами и жалобой*



на русских послов, Тюфякина с товарищами. Государь же их отпустил, а с ними послал Андрея Осиповича Плещеева да дьяка Микифора Талызина. А Тюфякина сослал в ссылку и деревни его роздал»<sup>31</sup>.

В связи с рождением наследника престола, будущего царя Алексея Михайловича (17 марта 1629 г.), Тюфякин и Феофила́тьев вскоре были амнистированы.

В источниках сохранилась запись, что в начале декабря 1633 г. (между 6 и 12 декабря) «*посланы дворяне к боярину Юрью Янишевичю Сулешову в приказ: ... Григорей Иванов сын Фефила́тьев*»<sup>32</sup>. Таким образом, в декабре 1633 г. наш герой находился в Москве и был одним из помощников боярина Ю. Я. Сулешова, который в те годы возглавлял Разбойный приказ и Приказ сбора даточных людей<sup>33</sup>. Однако уже весной 1634 г. Григорий Феофила́тьев выехал из Москвы к новому месту службы. В 1634 г. мы видим Григория Ивановича Феофила́тьева воеводой в Саратове, где он сменил прежнего воеводу Степана Чемесова.

Каким же был левобережный Саратов к тому времени, когда туда приехал Григорий Феофила́тьев? Благодаря Адаму Олеарию и его сочинению (включая карту местности и подробный рисунок) мы можем довольно точно определить расположение этого города, а также его внешний вид. По состоянию на 1635 г. сведения о гарнизоне Саратова в Книгах разрядных следующие: «*На Саратове Григорей Иванов сын Феофила́тьев, а с ним: детей боярских 18 ч., с головою да с 3 ч. сотники 150 ч. стрельцов конных, да 250 ч. стрельцов пеших, пушкарей 6 ч., сторожей и воротников и кузнецов и плотников и деловых людей 12 ч., да годовальщиков из Понизовых городов, которые выше Казани 100 ч. стрельцов*»<sup>34</sup>.

О том, сколько конкретно было этих деловых людей по каждой категории, даёт представление запись в Книгах разрядных за следующий, 1636 г. (именно в этом году проплыл мимо Саратова Адам Олеарий, а воеводой в городе продолжал оставаться Григорий Феофила́тьев). В Саратове было 5 сторожей, 2 воротника, часовник, кузнец, плотник, пивовар. Часовника и пивовара дьяки Разрядного приказа отнесли к деловым людям<sup>35</sup>.

Источники позволяют выяснить, из каких конкретно городов отправлялись в Саратов годовальщики. В 1636 г. это были стрельцы из Цивильска (30 ч.), Царева Санчурска (25 ч.), Уржума (25 ч.), Кокшайска (20 ч.)<sup>36</sup>.

Следует подробно остановиться на действиях Григория Ивановича Феофила́тьева в Саратове в 1634 г., после того как гонец из Москвы доставил указ о сборе пятинных денег, а также выяснить состав и занятия гражданского населения этого города.

В 1633/1634 г., когда страна испытывала хронический недостаток денежных средств, правительство вновь, как и в первые годы царствования Михаила Романова (1613–1619 гг.), вынуждено

было прибегнуть к назначению экстренного сбора денег. Тяжелая Смоленская война, особенно катастрофическое положение армии М. Б. Шеина, постоянные набеги крымских татар, формирование новых солдатских, рейтарских и драгунских полков, закупка вооружения за границей, прием на службу иностранных специалистов – всё это требовало денег. Одним из таких экстренных сборов была так называемая пятина, или «пятая деньга». По-разному определялись объект обложения и способы взимания части доходов населения. Обычно взималась пятая часть с чистого дохода и пятая часть с движимого имущества, независимо от чина и имущественной состоятельности плательщиков. Главным образом эта пятина падала на посадское население, на торговых, промышленных и ремесленных людей. Во время Смоленской войны были собраны две пятинны<sup>37</sup>.

Вторая пятина была назначена приговором Земского собора 29 января 1634 г. Было указано собирать на жалование ратным людям «*запросные деньги с митрополитов, архиепископов, монастырей, с бояр, и с думных и со всяких чинов людей*», а с гостей и с торговых людей «*с животов (имущества. – Я. Р.) пятую деньгу*». В Книгах разрядных сохранилась запись: «*И Февраля в 4 день Государь ... указал те запросные и пятинные деньги со всяких людей собирать боярину князю Борису Михайловичу Лыкову, да окольничему Василью Гавриловичю Коробину да Чюдовскому архимариту Феодосью, да дьяком Михайлу Неверову да Науму Петрову*»<sup>38</sup>. Сбор этого налога был поручен выборным торговым людям, которые уже в марте 1634 г. разъехались по городам для сбора в них пятой деньги. Местное население в помощь этим выборным людям выбирало из своей среды окладчиков, которые должны были оценивать имущество своих сограждан, а также составлять окладные росписи для сбора тут же взимаемого налога. На далеких окраинах государства выборных московских торговых людей заменяли местные воеводы. Воеводе Саратова Г. И. Феофила́тьеву пришлось вместе с местными окладчиками осуществлять всю эту работу вплоть до отправки собранных денег и окладных росписей в Москву.

Прежде всего необходимо выяснить, когда воевода Г. И. Феофила́тьев получил государеву грамоту о сборе пятинных денег. Воевода сам писал в своей отписке: «*В прошлом, государь, во 142-м году июня в 8 день в твоей государеве царевице и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси грамоте писано ко мне холопу твоему...*»<sup>39</sup>. В самой Окладной росписи пятинны по городу Саратову запись несколько иная: «*Лета 7142-го июня в 8 день по государеве царевице и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси грамоте Саратовские посацкие люди выборные окладчики ... сами себя и Саратовских посацких торговых людей переписывали, чем кто торгует или хто каким промыслом промышляет*»<sup>40</sup>. Из данного документа следует, что уже 8 июня 1634 г.





окладчики приступили к переписи населения Саратова. В документах того времени фраза типа «8 июня писали нам в Саратов» означала не время написания данного документа в Москве, а время получения его уже в Саратове.

В любом случае данный документ убедительно свидетельствует, что в мае-июне 1634 г. воеводой Саратова был именно Григорий Иванович Феофилачев. Уже весной 1634 г. он уехал из Москвы к новому месту службы в Саратов. Это произошло не в 1635 г., как считал А. А. Гераклитов, и не в 1636 г., как писал А. П. Барсуков, а значительно раньше<sup>41</sup>. Возможно, Григорий Феофилачев прибыл из Казани в Саратов с первым весенним караваном, хотя не исключено, что новый воевода приехал в Саратов ещё раньше, по зимнему санному пути в феврале-марте 1634 г. прямо из Москвы.

Во всяком случае, в Москве уже весной 1634 г. знали, что Григорий Феофилачев приступил к обязанностям воеводы Саратова. Гонец из Москвы 8 июня 1634 г. (или «*приблизительно в начале следующего месяца июля*»), как считал П. П. Смирнов) доставил в Саратов новому воеводе наказ о сборе пятинных денег. Согласно этому наказу воевода Григорий Феофилачев должен был собрать деньги со всех саратовских посадских «*и со всяких торговых людей и с сосед и с подсоседников с их животов и с торгов*» пятинные деньги для выплаты жалования «*государевым ратным людям, которые стояли с боярином и с воеводами со князем Дмитрием Мамстрюковичем Черкасским*». Князя Д. М. Черкасский и Д. М. Пожарский возглавляли после казни боярина М. Б. Шеина русскую армию.

Получив эту грамоту, воевода Г. И. Феофилачев собрал всех посадских людей в съезжую избу (по-видимому, перед ней на площади, так как в самой избе посадские люди не могли поместиться) и велел прочитать им эту грамоту. По его требованию посадские люди выбрали из своей среды пятерых окладчиков. Это были наиболее уважаемые и богатые люди. Выборную память на этих людей «*за своими руками*» посадские люди принесли к воеводе Григорию Феофилачеву в съезжую избу. В этом документе было написано, что окладчики – «*люди добрые и душою прямы и прожиточны*»<sup>42</sup>.

Кто же были эти наиболее уважаемые люди Саратова? Их имена известны, как известны их занятия и размер доходов. Это Степан Трофимов (рыбный промысел, 25 рублей), Ивашко Ульянов (лавочный промысел, 26 рублей), Олферко Степанов (лавочный промысел, 45 рублей), Томилко Ондреев (лавочный промысел, 15 рублей) и Петрунька Горшков (лавочный промысел, 25 рублей). Выборные окладчики переписали себя и всех посадских и торговых людей, «*и сосед и подсоседников, кто чем торгует и каким промыслом промышляет, ... окладывали пятиною денгою своих пожитков и с торговых людей*

*всяких порознь вправду ... по крестному целованью*»<sup>43</sup>. Результатом их работы стала окладная роспись 1634 г. по городу Саратову. Эта роспись была скреплена двумя саратовскими священниками. Благодаря данной скрепе мы узнаём, что в Саратове в 1634 г. при воеводе Григории Феофилачеве стояла соборная церковь Св. Николая Чудотворца. В этой Никольской церкви служил соборный поп Василий.

На рисунке Олеария эта церковь изображена в самом центре города четвертой башней справа вместе с колокольной. Кроме Никольской в Саратове была ещё одна церковь (неизвестно какого престола), в которой служил поп Самсон. Скорее всего, именно она изображена на рисунке Олеария крайней справа на окраине города. Это низенькое деревянное здание с небольшой главкой и крестом на ней. Все остальные здания с шатровым верхом, несмотря на наличие на них крестов, – скорее всего, крепостные башни.

Согласно данной росписи, скрепленной двумя попами и двумя окладчиками, воевода Г. И. Феофилачев, собрав пятинные деньги (всего было собрано 121 рубль 23 алтына и 4 деньги, но не «21 руб. 71 коп.», как записано в Энциклопедии Саратовского края), отправил их 11 января 1635 г. в Москву с саратовским целовальником Микитой Терентьевым. Как видим, сбор пятинных денег растянулся почти на полгода. По-видимому, это было связано с завершением торговых операций местных жителей и отсутствием у них наличных денег. В Москве эти деньги вместе с окладной росписью и воеводской отпиской были получены 13 февраля. Зимняя дорога напрямую из Саратова до Москвы через пустынные земли мордвы заняла у целовальника Микиты Терентьева немногим более месяца.

Эта окладная роспись пятины 1634 г. по городу Саратову является важным источником для внутренней статистической и экономической истории левобережного Саратова. Роспись содержит имена 32 саратовских земских или посадских торговых людей, включая пятерых окладчиков (каждый имел свой двор), и 51 человека соседей и подсоседников. Всего перечислено 83 человека с указанием торгового и промысла каждого из них, общей стоимости имущества («животов») и исчисления пятой деньги в размере 20% этой стоимости. Большинство из этих 83 человек было занято рыбным промыслом (50 чел.) и лавочным промыслом (21 чел.). Также в Саратове жили 4 юртовщика, 4 плотника, 3 калашника и 1 сапожник.

Следует учесть, что деньги брали «*со всяких чинов людей, чем кто ни торгует и чей кто ни есть*», ни для кого не делая исключения – ни для белых людей, ни для тарханщиков, ни для маломочных людей. Поэтому можно считать, что в этот список включены все жители города, так или иначе связанные с промыслами и торговлей.

Судя по всему, в Саратове вся торговля и промыслы сосредоточивались в руках посадских



людей, а также соседей и подсоседников<sup>44</sup>. Таким образом, немногим более 30 дворов посадских людей в 1634 г. составляли неслужилую черную слободу города Саратова, в которой жило 32 посадских торговых человека. Намного больше дворов было у служилых людей (стрельцов, детей боярских и др.), которых насчитывалось свыше 400 человек. У 51 человека соседей и подсоседников не было собственных дворов, они жили в чужих дворах – как посадских, так и служилых людей. В своей массе эти соседи и подсоседники представляли всё нетягкое, ненеслужилое и нецерковное вольное гулящее население Саратова. Эти сведения до некоторой степени восполняют недостаток писцовых данных по Саратову XVII в. Окладная роспись позволяет установить сравнительную состоятельность как саратовских посадских людей, так и соседей и подсоседников, а также степень участия этих групп населения в местных торгах и промыслах лично и своим капиталом.

Попытаемся установить, чем занимались посадские люди, а также соседи и подсоседники. Естественно, подавляющее большинство посадских людей было намного богаче соседей и подсоседников. Размер «живота» **посадских людей** оценивался в пределах 10–60 рублей (15 человек, занятых лавочным промыслом, и 5 человек, занятых рыбным промыслом). Остальные посадские имели размер живота от 2 до 8 рублей. Это 2 человека, занятых лавочным промыслом, 6 – рыбным промыслом, 1 – рыбной ловлей (непонятно, в чем отличие от рыбного промысла), 2 – калашным промыслом, а также один сапожник.

Из 32 посадских людей большая часть была занята лавочным промыслом – 17 человек. Это были наиболее богатые люди, их общий суммарный размер живота оценивался в 381 рубль. В рыбном промысле и рыбной ловле было занято 12 посадских людей, общий размер живота которых оценивался в 136,5 рубля. Два калашника и сапожник были оценены в 12,5 рубля. Таким образом, общий капитал всех 32 посадских людей был оценен в 530 рублей.

Что касается **соседей и подсоседников**, то здесь имеется некоторое отличие от посадских людей как в роде занятий, так и в размере живота. Их капитал оценивался в пределах 1–5 рублей. Соседей и подсоседников, имеющих капитал от 3 до 5 рублей было всего шестеро, а у остальных 45 человек размер живота составлял 1–2,5 рубля. Все 51 человек из данной категории в сумме имели всего лишь 78,5 рубля.

Большинство соседей и подсоседников было занято рыбным промыслом – 38 человек (60,5 руб.). В Энциклопедии Саратовского края ошибочно записано, что «из 51 семьи соседей и подсососедников в рыбном промысле участвовали 49 чел.». Лавочным промыслом было занято всего 3 человека (6,5 руб.), рыбной ловлей – 1 (1 руб.), калашным промыслом – 1 (1,5 руб.). Зато только

соседи и подсоседники занимались юртовым (4 человека – 4,5 руб.) и плотничьим промыслом (4 человека – 4,5 руб.).

Из общей суммы в 608,5 рубля посадским людям принадлежало свыше 87%, а соседям и подсоседникам, хотя их было значительно больше, – всего 13%. В среднем соседи и подсоседники обладали имуществом в 11 раз меньшим, чем у посадских людей (16 рублей и 1,5 рубля). При таких условиях мы можем считать соседей и подсоседников неустойчивым элементом, преимущественно бестяглым. Это были вольные люди, которые с небольшими запасами пробирались в окраинный город, жили по чужим дворам, находя себе занятие в рыбных промыслах, чаще всего в чужих. Также они занимались юртовым промыслом, плотничали, пекли калачи и приторговывали по мелочи. О том, что это был пришлый элемент, свидетельствуют прозвища некоторых из этих людей (Гороховленин, Вятченин, Суздальцов и др.).

До последнего времени в исследованиях по истории первоначального и левобережного Саратова ни разу не упоминались имена жителей этого города. Обычно указывались только имена некоторых воевод и стрельцких голов. Поэтому стоит привести имена простых жителей Саратова, которые действительно проживали в этом городе в 1634 г., когда в город приехал новый воевода Григорий Иванович Феофилачев.

Самыми богатыми людьми в городе были занятые в **лавочном промысле** Ивашка Филиппев (60 руб.), Сенка Овсянников (50 руб.), окладчик Олферко Степанов (45 руб.), Ивашка Олтина (35 руб.), окладчики Ивашко Ульянов (26 руб.) и Петрунка Горшков (25 руб.), целовальник Микитка Терентьев (25 руб.), Полунка Семенов (21 руб.), Микитка Родионов (16 руб.), окладчик Томилко Ондреев (15 руб.).

Среди занятых в **рыбном промысле** выделялись своим капиталом окладчик Степан Трофимов (25 руб.), Оска Кривоносов (25 руб.), Митка Родионов (20 руб.), Мишка Кисельников (17 руб.).

Остальные посадские люди имели небольшой капитал, не превышающий 10 рублей. Это были занятые в лавочном промысле Васка Агафонов, Володка Никитин, Ивашко Сухой, Онофрейко Васильев, Онтошка Перфильев, Филка Родионов, Ортюшко Черной.

Такой же небольшой капитал имели занятые в рыбном промысле Тимошка Иванов, Офонка Яковлев (в рыбной ловле), Карпунка Степанов, Оска Офонасьев, Офонка Володимиров, Ивашко Прокофьев, Тимошка Бекеш, Сенка Ильин. Калашники Гаранка Васильев и Мартышко Фомин имели 8 и 3 рубля, а сапожник Фролка Максимов – всего 1,5 рубля.

Среди **соседей и подсоседников** стоит упомянуть занятых в лавочном промысле относительно богатого Пронку Фролова (4 рубля), и маломощных Ивашку Баловня и Тренку Власьева (1–1,5 рубля). По сравнению с ними несколько



богаче были заняты рыбным промыслом Юрка Иванов (5 рублей), Вавилко Яковлев, Тараско Петров, Овдокимко Баженов, Гаврилко Федоров, Кондрашко Замяткин, Любимко Рожа, Любимко Фомин, Гришка Яковлев, Лучка Константинов, Сенка Цыпин (по 2–3 рубля).

Остальные 37 соседей и подсоседей были маломощными (их капитал составлял 1–1,5 рубля). Это были занятые рыбным промыслом и рыбной ловлей Агейко Лаврентьев, другой Гришка Яковлев, Ивашко Ботемской, Олешка Иванов, Фетка Матушкин, Лучка Вятченин (возможно, приехал из Вятки), Ивашко Давыдов, Гришка Зотов, Лучка Татарин (новокрещенец либо мусульманин), Серешка Малафьев, Тренка Гороховленин (приехал из Гороховца), Гаврило Елизарьев, Панка Ондреев, Якушка Федоров, Васка Кулпа, Микитка Иванов, Ивашко Седенькой, Якушка Горкунов, Ортношко Максимов, Исачко Олферьев, Мишка Федоров, Мишка Тиханов, Епишка Ондреев, Ивашко Проскурнин (возможно, мать была проскурница), Ивашка Максимов, Сережка Оксин, Олешка Суздальцов (приехал из Суздаля), Ивашко Иванов, Сидорко Осипов.

Бахтеар Комнин имел калашный промысел, Ивашко Турус, Корпушко Китаев, Илюшка Семенов, Елфимко Ермольев – юртовой промысел, а Ивашко Фролов, Якушко Григорьев, Гордюшка Матвеев, Митка Иванов – плотничный.

При предшественнике Г. И. Феофилаьева воеводе Саратова С. В. Чемесове началось освоение богатств окрестностей города московским Новоспасским монастырем, который постепенно стал захватывать все прибыльные рыбные ловли и имел значительные привилегии. Всё началось в 1631 г., когда архимандриту этого монастыря Иосифу с братией были пожалованы рыбные ловли на оброк в саратовских иргизских водах, «а оброку указали имати с тех рыбных ловель по двадцати рублей на год». Ранее этот монастырь имел рыбные ловли далеко на севере, в Варзуге, что было убыточно для монахов. Эту грамоту от 26 декабря 1631 г. привез из Москвы саратовскому воеводе Степану Чемесову служка Новоспасского монастыря Перфилько Мелентьев 17 февраля 1632 года<sup>45</sup>. При воеводе Г. И. Феофилаьева в марте 1635 г. эти саратовские иргизские ловли было велено отписать на государя, а вместо них Новоспасский монастырь по челобитной архимандрита Иосифа получил саратовские подгородные Курдюмские и Чирлатовские рыбные ловли. Ранее эти ловли находились на оброке за нижегородскими посадскими людьми «за Богдашком Кокшаровским да за Ивашком Охтиным с товарищи». Размер оброка остался прежним – 20 рублей<sup>46</sup>. По указанию из приказа Казанского дворца воевода Г. И. Феофилаьев отдал саратовские иргизские ловли откупщику нижегородцу Матюшке Козлову.

Не прошло и года, как монастырская братия выяснила, что новые Курдюмские и Чирлатовские рыбные ловли не прибыльны, так как монастырю

была дана на них «одна летняя ловля, а осенней рыбной ловли и зимнего промыслу не дано». После очередной челобитной архимандрита Иосифа последовала новая грамота воеводе Г. И. Феофилаьеву из приказа Казанского дворца от 22 марта 1636 года. В соответствии с этим указом, начиная с 26 декабря 1636 г., «как откупной срок Нижегородцу Матюшке Козлову дойдет», Новоспасский монастырь мог владеть по-прежнему старыми Иргизскими ловлями, но теперь уже круглый год. Воеводе Григорию Феофилаьеву также было приказано Курдюмские и Чирлатовские воды отдать на откуп с прибылью, «для чего на Саратове на торгу кликати бирючу по многие торговые дни»<sup>47</sup>.

В Саратове в период пребывания на воеводстве Г. И. Феофилаьева находились дворовые места, амбары и склады крупнейшего ярославского гостя Надеи Светешникова. Известно, что этот предприниматель занимался наряду с другими торговыми и промышленными операциями завозом хлеба из центральных районов страны в Астрахань. По-видимому, гарнизон и жители Саратова также покупали этот хлеб (хлебного жалования служилым людям явно не хватало). Свою торговлю хлебом с Астраханью Н. Светешников осуществлял и в 1630-е, и в 1640-е гг., даже тогда, когда основное внимание этого гостя было обращено на Самарскую Луку, где он создал промыслово-земледельческий и военный комплекс Надеинское Усолжье<sup>48</sup>.

Только после угасания промышленной «империи» Светешниковых в 1652 г. их дворовое место в Саратове и ещё три дворовых места были пожалованы все тому же Новоспасскому монастырю<sup>49</sup>.

Город Саратов, с того момента, когда туда прибыл воевода Г. И. Феофилаьев, стал для Новоспасского монастыря базой: здесь находились монастырские амбары, склады, постоянная контора монастыря для управления Волжскими и Иргизскими рыбными ловлями. Монастырь сам занимался доставкой соли и рыбы из Саратова в Москву.

Летом 1636 г. жители левобережного Саратова и воевода Григорий Феофилаьев впервые встречали у себя грузинских послов во главе с нареченным митрополитом греком Никифором, которого царь Теймураз отправил в Москву с просьбой о помощи и с призывом к объединению всех христианских сил (в Москву послы прибыли 8 октября). Подробности этого пребывания грузинского посла в Саратове неизвестны (следующие приезды митрополита Никифора в Саратов хорошо освещены в источниках). Скорее всего, митрополит Никифор в сопровождении соборного попа Василия посетил Никольскую церковь, присутствовал на службе. Последний раз грузинские послы приезжали в Москву 30 лет назад, накануне Смутного времени в 1604 г.

Вскоре после отъезда грузинских послов из Саратова в Москву мимо города проплывал ко-





рабль с голштинскими послами, среди которых был Адам Олеарий. Однако, это событие мало отразилось на жизни левобережного Саратова. Большой парусный корабль, на котором находились голштинские послы, не делал остановки в этом городе, а пользуясь попутным ветром, 1 сентября 1636 г. проплыл мимо.

О втором посещении митрополитом Никифором Саратова летом 1637 г., а также о лицах, сопровождавших его в этой поездке, стоит остановиться более подробно. Это посещение доставило немало хлопот воеводе Григорию Феофилаьеву под самый конец его саратовской службы. 25 июня 1637 г. митрополит Никифор выехал из Москвы. Вместе с грузинским послом было отправлено к царю Теймуразу русское посольство князя Федора Федоровича Волконского и дьяка Артемия Хватова<sup>50</sup>.

В состав данного посольства кроме переводчиков, толмачей, подъячих, кречетников и др. входили многие известные церковные деятели, среди которых можно назвать архимандрита Ипатьевского монастыря Иосифа, а также Арсения Суханова. Они везли с собой к царю Теймуразу большое количество книг и церковной утвари (в том числе около 300 икон), а иконописцы и «оконные мастера» – все необходимое для своего ремесла («500 листов золота красного, 500 листов золота двойного, 1000 листов серебра и т. д.»)<sup>51</sup>.

Если учесть, что отъезд послов из Москвы состоялся 25 июня 1637 г., а из Астрахани послы отплыли в первых числах октября и уже 10 октября были в Терском городке, то можно предположить, что в августе 1637 г. посольский караван проплыл мимо Саратова, где сделал кратковременную остановку. Воеводе Феофилаьеву пришлось не только встречать и провожать этот караван, но и выделить для сопровождения знатных послов значительные силы местного гарнизона. А. А. Герасимов к августу 1637 г. относит смену саратовских воевод: прежний воевода Григорий Иванович Феофилаьев передавал дела новому воеводе князю Ивану Федоровичу Большому Шаховскому<sup>52</sup>. Возможно, новый воевода прибыл в Саратов вместе с посольским караваном. После передачи дел и выполнения необходимых формальностей Григорий Феофилаьев осенью 1637 г. вернулся в Москву. Возможно, вместе с ним в Саратове находилась его семья. Известен его сын, Василий Григорьевич, который дослужился до чина стольника и так же, как отец, был воеводой в Саратове (1650–1651 гг.).

О дальнейшей судьбе Г. И. Феофилаьева сведений почти не сохранилось. Он вместе с сыном Василием упоминается в Боярской книге 1639 г.

Таковы основные этапы жизненного пути одного из малоизвестных воевод Саратова, Григория Ивановича Феофилаьева.

Хочется надеяться, что эта первая попытка воссоздания биографии одного из воевод Саратова, несмотря на отрывочность и фрагментарность

приведенных сведений, заинтересует не только саратовских краеведов, позволит полнее представить образ этого человека, а также открыть новые страницы истории левобережного Саратова.

## Примечания

- <sup>1</sup> Герасимов А. А. Список Саратовских и Царицынских воевод XVII в. // Труды СУАК. Вып. 30. Саратов, 1913. С. 66; Барсуков А. Списки городовых воевод и других лиц воеводского управления Московского государства XVII столетия по напечатанным правительственным актам. СПб., 1902. С. 584.
- <sup>2</sup> Записная книга Московского стола, 1636–1637 г. // РИБ. СПб., 1886. Т. 10. С. 7.
- <sup>3</sup> Семенов В. Н. Начальные люди Саратова. От первого воеводы до последнего первого секретаря. Саратов, 1998. С. 34.
- <sup>4</sup> Жильцы – категория служилых людей по отчеству, занимающая промежуточное положение между чинами московскими и городовыми. Они жили по выбору некоторое время в Москве. По своему статусу близки к дворянам по выбору.
- <sup>5</sup> См.: *Станиславский А. Л.* Труды по истории государева двора в России XVI–XVII веков. М., 2004. С. 210, 232, 273, 348.
- <sup>6</sup> См.: Разрядная книга 1475–1598 гг. М., 1966. С. 339; Разрядная книга 1559–1605 гг. М., 1974. С. 195–196, 234.
- <sup>7</sup> Возможно, некоторую информацию о нашем герое содержит Родословная роспись Кузьминых-Караваевых и Феофилаевых, выписки из которой приведены в Актах Александра Юшкова (родосл. столб. № 88, склейка 9). См.: Акты XIII–XVII вв., представленные в Разрядный приказ представителями служилых фамилий после отмены местничества / собр. и изд. А. Юшков. Ч. 1 (1257–1613 гг.). М., 1898. № 261. С. 279–280.
- <sup>8</sup> Боярский список 1606–1607 гг. с указанием об участии в боевых действиях против восставших // Народное движение в России в эпоху Смуты начала XVII века, 1601–1608: сб. документов / отв. ред. Н. М. Рогожин. М., 2003. № 39. С. 140.
- <sup>9</sup> Разрядные столбцы 122–124 гг. сыска денежных окладов // Четвертики Смутного времени. 1604–1617 гг. (Смутное время Московского государства. Вып. 9) / пред. Л. М. Сухотина. ЧОИДР. 1912. Кн. 2. С. 197. См. также: *Сухотин Л. М.* Предисловие // Там же. С. XX–XXI.
- <sup>10</sup> См.: *Белокуров С.* Разрядные записи за Смутное время // ЧОИДР. 1907. Кн. 2 (221). С. 15.
- <sup>11</sup> См.: *Тюменцев И. О., Тюменцева Н. Е., Тупикова Н. А.* Дело дворянина Григория Аргамакова как источник по истории суздальского дворянства // Вестн. Волгоград. ун-та. Сер. 4. История. Регионоведение. Международные отношения. 2008. № 1(13). С. 132.
- <sup>12</sup> См.: *Сторожев В. Н.* Боярский список 119-го году, сочинен до московского разорения при Литве с письма думного дьяка Михаила Данилова // Сторожев В. Н. Материалы по истории русского дворянства. ЧОИДР. 1909. № 3(230). С. 95.

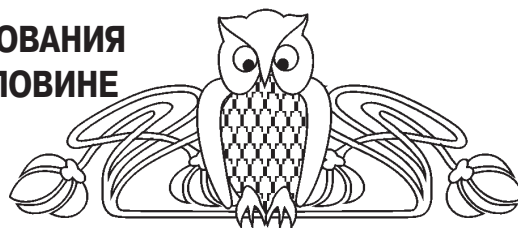


- <sup>13</sup> Дворцовые разряды по высочайшему повелению изданные II отделением собственной ЕИВ канцелярии. Т. 1. СПб., 1850. Стб. 153. См. также: Разрядные книги 1598–1638 гг. М., 1974. С. 297.
- <sup>14</sup> Книги разрядные по официальным оных спискам. Т. 1. (1614–1627). СПб., 1853. Стб. 80.
- <sup>15</sup> Книга, а в ней писаны бояре, и окольничие и думные люди с денежными оклады, а стольники, и стряпчие и дворяне московские, и дьяки, и жильцы из городов ... 124 году // Акты Московского государства, изданные Академией Наук / под ред. Н. А. Попова. Т. 1. (1571–1634). СПб., 1890. № 108. С. 146.
- <sup>16</sup> Осадный список 1618 г. // Памятники истории Восточной Европы. Т. VIII / сост. Ю. В. Анхимюк, А. П. Павлов. М.; Варшава, 2009.
- <sup>17</sup> Дворцовые разряды. Т. 1. Стб. 297; Книги разрядные. Т. 1. Стб. 407.
- <sup>18</sup> Дворцовые разряды. Т. 1. Стб. 350; Книги разрядные. Т. 1. Стб. 545.
- <sup>19</sup> Славянская энциклопедия. XVII век : в 2 т. Т. 1. А–М / автор-сост. В. В. Богуславский. М., 2004. С. 560.
- <sup>20</sup> *Герасимов А. А.* Указ. соч. С. 66.
- <sup>21</sup> См.: *Станиславский А. Л.* Гражданская война в России XVII в. Казачество на переломе истории. М., 1990.
- <sup>22</sup> Дворцовые разряды Т. 1. Стб. 440; Книги разрядные. Т. 1. Стб. 874.
- <sup>23</sup> См.: Дворцовые разряды Т. 1. Стб. 462, 524; Книги разрядные. Т. 1. Стб. 765.
- <sup>24</sup> Книги разрядные. Т. 1. Стб. 928.
- <sup>25</sup> См.: *Герасимов А. А.* Указ. соч. С. 66.
- <sup>26</sup> См.: Дворцовые разряды Т. 1. Стб. 729; Новый летописец // Полное собрание русских летописей (ПСРЛ) Т. 14. Первая половина. СПб., 1910. С. 152.
- <sup>27</sup> *Татищев В. Н.* История Российская : в 7 т. Л., 1968. Т. 7. С. 167.
- <sup>28</sup> См.: *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен // Соловьев С. М. Соч. : в 18 кн. М., 1995. Кн. V. Т. 9. С. 163–164.
- <sup>29</sup> *Филатова Т.* «А к шаху в его платье не ходити». Российские дипломаты при дворе Аббаса Великого // Родина. 2009. № 12. С. 158–161.
- <sup>30</sup> *Валишевский К.* Первые Романовы. М., 1993. С. 47; *Соловьев С. М.* Указ. соч. Т. 9. С. 163–164.
- <sup>31</sup> *Татищев В. Н.* Указ. соч. С. 168.
- <sup>32</sup> Записные книги Московского стола 1633/1634 г. // РИБ. СПб., 1884. Т. 9. С. 539.
- <sup>33</sup> *Богоявленский С. К.* Приказные судьи XVII века. М.; Л., 1946. С. 139, 153, 299.
- <sup>34</sup> Книги разрядные. Т. 2. Стб. 819.
- <sup>35</sup> Там же. Стб. 922.
- <sup>36</sup> Там же. Стб. 927–929.
- <sup>37</sup> См.: *Сташевский Е. Д.* Пятина 142 года и торго-  
во-промышленные центры Московского государства // ЖМНП. 1912. Кн. IV, V.
- <sup>38</sup> Книги разрядные. Т. 2. Стб. 611–627 (цитата – стб. 621).
- <sup>39</sup> Отписка Саратовского воеводы Григория Ивановича Феофиладельца о сборе пятинных денег и отсылке их вместе с окладной росписью в Москву 11 января 1635 года // Труды СУАК. Вып. 33. Саратов, 1916. С. XII–XIII.
- <sup>40</sup> Окладная роспись пятины 142 года по городу Саратову // Там же. С. XIII.
- <sup>41</sup> См.: *Герасимов А. А.* Список Саратовских и Царицынских воевод XVII в. С. 66; *Барсуков А.* Списки городовых воевод... С. 202.
- <sup>42</sup> Отписка Саратовского воеводы Григория Ивановича Феофиладельца // Труды СУАК. Вып. 33. С. XII.
- <sup>43</sup> Окладная роспись пятины 142 года по городу Саратову // Там же. С. XIII.
- <sup>44</sup> *Смирнов П. П.* Окладная роспись пятины по городу Саратову 1634 года. С. VI.
- <sup>45</sup> Грамота из приказа Казанского дворца к саратовскому воеводе Степану Васильевичу Чемесову о пожаловании Новоспасского монастыря архимандриту Иосифу с братьями рыбных ловель на оброк в саратовских иргизских водах. Москва. 1631 г., декабря 26 // Труды СУАК. Саратов, 1888. Т. 1. Вып. 4. С. 439–441.
- <sup>46</sup> Грамота из Приказа Казанского дворца к саратовскому воеводе Григорию Ивановичу Феофиладельцу об отдаче на оброк Новоспасскому монастырю (архим. Иосифу) саратовских подгородних Курдюмских и Чирлатовских рыбных ловель, вместо Иргизских, которые велено отписать на государя. Москва. 1635 г., марта 12 // Там же. С. 441–445.
- <sup>47</sup> Грамота из Приказа Казанского дворца к воеводе Феофиладельцу об отдаче Новоспасскому монастырю вместо Курдюмских и Чирлатовских вод ... по-прежнему Иргизских вод. 1636, марта 22 // Там же. С. 445–446.
- <sup>48</sup> *Дубман Э. Л.* Промысловое предпринимательство и освоение Понизового Поволжья в конце XVI – XVII в. Самара, 1999. С. 184–192.
- <sup>49</sup> Грамота из Приказа Казанского дворца к саратовскому воеводе стольнику Алексею Пантелеевичу Чирикову о пожаловании Новоспасскому монастырю в г. Саратов дворового места бывшего Светешникова и ещё трех дворовых мест. 1652, мая 24 // Труды СУАК. Саратов, 1888. Т. 1. Вып. 4. С. 446.
- <sup>50</sup> Дворцовые разряды. Т. 2. Стб. 535.
- <sup>51</sup> *Накашидзе Н. Т.* Грузино-русские политические отношения в первой половине XVII в. Тбилиси, 1968. С. 112, 125; *Белокуров С. А.* Поездка старца Арсения Суханова в Грузию (1637–1640) // Христианское чтение. 1884. Март-апрель.
- <sup>52</sup> *Герасимов А. А.* Список Саратовских и Царицынских воевод XVII в. // Труды СУАК. Саратов, 1913. Вып. 30. С. 66.



УДК 378 (091)

## ИЗ ИСТОРИИ ВЫСШЕГО ЖЕНСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА (по материалам Казанского учебного округа)



Я. Б. Руднева

Государственный торгово-технологический институт,  
г. Набережные Челны  
E-mail: ya.rudneva@rambler.ru

В статье на примере высших учебных заведений, открытых в г. Саратове в 1909–1915 гг., рассматривается история становления женского образования в Российской империи. В исторической ретроспективе представлена эволюция профессионального статуса женщин, получивших высшее образование во второй половине XIX – начале XX в. от первых в Саратовской губернии врачей до первых научных работников Саратовского университета. Работа включает широкий круг источников: законодательные акты, делопроизводственную документацию Министерства народного просвещения и высших учебных заведений, источники личного происхождения.

**Ключевые слова:** высшее женское образование, Саратовский университет, Саратовские высшие сельскохозяйственные курсы, Высшие женские медицинские курсы при Саратовском санитарном обществе.

**From the History of Higher Female Education in the  
Russian Empire in the Second Half of 19<sup>th</sup> – the Beginning  
of 20<sup>th</sup> Century (in Kazan Educational District)**

Ya. B. Rudneva

In the article the author considers the history of higher female education coming-to-be in the Russian Empire, basing on the example of higher educational institutions, established in Saratov in 1909–1915. The professional status evolution of the women who got higher education in the second half of 19<sup>th</sup>-the beginning of 20<sup>th</sup> centuries is presented in the historic retrospect: from the first doctors of Saratov guberniya to the first scientific staff of Saratov university. The work includes a wide range of resources: legislative documents, clerical documents of the Ministry of Public Education and higher educational institutions, the resources of personal origin.

**Key words:** higher female education, Saratov university, Saratov higher agricultural courses, Higher female medical courses attached to Saratov Sanitary society.

Высшее образование – это институциональная система, мотивирующая направление социальной деятельности индивида и формирующая его культурную идентичность. В связи с этим в специальном изучении нуждается процесс возникновения и развития высшего женского образования в Российской империи во второй половине XIX – начале XX в.: во-первых, как исторический опыт взаимодействия государства и общества, так как интеграция женщин в образовательное пространство высшей школы свидетельствовала

о предпосылках формирования российского гражданского общества<sup>1</sup>; во-вторых, как пример трансформации традиционных институциональных форм – высшие женские курсы, возникшие в России благодаря общественной инициативе в 1870-е гг., не имели аналогов в образовательной практике европейских стран. Наконец, особый интерес представляет «вторичная социализация»<sup>2</sup> образованных женщин в профессиональной сфере.

В Саратове высшие учебные заведения появились в начале XX в. В течение непродолжительного времени были открыты учреждения различных типов и подведомственности: Императорский Николаевский университет (1909), Императорского русского музыкального общества Алексеевская консерватория (1912), высшие сельскохозяйственные курсы Саратовского общества сельского хозяйства (1913), высшие женские курсы Саратовского санитарного общества (1915). Университет до 1915 г. являлся исключительно «мужским», консерватория и сельскохозяйственные курсы предполагали совместное обучение, медицинские курсы Санитарного общества предназначались специально для женщин. Такое многообразие типов учебных заведений определило уникальность саратовского опыта в истории высшего образования. В то же время необходимо иметь в виду, что выпускницы первых высших женских курсов – врачи и учителя – начали свою деятельность в Саратовской губернии<sup>3</sup> в 1880-е гг. Исследование их биографий позволит проследить эволюцию профессионального статуса женщин с высшим образованием от вольнонаемных врачей до научных работников.

Первыми женщинами с высшим образованием в Саратовской губернии стали выпускницы врачебных курсов, открытых в Петербурге при Медико-хирургической академии 2 ноября 1872 г. Особый курс для образования ученых акушерок – первый в Европе – был учрежден в виде опыта и первоначально предполагал обучение по специальной программе, рассчитанной на четыре года. Дальнейшей «идентификации общеврачебного и женского врачебного образования»<sup>4</sup> способствовала реорганизация этого учебного заведения в 1876 г. в пятилетние Женские врачебные курсы при Николаевском военном госпитале. В 1880 г. выпускницам курсов был присвоен нагрудный знак отличия с буквами «ЖВ» (женщина-врач),





а с 1883 г. – особое звание врача женщин и детей, которое давало право заниматься акушерской, женской и детской практикой в качестве вольнопрактикующего специалиста. Курсы просуществовали с 1872 по 1887 г., выпустив 698 профессиональных медиков. Из них, по сведениям медицинского департамента МВД, в 1888 г. «состояло при больницах и думскими врачами г. Санкт-Петербурга 66, находились на земской службе при больницах и участках 92, занимались вольною практикой 540»<sup>5</sup>.

Формально уровень врачебных курсов расценивался государственными чиновниками как «низшая степень медицинского образования»<sup>6</sup>, но в 1880–1890-е гг. выпускницы курсов стали единственной категорией российских женщин, добившейся правовых гарантий в сфере высшего образования и связанного с ним профессионального статуса. Впрочем, профессиональная деятельность женщин-врачей имела ряд существенных ограничений. Во-первых, они были лишены возможности претендовать на государственную службу, обеспечивавшую постоянный доход, льготы по выслуге и пенсию. Во-вторых, служба в земских учреждениях была для них затруднена из-за узкой специализации и запрета на заведование больницами и приемными покоями, расположенными на территории земских медицинских участков. Наконец, «Правила о правах лиц женского пола, окончивших образование на упраздненных женских курсах при Николаевском военном госпитале»<sup>7</sup>, законодательно закрепившие положение женщин-врачей в профессиональной сфере, были официально обнародованы лишь спустя 20 лет после открытия курсов. Последнее обстоятельство неоднократно давало повод губернскому начальству отказывать выпускницам курсов в приеме на работу или увольнять их, ссылаясь на отсутствие необходимого образования. «Оглядываясь назад, – вспоминала выпускница курсов Н. П. Драгневич, – невольно сожалеешь о бесплодной борьбе против правоспособности женщин-врачей, борьбе тем менее понятной, что в то время, как она происходила, большая часть нашего отечества находилась в медицинском отношении в распоряжении фельдшеров...»<sup>8</sup>.

Трудности адаптации женщин в медицинском сообществе были связаны не только с законодательными ограничениями. На протяжении нескольких десятилетий они вынуждены были доказывать окружающим собственный профессионализм, и в первую очередь коллегам-мужчинам, многие из которых были убеждены, что «порядочный фельдшер может лечить лучше, нежели самая ученая женщина-врач»<sup>9</sup>.

Причины недоверия в медицинской среде к профессиональной пригодности женщин коренились в устойчивых стереотипах общественного сознания, сформировавшихся в условиях традиционного распределения социальных ролей по половому признаку. Согласно распространенным пред-

ставлениям, четко разделявшим сферу социальной деятельности на мужскую и женскую, равенство в положении мужчины и женщины являлось недопустимым<sup>10</sup>. Однако от женщин, избравших медицинское поприще, требовалось проявление не столько мужественности, сколько настоящего мужества, так как ни одна профессия в России не представляла «такой ранней инвалидизации, столь краткой средней продолжительности жизни, как врачебная»<sup>11</sup>. Кроме того, выпускницы врачебных курсов, средний возраст которых составлял 27 лет (около 36% были старше), сознательно обрекали себя и на личную неустроенность.

Биографии первых женщин-врачей Саратовской губернии типичны в отношении вышеуказанных особенностей интеграции в медицинское сообщество. Большинство из них, преодолевая недоверие окружающих, были вынуждены начинать врачебную деятельность неофициально и доказывать свое право на выбранную профессию самоотверженным и часто безвозмездным трудом. Так, в мае 1885 г. Саратовское отделение общества Красного Креста обратилось к городским властям с ходатайством об утверждении на должность врача одного из отделений приемного покоя для бедных выпускницы врачебных курсов Марии Игнатьевны Островской-Горенбург (1847–1915). Необходимость назначения именно женщины была продиктована тем, что отделение покоя, расположенного в одном из самых неблагополучных районов Саратова («на горах»), пользовалось особой популярностью у «беременных и одержимых венерическими и разными женскими болезнями», а также матерей, имевших малолетних детей<sup>12</sup>. Кроме того, М. И. Островская-Горенбург уже имела трехлетний опыт работы, безвозмездно оказывая медицинскую помощь воспитанникам 2-го детского приюта имени М. Н. Галкина-Враского.

Обсуждение кандидатуры М. И. Островской-Горенбург вызвало у гласных городской думы неоднозначную реакцию. Противники эмансипации, в том числе врач И. Т. Нерода, высказались в том духе, что «для многих больных мужского пола обращаться к врачу женщине стеснительно», а «для подачи пособия женщинам беременным и одержимым специальными болезнями на Горах имеются городская акушерка и фельдшерница...»<sup>13</sup>. Несмотря на отсутствие претендентов, дума единогласно постановила пригласить на должность врача мужчину. Только в августе 1885 г. по повторному ходатайству общества Красного Креста гласные утвердили М. И. Островскую-Горенбург с оговоркой «до уяснения, как пойдет дело»<sup>14</sup>.

Дело действительно «пошло»: к декабрю 1885 г. среднее количество посещений приемного покоя увеличилось по сравнению с началом года в 10 раз и составило 23 человека в день, в последующие годы М. И. Островская-Горенбург принимала по 45 больных в день<sup>15</sup>. Основным контингентом Марии Игнатьевны были «жены и дети ремесленников, мелких торговцев, извоз-



чиков, прислуга мужская и женская, рабочие с масленок и кирпичных сараев»<sup>16</sup>, обитавшие в 1-й и 4-й частях Саратова. Ее стараниями среди городской бедноты распространялись не только элементарные представления о женской гигиене и правилах ухода за грудными и малолетними детьми, но и доверие к профессионализму медиков, о чем свидетельствовал значительный рост количества повторных посещений приемного покоя.

Уже в апреле 1886 г. гласные думы признали, что первый в истории Саратова опыт по привлечению женщины в качестве врача общей практики оказался «производительным и целесообразным»<sup>17</sup>, еще через три с половиной года, в ноябре 1889 г., были выделены средства на содержание женщины-врача в центральном приемном покое. На это место была назначена Анна Михайловна Суходеева (1859–1892). Завершив образование на врачебных курсах в 1887 г., А. М. Суходеева начала помогать мужу – земскому врачу Камышинского уезда Саратовской губернии – оказывать медицинскую помощь на территории с населением более 73 тыс. человек<sup>18</sup>. В приемном покое Суходеева успела проработать около двух лет и скончалась в феврале 1892 г. от туберкулеза легких<sup>19</sup>. М. И. Островскую-Горенбург на должности заведующей 2-го отделения приемного покоя имени Галкина-Враского в середине 1890-х гг. сменили В. П. Фомина-Осипова, а затем Н. К. Котельникова – обе выпускницы Женских врачебных курсов.

Родная сестра М. И. Островской-Горенбург Варвара Игнатьевна Буховцева (1849–?) окончила врачебные курсы в 1877 г. в числе первых 58 выпускниц. Ее призванием стала педиатрия: с 1879 г. В. И. Буховцева безвозмездно приняла на себя обязанности по врачебному патронажу грудных и малолетних детей саратовского детского приюта «Ясли». Основанный на средства частных благотворителей в 1874 г., приют первоначально предназначался для временного содержания детей, чьи матери вынуждены были работать. В 1876 г. по договоренности с городскими властями «Ясли» стали принимать подкидышей, до этого поголовно умиравших в непригодной для «грудничков» Александровской богадельне. Выхаживать подброшенных детей, вес которых в среднем достигал 4,5–5 фунтов (1,8–2 кг), досталось В. И. Буховцевой. Как педиатр она добилась потрясающих результатов: за десять лет – с 1879 по 1888 гг. – смертность среди воспитанников «Яслей» сократилась в два раза и в последние четыре года существования приюта не превышала 32%<sup>20</sup>. В Саратове за аналогичный период этот показатель держался на уровне 75%<sup>21</sup>. В целях популяризации медицинских знаний среди местного населения в 1882 г. Варвара Игнатьевна опубликовала пособие «Уход за грудными детьми: советы матерям женщины-врача В. И. Буховцевой».

Многие выпускницы врачебных курсов получили известность как активные общественные

деятели, так как «медицина и радикализм» во второй половине XIX в. были двумя тесно взаимосвязанными способами самовыражения российских женщин<sup>22</sup>. Дочь крепостного крестьянина Вера Ивовна Дмитриева (1859–1948), проникшись в ранней юности народническими идеями, устроилась учительницей в село Песчанка Балашовского уезда Саратовской губернии. За агитационную деятельность среди крестьян и публикацию критических заметок в «Саратовском листке» она была уволена земской управой с запрещением заниматься педагогической деятельностью. В 1878 г. В. И. Дмитриева поступила на врачебные курсы в Петербурге. В условиях полунищенского существования, хронического голода, болезней и арестов ей удалось завершить медицинское образование, но по специальности Вера Ивовна работала непродолжительное время.

Как отмечает канадская исследовательница М. Дэвис, в случае с В. И. Дмитриевой трудно разобраться, что больше мешало ей заниматься медицинской практикой – принадлежность к женскому полу или ее политические взгляды<sup>23</sup>. Кроме того, будучи земским врачом-эпидемиологом в Нижнедевицке (1892, 1893) и Задонском уезде (1894) Воронежской губернии, Дмитриева пережила крайнее разочарование в эффективности медицинской помощи в условиях антисанитарии и всеобщей нищеты. «И все напирали на меня, глядя мне в лицо умоляющими глазами, просили лекарства, вопияли о своих недугах, обдавая меня зловонным от цинги и сифилиса дыханием, – описывала Вера Ивовна свои впечатления от посещения деревни Солнцева, – а я чувствовала свое полное бессилие, и все мои лекарства, мои поездки казались мне бессмысленными и жалкими игрушками перед этой все более и более обступающею меня деревенской нищетой...»<sup>24</sup>. С 1895 г. В. И. Дмитриева полностью посвятила себя литературной и просветительской деятельности, став известным прозаиком-реалистом<sup>25</sup>.

В 1895 г. в связи с принятием «Положения о Санкт-Петербургском женском медицинском институте» ряд ограничений в отношении женщин-врачей был снят, а с 1897 г. их стали принимать на государственную службу. По данным «Российского медицинского списка» в 1899 г., в Саратовской губернии трудилось 11 выпускниц врачебных курсов<sup>26</sup>, в том числе Анна Григорьевна Нога-Никольская – первая в истории Саратова женщина-психиатр<sup>27</sup>, Елизавета Александровна Харизоменова-Реброва – активный член Саратовского санитарного общества<sup>28</sup> и Общества взаимопомощи трудящихся женщин, Анна Никифоровна Нисс-Подрезан, практиковавшая в Вольске, и др.

В 1870–1880-е гг. в Российской империи наряду с врачебными курсами действовали учебные заведения, целью которых было дать возможность лицам женского пола получить высшее образование «общее и по специальностям историко-филологической и физико-математической, и



приготовить контингент учительниц для женских среднеучебных заведений»<sup>29</sup>. Речь идет о Высших женских курсах, открытых в Москве (1869), Казани (1876), Петербурге (1878) и Киеве (1878).

Предполагалось, что открытие женских курсов в Казани привлечет в первую очередь жительниц Среднего и Нижнего Поволжья, а также восточных окраин империи, но курсы оказались малочисленными, за весь период существования с 1876 по 1887 г. на них записалось в качестве постоянных и вольноприходящих слушательниц около 360 девушек. В 1878/1879 учебном году были зачислены первые курсистки из Саратова: четыре выпускницы Мариинской гимназии и одна – института благородных девиц<sup>30</sup>. В следующем году на курсы поступили две епархиалки. Примечательно, что представительницы Саратовской губернии были единственными, кто получал во время обучения именные стипендии. Так, дочь помощника вольского исправника дворянка Ольга Логвинова в 1878 г. была удостоена Саратовским дворянским депутатским собранием Колычевской стипендии в размере 124 рублей 30 копеек<sup>31</sup>. Саратовское общество вспомоществования недостаточным людям, стремящимся к высшему образованию, выделило в 1878 г. по 20 рублей Вере Булатовой, Марии Чернышевской, а в 1882 г. по 45 рублей сестрам Ольге и Екатерине Ровоамовым<sup>32</sup>.

По своему культурно-просветительному значению и масштабам деятельности Казанские курсы уступали столичным, но стояли выше всех провинциальных (в Харькове, Варшаве, Одессе курсы в рассматриваемый период так и не открылись, а в Киеве действовали на 3 года меньше)<sup>33</sup>. Лекции курсисткам читали профессора Казанского университета Н. Н. Булич, Н. А. Фирсов, Н. А. Осокин и др. Ежегодно на экзаменах лично присутствовал попечитель Казанского учебного округа П. Д. Шестаков. Однако, завершив двухгодичный образовательный курс, слушательницы при трудоустройстве не получали каких-либо особых прав или преимуществ. Например, выпускница Казанских курсов Мария Александровна Чернышевская (1862–1942) вплоть до 1917 г. служила учительницей в женском начальном училище Саратова.

До середины 1890-х гг. число преподавательниц с высшим образованием, так же как и женщин-врачей, в Саратовской губернии было невелико. Связано это с тем, что в конце 1880-х гг. в условиях политической реакции все высшие женские учебные заведения прекратили свою деятельность. 3 июля 1889 г. было опубликовано «Временное положение о высших женских курсах», которое давало разрешение на открытие курсов, но только в Петербурге.

Петербургские (Бестужевские) курсы до 1897 г., когда начал действовать Женский медицинский институт, являлись единственным в России высшим учебным заведением, доступным

для женщин. Провинциальным барышням приходилось отстаивать свое право на образование в условиях жесткой конкуренции. Представительницы Казанского учебного округа составляли в среднем 8% от общего числа слушательниц столичных курсов. Так, по данным на 1 января 1896 г., из 55 девушек, прибывших в Петербург из губерний Казанского учебного округа, 24 получили среднее образование в Саратове, одна в Вольске, 11 в Самаре, 8 в Казани, 5 в Астрахани, 4 в Вятке и 2 в Симбирске<sup>34</sup>. Лидирующее положение по количеству «бестужевок» Саратовская губерния занимала до начала 1910-х гг.

На Бестужевских курсах (до открытия в 1906 г. юридического факультета) действовали историко-филологическое и физико-математическое отделения с четырехлетним сроком обучения. Несмотря на серьезную научную подготовку «бестужевок», занимавшихся фактически по университетской программе, диплом курсов де-юре не гарантировал их обладательницам особых прав. Однако де-факто исходя из крайнего недостатка в учителях лица женского пола с высшим образованием постепенно получили ряд преимуществ: с 1901 г. их стали допускать по личному распоряжению министра народного просвещения к преподаванию в старших классах женских гимназий, а с 1906 г. – в начальных классах мужских гимназий.

Женский медицинский институт, основанный в 1895 г. в Петербурге на частные пожертвования, в 1904 г. перешел на государственное обеспечение и был приравнен к медицинским факультетам университетов. Из первых 190 студенток 12 получили среднее образование в губерниях, входивших в Казанский учебный округ: 7 в Саратовской, 2 в Астраханской, 2 в Самарской и 1 в Вятской<sup>35</sup>. Значительный процент среди слушательниц первых лет существования института составили выпускницы Бестужевских курсов.

Процесс феминизации российской высшей школы значительно ускорила революция 1905–1907 гг.: в Петербурге, Москве, Киеве, Харькове, Одессе, Юрьеве, Варшаве, Казани открылись высшие женские учебные заведения, которых к началу 1910 г. насчитывалось 25<sup>36</sup>. В этот же период в восьми из девяти российских университетов женщины были допущены к занятиям в качестве вольнослушательниц. 19 декабря 1911 г. появился закон «Об испытании лиц женского пола в знании курса высших учебных заведений и о порядке приобретения ими ученых степеней и звания учительницы средних учебных заведений», дававший выпускницам университетов и высших женских курсов право на получение диплома государственного образца и приобретение ученых степеней магистра и доктора. Наконец, в 1914 г. первая женщина – М. А. Островская – была утверждена в качестве приват-доцента по кафедре русской истории Петроградского университета.

В Саратове вопрос о высшем образовании для женщин стал подниматься после открытия Нико-





лаевского университета в 1909 г. Многочисленные ходатайства общественных организаций и органов городского самоуправления об условном приеме женщин в университет были отклонены. Право на образование предоставили лицам женского пола общественные и частные высшие учебные заведения, испытывавшие меньший, в отличие от правительственных университетов и институтов, «пресс регламентирующе-бюрократического воздействия в виде сословных, национальных, половозрастных и прочих ограничений для абитуриентов»<sup>37</sup>. Первым таким заведением стала Алексеевская консерватория, торжественно открытая 21 октября 1912 г. По сведениям В. В. Петровского, в 1912/1913 учебном году из 669 вновь принятых в нее студентов 408 составляли женщины<sup>38</sup>. В дальнейшем это соотношение, в связи с вступлением России в Первую мировую войну, менялось только в сторону увеличения женского контингента.

При поступлении в консерваторию требовалась специальная подготовка, но главным критерием оставались музыкальные способности абитуриентов. Хрестоматийным стал случай, связанный с приемом в число первых студенток Фатьмы Сагтаровны Мухтаровой (1893–1972) – дочери эмигрантов из Персии, зарабатывавшей на жизнь уличным пением под именем Кати-шарманщицы. Ф. С. Мухтарова, занимавшаяся по классу сольного пения у профессора М. Е. Медведева, впоследствии получила известность как «лучшая Кармен не только в СССР, но и за рубежом»<sup>39</sup>. В целом первые выпускные экзамены, состоявшиеся весной 1915 г., показали, что для многих студентов трехгодичного консерваторского курса обучения было явно недостаточно: только 15 человек получили аттестаты и дипломы на звание «свободного художника».

Высшие сельскохозяйственные курсы Саратовского общества сельского хозяйства, целью которых являлось «сообщение высшего агрономического образования лицам, окончившим среднюю школу»<sup>40</sup>, официально открылись 13 сентября 1913 г. К преподаванию были привлечены профессор и преподаватели университета А. Я. Гордягин, В. Д. Зёрнов, Б. И. Бируков, Р. Ф. Холлман, Д. Е. Янишевский, А. Ф. Преображенский, Я. Я. Додонов и др. Как свидетельствует один из инициаторов создания высшей агрономической школы в Саратове Б. Х. Медведев, курсы не только «не обещали своим питомцам никаких прав», не имея «гарантированной устойчивости», но и поступить на них было нелегкой задачей: количество поданных заявок в три раза превысило установленный комплект<sup>41</sup>. После жесткого отбора было зачислено 105 студентов, из которых на следующий год осталась половина (22 мужчины и 39 женщин)<sup>42</sup>.

С момента открытия курсов количество учащихся женщин ежегодно превышало количество мужчин. Профессорско-преподавательский состав пытался, как мог, сохранить «половое» равнове-

сие. Например, в 1914 г. на 120 мест было подано 118 мужских прошений и 133 женских. Вакансии решили «заместить в половинном числе женщинами, в половинном – мужчинами»<sup>43</sup>. Всеобщая мобилизация в связи с мировой войной увеличила шансы женского пола: к началу июля 1915 г. на курсы подали документы 131 женщина и 32 мужчины<sup>44</sup>. Женщин зачисляли по конкурсу, отсеяв ¼ претенденток. В то же время, учитывая разницу в учебных программах мужских и женских гимназий, педагогический совет курсов принял решение организовать для студенток дополнительные занятия по математике и не включать этот предмет в экзаменационный минимум, так как «для мужчин легче будет перейти на 2-й курс, и создастся неравенство»<sup>45</sup>.

Результаты деятельности сельскохозяйственных курсов наглядно демонстрирует статистика состава сотрудников аграрного факультета Саратовского университета. По данным на 1 октября 1923 г., 12% всех преподавателей, ассистентов и лаборантов факультета получили высшее образование на курсах<sup>46</sup>. Среди них студентки первого приема О. А. Соловьева, А. Е. Солнцева и В. Е. Булычева, ставшие впоследствии доцентами Саратовского сельскохозяйственного института<sup>47</sup>.

В Николаевском университете активное обсуждение женского вопроса относится к осени 1914 г. На заседании Совета университета 6 октября профессор Н. М. Какушкин обратился к коллегам с просьбой поддержать его ходатайство перед Министерством народного просвещения о допущении женщин в качестве студенток на не занятые мужчинами места. Прецедент уже был: в 1913 г. Томскому университету в виде исключения было разрешено принимать женщин, но только сибирячек христианского вероисповедания, имевших высокий образовательный ценз. Совет поддержал предложение Н. М. Какушкина, единогласно постановив ходатайствовать о допущении в Николаевский университет ежегодно при наличии свободных мест 50 слушательниц на тех же условиях, что и в Томском университете<sup>48</sup>.

Ходатайство Совета не было удовлетворено. Впрочем, первые слушательницы появились в лекционных аудиториях и клиниках Николаевского университета уже в феврале 1915 г. в связи с особым циркулярным распоряжением Министерства народного просвещения. Это были доктора медицины иностранных университетов, диплом которых, согласно университетскому уставу, признавался в Российской империи равносильным выпускному свидетельству медицинского факультета и давал доступ к испытанию в медицинской комиссии для приобретения степени лекаря. Циркуляр № 3420 от 26 января 1915 г. обязывал университетскую администрацию Николаевского, Харьковского, Томского и Юрьевского университетов с оговоркой «только в течение текущего весеннего семестра» допустить докторов медицины обоюбого пола «к практическим занятиям в



клиниках и к слушанию повторительных курсов на правах вольнослушателей»<sup>49</sup>. Причина – «часто обнаруживаемая обучавшимися за границей недостаточная практическая медицинская подготовка». На заседании 9 февраля 1915 г. ректор П. П. Заболотнов уведомил Совет университета, что на основании данного распоряжения им «уже принято в качестве вольнослушателей свыше 25 лиц, имеющих на это разрешения от министерства»<sup>50</sup>. На экстренном заседании Совета университета, состоявшемся 10 февраля, была утверждена специальная программа подготовки докторов медицины иностранных университетов к государственным экзаменам. Осенью 1915 г. медицинской испытательной комиссией Николаевского университета были удостоены степени лекаря 18 женщин (из них 17 иудейского вероисповедания), получивших высшее образование в Швейцарии, Франции и Германии. Формально они стали первыми выпускницами университета.

Обстоятельства военного времени вынудили Министерство народного просвещения пойти на ряд уступок в женском вопросе. 1 августа 1915 г. Советом министров было принято постановление «О приеме лиц женского пола на отдельные факультеты некоторых императорских российских университетов», которое касалось Казани, Саратова и Томска. При поступлении в университет от претенденток требовались не только аттестат женской гимназии, но и свидетельство о сдаче экзаменов по русскому языку, математике, физике и латыни в объеме восьми классов мужской гимназии, поэтому поступить в университет смогли только единицы.

14 августа 1915 г. декан медицинского факультета Н. Г. Стадницкий доложил Совету университета, что «из числа желающих поступить в число слушательниц Николаевского университета, подавших прошения, принято в настоящее время лишь только трое с удостоверениями о выдержании дополнительного экзамена, у большинства женщин, крайне стремящихся поступить в университет, ежедневно обращающихся по этому поводу ко мне за разъяснениями, удостоверений о выдержании дополнительного экзамена еще не имеется...»<sup>51</sup>. Ввиду большого наплыва мужчин декан просил Совет увеличить комплект для первого курса до 275 человек с квотированием 50 мест специально для женщин. Кроме того, ссылаясь на опыт Петроградского женского медицинского института, он предложил ходатайствовать перед министерством народного просвещения о зачислении женщин, не имевших необходимых документов, «условно», предоставив им возможность сдать дополнительные экзамены во время учебного года. В заключение Н. Г. Стадницкий отметил, что его предложения продиктованы служебным и нравственным долгом перед женщинами, «которые уже себя зарекомендовали с самой лучшей стороны, как прилежнейшие и добросовестные слушательницы и неутомимые

труженицы на весьма тяжелом и ответственном посту женщины-врача, беззаветно отдавшие этому святому делу»<sup>52</sup>.

Совет поддержал ходатайство Н. Г. Стадницкого. 21 августа 1915 г. в министерство за подписью ректора П. П. Заболотнова была отправлена телеграмма. Через несколько дней пришел ответ: «Ввиду отказов [в] приеме [на] медицинские факультеты полноправных кандидатов министр не усматривает оснований [к] понижению образовательного ценза женщин для заполнения комплекта. Министром направлены [в] Саратов непринятые [в] Москву, Харьков и другие университеты. Продлите прием. Товарищ министра Шевяков»<sup>53</sup>. В результате министерского решения более половины из 38 слушательниц первого университетского набора составили студентки, прервавшие по каким-либо причинам образование в других высших учебных заведениях. Кроме того, местным жительницам досталось только 12 мест<sup>54</sup>. По вероисповеданию 53% слушательниц являлись иудейками. Таким образом, среди студенческого контингента иудейского вероисповедания женщин оказалось гораздо больше, чем среди православного – 16% против 3%<sup>55</sup>.

После окончательного отклонения Министерством народного просвещения ходатайства об условном приеме женщин в университет группа профессора обратилась в Саратовское санитарное общество с просьбой немедленно взять на себя инициативу открытия высших женских курсов<sup>56</sup>. Дело в том, что Саратовское санитарное общество еще 12 декабря 1913 г. постановило ходатайствовать об открытии высших женских курсов в составе одного медицинского отделения<sup>57</sup>, в 1914 г. был разработан проект устава и сметы на содержание и оборудование первых двух курсов. Обращение профессоров ускорило процесс: 10 сентября 1915 г. Санитарное общество возбудило перед министерством народного просвещения соответствующее ходатайство<sup>58</sup>.

Разрешение министерства было получено 25 октября 1915 г., а 1 ноября на курсах начались занятия по программе медицинского факультета Николаевского университета. Организацию учебного процесса полностью взял на себя университетский профессорско-преподавательский коллектив. Директором курсов был избран профессор И. А. Чуевский, деканом – профессор В. И. Скворцов. Материальное положение курсов вплоть до слияния с университетом в 1918 г. оставалось крайне тяжелым: не хватало клиник, лабораторий, анатомического театра, специального оборудования. Городская дума и Саратовское губернское земство, выделявшие значительные субсидии для поддержания сельскохозяйственных курсов, к проблемам медицинских курсов отнеслись достаточно равнодушно. Ситуацию серьезно осложнил конфликт между правлением Санитарного общества и правлением курсов, затянувшийся на два года. В результате противо-



стояния двух руководящих органов И. А. Чуевский и В. И. Скворцов отказались от занимаемых должностей, а группа профессоров в поддержку принятого ими решения была готова полностью отказаться от преподавания. Учредители все чаще стали поговаривать о несвоевременности открытия этого учебного заведения, но избранный директором в феврале 1917 г. профессор Н. М. Какушкин заявил, что Совет курсов «должен отпарировать эту точку зрения – жизнь требует курсов и хорошо, что они открыты»<sup>59</sup>.

Действительно, популярность первого в Саратове высшего женского учебного заведения стремительно росла: в 1915 г. на курсы было подано 485 прошений, в 1916 г. – 1204. Среди претенденток значительную часть составляли беженки из западных губерний Российской империи, занятых неприятелем в ходе военных действий. Однако правление курсов постановило отдавать предпочтение при приеме уроженкам Саратовской губернии и ближайших районов (Новоузенского уезда Самарской губернии, Астраханской губернии, Уральской области). Всего к 1 января 1917 г. на курсах состояло 573 слушательницы, состав которых был весьма демократичным и по сословной принадлежности, и по вероисповеданию. Достаточно сказать, что девушек из привилегированных сословий обучалось на курсах всего 36%, а иудеек – 27,4%<sup>60</sup>. В 1921–1922 гг. курсистки составили значительную часть выпускников медицинского факультета университета.

Женщины в профессорско-преподавательской среде до 1917 г. являлись скорее исключением, чем правилом. В Алексеевской консерватории с момента ее основания и до 1921 г. вела класс сольного пения и входила в состав художественного совета Мария Александровна Эйхенвальд-Дубровская, утвержденная в 1917 г. за педагогические и артистические заслуги в звании профессора II степени<sup>61</sup>. В 1916 г. в консерваторию пришла преподавать Алевтина Михайловна Пасхалова – прославленная оперная певица, солистка Мариинского театра<sup>62</sup>. На Высших сельскохозяйственных курсах с осени 1915 г. практические занятия по фитопатологии и микологии были поручены Марии Васильевне Дорошенко, выпускнице Петроградских высших женских курсов, работавшей до этого в Киевском политехникуме под руководством С. Г. Навашина<sup>63</sup>.

В истории Николаевского университета первая женщина – Варвара Георгиевна Варгасова-Матурьян – была избрана по конкурсу 7 октября 1913 г. (18 – за, 5 – против) на должность ординатора по кафедре акушерства и женских болезней<sup>64</sup>. В. Г. Варгасова-Матурьян проработала под руководством заведующего кафедрой Н. М. Какушкина в течение четырех лет, последние два года исполняя обязанности ассистента.

Не всегда женщинам оказывался теплый прием. По воспоминаниям дочери профессора С. И. Спасокукоцкого, заведовавшего госпи-

тальной хирургической клиникой университета, он откровенно заявил молодому экстерну Надежде Васильевне Алмазовой, что хирургия – дело не женское. Впоследствии Н. В. Алмазова стала единственным ценным помощником С. И. Спасокукоцкого, в чем он признавался сам<sup>65</sup>.

Главной причиной роста численности женщин среди сотрудников университета послужила острая нехватка кадров в условиях Первой мировой войны. В 1915 г. в списке личного состава значились: младший ассистент кафедры офтальмологии М. Н. Полозова-Михина, помощник прозектора кафедры фармакологии Л. В. Леднева, лаборант кафедры акушерства и женских болезней М. И. Быковцева и еще 8 женщин-ординаторов (из 29)<sup>66</sup>. Наконец, постановлением Временного правительства от 1 июля 1917 г. на должность экстраординарного профессора по кафедре классической филологии была назначена Софья Венедиктовна Меликова-Толстая, которую коллеги как первую женщину-профессора приветствовали аплодисментами<sup>67</sup>.

Итак, появление дипломированных женщин (педагогов, врачей, инженеров и ученых), добившихся равноправия с мужчинами в сфере высшего образования, стало не только свидетельством эмансипации женской личности, но и началом процесса феминизации отдельных социальных институтов и областей профессиональной деятельности.

*Публикация подготовлена при финансовой поддержке Gerda Henkel Stiftung (грант AZ 10/SR/10).*

## Примечания

- 1 См.: *Пиетров-Эннкер Б.* «Новые люди» России. Развитие женского движения от истоков до Октябрьской революции. М., 2005.
- 2 См.: *Бергман П., Лукман Т.* Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М., 1995.
- 3 С 1874 г. Саратовская губерния, наряду с Вятской, Казанской, Симбирской, Самарской и Астраханской, территориально входила в состав Казанского учебного округа (см.: *Сборник постановлений по Министерству народного просвещения.* СПб., 1875. Т. 1. С. 3).
- 4 См.: *Георгиевский А. С., Селиванов Е. Ф.* Становление женского врачебного образования в Медико-хирургической академии // *Материалы научной конференции, посвященной 100-летию высшего женского медицинского образования в СССР (1872–1972).* Л., 1972. С. 25.
- 5 Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 733. Оп. 191. Д. 511. Л. 86.
- 6 Там же. Д. 1732. Л. 78.
- 7 См.: Приложение к Уставу Врачебному. СПб., 1892.
- 8 *Драгневич Н. П.* Из воспоминаний женщины-врача (к 25-летию деятельности женщин-врачей) // *Русское богатство.* СПб., 1903. № 1. С. 73.





- <sup>9</sup> См.: *Покровская М. И.* Как я была городским врачом для бедных (Из воспоминаний женщины-врача). СПб., 1903. С. 24.
- <sup>10</sup> См.: *Драгневич Н. П.* Указ. соч. С. 73.
- <sup>11</sup> См.: *Герценштейн Г. М.* Женщины-врачи на поприще практической деятельности в России (К двадцатилетия их первого массового выпуска) // Мир божий. СПб., 1898. № 4. С. 156.
- <sup>12</sup> Государственный архив Саратовской области (далее – ГАСО). Ф. 4. Оп. 1. Д. 199. Л. 63–64 об.
- <sup>13</sup> Там же. Л. 66–66 об.
- <sup>14</sup> Там же. Л. 71–71 об.
- <sup>15</sup> Там же. Л. 238.
- <sup>16</sup> Там же. Л. 280–280 об.
- <sup>17</sup> Там же. Л. 84–84 об.
- <sup>18</sup> Там же. Ф. 79. Оп. 2. Д. 190. Л. 54 об.–55.
- <sup>19</sup> См.: *Вардугин В. И.* «Во благо народного здоровья». Саратов, 2005. С. 55.
- <sup>20</sup> См.: Отчет за 1885 год Саратовского губернского и Вольского уездного попечительства детских приютов, состоявших в ведомстве учреждений императрицы Марии и под непосредственным их Императорских Величеств покровительством. Саратов, 1889. С. 33.
- <sup>21</sup> ГАСО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 866. Л. 7 об.
- <sup>22</sup> См.: *Стайтс Р.* Женское освободительное движение в России : феминизм, нигилизм и большевизм, 1860–1930. М., 2004. С. 127.
- <sup>23</sup> См.: *Дэвис М.* Элизабет Смит и Валентина Дмитриева : Жизнь и деятельность канадской и русской женщин-врачей в конце XIX в. // Отечественная история. 1994. № 6. С. 214.
- <sup>24</sup> *Дмитриева В. И.* По деревням. Из заметок «эпидемиологического» врача // Вестник Европы. 1896. Кн. 10. С. 558.
- <sup>25</sup> См.: Энциклопедия Саратовского края (в очерках, событиях, фактах, именах). 2-е изд, перераб. Саратов, 2011. С. 409.
- <sup>26</sup> См.: Российский медицинский список на 1899 г. : списки врачей, ветеринаров, зубных врачей, фармацевтов и аптек. СПб., 1900.
- <sup>27</sup> ГАСО. Ф. 79. Оп. 2. Д. 455. Л. 1–3.
- <sup>28</sup> См.: *Райкова С. В., Завьялов А. И., Луцевич И. Н., Мясникова И. В.* Научно-практический вклад общества санитарных врачей в развитие здравоохранения и становление санитарной службы в Саратовской губернии в конце XIX – начале XX века // Саратовский научно-медицинский журнал. 2011. Т. 7. № 1. С. 179.
- <sup>29</sup> См.: *Альбицкий В. И.* Справочная книга для готовящихся к поступлению в высшие учебные заведения и учащихся в них. СПб., 1884. С. 236.
- <sup>30</sup> Национальный архив Республики Татарстан (НА РТ). Ф. 131. Оп. 1. Д. 285.
- <sup>31</sup> Там же.
- <sup>32</sup> Там же. Ф. 131. Оп. 1. Д. 280.
- <sup>33</sup> См.: *Афонина Е. В.* Высшее женское образование в Казани : вторая половина XIX – начало XX вв. : дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2002. С. 115.
- <sup>34</sup> См.: Отчет о состоянии Санкт-Петербургских ВЖК за 1894/95 гг. СПб., 1895.
- <sup>35</sup> См.: Список слушательниц Санкт-Петербургского Медицинского института. СПб., 1898.
- <sup>36</sup> РГИА. Ф. 733. Оп. 154. Д. 433. Л. 528.
- <sup>37</sup> См.: *Иванов А. Е.* Студенчество России конца XIX – начала XX века : социально-историческая судьба. М., 1999. С. 186.
- <sup>38</sup> См.: *Петровский В. В.* Сведения о высших учебных заведениях г. Саратова с 1909/10 по 1918/19 учебный год // Статистический вестник. Саратов. Август 1920 – июнь 1921. № 2. С. 42.
- <sup>39</sup> См.: *Демченко А. И.* Два столетия музыкальной культуры Саратова. Саратов, 2006. С. 28.
- <sup>40</sup> См.: Положение о высших сельскохозяйственных курсах Саратовского общества сельского хозяйства. Саратов, 1914. С. 1.
- <sup>41</sup> См.: *Медведев Б. Х.* Краткий исторический очерк десятилетия жизни Саратовской высшей сельскохозяйственной школы // Известия Саратовского государственного института сельского хозяйства и мелиорации. 1925. Вып. II. С. 5.
- <sup>42</sup> ГАСО. Ф. 255. Оп. 1. Д. 12. Л. 7.
- <sup>43</sup> См.: Саратовский листок. 3 июля 1914. № 143.
- <sup>44</sup> ГАСО. Ф. 255. Оп. 1. Д. 2. Л. 76–76 об.
- <sup>45</sup> Там же. Л. 36.
- <sup>46</sup> См.: *Медведев Б. Х.* Указ. соч. С. 25.
- <sup>47</sup> См.: Саратовский аграрный : вехи вузовской судьбы. К 90-летию Саратовского государственного аграрного университета имени Н. И. Вавилова. Саратов, 2003. С. 70.
- <sup>48</sup> ГАСО. Ф. 393. Оп. 1. Д. 478. Л. 3.
- <sup>49</sup> Протоколы заседаний Совета Императорского Николаевского университета. Саратов, 1915. С. 11–14.
- <sup>50</sup> Там же.
- <sup>51</sup> ГАСО. Ф. 393. Оп. 1. Д. 478. Л. 51–51 об.
- <sup>52</sup> Там же. Л. 52.
- <sup>53</sup> Там же. Л. 54.
- <sup>54</sup> См.: Список студентов и посторонних слушателей Императорского Николаевского университета на 1915–1916 учебный год. По медицинскому факультету. Саратов, 1915.
- <sup>55</sup> См.: *Соломонов В. А.* Императорский Николаевский Саратовский Университет : история открытия и становления (1909–1917) / общ. ред. И. В. Пороха. Саратов, 1999. С. 219.
- <sup>56</sup> ГАСО. Ф. 87. Оп. 1. Д. 1. Л. 1.
- <sup>57</sup> Там же. Ф. 1191. Оп. 1. Д. 20. Л. 16.
- <sup>58</sup> Там же. Ф. 87. Оп. 1. Д. 1. Л. 5–6.
- <sup>59</sup> Там же. Д. 24. Л. 3.
- <sup>60</sup> См.: Отчет о состоянии Саратовских ВЖК СО от 25 октября 1915 г. по 1 января 1917 г. Саратов, 1917. С. 3.
- <sup>61</sup> См.: *Мальшева Т. Ф.* Из созвездия Эйхенвальд : М. А. Эйхенвальд-Дубровская // Из истории Саратовской консерватории : сб. статей и воспоминаний / отв. ред. Л. А. Кивалова. Саратов, 2004. С. 46.
- <sup>62</sup> См.: *Демченко А. И.* Указ. соч. С. 21.
- <sup>63</sup> ГАСО. Ф. Р-261. Оп. 1. Д. 19. Л. 4.
- <sup>64</sup> См.: *Аврус А. И., Гапоненков А. А., Данилов В. Н.* История Саратовского университета. 1909–2009 : в 2 т. Т. 1: 1909–1945. Саратов, 2009. С. 50.



<sup>65</sup> См.: Блувштейн Г. А., Кац В. И., Додин С. В. 200 лет милосердия и любви. Прошлое и настоящее Саратовской губернской земской больницы (1806–2006 гг.). Саратов, 2006. С. 77.

<sup>66</sup> См.: Отчет о состоянии и деятельности Императорского Николаевского университета за 1915 год. Саратов, 1916. С. 78–80.

<sup>67</sup> ГАСО. Ф. 332. Оп. 1. Д. 857. Л. 1 об., 2 об.

УДК 94(47).084.3

## МОДЕЛИ СОЦИАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В РОССИИ В 1917–1920 ГОДАХ

А. А. Гуменюк

Саратовский государственный университет  
E-mail: GumenukAA@rambler.ru

В работе анализируются основные направления социальных преобразований в России с момента прихода к власти большевиков (1917 г.) и до конца Гражданской войны (1920 г.). Основное внимание уделено деятельности Народного комиссариата социального обеспечения. Статья базируется на российском законодательстве, а также отчасти на данных публикаций по отдельным аспектам проблематики.

**Ключевые слова:** социальное обеспечение, социальное страхование, жилищное строительство, здравоохранение, санаторий, инвалид, пенсия, пособие, нетрудоспособность, продовольственное снабжение, дети, общественное питание.

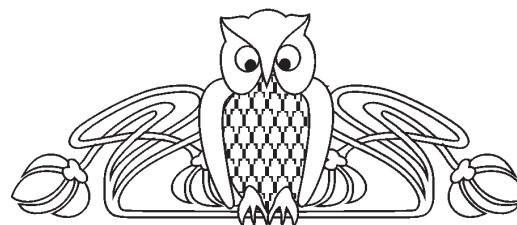
### The Models of Social Activity in Russia in 1917–1920

А. А. Gumenyuk

In this article the main directions of social преобразований in Russia since 1917 to 1920 was analyzed. The author has given main attention of the Public commissary of social provision. Materials on the data of the Russian legal and some publications were prepared.

**Key words:** social provision, social insurance, housing building, public health, sanatorium, invalid, pension, aid, provision, disablement, children, public nutrition.

История реформирования социальной сферы в Российском государстве насчитывает не одно столетие. На разных исторических отрезках времени инициаторами реформ выступали князья, члены императорской фамилии, духовенство, знать, государственные, частные и общественные благотворительные общества, органы местного самоуправления и т. п. Благодаря их усилиям к 1917 г. в России возникли элементы социального государства. В то же время организация социальной и медицинской помощи не была лишена недостатков. В частности, не были четко определены категории людей, имевших право на помощь, не совсем ясно было, из каких средств должны покрываться расходы на общественное призрение, и т. д. Пришедшие к власти в октябре 1917 г. большевики, опираясь в определенной степени на дореволюционный опыт социальных преобразований (достижения общественной земской медицины), нацелились на создание по-настоящему государственной системы социаль-



ного обеспечения нуждающихся. Правительство преследовало цель улучшить снабжение населения продовольственными и промышленными товарами, наладить социальное обеспечение и социальное страхование, организовать жилищное строительство, здравоохранение и курортное обслуживание.

Проводником политики в области государственного социального обеспечения стал созданный в ноябре 1917 г. Народный комиссариат государственного призрения (НКГП). В его ведение входили такие функции, как социальное обеспечение трудящихся во всех случаях нетрудоспособности, охрана материнства и младенчества, попечение об инвалидах войны и их семьях, о престарелых и несовершеннолетних<sup>1</sup>. К НКГП и его учреждениям на местах перешли все дела и денежные средства Всероссийского попечительства по охране материнства и детства, совета детских приютов ведомства учреждений императрицы Марии, комитета для изыскания средств для устройства слабых здоровьем детей в летние санатории<sup>2</sup>. Тем самым в Советской России стала сворачиваться благотворительная деятельность, рассматриваемая идеологами марксизма как явление буржуазное. В апреле 1918 г., когда обозначились контуры советской системы социальной защиты, Народный комиссариат государственного призрения был преобразован в Народный комиссариат социального обеспечения (НКССО). В постановлении отмечалось, что название «Народный комиссариат государственного призрения» является «пережитком старого времени» и поэтому не может отвечать «социалистическому пониманию задач социального обеспечения»<sup>3</sup>. Кроме ранее существовавших функций в ведение НКССО перешли помощь жертвам контрреволюции, борьба с нищенством и проституцией, помощь при стихийных бедствиях, опека<sup>4</sup>. Однако наркомат являлся не единственным органом, ведавшим вопросами социального обеспечения. На протяжении Гражданской войны этими вопросами занимались также отдел социального обеспечения и охраны труда Народного комиссариата труда и Народный комиссариат здравоохранения (вопро-



сы медико-социального обеспечения). Подобный параллелизм приводил к путанице и распылению сил и средств. Затем был создан объединенный Народный комиссариат труда и социального обеспечения. Лишь в 1920 г. были сформированы основные структурные элементы советской модели социальной деятельности<sup>5</sup>.

Одним из первых шагов по охране материнства, предпринятых Советской властью, стали меры по стимулированию рождаемости. Декретом ВЦИК от 22 декабря 1917 г. роженице выплачивалось пособие в размере полного заработка. Оно выдавалось на протяжении восьми недель до родов и восьми недель после родов. Для кормящих матерей этим декретом предусматривались специальный режим работы, сокращенный рабочий день и выплата в течение семи месяцев после выхода женщины на работу пособия в размере половины заработка<sup>6</sup>. С начала 1918 г. проведением неотложных мероприятий по охране и обеспечению материнства и младенчества стал заниматься созданный в Наркомате государственного призрения отдел по охране материнства и детства. Тогда же в структуре наркомата возник специальный отдел призрения несовершеннолетних, обвиняемых в деяниях общественно опасного характера. В его ведение перешли все исправительно-воспитательные приюты и колонии<sup>7</sup>. Помимо этого, с 9 января 1918 г. при комиссариате стали функционировать межведомственные комиссии, рассматривавшие дела трудных подростков. Однако в 1920 г. опека над несовершеннолетними была передана Народному комиссариату народного просвещения, при местных органах которого функционировали комиссии по делам несовершеннолетних<sup>8</sup>.

В июле 1918 г. сражающаяся на фронтах Гражданской войны республика принимает постановление «О необходимости усиления детского пайка в местностях, охваченных голодом», а 14 сентября 1918 г. Лениным был подписан декрет «Об усилении детского питания». Этим законодательным актом государство предусматривало введение пайков, карточек для кормящих матерей, детских карточек (для детей до года), дополнительного пайка для детей до пяти лет, снабжение продуктами школьных столовых, организацию последних при всех школах, создание питательных пунктов для детей от 5 до 16 лет, не посещающих школу, и снабжение их продуктами. Для этого Наркомздраву было ассигновано 50 млн. рублей. Кроме того, специальным декретом от 5 ноября 1918 г. все лица наемного труда, частные торговые предприятия, частные театры и кинотеатры в городах, состоятельные сельские жители должны были передавать определенную часть своих доходов в фонд детского питания<sup>9</sup>. С 17 мая 1919 г. дети до 14 лет включительно, проживавшие в городах и крупных поселках 14 губерний страны, стали получать продукты питания бесплатно через создаваемые на средства Наркомпрода детские столовые. К делу социального обеспечения детей

до 14 лет с 31 августа 1919 г. подключился и НКТ, при котором была создана комиссия с участием представителей НКСО и просвещения<sup>10</sup>.

Уделялось внимание и охране здоровья детей. В октябре 1918 г. был принят декрет о том, что все учащиеся школ должны находиться под постоянным наблюдением детского врача<sup>11</sup>. Право издания постановлений, касающихся охраны здоровья детей, получил созданный специальным декретом СНК от 4 февраля 1919 г. Совет защиты детей, состоявший из представителей народных комиссариатов просвещения, здравоохранения, социального обеспечения, продовольствия и труда. В обязанности Совета также входило снабжение детей питанием, одеждой, помещениями, топливом и их эвакуация в хлебоборные губернии. Эти же задачи решались и созданной 10 февраля 1921 г. комиссией при ВЦИК по улучшению жизни детей<sup>12</sup>. С 15 июня 1920 г. продуктами питания детское население страны стали снабжать и отделы общественного питания, в составе которых возникли подотделы детского питания. 7 октября 1920 г. в целях изыскания дополнительных средств для снабжения детей СНК издал декрет о проведении с 7 по 14 ноября 1920 г. «недели ребенка». Такое же мероприятие (с 21 по 28 ноября 1920 г.) предписывал провести декрет ВЦИК от 4 ноября 1920 г.<sup>13</sup>

Кроме подрастающего поколения, новая власть проявляла немалую заботу о трудящихся во всех случаях нетрудоспособности. Страховой программой большевистской партии предусматривались введение государственного страхования рабочих во всех случаях утраты трудоспособности или потери заработка ввиду безработицы, распространение страхования на всех лиц наемного труда и членов их семей, производство выплат всем застрахованным из расчета полного заработка с возложением расходов на предпринимателей и государство. Уже на шестой день после прихода к власти большевиков – 13 ноября 1917 г. – эти программные положения были включены в официальное правительственное сообщение «О социальном страховании». Спустя два года они стали составной частью программы РКП (б), принятой VIII съездом партии 22 марта 1919 г.<sup>14</sup>

Выполняя провозглашенную программу, правительство РСФСР в ноябре-декабре 1917 г. приняло целый ряд директив, положивших начало формированию новой системы социального обеспечения, основанной на закреплении каждого потерявшего трудоспособность трудящегося за предприятием, где это произошло. Одним из самых ранних постановлений правительства стал декрет «Об увеличении пенсий рабочим, пострадавшим от несчастных случаев» (8 ноября 1917 г.), в соответствии с которым всем пенсионерам по несчастным случаям по 1917 г. включительно пенсия увеличивалась на 100% за счет пенсионного фонда. Данным декретом право на получение пенсии за увечья, полученные в результате





несчастных случаев, распространялось на всех трудящихся, независимо от места их работы. Источником создания страховых фондов для выплаты пенсий и пособий являлись страховые взносы предприятий и лиц, использовавших наемный труд, с освобождением застрахованных от уплаты каких-либо взносов<sup>15</sup>. В группу первых законодательных актов Советской власти входит и декрет ВЦИК от 22 декабря 1917 г. «О страховании на случай болезни», согласно которому денежное пособие лицам, занятым по найму во всех отраслях труда, устанавливалось в размере полного заработка заболевшего. Во время командировок и иных перемещений (эвакуация, перемещение, разгрузка и т. д.) рабочих нетрудоспособные члены их семей обеспечивались единовременными денежными пособиями. В то же время продолжали действовать законы о страховании рабочих в связи с несчастными случаями, принятые еще в 1903 и 1912 гг. Руководствоваться ими предписывал, в частности, декрет от 9 ноября 1917 г. «О пенсионном обеспечении пострадавших от несчастных случаев воинских чинов, командированных на работу в предприятия»<sup>16</sup>.

В условиях Гражданской войны трудящиеся перестали быть наемными работниками в строгом смысле этого понятия. Ликвидация товарно-денежных отношений, уравнивательность в разделении предметов потребления превратили их в «бойцов трудовой армии». В РСФСР не осталось других работодателей кроме государства, которое определяло потребности в рабочей силе, сферы применения труда, его условия и размер оплаты. Эти изменения в хозяйственной деятельности соответствующим образом повлияли на систему социальных рисков и способы защиты от них. В этих условиях социальное страхование было трансформировано в социальное обеспечение. Во многом это было связано с тезисом большевистской идеологической доктрины о возможности скорой реализации коммунистического идеала. Считалось, что социальное обеспечение является стадией полного коммунистического обеспечения, а от социального страхования как института «буржуазного права» можно отказаться. Воплощением в жизнь этого тезиса стало принятие 31 октября 1918 г. Положения «О социальном обеспечении трудящихся». Оно заменило собой ряд временных распоряжений правительства о социальном обеспечении отдельных категорий населения<sup>17</sup> и законодательно закрепило ряд принципиально новых функций: социальное обеспечение всех без исключения граждан РСФСР, источником существования которых являлся лишь собственный труд; социальное обеспечение трудящихся за счет государства и через органы государственной власти (местные отделы социального обеспечения и охраны труда). Положением предусматривались следующие виды социального обеспечения: 1) врачебная помощь, 2) денежные пособия и пенсии и 3) натуральная помощь, которая вы-

ражалась в обеспечении всех категорий нуждающихся продовольствием, одеждой, топливом. Это была характерная особенность периода военного коммунизма. Пособия были различные: в случае временной утраты трудоспособности по причине болезни, увечья, карантина; по беременности и родам; по случаю безработицы; на погребение. Пенсия назначалась в случае частичной или полной утраты трудоспособности и выдавалась до момента смерти застрахованного<sup>18</sup>. В последующих законодательных актах Советского государства положения этого документа получили свое развитие, в частности в принятых СНК постановлениях «О порядке выдачи денежных пособий в случаях временной утраты трудоспособности» (23 мая 1919 г.), «О социальном обеспечении членов семей трудящихся в случае смерти кормильца семьи» (28 августа 1919 г.), «О социальном обеспечении глухонемых и слепых» (26 ноября 1920 г.) и «О социальном обеспечении рабочих и служащих и членов их семей» (21 января 1921 года)<sup>19</sup>.

Однако обеспечить всех нетрудоспособных пособиями самостоятельно НКСО оказался не в состоянии. Народный комиссар государственного призрения А. Коллонтай, понимая важность любых источников средств для оказания помощи нуждающимся, обратилась в январе 1918 г. к населению страны с просьбой добросовестно выплачивать налог с публичных зрелищ и учреждений, введенный еще до прихода к власти большевиков на нужды содержания калек, стариков, детей, сирот, вдов, инвалидов и т. д. Этим шагом, подчеркивалось в обращении, каждый гражданин сделает великое дело для всего беднейшего и безнадзорного, брошенного на произвол судьбы населения. Кроме того, с 27 марта 1919 г. часть функций в области социального обеспечения была передана органам НКТ. Последние стали оказывать помощь лицам, потерявшим трудоспособность на рабочем месте или в повседневной жизни. НКСО же сохранил за собой право оказания помощи лицам, впадшим в нужду в результате социальных потрясений и бедствий<sup>20</sup>.

Важным направлением деятельности органов социального обеспечения являлась помощь безработным. 11 декабря 1917 г. ВЦИК и СНК было принято «Положение о страховании на случай безработицы». Согласно этому документу работодатели обязывались вносить не менее 3% суммы средств, идущих на выплату заработной платы, во Всероссийский фонд безработицы, находящийся в распоряжении центральной и губернских комиссий страхования безработных. Контроль исполнения этого и других законов о страховании рабочих осуществляли созданные в каждой губернии в середине декабря 1917 г. страховые присутствия<sup>21</sup>. Однако помощь безработным этим не ограничилась. По инициативе новой власти на возникшие 27 января 1918 г. биржи труда возлагалась обязанность создавать столовые и общежития для безработных, 13 апреля 1918 г. ВЦИК предписал



создать фонд помощи безработным и установить добровольные пожертвования от населения в этот фонд. Для объединения всевозможной помощи безработным 26 апреля 1918 г. специальным постановлением было создано межведомственное совещание из представителей ВСНХ, страхового совета, НКВД, народных комиссариатов труда, земледелия, финансов и других заинтересованных ведомств<sup>22</sup>. Кроме того, правительство ассигновывало значительные суммы на помощь безработным и организацию общественных работ. В принятом в конце 1918 г. Кодексе законов о труде оговаривались правила получения безработными пособий из местных касс безработных. С 9 марта 1920 г. вопросы помощи безработным были сосредоточены в Наркомтруде, который при определении правил выдачи пособий и их размера должен был входить в контакт с НКСО и Наркомздравом. Однако 25 ноября того же года дело социального обеспечения безработных полностью было сосредоточено в руках Народного комиссариата социального обеспечения<sup>23</sup>.

Главное же внимание уделялось попечению об инвалидах войны и их семьях. Постановлением правительства от 29 декабря 1917 г. увечные офицеры получили право на процентные надбавки к назначенной им ранее пенсии. С 23 декабря 1917 г. все дело помощи увечным воинам и их семьям сосредоточилось в ведении Всероссийского союза увечных воинов и его местных органов<sup>24</sup>. Но уже в январе 1918 г. все дореволюционные структуры, занимавшиеся этими проблемами, были упразднены, а их имущество передано в ведение Народного комиссариата государственного призрения. Приказом этого комиссариата от 23 января 1918 г. при советах рабочих, солдатских и крестьянских депутатов создавались отделы по назначению пенсий военноувечным. Именно этим органам принадлежало решающее слово в их обеспечении и расходовании государственных средств на их нужды. Для усиления помощи увечным воинам в ведении НКСО 16 июля 1918 г. были переданы капиталы бывших Александровского и Скобелевского комитетов и Общества повсеместной помощи пострадавшим на войне. Распоряжением НКСО от 24 декабря 1918 г. всем губернским отделам социального обеспечения предписывалось принять все меры для организации новых убежищ для возвращающихся из плена беспомощных инвалидов и расширения существующих<sup>25</sup>.

Важным шагом на пути поддержания уровня жизни солдат стало введение с 7 августа 1918 г. пенсионного обеспечения красноармейцев. В зависимости от степени утраты трудоспособности пенсии делились на четыре разряда (3000, 2100, 1200, 450 руб.). Члены семей убитых или умерших от ран солдат в случае нетрудоспособности получали пенсию в размере от 2100 до 3000 руб., неспособные к труду круглые сироты до 17 лет включительно – в размере половины или целого

оклада главы семейства. 10 октября 1918 г. этот порядок был распространен не только на членов семей красноармейцев, но и на их родственников по прямой восходящей линии (братьев, сестер и т. д.). В январе 1919 г. военную пенсию стали получать также моряки, военнослужащие сухоходной, пограничной, железнодорожной охраны, бойцы продовольственных отрядов, бывшие красноармейцы, члены рабочих и крестьянских боевых дружин, командный состав Красной армии, все категории солдат и матросов прежних армии и флота<sup>26</sup>. Декретом СНК от 24 декабря 1918 г. красноармейцы на время службы освобождались от уплаты всех видов государственных налогов, кроме натурального. От налогов освобождались и члены семей бойцов Красной армии, получавшие введенное этим декретом денежное пособие в размере 100 рублей. Родственники и члены семей бойцов, в том числе убитых и инвалидов, с 28 апреля 1919 г. обрели право на получение пенсии, а с 14 января 1920 г. такое право было предоставлено семьям военно-санитарного персонала фронта<sup>27</sup>. С 25 марта 1920 г. семьям военных губернскими, уездными, сельскими и волостными советами стала оказываться еще и хозяйственная помощь<sup>28</sup>. Эти органы государственной власти обязаны были организовать местное население на уборку урожая, сена в хозяйствах красноармейцев<sup>29</sup>.

Не были забыты новой властью и инвалиды труда. До конца апреля 1919 г. выдачей им пенсий занимались пенсионные отделы народных комиссариатов и их местных органов, пенсионные, сберегательно-вспомогательные, эмеритальные и прочие кассы. Но с 26 апреля 1919 г. они были упразднены, а их делопроизводство передано органам Народного комиссариата социального обеспечения. 28 октября 1919 г. декретом СНК были введены единые нормы для социального обеспечения инвалидов труда, Первой мировой и Гражданской войн<sup>30</sup>. 1 сентября 1919 г. вступил в силу декрет «О социальном обеспечении членов семьи трудящихся в случае смерти кормильца семьи», которым денежное пособие (пенсию) и помощь натурой получали все нетрудоспособные и несовершеннолетние (до 16-летнего возраста) лица. Особо отличившимся в ходе революционных событий, имевшим особые заслуги в деле социалистического строительства и партийной работе и их семьям в случае инвалидности или смерти, согласно постановлениям от 16 июля, 9 сентября и 28 октября 1920 г., выплачивались единовременные пособия и пенсия большего размера. В таком же размере постановлением СНК от 20 января 1921 г. была установлена пенсия «престарелым и инвалидным педагогам, имеющим заслуги в деле народного образования»<sup>31</sup>.

Не менее важным направлением деятельности НКСО являлось оказание помощи жертвам контрреволюции, к которым относились советские работники и члены партии, борющиеся за совет-



скую власть и пострадавшие от контрреволюции в той или иной форме, амнистированные и эмигранты, беженцы из местностей, занятых антибольшевистскими силами, семьи перечисленных выше категорий. С июня 1919 г. к ним были отнесены и жертвы еврейских погромов. Оказанием помощи всем этим категориям населения занималась созданная согласно принятому 3 сентября 1918 г. положению «О помощи жертвам контрреволюции» временная Центральная комиссия, в которую, наряду с другими ведомствами, входил и представитель НКССО. В задачу этого межведомственного органа входили удовлетворение нужд в крове, пище, одежде, медицинской помощи, работе пострадавших от контрреволюции элементов в городе и деревне и членов их семейств, восстановление уничтоженных или частично разрушенных хозяйств трудовых элементов города и деревни. Помощь оказывалась в виде денежных пайков, пенсий или натурой. Для этого создавался особый фонд, куда НКССО в качестве стартовой суммы передал 100 млн рублей<sup>32</sup>. С 20 сентября, согласно распоряжению НКССО № 62, при комиссариате соцобеспечения и его местных органах создавались отделы помощи жертвам контрреволюции. Все вышеперечисленные функции Центральной и местных комиссии передавались структурным подразделениям НКССО. Также при отделах социального обеспечения местных советов народным комиссаром социального обеспечения было предписано организовать комиссии для оказания помощи пострадавшим от контрреволюции трудовым элементам города и деревни путем восстановления разрушенных хозяйств, организации обработки и засева земли, снабжения необходимыми земледельческими орудиями, инвентарем, продуктами; обеспечения работой лишившихся ее вследствие событий контрреволюционного характера; предоставления медико-санитарной помощи; обеспечения детей, нетрудоспособных взрослых и стариков. Их функции были схожи с функциями отделов помощи жертвам контрреволюции. В рамках борьбы с нищенством распоряжением НКССО от 23 октября 1918 г. все отделы социального обеспечения должны были открыть распределители для нищих, которых туда доставляли органы милиции<sup>33</sup>.

Оказывалась помощь и населению, пострадавшему от стихийных бедствий<sup>34</sup>, а также беженцам и военнопленным. Забота о последних с 23 апреля 1918 г. была сосредоточена в Центральной комиссии по делам пленных и беженцев. В частности, в ее обязанности входили устройство питательных и врачебно-санитарных пунктов, обеспечение одеждой находящихся в пути к месту постоянной оседлости беженцев<sup>35</sup>. Военнопленные и их семьи постановлением СНК от 16 ноября 1918 г. получали право на пособия<sup>36</sup>. 23 ноября 1918 г. пленбеж получила исключительные права на урегулирование перемещения военнопленных и их обустройство, для чего СНК выделил 35 млн

рублей. С 16 июня 1920 г. семьи военнопленных старой армии были уравнены в правах на получение пайка (пенсии) с семьями военнопленных красноармейцев<sup>37</sup>.

С 27 ноября 1917 г. в стране начала складываться система рабочей медицины. 6 февраля 1918 г. был образован первый общегосударственный медицинский орган – Совет врачебных коллегий, передавший 11 июля 1918 г. все свои дела и средства Народному комиссариату здравоохранения. В руках последнего в конечном итоге и было сосредоточено все лечебное дело в РСФСР<sup>38</sup>. Подъему общего уровня жизни трудящихся способствовало постановление Совнаркома от 29 октября 1917 г. «О восьмичасовом рабочем дне», согласно которому на всех предприятиях и в хозяйствах рабочее время не должно было превышать восьми рабочих часов в сутки и 48 часов в неделю<sup>39</sup>. В стране вводился запрет на применение женского и подросткового труда на подземных и сверхурочных работах<sup>40</sup>. Запрещался ночной труд подростков до 16 лет<sup>41</sup>, устанавливался шестичасовой рабочий день для лиц, не достигших 18 лет<sup>42</sup>. В марте 1918 г. был установлен порядок выплаты жалования служащим РСФСР, предусматривавший оплату отработанного времени в два срока: 15 числа и в последний день каждого месяца<sup>43</sup>. Отдельными законодательными актами новая власть оговаривала порядок оплаты труда ответственных и политических работников, специалистов, учителей, ассигновала дополнительные денежные средства для поднятия жизненного уровня рабочих типографий, автомобильных заводов, железнодорожников, металлистов, служащих лесного департамента, определяла размер заработной платы за сверхурочные работы, по субботам и в предпраздничные дни<sup>44</sup>. С середины октября 1918 г. в стране стала проводиться единая тарифная политика, отдельные ведомства лишились права утверждать свои тарифы без согласия Народного комиссариата труда. В феврале 1919 г. заработная плата была повышена, а 23 марта и 8 июня 1920 г. специальными положениями была введена система премирования труда, включавшая индивидуальное, коллективное (групповое, артельное), производственное (всего завода или группы заводов), общее премирование предприятий с производством различного характера<sup>45</sup>. Дисциплина труда на производстве регулировалась постановлением СНК от 20 апреля 1920 г. «О борьбе с прогулами», за которые, во-первых, устанавливались денежные и натуральные вычеты из премий (15% за первый прогул, 25% за второй, 60% – за третий), во-вторых, прогул надлежало отработать в порядке трудовой повинности в сверхурочное время и в праздники. Те, кто отказывался от отработок, подлежали заключению в концентрационный лагерь. Трехдневный прогул в течение месяца расценивался как саботаж и карался дисциплинарным судом. Не запятнавшие себя нарушениями трудовой дисциплины трудящиеся





с 12 августа 1920 г. могли рассчитывать на получение в случае временной нетрудоспособности (болезнь, увечье, беременность, роды, карантин) полного заработка в течение четырех месяцев с момента потери трудоспособности<sup>46</sup>.

14 июня 1918 г. правительством были приняты «Временные правила об отпусках», согласно которым проработавшие на предприятиях, в учреждениях или у частных лиц не менее шести месяцев без перерыва имели право один раз в течение года получить отпуск с сохранением содержания и получением его перед уходом в отпуск. Ввиду особых условий, переживаемых в 1918–1920 гг. страной, продолжительность отпуска была определена в две недели. Рабочим наиболее важных с государственной точки зрения производств отпуска с 11 мая 1920 г. заменялись денежными и натуральными премиями, предоставлением льгот при обработке земли. С конца 1918 г. каждая категория трудящихся получила свой профессиональный день отдыха, тогда же был определен перечень общегосударственных праздников. 17 июня 1920 г. ранее принятые положения об оплате труда, продолжительности рабочего дня, положение об отпусках, праздниках были включены в «Общее положение СНК о тарифе»<sup>47</sup>.

17 мая 1918 г. в составе Народного комиссариата труда декретом СНК была учреждена инспекция труда. Целью ее деятельности являлась охрана жизни и здоровья всех занятых какой-либо хозяйственной деятельностью. Для этого инспекция имела право принимать меры, необходимые для охраны безопасности труда, жизни и здоровья рабочих и служащих. За несоблюдение или нарушение правил безопасности труда инспекторы имели право налагать денежные взыскания. Инспекция следила также за правильностью исполнения законов о социальном страховании, осуществляла надзор за условиями жизни рабочего вне мастерской<sup>48</sup>. В случае необходимости Кодекс законов о труде (начало 1918 г.) предоставил инспекции труда право принимать не предусмотренные законодательством экстренные меры по устранению условий, угрожающих жизни и здоровью рабочих. По возможности государственные органы занимались обеспечением рабочих промышленных предприятий производственной одеждой, головными уборами, а также нижним бельем в случае проведения особенно грязных работ<sup>49</sup>. Однако до середины сентября 1918 г. помимо инспекции труда вышеперечисленные функции выполняли страховые присутствия, учрежденные еще в дореволюционный период. Лишь с 16 сентября 1918 г. они были ликвидированы, передав свои полномочия инспекции труда<sup>50</sup>.

С 30 января 1920 г. у инспекторов охраны труда появились ассистенты, курировавшие вопросы охраны труда малолетних и подростков. Более подробный перечень мероприятий по охране труда этих и других категорий населения, охране

труда на особо вредных производствах и другим аспектам содержался в Наказе инспекции труда, изданном в 1920 г. В середине января этого же года был принят «Наказ санитарным инспекторам», предписывающий изучать условия труда, влияющие на жизнь и здоровье рабочего, принимать меры к улучшению санитарно-гигиенических условий труда. В частности, санинспекторы были обязаны снабжать предприятия, учреждения и хозяйства предметами и веществами, защищающими трудящихся от воздействия «производственных вредностей» (маски, респираторы, предохранительные очки, аппараты с кислородом, сода, щелочи, кислоты и т. д.); предметами и материалами, обеспечивающими санитарную и техническую охрану труда (вентиляторы, пылесосы, резервуары и кружки для питьевой воды, кубы для приготвления кипятка, умывальники и т. д.); пищевыми продуктами, специально предписанными для употребления работающими на особо вредных производствах (молоко, жиры) и т. д.<sup>51</sup> В ноябре 1920 г. Наркомтруд и Наркомздрав выработали меры охраны труда и здоровья беременных и матерей, кормящих грудью. Они получали преимущественное право работы на предприятиях и в учреждениях, находящихся на расстоянии не более двух верст от их места жительства, освобождались от сверхурочных и ночных работ. С 26 ноября 1920 г. все распоряжения Наркомтруда в области охраны труда были распространены на военные предприятия и учреждения<sup>52</sup>.

Важнейшей и неотложной задачей того времени являлась организация правильного с большевистской точки зрения распределения продуктов и товаров среди населения<sup>53</sup>. Одновременно новая власть прилагала усилия по созданию системы общественного питания. В августе 1918 г. была запрещена деятельность частных ресторанов, кафе и трактиров. Основная масс горожан стала пользоваться пунктами коммунального питания. Общественные столовые обычно находились внутри каких-либо учреждений, за счет средств которых они и содержались. Питаться там было возможно только по специальному пропуску. Абонемент же в большинстве из этих заведений был нищенским. Бесплатно пользоваться услугами общественного питания имели право (с весны 1920 г.) только учащиеся и служебный персонал высших учебных заведений, инвалиды. Лица, получающие красноармейский паек, железнодорожники, водники, военнотруженики, имевшие другие виды усиленного довольствия, наоборот, такой возможности были лишены<sup>54</sup>. Актуальной для власти стала проблема поддержания соответствующего уровня жизни солдат<sup>55</sup>.

В программе социальных преобразований большевиков важное место занимал жилищный вопрос<sup>56</sup>. При решении жилищной проблемы новой власти необходимо было выработать эффективные методы борьбы с пожарами, которыми в то время было уничтожено немало жилых домов.



Для этого декретом СНК «Об организации мер по борьбе с огнем» от 17 апреля 1918 г. был учрежден пожарный совет, а также Народный комиссариат по социальному страхованию и борьбе с огнем, которые занимались выдачей ссуд, пособий на противопожарные цели, распространяли противопожарные средства среди населения<sup>57</sup>. 28 ноября 1918 г. Наркомат по делам страхования и борьбе с огнем был реорганизован в страховой отдел при ВСНХ. Дело борьбы с огнем было передано ВСНХ. Это было одним из этапов превращения всех разновидностей страхового дела (страхование жизни, транспорта, от огня, несчастных случаев, градобития, неурожая) в государственную монополию. Все советские учреждения теперь должны были быть застрахованы. Страхование жизни осуществлялось через государственные сберегательные кассы<sup>58</sup>. Именно с этого времени все частные страховые общества и организации закрывались, а их имущество передавалось специальной межведомственной комиссии при ВСНХ, а с 1 июня 1919 г. – отделам социального обеспечения и охраны труда. 12 июля 1920 г. все пожарное дело в республике было передано из ВСНХ в Народный комиссариат внутренних дел<sup>59</sup>.

Годы Гражданской войны стали периодом поиска и апробации наиболее приемлемых вариантов советской модели социальной деятельности, базировавшейся на сложившихся политических и социально-экономических реалиях. Многие из предпринятого новой властью оказалось весьма результативным, если учесть, что молодая Страна Советов в эти годы существовала в условиях узкоресурсной сырьевой базы. Это относится прежде всего к организации снабжения армии и промышленного пролетариата всем необходимым, благодаря чему большевики победили в Гражданской войне. Для большевиков, получивших страну с немалым количеством порожденных социальными бедствиями начала XX в. беженцев, сирот, инвалидов и других нуждающихся<sup>60</sup>, большое значение имела эффективная деятельность Народного комиссариата социального обеспечения. Руководство этого ведомства по многим позициям в короткое время сделало значительные шаги вперед по сравнению с дореволюционным периодом. Действие страхования по болезни распространилось на всю территорию страны, охватило все виды труда и всех наемных работников. Появился такой вид социальной страховки, как пособие в случае потери заработка при безработице. Впервые в мире социальное страхование по безработице стало осуществляться за счет нанимателей и государства. Медико-санитарное дело в РСФСР к концу Гражданской войны прочно базировалось на принципах бесплатности, общедоступности, квалифицированности и предупреждения заболеваний. Возросло и количество больниц, санаториев, учреждений охраны материнства и младенчества, улучшились организация помощи на дому, функционирование служб скорой помощи.

Но при всей своей позитивности предпринятые демократические меры содержали элементы революционного романтизма, стремление правящей партии обеспечить себе широкую социальную поддержку путем создания всеобщей и равной для всех трудящихся системы социального обеспечения. Однако претворить в жизнь эту идею не позволил отказ большевистского государства от благотворительности. Возможности же государственного бюджета для спасения всех нуждавшихся в стране, ослабленной проводившимся военно-коммунистическим экспериментом, были явно ограниченными. Поэтому социальное обеспечение становилось избирательным, распространялось только на «ударные» группы населения, на наиболее слабо защищенные его слои, а также на пострадавших от войны и стихийных бедствий. Так, количество детских учреждений всех видов к концу 1920 г. составляло 1724 и в них за счет государства содержалось 124 627 детей. Число пенсионеров, получавших пенсию и пособия, возросло со 105 075 в 1918 г. до 500 тыс. в первом полугодии 1920 г. Если в июле 1919 г. государство обеспечивало пособиями 1431 тыс. семей красноармейцев, то в декабре 1920 г. – 8657 тыс.<sup>61</sup> В то же время действовало 1800 учреждений для инвалидов, в которых содержалось 166 тыс. человек<sup>62</sup>. Жертвам контрреволюции только в 1920 г. было выдано 4800 тыс. аршин тканей, 800 пудов ваты, 10 тыс. пар обуви, 3500 пудов мыла и других изделий<sup>63</sup>. Вышеупомянутые категории населения также пользовались преимуществами при получении медицинской помощи, услуг молодой советской сферы обслуживания, жилья. Проводилось оздоровление условий труда. Особое внимание уделялось заботе о молодежи как будущем большевистского государства. В то же время социальные вопросы, касающиеся этих групп населения, порой решались за счет ущемления прав и свобод других граждан, прежде всего представителей так называемых эксплуататорских классов, лишенных по конституции 1918 г. избирательного права. Тем не менее в этот период был дан старт многим очень важным событиям в трансформации идеи социального государства и ее практической реализации в других, более развитых капиталистических странах.

### Примечания

- <sup>1</sup> См.: Сухоруков М. Модели социальной деятельности в России в переходный период (февраль 1917–1921 г.) // История социальной работы в России : хрестоматия. М., 2009. С. 331.
- <sup>2</sup> Собрание узаконений и распоряжения рабочего и крестьянского правительства (далее – СУ). 1917. Отдел первый. № 11. Ст. 165.
- <sup>3</sup> Антология социальной работы : в 3 т. Т. 1. История социальной помощи в России М., 1994. С. 201–202 ; Декреты Советской власти. М., 1959. Т. 2. С. 180.



- 4 См.: Сухоруков М. Модели социальной деятельности в России ... С. 331–332.
- 5 См.: Сухоруков М. Становление и совершенствование советской модели социального обеспечения населения (1918–1991 годы) // Социальная защита. 1996. № 1. С. 123, 124 ; СУ. 1919. № 18. Ст. 205 ; Декреты Советской власти. М., 1964. Т. 3. С. 482 ; М., 1976. Т. 8. С. 69–70.
- 6 См.: Декреты Советской власти. М., 1957. Т. 1. 271.
- 7 См.: Антология социальной работы. Т. 3. Социальная политика и законодательство в социальной работе. М., 1995. С. 254 ; СУ. 1918. Отдел первый. № 13. Ст. 193 ; № 16. Ст. 227, 228 ; № 19. Ст. 287.
- 8 См.: Декреты Советской власти. Т. 1. С. 337–338 ; М., 1986. Т. 12. С. 6–7 ; СУ. 1920. № 68. Ст. 308. № 93. Ст. 506.
- 9 См.: Декреты Советской власти. М., 1964. Т. 3. С. 193, 311–312, 525–526 ; СУ. 1918. Отдел первый. № 68. Ст. 732 ; № 70. Ст. 768.
- 10 С 12 июня 1919 г. бесплатное продовольственное снабжение было распространено на детей, не достигших 16 лет и проживавших в Архангельской, Владимирской, Иваново-Вознесенской, Костромской, Калужской, Московской, Нижегородской, Новгородской, Череповецкой, Петроградской, Псковской, Тверской, Северо-Двинской, Ярославской губерниях (см.: Декреты Советской власти. М., 1971. Т. 5. С. 197, 278–279 ; М., 1973. Т. 6. С. 132 ; СУ. 1919. № 20. Ст. 238 ; № 26. Ст. 296 ; № 47. Ст. 463. № 43. Ст. 425).
- 11 Государственный архив новейшей истории Саратовской области (ГАНИСО). Ф. 6164. Оп. 8. Д. 952. Л. 8.
- 12 См.: Декреты Советской власти. М., 1968. Т. 4. С. 338–339. М., 1989 ; Т. 13. С. 58–59 ; СУ. 1919. № 3. Ст. 32. 1921 ; № 11. Ст. 75.
- 13 См.: Декреты Советской власти. М., 1978. Т. 9. С. 86 ; М., 1983. Т. 11. С. 32–33 ; СУ. 1920. № 57. Ст. 257 ; № 82. Ст. 403 ; № 87. Ст. 440.
- 14 См.: Холостова Е. И. Генезис социальной работы в России : учеб. пособие. М., 2010. С. 173–174 ; Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. Т. 1. 1917–1928 гг. М., 1967. С. 140.
- 15 См.: Декреты Советской власти. Т. 1. С. 58 ; СУ. 1917. Отдел первый. № 2. Ст. 26.
- 16 См.: Декреты Советской власти. Т. 1. С. 62–63, 270, 525. Т. 3. С. 419–420.
- 17 В частности, имеется в виду декрет СНК от 18 июня 1918 г. «О временном изменении порядка удовлетворения лиц, потерпевших вред или убыток вследствие смерти или повреждения в здоровье при эксплуатации железнодорожных и паровозных предприятий и не принадлежащих к составу служащих и рабочих этих предприятий» (См.: Декреты Советской власти. Т. 2. С. 458).
- 18 СУ. 1918. Отдел первый. № 89. Ст. 906.
- 19 См.: Декреты Советской власти. Т. 12. С. 203–206. СУ. 1919. № 25. Ст. 286. № 43. Ст. 429 ; 1920. № 100. Ст. 540 ; 1921. № 8. Ст. 53.
- 20 См.: СУ. Отдел первый. 1918. № 14. Ст. 205 ; 1919. № 18. Ст. 205.
- 21 См.: Декреты Советской власти. Т. 1. С. 200–204 ; СУ. 1917. Отдел первый. № 10. Ст. 148.
- 22 См.: Директивы КПСС и советского правительства по хозяйственным вопросам. 1917–1957 г. : сб. документов. Т. 1. 1917–1928. М., 1957. С. 35–36.
- 23 См.: СУ. Отдел первый. 1918. № 87–88. Ст. 905 ; Декреты Советской власти. Т. 8. С. 69. Т. 11. С. 270–271.
- 24 См.: Декреты Советской власти. Т. 1. С. 242, 287 ; СУ. 1917. Отдел первый. № 9. Ст. 143.
- 25 См.: Антология социальной работы. Т. 1. С. 254–256 ; Декреты Советской власти. Т. 2. С. 182 ; СУ. 1918. Отдел первый. № 52. Ст. 596 ; Декреты Советской власти. Т. 5. С. 264.
- 26 См.: СУ. 1918. Отдел первый. № 58. Ст. 637 ; № 74. Ст. 810 ; 1919. № 2. Ст. 20.
- 27 Там же. № 99. Ст. 914. 1919 ; № 19. Ст. 220 ; № 49. Ст. 475 ; 1920. № 3. Ст. 14.
- 28 С 9 марта 1921 г. этот порядок был распространен и на семьи уволенных из рядов РККА красноармейцев (См.: Декреты Советской власти. Т. 13. С. 187).
- 29 См.: СУ. 1920. № 21. Ст. 114.
- 30 См.: Декреты Советской власти. Т. 5. С. 115–116 ; Т. 6. С. 228–229. С этой же целью 20 февраля 1920 г. как «антигосударственная» организация был ликвидирован Союз инвалидов труда и войны, а все его имущество передано НКСО и труда (См.: Там же. М., 1974. Т. 7. С. 254–255).
- 31 Там же. М., 1973. Т. 6. С. 78–79 ; М., 1978. Т. 9. С. 238–239 ; М., 1980. Т. 10. С. 318 ; Т. 11. С. 133–134 ; Т. 12. С. 202–203, 240, 285–286 ; СУ. 1920. № 66. Ст. 300. 1921 ; № 4. Ст. 49.
- 32 См.: СУ. 1918. Отдел первый. № 73. Ст. 793.
- 33 См.: Антология социальной работы. Т. 1. С. 258–260 ; Декреты Советской власти. Т. 5. С. 261, 525–526, 415–416 ; СУ. 1919. № 38. Ст. 382.
- 34 См.: Декреты Советской власти. Т. 12. С. 48–49 ; СУ. 1920. № 100. Ст. 538 ; 1921. № 14. Ст. 92.
- 35 См.: Декреты Советской власти. Т. 2. С. 165–167, 462, 623 ; Т. 4. С. 327–329.
- 36 См.: СУ. 1918. Отдел первый. № 83. Ст. 877. 9 июня 1920 г. этот документ был изменен таким образом, что право на получение пособия бывший военнопленный получал лишь в случае нетрудоспособности и отсутствия других источников существования (См.: СУ. 1920. № 55. Ст. 240).
- 37 См.: Декреты Советской власти. Т. 4. С. 58–59 ; СУ. 1920. № 57. Ст. 255.
- 38 Об этом направлении социальных преобразований подробнее см.: Гуменюк А. А., Гуменюк О. И. Развитие здравоохранения в Саратовской губернии в 1917–1928 гг. // Саратовский краеведческий сборник. Саратов, 2011. Вып. 5. С. 68–75.
- 39 См.: Директивы КПСС и советского правительства по хозяйственным вопросам. С. 18–22. Однако в июне 1920 г. постановлением Народного комиссариата труда и земледелия «О применении правил о рабочем времени трудящихся в сельском хозяйстве» в совхозах при дефиците рабочих рук допускалось удлинение на период сельскохозяйственных работ рабочего дня до 10 часов и не более 25 раз – более 10 часов. (См.: СУ. 1920. № 56. Ст. 244).





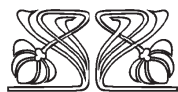
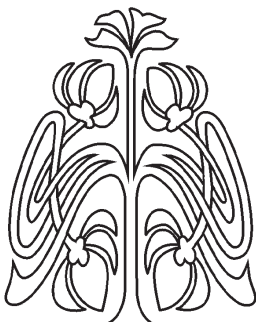
- <sup>40</sup> См.: СУ. 1917. Отдел первый. № 1. Ст. 10.
- <sup>41</sup> Исключения допускались только в отношении легких работ в случае острой материальной нужды семьи (См.: СУ. 1920. № 98. Ст. 518).
- <sup>42</sup> Однако Кодекс законов о труде, принятый в 1918 г., не воспрещал привлекать по трудовой повинности подростков от 16 до 18 лет к принудительным работам продолжительностью более шести часов. И только в начале 1920 г. было принято постановление Народного комиссариата труда и НКСО, запрещавшее использование подобным образом труда подростков (См.: СУ. 1920. № 1–2. Ст. 1).
- <sup>43</sup> См.: Декреты Советской власти. Т. 2. С. 34–35.
- <sup>44</sup> См.: Там же. Т. 1. С. 181–183, 205–210, 311, 545, 552, 561–563 ; Т. 2. С. 463–465 ; Т. 5. С. 79–80, 502–503 ; Т. 12. С. 45–46 ; Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. Т. 1. С. 156 ; СУ. 1918. Отдел первый. № 13. Ст. 194 ; № 16. Ст. 242 ; № 66. Ст. 710 ; 1919. № 18. Ст. 206 ; № 20. Ст. 243 ; 1920. № 4–5. Ст. 20 ; № 53. Ст. 231 ; № 98. Ст. 520.
- <sup>45</sup> См.: СУ. 1918. Отдел первый. № 75. Ст. 815 ; 1919. № 5. Ст. 52 ; № 14. Ст. 150 ; Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. Т. 1. С. 178–180.
- <sup>46</sup> См.: Декреты Советской власти. Т. 8. С. 98–99 ; Т. 10. С. 45–46.
- <sup>47</sup> Там же. Т. 2. С. 433–434 ; Т. 4. С. 123–124 ; Т. 8. С. 116–117, 178–181 ; Т. 9. С. 114–135 ; СУ. 1919. № 10–11. Ст. 105.
- <sup>48</sup> См.: Декреты Советской власти. Т. 2. С. 279–281 ; СУ. 1918. Отдел первый. № 56. Ст. 620.
- <sup>49</sup> См.: Декреты Советской власти. Т. 4. С. 182 ; Т. 6. С. 432–433.
- <sup>50</sup> СУ. 1918. Отдел первый. № 70. Ст. 754.
- <sup>51</sup> См.: Там же. 1920. № 27. Ст. 135 ; № 37–38. Ст. 173 ; № 40–41. Ст. 181 ; № 65. Ст. 286.
- <sup>52</sup> См.: Там же. № 89. Ст. 456 ; № 91. Ст. 477, 478 ; Декреты Советской власти. Т. 11. С. 275.
- <sup>53</sup> Подробнее об этом сюжете см.: *Бабурин Д. С.* Наркомпрод в первые годы Советской власти. // Исторические записки. 1957. Т. 61 ; *Дмитренко В. П.* Советская экономическая политика в первые годы пролетарской диктатуры. М., 1986 ; *Черноморец С. А.* Организация продовольственного снабжения в 1917–1920 годах. Саратов, 1986 ; *Гуменюк А. А.* Социум Саратовской губернии во время Гражданской войны и первые годы НЭПа (1918–1923) // Военно-исторические исследования в Поволжье. Саратов, 2006. Вып. 7. С. 206–208.
- <sup>54</sup> См.: *Лебина Н. Б.* Энциклопедия банальностей : Советская повседневность : контуры, символы, знаки. СПб., 2008. С. 247 ; Декреты Советской власти. Т. 8. С. 74–75 ; СУ. 1920. № 4–5. Ст. 21.
- <sup>55</sup> Подробнее об этом см.: *Бабурин Д. С.* Указ. соч. ; *Черноморец С. А.* Указ. соч. ; *Гуменюк А. А.* Проблемы продовольственного снабжения Красной Армии в годы гражданской войны и военной интервенции (на материалах Саратовской губернии) // Перекрестки истории. Актуальные проблемы исторической науки : материалы Всерос. науч. конф. Астрахань, 2004.
- <sup>56</sup> Подробнее об этом см.: *Лебина Н. Б.* Указ. соч. С. 49–50, 149–151, 357.
- <sup>57</sup> Декреты Советской власти. Т. 2. 124–129. 13 сентября 1918 г. СНК передал в распоряжение созданных структур имущество упраздненного хозяйственного управления при Священном Синоде. (См.: СУ. 1918. Первый отдел. № 66. Ст. 723).
- <sup>58</sup> Однако уже 18 ноября 1919 г. страхование жизни во всех видах на территории РСФСР было упразднено, все договоры, заключенные со страховыми обществами и сберегательными кассами, аннулированы, а лица, пользовавшиеся услугами этих обществ и касс, подлежали социальному обеспечению органами Наркомтруда и НКСО на общих основаниях (См.: Декреты Советской власти. Т. 6. С. 282 ; СУ. 1919. № 56. Ст. 542).
- <sup>59</sup> См.: Декреты Советской власти. Т. 4. С. 80–81 ; СУ. 1918. Отдел первый. № 86. Ст. 904 ; 1919. № 15. Ст. 169 ; № 17. Ст. 186 ; 1920. № 66. Ст. 295.
- <sup>60</sup> По данным Народного комиссариата социального обеспечения РСФСР, общее число только инвалидов, нуждавшихся в государственной поддержке, на 1 июля 1918 г. составляло 79 664 человека. С учетом же престарелых граждан и беспризорных детей эту цифру необходимо увеличить в среднем в два раза. (См.: *Федоров А. Н.* Социальное обеспечение нетрудоспособных категорий населения в Советской России в 1917–1920 годах // Запад – Россия – Восток в исторической науке XXI в. : материалы междунар. конф. в честь 100-летия СГУ. Саратов, 2010. Ч. 1. С. 394–395.)
- <sup>61</sup> См.: Социальное обеспечение в РСФСР к десятой годовщине Октября (извлечения) // Антология социальной работы. Т. 1. С. 215.
- <sup>62</sup> См.: *Холостова Е. И.* Указ. соч. С. 178.
- <sup>63</sup> См.: *Ксенофонтов И.* Состояние и развитие социального обеспечения в РСФСР // Антология социальной работы. Т. 1. С. 210.



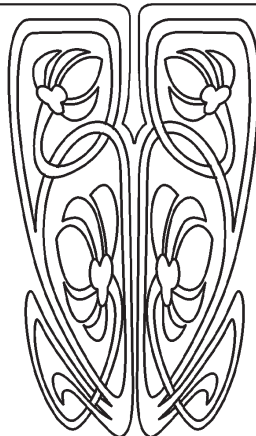
## ПРЕДСТАВЛЯЕМ КНИГУ

### РОССИЙСКИЙ ЛИБЕРАЛИЗМ В ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКОМ ФОРМАТЕ

**«Русский либерализм середины XVIII – начала XX века» :  
энциклопедия / отв. ред. В. В. Шелохаев. М. : РОССПЭН, 2010.**



**КРИТИКА  
и  
БИБЛИОГРАФИЯ**



Выход в свет энциклопедии по истории российского либерализма<sup>1</sup> – неординарный факт новейшей отечественной историографии, примечательное событие общественно-политической жизни современной России. Независимо от того, насколько убедительны по материалу и его интерпретации те или иные статьи, включенные в словарь, он не может не поразить объемом исторической и библиографической информации (более тысячи страниц большого формата!). Появление этого фолианта вряд ли стало бы возможным, не случись периода «бури и натиска» в разработке либеральной проблематики, пришедшегося на 1990-е – начало 2000-х гг. Увесистый том можно было бы назвать коллективной «мегамонографией». Ее исключительность заключается прежде всего в том, что она впервые представляет все грани либерального феномена в дореволюционной России и его эмигрантский извод до начала Второй мировой войны. Подводя итог изучению либеральной проблематики на более чем вековом протяжении, издание, тем не менее, не может претендовать на «окончательное» слово. В нем неизбежно отражается состояние современного отечественного либераловедения, в котором еще немало нерешенных и спорных вопросов.

Как структурируется материал словаря? Сквозь неизбежный для энциклопедии алфавитный «хаос» достаточно четко проступает логика ее построения (она в главных чертах объяснена составителями). Если первым ростком либерализма на российской почве была либеральная мысль, то, само собой разумеется, она должна была занять здесь подобающее место. Проблематика генезиса и истории либерального направления в русской общественной мысли получает свое освещение. Этот аспект темы рассматривается на двух уровнях – теоретическом и программном. Энциклопедия вводит в круг опорных понятий либеральной теории, знакомит с особенностями их разработки в России. Обозначены и главные социально-политические проблемы России XVIII – начала XX в., в осмыслении и решении которых приняли участие русские либералы. Характеризуется эволюция программных требований либерализма.

Наступает момент, когда либерализм становится идеологией одного из течений освободительного движения. Начавшись с журналов как инструмента объединения единомышленников, собственно либеральное движение к XX в. заметно окрепло и освоило высшую форму политической саморганизации – партийную. Эта организационно-движенческая линия в истории русского либерализма также представлена в томе.

Но либерализм укоренялся не только в общественном движении. Он находил место одновременно и в политике власти (хотя об этом составители предпочли умолчать). Все значительные волны либерального реформизма в XIX столетии зафиксированы в энциклопедических статьях. Правда, сделано это не напрямую, а в характеристиках представителей высшей бюрократии – М. М. Сперанского, братьев Н. А. и Д. А. Милютиных, М. Т. Лорис-Меликова и др. Реформы материализовались в новых учреждениях. Либерализм, таким образом, представал в еще одной, институциональной своей ипостаси. От учреждений дворянского самоуправления, а позднее земств и новых судов путь лежал к



народному представительству, получившему вид Государственной думы. Недолгая история российского парламентаризма дополняется справками о Государственном совещании 1917 г. и начальном этапе реализации идеи Учредительного собрания.

За идеями, политикой, институтами стоят люди. Более половины статей тома посвящено деятелям либерального движения, внесшим значительный вклад в разработку теории, программы и тактики российского либерализма, способствовавшим внедрению либеральных идей в общественное сознание, общественно-политическое движение.

Важным вспоможением в упорядочении представлений об истории либерализма в России выступает ключевая статья А. Н. Медушевского («Либерализм»). В ней предлагаются варианты классификации либерализма по различным критериям: основным этапам развития, идеологическим предпочтениям и модификациям, социальным носителям, стратегиям социальных преобразований, технологиям осуществления реформ, партийной принадлежности.

Некоторые положения содержательной статьи А. Н. Медушевского (члена редакционной коллегии и, по существу, одного из главных теоретиков проекта) свидетельствуют о несходстве взглядов внутри и ее по достаточно важным вопросам. Остановимся на некоторых из них.

Дифференцируя русский либерализм в соответствии с «основными стратегиями политических преобразований», А. Н. Медушевский видит в нем две линии – революционную (начиная с Радищева и декабристов) и умеренную, или «правительственную» (ее представители и теоретические выразители – Сперанский, Лорис-Меликов, Столыпин, Витте). Но напрасно читатель будет искать статьи об авторе «Путешествия из Петербурга в Москву», идеологии, социально-политических проектах и тактике зрелого декабризма. Деятели раннего декабризма братья А. И. и Н. И. Тургеневы, все-таки удостоившиеся отдельных очерков, выглядят одиноко в отрыве от тех, с кем ассоциируется кульминация декабристского движения (Н. М. Муравьев, П. И. Пестель). Думается, что решение дистанцироваться от проблемы «либерализм и революционность» выглядит чересчур осторожным.

«Правая» часть рассматриваемой дихотомии тоже оказалась заметно «обескровленной». За пределами статьи Медушевского не обнаруживается следов Витте и Столыпина. Нетрудно предположить, что редакторов словника смущала идейно-политическая неоднозначность этих фигур. Но очевидно и другое, более важное: во взглядах и политике и того и другого присутствовал бесспорный и весомый либеральный компонент. Если же имело место неприятие прямолинейной формулы «Витте-либерал» и «Столыпин-либерал», можно было рассмотреть их позиции в более мягком варианте, т. е. соотносительно с

либерализмом («Витте и либерализм», «Столыпин и либерализм»). Казалось, двум столпам высшей бюрократии неизбежно уготовано место в статье «Либеральный консерватизм». Но и здесь о них умалчивается как, впрочем, и обо всех остальных представителях правительственного либерализма.

Перечисляя социальные слои и группы носителей либеральной идеологии, А. Н. Медушевский счел возможным упомянуть самодержцев – Екатерину II, Александра I и Александра II. Это решение не выглядит из ряда вон выходящим. В. В. Леонтович начинал историю либерализма в России с Екатерины II<sup>2</sup>. В новейшей энциклопедии «Общественная мысль в России XVIII – начала XX в.»<sup>3</sup> имеются статьи о каждом из этих монархов. Их характеристики здесь получают, конечно же, либеральную коннотацию. Однако в рассматриваемом случае эти фигуры остались за пределами словника, как, впрочем, и другие представители царствующего дома, не чуждые либерализма – это великая княжна Елена Павловна и великий князь Константин Николаевич.

Следы несогласованности позиций тех, кто отвечал за концепцию тома, видны и тогда, когда в той же статье А. Н. Медушевского заходит речь о классификации либерализма «в соответствии с идеологическими предпочтениями и модификациями». «Аутентичный» либерализм здесь представляет Б. Н. Чичерин. Но уже в соседней статье В. Э. Багдасаряна о «либеральном консерватизме» его взгляды отнесены именно к этому идейному течению. Аналогичного, в сущности, мнения придерживается и А. И. Нарезный, перу которого принадлежит очерк о Б. Н. Чичерине.

В классификационной схеме А. Н. Медушевского славянофилы и почвенники отнесены к «консервативному либерализму». Логично в таком случае было ждать, что и то и другое течение удостоится специальных статей. Но не тут-то было! Славянофилы, правда, упомянуты в статье В. Э. Багдасаряна «Либеральный консерватизм», однако автор оставляет вопрос об идеологической «прописке» славянофильства открытым и не находит оснований для включения славянофилов в ряды либеральных консерваторов. В свою очередь Д. И. Олейников в статье о западничестве уверенно квалифицирует славянофильство как консервативную утопию.

Как ни странно, разногласия дает о себе знать в оценках идейных противников славянофильства – западников. Для Д. И. Олейникова умеренное западничество 1840-х гг. – несомненное воплощение беспримесного либерализма. В то же самое время В. Э. Багдасаряна уверенно называет В. П. Боткина, П. В. Анненкова, Т. Н. Грановского «консервативными либералами», видя главный признак их «консервативности» в ориентации на неограниченную монархию.

За отмеченными случаями несовпадения теоретических деклараций и реального содержания тома, противоречивостью в определении





идеологической сущности явлений общественной мысли и позиций политических деятелей специалист увидит дискуссионные проблемы, просчеты редакционной коллегии, наконец, дефицит профессионализма у авторов отдельных статей. Не подготовленного же читателя эти издержки могут просто дезориентировать.

Имелась ли возможность избежать смысловых диссонансов или хотя бы минимизировать их число? Она, конечно, существовала и могла быть реализована, если бы параллельно составлению словника конструировался концепт истории русского либерализма. Обозначения основных этапов ее истории (протолиберализм, классический либерализм с русской спецификой XIX в., неолиберализм начала XX в.) и характеристики политико-правовых устремлений либералов, которыми ограничился в своей статье А. Н. Медушевский, явно недостаточны. Требовалась содержательно более насыщенная картина. К слову сказать, составители энциклопедии «Русский консерватизм середины XVIII – начала XX в.»<sup>4</sup>, которые работали практически одновременно со своими «либеральными» коллегами, пошли по более правильному пути. Их том открывается обзорной статьей «Консерватизм в России».

Но вернемся к затронутой нами теме «славянофильство – западничество – либерализм». Разумеется, славянофильство по своей природе было инородно либерализму, а потому не могло претендовать на отдельную статью в «либеральной» энциклопедии. Однако очевидно и то, что на рубеже 1850–1860-х гг. славянофилы достаточно органично входили в либеральное движение, а взгляды одного из них, А. И. Кошелева, приобрели к концу его жизни отчетливо выраженный либеральный характер. Эти факты, конечно, нуждались в освещении. Следует сказать также об одной ошибке в статье Д. И. Олейникова «Западничество». Он считает, что это идейное течение дифференцировалось по отношению его участников к революционному насилию (либералы и революционные демократы). В действительности главная линия водораздела проходила в 40–50-е гг. между либералами и социалистами.

Решение включить в энциклопедию статью о Государственной думе, казалось бы, обязывало «конструкторов проекта» к дальнейшей разработке темы либеральных институтов. В энциклопедию «просились», естественно, учреждения, созданные в ходе реформ 1860-х гг. Но о них нет специальных очерков. Земскую «ноту» можно более или менее явственно расслышать только в статье о «мелкой земской единице».

Не повезло и политике либерального реформирования, в первую очередь главному ее результату – крестьянской реформе 1861 г. Кое-что об отмене крепостного права сказано в статье «Аграрный вопрос». Но этого явно недостаточно. Непроясненным осталось отношение либералов к крестьянской общине, ходу и результатам рефор-

мы после 1861 г., аграрной политике П. А. Столыпина.

Либеральная пресса (как столичная, так и провинциальная), корпус издателей, редакторов и публицистов богато представлены на страницах издания. Но вместе с тем имеют место лакуны, спорные решения и просто ошибки.

Не может вызывать возражения решение поместить статьи о флагманах русской журналистики XIX в. – «Современнике» и «Отечественных записках» (автор О. А. Исхакова). Но хорошо известно, что собственно «либеральными» можно назвать лишь отдельные периоды долгой истории этих журналов. Для «Отечественных записок» это 1839–1846 гг., рубеж 1850–1860-х гг., для «Современника», куда от А. А. Краевского ушли В. Г. Белинский и другие западники, – 1847–1848 гг. Читатель вправе ждать от авторов статей концентрации внимания именно на этих временных отрезках. Он должен почувствовать, что материалы готовились для энциклопедии по русскому либерализму. К сожалению, необходимая в данном случае содержательная фокусировка отсутствует. Кстати, в случае с «Отечественными записками» подспорьем могла бы стать статья автора этих заметок, посвященная особенностям идейной позиции журнала А. А. Краевского в начале 1860-х гг.<sup>5</sup>

Не пожалев места для весьма пространной общей характеристики этих изданий, составители в то же самое время проигнорировали факт несомненной либеральности журнала «Русский вестник» на начальном этапе его существования. Он продолжил линию либерального западничества во второй половине 50 – начале 60-х гг. XIX в. Его поворот вправо не должен был смущать, так же как не смутил поворот «Современника» и «Отечественных записок» влево. Если консервативно-охранительная метаморфоза журнального детища М. Н. Каткова стала причиной его исключения из ряда либеральных изданий, то отсутствие там газеты «Страна» (1880–1883), либеральная репутация которой никак не запятнана, объяснению не поддается. Несколько строчек о ней в статье об одноименном органе, издаваемом Партией демократических реформ в 1906–1907 гг., дела не поправляют.

Попытки причислить издателя «Отечественных записок» и «Голоса» А. А. Краевского к лику либералов предпринимались и раньше. И всякий раз они вызвали у нас доказательное, как представляется, отторжение<sup>6</sup>. Жаль, что и в этом солидном издании Краевский поставлен в строй либеральных мыслителей и публицистов, чья идейная определенность и последовательность не вызывают сомнений. Зато заметно отсутствие таких корифеев публицистики из «Вестника «Европы» под редакцией М. М. Стасюлевича, как Л. А. Полонский и Л. З. Слонимский. Они по праву могут претендовать на место рядом с К. К. Арсеньевым.



Если бы перед составителями встала задача определить, кто из классиков русской литературы принадлежал к либеральному лагерю или симпатизировал ему, они наверняка остановились бы перед фигурой И. С. Тургенева. Но таким вопросом, видимо, никто не задавался и следов автора «Записок охотника» и «Отцов и детей» здесь просто нет.

Скажем прямо: совсем не повезло историкам, давшим повод заподозрить себя в связях с либерализмом и удостоившихся места в энциклопедии. Их двое, если говорить о дореволюционном периоде, – В. О. Ключевский и А. С. Лаппо-Данилевский. Статьи о них написаны в сугубо историографическом ключе без каких-либо попыток вскрыть либеральность взглядов того и другого. В поражающей своим объемом статье М. Ю. Лацаевой о Ключевском нет даже упоминания об участии историка в Петергофском совещании по проекту Государственной думы в июле 1905 г. В гораздо большей степени, чем Ключевский и Лаппо-Данилевский, отдельного очерка заслуживал С. М. Соловьев, без которого трудно представить себе либерализм 1850–1870-х гг. Но очень слабый след выдающегося историка можно обнаружить только в статье А. Н. Медушевского о государственной школе в российском обществоведении.

Полемику вызывают и решения, касающиеся русских историков-эмигрантов. В либералы решительно записан евразиец Г. В. Вернадский. Проартикулированный Л. С. Леоновой антибольшевизм Вернадского, наиболее ярко проявившийся, как она считает, в работе «Ленин – красный диктатор», все-таки недостаточен для того, чтобы настаивать на полноценном и последовательном либерализме историка. На месте Вернадского куда более убедительно смотрелся бы М. М. Карпович, кстати,

специально занимавшийся историей русского либерализма.

Проблемный энциклопедический словарь – постройка чрезвычайно сложная и уязвимая. Как конструкция в целом, так и любая ее деталь могут оказаться на острие критики. Но все оппоненты рецензируемого издания, надеемся, сойдутся в одном убеждении. Мы имеем дело с мощным прорывом вперед в отечественном либераловедении. Он создает надежный плацдарм для дальнейшего изучения темы. И, что не менее важно, в распоряжении общества имеется теперь полномасштабная, вполне добротная в научном отношении картина исторического развития либеральной традиции. Это крайне необходимо для осмысления ее судьбы в России.

### Примечания

- 1 Российский либерализм середины XVIII – начала XX века : энциклопедия / отв. ред. В. В. Шелохаев. М., 2010.
- 2 См.: *Леонтович В. В.* История либерализма в России. 1762–1914. М., 1995.
- 3 Общественная мысль России XVIII – начала XX века : энциклопедия / отв. ред. В. В. Журавлев. М., 2005.
- 4 Русский консерватизм середины XVIII – начала XX века : энциклопедия / отв. ред. В. В. Шелохаев. М., 2010.
- 5 См.: *Китаев В. А.* «Отечественные записки» в идейной борьбе начала 60-х гг. XIX в. // «Эпоха Чернышевского». Революционная ситуация в России в 1859–1861 гг. М., 1978.
- 6 См.: *Китаев В. А.* Сколько лиц у русского либерализма? // Китаев В. А. XIX век : пути русской мысли. Нижний Новгород, 2008.

*В. А. Китаев*



## ХРОНИКА

### Н. А. ТРОИЦКИЙ – ЧЕЛОВЕК, ПРЕПОДАВАТЕЛЬ, ИССЛЕДОВАТЕЛЬ (К ЮБИЛЕЮ УЧЕНОГО)

20–21 декабря 2011 г. в Институте истории и международных отношений СГУ состоялась всероссийская научная конференция «Россия в XIX веке: политика, общество, культура», посвященная 80-летию почетного работника высшего профессионального образования Российской Федерации профессора кафедры истории России Николая Алексеевича Троицкого (род. 19 декабря 1931 г.).

Н. А. Троицкий – научный лидер историков Саратова. Об этом свидетельствуют 37 его монографий, более 430 статей, более трех десятков учеников, защитивших кандидатские и докторские диссертации. Но главное даже не в объёме его научной продукции, который сам по себе впечатляет. Главное в том, что в трудах Н. А. Троицкого создан неповторимый научный образ России XIX в., основанный на твёрдом фундаменте источников, их ювелирной обработке и увлекательной манере изложения. Труды Николая Алексеевича хорошо известны специалистам в нашей стране и за рубежом. Пользуются популярностью его вузовские и школьные учебники.

Н. А. Троицкий – один из крупнейших знатоков Отечественной войны 1812 г., истории народничества, русской адвокатуры, культуры, а также историографии. К предстоящему юбилею «грозы двенадцатого года» саратовский ученый приготовил подарок читателям – двухтомную биографию Наполеона, которая находится в работе в издательстве РОССПЭН.

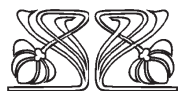
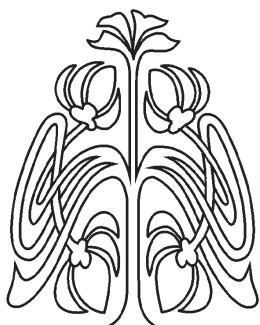
На конференцию, посвященную известному российскому историку, собрались ученые из Москвы, Санкт-Петербурга, Нижнего Новгорода, Сургута, Балашова, Костаная (Казахстан), представители многих вузов и музеев Саратова. Стендовые доклады представили историки из Санкт-Петербургского института истории РАН, из вузов и музеев Москвы и Воронежа, а также из Франции и Бельгии.

20 декабря состоялось пленарное заседание конференции, посвященное юбилею. Ведущий заседание заведующий кафедрой истории России С. А. Мезин отметил, что нынешний год дважды юбилейный для Николая Алексеевича. В сентябре 2011 г. исполнилось 50 лет его служения исторической науке на кафедре истории России Саратовского университета.

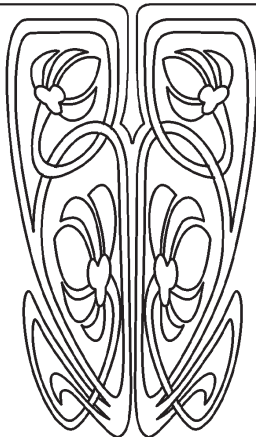
С приветственным словом выступила заместитель директора по учебной работе доцент Н. В. Попкова, передавшая Н. А. Троицкому поздравительный адрес от коллектива института и пожелавшая успешной работы участникам конференции.

С докладами, посвященными юбилею, его вкладу в отечественную историографию второй половины XX – начала XXI в. выступили ученики Н. А. Троицкого Ю. Г. Степанов (СГАУ) и Д. М. Легкий (Костанайский университет). Юбилею были переданы адреса и поздравления от коллектива Санкт-Петербургского института истории РАН, историков Воронежского университета, ряда московских историков. Тепло поздравили Николая Алексеевича коллеги по кафедре, сотрудники Музея Н. Г. Чернышевского и Саратовского областного музея краеведения. Ю. В. Варфоломеевым была подготовлена электронная презентация, посвященная жизни и творчеству его учителя. Гости могли ознакомиться с выставкой книг Н. А. Троицкого.

Участникам конференции был представлен сборник «Николаю Алексеевичу Троицкому – к юбилею» (Саратов : «Наука», 2011. – 416 с.) В нём публикацией своих статей более трех десятков российских и



ПРИЛОЖЕНИЯ







зарубежных ученых выразили своё уважение к саратовскому историку. Здесь опубликована библиография работ Н. А. Троицкого за 2006–2011 гг.

В своём ответном слове Н. А. Троицкий поблагодарил всех откликнувшихся на его юбилей за поздравления и, ничуть не изменив своей репутации правдолюбца в науке и в жизни, выступил с докладом – фрагментом своей будущей книги «Правда и Кривда в исторической науке».

21 декабря состоялись секционные заседания. На секциях «Военная и политическая история России в XIX веке» и «Освободительное движение и общественная мысль в России XIX–XX веков» прозвучало 23 доклада.

Особый интерес присутствовавших вызвали доклады В. С. Парсамова (РГГУ, Москва) «Жозеф де Местр о войне 1812 года», Я. Н. Рабиновича (СГУ) «Отечественная война 1812 г. и заграничные походы в названиях населенных пунктов Челябинской области», Е. Н. Морозовой (СГУ) «Либеральная бюрократия: формирование концепции земской реформы», В. В. Ведерникова

(СПбПУ, Санкт-Петербург) «Аграрный вопрос в Первой государственной думе».

Высоким научным уровнем отличались выступления О. А. Милевского (Сургутский гос. пед. ун-т) «Ирландский фактор в русском революционном движении 1860–1880-х гг.», Ю. Г. Степанова (СГАУ) «Образ Империи в работах К. П. Победоносцева», С. В. Лёвина (БФ СГУ, Балашов) «Департамент полиции и земские статистики», В. А. Китаева (ННГУ, Нижний Новгород) «Из истории общественной мысли Русского Зарубежья».

Подводя итоги конференции, её участники констатировали прекрасную творческую форму «виновника» и изъявили готовность собраться на следующий юбилей известного саратовского историка, чтобы поделиться своими новыми наработками в области изучения российского XIX века. Юбилейная конференция прошла в тёплой, искренней обстановке дружеского и научного общения.

*С. А. Мезин*